

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»

На правах рукописи

СЕМЁНОВА ИРИНА ПЕТРОВНА

**ЧУВАШСКИЕ НАЗВАНИЯ ЖИВОТНЫХ
В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ**

Специальность 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель – доктор
филологических наук,
профессор
Корнилов Геннадий Емельянович

Чебоксары – 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ НАЗВАНИЙ ЖИВОТНЫХ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ.....	9
§ 1.1. Изучение названий животных в славянском языкознании.....	9
§ 1.2. Изучение названий животных в тюркском языкознании.....	13
§ 1.3. Изучение названий животных в чувашском языкознании.....	19
Выводы по главе 1.....	37
ГЛАВА 2. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЧУВАШСКИХ МАММАЛИОНИМОВ.....	39
§ 2.1. Нарисательные имена «выльӑх», «кайӑк», «янавар»	40
§ 2.2. Отряд насекомоядные.....	45
§ 2.2.1. Семейство ежи.....	45
§ 2.2.2. Семейство кротовые.....	47
§ 2.3. Отряд рукокрылые.....	50
§ 2.3.1. Семейство обыкновенные летучие мыши.....	50
§ 2.4. Отряд хищные.....	52
§ 2.4.1. Семейство псовые.....	52
§ 2.4.2. Семейство медведи.....	64
§ 2.4.3. Семейство куны.....	67
§ 2.4.4. Семейство кошачьи.....	82
§ 2.5. Отряд непарнокопытные.....	90
§ 2.5.1. Семейство лошади.....	90
§ 2.6. Отряд парнопалые.....	105
§ 2.6.1. Семейство свиньи.....	105
§ 2.6.2. Семейство олени.....	112
§ 2.6.3. Семейство полорогие.....	116
§ 2.6.4. Семейство верблюдовые.....	141
§ 2.7. Отряд зайцеобразные.....	143
§ 2.7.1. Семейство зайцы.....	143
§ 2.8. Отряд грызуны.....	149
§ 2.8.1. Семейство беличьи.....	149

§ 2.8.2. Семейство бобровые.....	156
§ 2.8.3. Семейство тушканчиковые.....	159
§ 2.8.4. Семейство мышеобразные.....	161
§ 2.8.5. Семейство хомякообразные.....	164
§ 2.9. Отряд приматы.....	167
§ 2.9.1. Подотряд обезьяны.....	167
§ 2.10. Отряд хоботные.....	168
§ 2.10.1. Семейство слоновые.....	168
Выводы по главе 2.....	169
ГЛАВА 3. СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАЗВАНИЙ ЖИВОТНЫХ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА.....	171
§ 3.1. Словообразовательная и семантическая характеристика чувашских названий диких и домашних животных.....	171
§ 3.1.1. Аффиксально-производные названия.....	171
§ 3.1.2. Парные слова.....	175
§ 3.1.3. Именные определительные сочетания.....	180
§ 3.1.4. Сложные и редупликативные слова.....	188
§ 3.1.5. Кальки.....	188
§ 3.2. Маммалионимы-ассоциаты в этнолингвистическом аспекте.....	189
Выводы по главе 3.....	236
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	238
Список сокращений и условных обозначений.....	242
Литература.....	253
Приложения.....	276

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Чуваши с незапамятных времен занимались земледелием, скотоводством, птицеводством, отчасти лесным и охотничьим промыслами, а также рыболовством, поэтому чувашский язык издавна располагает соответствующей специальной лексикой, важной составляющей частью которой являются названия животных. Зоонимы, являясь древнейшим пластом лексики, представлены разными по происхождению словами. На материале онимов можно проследить взаимосвязь чувашского языка с родственными и неродственными языками, рассмотреть происхождение и исторические изменения слов в языке, в том числе и их переосмысление под влиянием народной этимологии, а также особенности образования подражательных слов и имитативов.

Зоонимы знакомят с историей, культурой и бытом народа. В чувашских маммалионимах отражается отношение человека не только к животным, но к жизни и миру в целом, поэтому культурологический анализ названий животных позволяет раскрыть единство языкового и внеязыкового (культурного) содержания чувашского языка.

В работе введён в научный оборот термин маммалионим, под которым следует понимать название млекопитающего.

Степень научной разработанности темы. Первой попыткой сравнительно-исторического, историко-этимологического изучения лексики чувашского языка является «Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен», составленный Н.И. Золотницким. Ценные замечания о происхождении слов содержатся в работах Н.И. Ашмарина. Сравнительно-историческое изучение лексики чувашского языка началось лишь с середины XX в. (труды В.Г. Егорова). Во второй половине XX века значительный вклад в разработку обозначенной проблемы внесли исследователи М.Р. Федотов, Г.Е. Корнилов, Л.С. Левитская и др.

Названия животных в чувашском языкознании изучены лишь частично (исследования Е.А. Лебедевой, Л.П. Петрова), при этом названия млекопитающих не были предметом специального исследования.

Объектом исследования данной диссертационной работы являются маммалионимы чувашского языка – лексико-семантическая группа чувашских названий животных.

Чувашские названия животных в сравнительно-историческом освещении, а также лингвокультурологические особенности онимов составляют **предмет исследования**.

Основной **целью** исследования является комплексное сравнительно-историческое исследование названий животных чувашского языка (на примере названий млекопитающих), в связи с данной целью определены следующие **задачи**:

- проанализировать степень изученности названий животных в славянском, тюркском и чувашском языкознании;
- собрать, систематизировать и описать маммалионимы чувашского языка;
- рассмотреть чувашские названия млекопитающих в сравнительно-историческом освещении, привести соответствующие аналогии из родственных и исторически контактировавших языков и определить генетические пласты онимов;
- выявить основные принципы и способы номинации собственно чувашских названий животных;
- охарактеризовать структуру маммалионимов и выявить наиболее продуктивные словообразовательные модели;
- рассмотреть чувашские названия животных в культурологическом аспекте и определить национально-культурный компонент их семантики.

Научная новизна диссертационной работы заключается в том, что в ней впервые предпринята попытка комплексного сравнительно-исторического исследования маммалионимов чувашского языка, в том числе и их диалектных фоновариантов. В исследовании впервые рассмотрены структурно-семантические особенности названий млекопитающих чувашского языка, а также выявлены основные принципы и способы номинации собственно чувашских названий животных. Маммалионимы рассмотрены в культурологическом аспекте и впервые для определения национально-культурного компонента их семантики применен метод ассоциативного эксперимента.

Теоретическая значимость исследовательской работы заключается во вкладе в разработку отдельных вопросов этимологии и сравнительно-исторического языкознания путем изучения происхождения названий животных; также полученные результаты позволяют решить одну из актуальных задач и лингвокультурологии, и этнолингвистики – определение национально-культурного компонента семантики названий животных чувашского языка.

Практическая значимость. Материалы и результаты исследования могут быть использованы при разработке теоретических и практических курсов по проблемам общего, сравнительно-исторического языкознания, этнолингвистики, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, а также при составлении толкового словаря чувашского языка и терминологического словаря зоонимов чувашского языка.

Материалом исследования послужили данные, извлеченные путем сплошной выборки из следующих лексикографических источников: «Словарь чувашского языка» (1928–1950), «Диалектологический словарь чувашского языка» (1968, 2006), «Русско-чувашский словарь сельскохозяйственных терминов» (1959), «Русско-чувашский словарь терминов биологии, географии и химии» (1996), «Чувашско-русско-латинский словарь названий животных» (1993), «Лесной словарь. Русско-чувашский толковый словарь слов и терминов, связанных с лесом и лесным хозяйством» (1998), а также переводные чувашско-русские, русско-чувашские словари. В работе также использованы примеры из художественной литературы на чувашском языке, данные из научно-популярной литературы и научных изданий по зоологии. Включен материал из рукописных источников, хранящихся в Научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук. Перевод на русский язык примеров из фольклорных и художественных текстов выполнен диссертантом.

Методологическую основу диссертации составили научно-методологические положения, представленные в трудах ведущих зарубежных и отечественных языковедов, а именно: Н.А. Баскакова, Г. Дёрфера, Н.К. Дмитриева, А.В. Дыбо, О.Н. Трубачева, О.А. Мудрака, К.М. Мусаева, Л.С. Левитской, М. Рясенена, Э.В. Севортяна, Б.А. Серебренникова, Э.Р. Тенишева, А.М. Щербака, а также чувашских исследователей: Н.И. Ашмарина, В.Г. Егорова, М.Р. Федотова, Г.Е. Корнилова, Л.П. Петрова, И.А. Андреева, А.М. Ивановой, Г.Н. Семеновой, Е.А. Лебедевой, Н.И. Егорова и др.

Методы исследования. Для решения поставленных задач нами были использованы сравнительно-исторический, сравнительный, описательный, статистический – общенаучные методы. Применены также элементы этимологического, системного, количественного анализа, метод наблюдения, а также методы ассоциативного эксперимента и семантического дифференциала.

Наиболее значимые результаты анализа получили отражение в **положениях, выносимых на защиту**:

1. Чувашские названия животных представлены следующими историко-генетическими пластами: общетюркские маммалионимы, заимствованные онимы и собственно-чувашские названия, имеющие преимущественно народно-этимологический характер.
2. Большинство чувашских маммалионимов образовано по общим словообразовательным моделям с тюркскими названиями животных.
3. В сознании носителей чувашского языка названия животных подвергаются переосмыслению, приобретают национально-культурную коннотацию.

4. В названиях животных индивидуальное сознание носителя языка раскрывается через ассоциации.

Степень достоверности результатов диссертационного исследования обуславливается большим объемом исследуемого фактического языкового материала, применением разнообразных традиционных и современных методик и методов лингвистических исследований, а также использованием в качестве теоретико-методологической основы работы фундаментальных трудов по сравнительно-историческому языкознанию и когнитивной лингвистике, лингвокультурологии и этнолингвистике.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка условных сокращений, библиографии и приложения.

Апробация результатов. Материалы и результаты исследования были представлены на Всероссийской научной конференции, посвященной 80-летию со дня рождения д-ра филол. наук, профессора Г.Е. Корнилова (г. Чебоксары, 2016 г.), IV Международной научно-практической конференции «Наука, образование, общество: тенденции и перспективы развития» (г. Чебоксары, 2017 г.), XXIII Международной научно-практической конференции «Современные тенденции развития науки и технологий» (г. Белгород, 2017 г.). Они изложены также в ряде публикаций:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки России

1. Семёнова, И. П. Словообразовательные аффиксы в структуре зоонимов чувашского языка / И. П. Семёнова // Вестник Чувашского университета. – 2015. – № 2. – С. 227–232.

2. Семёнова, И. П. Парные слова в составе чувашских зоонимов / И. П. Семёнова // Вестник Чувашского университета. – 2015. – № 4. – С. 267–274.

3. Семенова, И. П. Чувашское название *шйши* ‘мышь’ в сравнительно-историческом освещении / И. П. Семенова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2016. – № 4 (92). – С. 66–72.

Статьи, опубликованные в других научных изданиях

4. Семёнова, И. П. Основные принципы номинации животных в чувашском языке / И. П. Семёнова // Чтения, посвященные Дням славянской письменности и культуры: сб. ст. Всерос. науч. конф., посвященной 80-летию со дня рождения д-ра филол. наук, профессора Г. Е. Корнилова. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2016. – С. 82–91.

5. Семёнова, И. П. Чувашский зооним *çара çерçи* «летучая мышь» в сравнительно-историческом освещении / И. П. Семёнова // Сборник научных трудов молодых ученых и специалистов. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2016. – С. 253–258.

6. Семёнова, И. П. Об именовании волка в чувашском языке / И. П. Семёнова // Современные тенденции развития науки и технологий: материалы XXIII Междунар. науч.-практ. конф., Белгород, 28 февр. 2017 г. – Белгород: АПНИ, 2017. – № 2. – Ч. 5. – С. 89–91.

7. Семёнова, И. П. Чувашские названия животных в рукописных источниках / И. П. Семёнова // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы развития: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., Чебоксары, 26 февр. 2017 г. В 2 т. Т. 2. – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2017. – С. 77–79.

ГЛАВА 1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ НАЗВАНИЙ ЖИВОТНЫХ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

§ 1.1. Изучение названий животных в славянском языкознании

Названия животных в том или ином языке или в той или иной группе языков привлекали внимание исследователей неоднократно. В славянском языкознании изучению данной лексико-тематической группы посвящено большое количество работ. В частности, значительным вкладом в изучение славянских названий животных была монография академика О.Н. Трубачева «Происхождение названий домашних животных в славянских языках: Этимологические исследования» [176], позднее вошедшая в сборник «Труды по этимологии: Слово. История. Культура» [177]. В ней автор впервые исчерпывающе исследовал этимологию данной лексико-семантической группы на примере названий *собаки, крупного рогатого скота, лошади, свиньи, овцы, козы, кошки, собирательных названий домашних животных*, отметив при этом, что первостепенная задача этимологического исследования названий домашних животных состоит «в изыскании лингвистическими средствами новых данных по истории самих животных, по истории культуры» (Там же. С. 303). В работе в свете данных языка рассмотрены одомашнение животных и эволюция их роли, а также некоторые вопросы общей морфологической характеристики названий домашних животных. Языковой материал осмысливается в свете обильных сведений культурно-исторического порядка, что помогает раскрытию этимологического тождества части славянских и тюркских зоонимов. К примеру, автор отмечает, что в основе русск. *лошадь*, укр. *лошá, лошáти*, польск. *łoszë, łoszëcia* лежит тюрк. *(a)laša* «лошадь, мерин» (Там же. С. 333); др.-русс. *аргамакъ*, русск. *аргамáк* «конь», как и польск. *gumak* «породистый скакун» заимствовано из тюркских языков, ср. казанско-тат. *arɣamak*, тур. *arğymak* (Там же. С. 336); русск. *кабáн*, укр. *кабáн*, блр. *кабáн*, а также польск. *kaban* заимствовано из тюрк. *kaban* «вепрь, дикая свинья» (Там же. С. 345).

Ценные замечания о происхождении названий животных славянских языков приведены в монографии К.И. Ходовой. В частности, автор прослеживает большое сходство в названии домашних животных: *свиньи, коровы, овцы, козы, коня, пса* в современных славянских языках (при этом *вол, конь, пес* по сравнению с остальными индоевропейскими народами стали называться в славянских языках по-другому). По мнению исследователя, названия диких животных: *вепря, лисы, бобра, оленя*, как и названия орудий охоты, сохранились во всех славянских языках из праславянского языка. Исследователь приходит к выводу, что отдельные

говоры русского языка в названиях конкретных действий, старинных орудий и предметов домашнего обихода, названиях явлений природы, животных и растений являются более близкими к западнославянским или к южнославянским языкам, чем к литературному языку [187].

Значительный вклад в изучение содержательной стороны названий животных внесли Л.С. Войтик [25], И. Устуньер [178]. В славянском языкознании представлены работы, посвященные изучению отдельных лексико-тематических групп зоонимов. Названия животных, входящие в состав скотоводческой и овцеводческой лексики украинского языка и его диалектов, исследованы И.Ю. Пуйо [123], Н.В. Бухтием [20]. Г.Ф. Одинцовым рассмотрена история русских названий лошадей по данным памятников XI–XVII вв. [118]. Т.В. Шведчиковой проанализированы зоонимы русского языка с точки зрения способов выражения пола [197]. Т.И. Скикевич изучено происхождение названий диких животных в русском языке [160]. Названия мастей животных стали предметом исследования Е.А. Косых [84]. Ю.А. Кривошаповой проведен анализ энтомологической лексики русского языка [88]. Орнитонимы русского языка с точки зрения семантико-грамматического аспекта рассмотрены Н.Б. Нероновой [110].

В отдельных диссертационных исследованиях произведен сравнительно-сопоставительный анализ зоонимической лексики. Так, О.Б. Абакумовой изучены глаголы, образованные от названий животных на материале русского и английского языков [1]. С.Р. Тлехатук произведен семантико-словообразовательный и лингвокультурологический анализ зоонимов русского и адыгейского языков [172]. Н.В. Солнцевой исследованы названия животных русского, немецкого, французского языков в этносемантическом аспекте [164]. Фразеологизмы с компонентами-зоонимами на материале русского, английского и немецкого языков рассмотрены Ю.А. Инчиной [65]. Также следует отметить статью А.М. Геращенко, в которой проведен анализ семантической структуры составных названий животных в русском, английском и немецком, китайском языках [27].

Л.В. Старостенко рассмотрены славянские народные названия, являющиеся омонимичными названиям животных, такие как *бык* «семенник растений», *кабан* «посуда для мяса», *коза* «огрех при работах» и др. Автором проводится этимологический анализ онимов и дается их семантическая характеристика [168].

Ряд статей посвящен исследованию переносно-образного значения названий животных. М.А. Бобуновой изучены названия животных, встречающиеся в лирических песнях Курской губернии [14]. Е.Ю. Моисеева на материале русского и немецкого языков проследила отражение представлений о животных в названиях ягод [105]. А.С. Марудовой

проанализированы клички домашних животных жителей Белорусского Поозерья с точки зрения эмоциональной характеристики [100].

Предметом изучения выступают также названия животных, представленные в территориальных диалектах. Так, Е.А. Красильщик рассмотрены названия домашних животных на материале говоров Костромской и Ярославской областей с точки зрения их физического и физиологического состояния [86].

Отдельные работы посвящены анализу семантики, символики названий животных в художественном тексте. Textoобразующий потенциал зоонимов рассмотрен в исследовании Ю.Е. Сидоровой [158]. Семантика фразеологических единиц с компонентами-зоонимами проанализирована Е.Р. Малафеевой [98]. О.В. Беловой изучены названия животных и их символика в восточно- и южнославянских книжных памятниках XII–XVII вв. [13]. Семантика фразеологических единиц русского языка с компонентами-зоонимами изучена Т.В. Козловой [72]. Наименование домашних животных и птиц в сказках рассмотрено У.А. Томовой [175].

Ряд исследований посвящен изучению названий животных в культурологическом аспекте. Зооморфная лексика как часть языковой картины мира рассмотрена Ц.Ц. Огдоновой [115]. Ф.Н. Гукетловой проанализирован зооморфный код культуры, отраженный в языковой картине мира [30].

Проблема заимствований названий животных из тюркских языков является одной из самых актуальных в современном славянском языкознании. Основополагающим исследованием по данной проблематике является работа Н.К. Дмитриева «О тюркских элементах русского словаря», вошедшая в сборник избранных трудов «Строй тюркских языков» [40. С. 503–569]. При анализе лексики русского языка в числе тюркизмов, подтвержденных фактами, автор приводит маммалионимы: *аргамак, баран, барсук, бугай, булан (болан, пулан), ишак, кабан, кабарга, каракуль, лошадь, сайга, тарпан, чушка*; в числе тюркизмов, требующих дополнительной документации, рассматривает слова: *барс, битюг* (Там же. С. 520–568). Исследователь также выделяет отдельные слои тюркской лексики: «собственно тюркские» слова и заимствованные слова. Автор отмечает большое количество арабских, персидских, а также изредка монгольских лексических элементов во всех тюркских языках (Там же. С. 515). В работе отмечается, что для тематической классификации слов «исходные пункты» заимствований, история, быт и материальная культура пусть даже «исторических» тюрок нам слишком мало известны (Там же. С. 519).

Кандидатская диссертация Д.С. Сетарова «Тюркизмы в русских названиях животного мира» посвящена выявлению тюркских заимствований в названиях домашних и диких

животных, рыб, птиц, насекомых; в работе проведен этимологический анализ 140 зоонимов [157]. Докторская диссертация исследователя посвящена изучению именования животных в славянских и тюркских языках [155]. В работе проведен анализ около 200 зоонимов. Исследователь характеризует особенности бытования в русском языке тюркской по происхождению лексики: «заимствованные слова в русском языке деэтимологизируются и функционируют как немотивированные» (Там же. С. 44). В работе выявлены основные принципы и типы мотивации при именованиях животных, в частности, исследованы природа оноματοпоэтической, этологической, соматической, оценочной, ономастической мотиваций и определены их семантические модели. В частности, автор отмечает наличие скрытой или явно выраженной оценки у слов, т.к. «название того или иного объекта окружающей нас действительности мотивируется одним из отличительных его признаков. Выбор мотивировочного признака, как правило, определяется отношением человека к обозначаемому предмету, его ролью в жизни человека» (Там же. С. 28). Д.С. Сетаров также рассматривает повторяемость семантических процессов в различных языках как отражение повторяемости фактов действительности. У многих народов в глубокой древности скот являлся не только тягловой силой и пищей, но и служил своеобразной разменной монетой, поэтому название скота часто переходит на название денег. К примеру, в тюркских языках слова *mal* и *tuvar/tavar*, *tabar*, употреблявшиеся в значении «скот», приобрели семантику «товар», «имущество, богатство»: тур. *tavar* «товар», «имущество», «скот», башк. *mal tyuar* «скот», «имущество», тат. *mal tuar* «скот».

В 1976 г. вышел в свет «Словарь тюркизмов в русском языке», составленный Е.Н. Шиповой [198]. В работе зафиксирована тюркская лексика, проникшая в русский язык, начиная с древнерусских письменных памятников, также приведены разные, порой противоположные, точки зрения исследователей о происхождении этих слов-тюркизмов. Так, в исследовании подверглись анализу названия животных: *алаша* «лошадь», *анжиган* (*аджиган*) «козленок косули», *аргамак*, *бабак* «степной сурок», *бактриан* «двугорбый верблюд», *баран*, *бурундук*, *вол*, *кабан*, *коза*, *обезьяна*, *слон*, *собака*, *тарбаган*, *чушка* и т.д.

Большой вклад в изучение этимологии названий животных русского языка, в том числе являющихся тюркскими по происхождению, внес «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера [179]. Также ценные замечания о происхождении названий животных славянских языков содержатся в «Этимологическом словаре славянских языков. Праславянский лексический фонд» под редакцией О.Н. Трубачева и А.Ф. Журавлева [204].

В статье А.И. Журавского проанализирована лексика тюркского происхождения в старобелорусском языке, в том числе приведены названия домашних животных: *бахмать* «низкорослая лошадь», *бедевей (бадавея)* «рысистая лошадь», *борань (барань)*, *кобань*, *ограмаць (громаць)* «благородный конь» [54].

В монографии Р.А. Юнаниевой проведено полиаспектное исследование русских тюркизмов [208]. В частности, исследователь отмечает, что отдельные тюркизмы (в том числе и названия животных), будучи вполне освоенными в русском языке, выступают в качестве комментатора, раскрывающего значение того или иного слова: *кляча* – *лошадь*. У ряда тюркизмов развились переносные значения: *ишак* «упрямый», *баран* «глупый человек», «упрямый человек».

Освоение в русском языке тюркизмов с неясными основами, в том числе и наименований животного мира, рассмотрено в диссертационном исследовании Л.М. Коркмазовой [74].

§ 1.2. Изучение названий животных в тюркском языкознании

С 1960-х годов началось изучение лексико-тематической группы «Зоонимы» в тюркских языках. Работа А.М. Щербака – первый опыт сравнительно-исторического анализа названий домашних и диких животных [200]. Автор в процессе анализа тюркских названий часто приводит соответствующие наименования из монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, пытается определить наиболее древние формы и источник заимствования. В работе критически осмысливаются существующие этимологии слов. Автором при анализе тюркских форм рассмотрены видовые названия, наименования холостого самца, самца-производителя, самки, молодняка и возрастных групп, а также диалектные варианты. В статье проводится словообразовательный анализ зоонимов, выявляются фонетические, структурно-семантические особенности названий. В исследовании приведены также и названия животных чувашского языка: *арьслан*, *айяр*, *ёне*, *вайяр*, *тёве*, *сурях*, *така (качака таки)*, *качака путекки*, *каййак*, *ашак*, *сысна*, *йытй (йыт)*, *анчйак*, *тукмак*, *тукмак хуре*, *марал*, *тилё*, *мулкач*, *сьёр мулкачи*, *упате*, *сьулевёс*, *пйлан*, *пйру*, *йус*, *пакша (вакша)*, *сйсар*, *пйрйнтйак*, *пйсара*, *хйнтйар*, *хома*, *арлан*, *шайка*, *ййамран*, *тыркас*, *шйши*, *сайкка*, *пурйш*, *сьара сьерсьи*, *йёкехуре*, *кайура*, *чёрёп*, *калта*, *хуре карнй тиха*, *хуре каснй тиха*, *картлук*, *картлй хуре*.

В 1975 году вышла в свет работа К.М. Мусаева «Лексика тюркских языков в сравнительном освещении» [107], в которой автор рассмотрел названия *скота*, *стада*, *коровы*,

овцы, свиньи, кошки, мула, лошади, зайца, тигра. Автор отмечает общность тюркских языков и диалектов в древнюю эпоху, во время формирования скотоводческой терминологии. По степени распространения терминов выделяет: 1) слова, встречающиеся во всех тюркских языках или широко распространенные в них, в одном устойчивом значении или в разных; 2) слова, распространенные в меньшинстве тюркских языков в одном устойчивом значении или в несколько измененном значении; 3) слова, имеющиеся лишь в отдельных тюркских языках или в отдельных диалектах тюркских языков. Автор также отмечает ареальный характер распространения названий. К примеру, в кыпчакских языках корову и зайца соответственно именуют *сыйыр, қойан*, в огузских – *инек, тавшан* (Там же. С. 62).

Значительным вкладом в изучение состава лексики пратюркского языка стала «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков» [165]. В частности, в исследовании изучена лексика животноводства, названия млекопитающих, диких животных, домашних животных и т.д. Авторами восстанавливается тюркская праформа, приводятся фиксации слова в древних и средневековых языках и в современных тюркских языках (в том числе и диалектные формы), рассматриваются параллели в алтайских языках, анализируются основные существующие этимологии.

К. Ибрагимов в кандидатской диссертации рассмотрел современные тюркские названия животных, представленные в древнетюркских письменных памятниках [57]. М.М. Копыленко изучена мотивация наименований животных в тюркских языках [73]. Так, автор отмечает, что «носители тюркских языков давали названия животным преимущественно по признакам, непосредственно воздействующим на органы чувств («цвет», «внешний вид», «голос») или свидетельствующим о размышлениях над процессами, производимыми самими животными («носитель действия») или над ними («объект действия»), а не по признакам, актуальным для охоты и животноводства» (Там же. С. 107).

Сравнительно-исторический анализ зоонимов чувашского языка, как и любого тюркского, невозможен без исследования соответствующих названий в языках алтайской семьи: монгольских, тунгусо-маньчжурских. Так, В.И. Цинциус в статье «Проблемы сравнительно-исторического изучения лексики алтайских языков» подчеркивает большую значимость рассмотрения словарных материалов по тематическим группам. Автор отмечает, что этимологические выводы и построения получают надлежащую временную перспективу лишь на фоне общеалтайских штудий, когда слова одного корня предстают перед исследователем как бы на разных этапах своей исторической жизни [189. С. 17].

Иноязычные элементы в тунгусо-маньчжурской лексике («монголизмы», «тюркизмы», «русизмы», «прочие заимствования»), относящейся к животному миру, стали предметом изучения К.А. Новиковой [113]. Для исследования привлекаются материалы по родственным алтайским языкам, проводится морфологический анализ заимствований и сравниваемых слов, восстанавливаются предполагаемые праформы названий, приводятся этимологии.

Большой вклад в выявление параллелей в алтайских языках внесли труды М. Рясенена [235–237]. В отдельной статье «Об урало-алтайском языковом родстве» [130] исследователь отмечает генетическую близость урало-алтайской лексики. К примеру, автор отмечает, что одомашнение оленей связано с урало-алтайским периодом, поэтому и название зверя восходит к общей основе, при этом в южных говорах алтайских языков многие из соответствующего круга слов называют верблюда: фин. *poro* «северный олень», саам. *poarro* (якут., карагасск. *būr* «олень-самец»), саам. *konte* «олень» (монг. *kandagaj* «лось», эвенк. *kandak*), саам. *boaso* «олень» (эвенк. *bucan*, *bocan*, также татарск. и башк. *puşu*); фин. *teva*, *tevana* «лось-самец» (тюрк. *teve*, монг. *temege* «верблюд»). В работе Г. Рамстедта «Kalmückisches Wörterbuch» предпринята попытка выяснить происхождение слов, определить взаимосвязь тюркских и монгольских форм [233].

Представляют интерес исследования различных лексико-тематических групп названий животных в отдельных тюркских языках. Так, Ш.А. Шаваева в рамках диссертационного исследования провела анализ зоонимической лексики карачаево-балкарского языка [194]. В работе представлена лексико-семантическая и системно-семасиологическая характеристика названий, определены способы их образования, структурные особенности, а также основные принципы номинации, рассмотрена роль онимов в формировании языковой картины мира. На наш взгляд, эта работа представляет интерес с точки зрения анализа названий животных карачаево-балкарского языка как младописьменного тюркского языка кыпчакской группы, в котором активно употребляются общетюркские названия: *айгъыр* «жеребец», *аслан* «лев», *къаплан* «тигр», *эрлен* «белка», *тонгуз* «свинья», *къундуз* «бобр», *борсукъ* «барсук», *кирпи* «еж», *айыу* «медведь», *тюлкю* «лиса», *къой* «овца», *тай* «жеребенок», *ат* «лошадь» и др., отдельные названия имеют параллели в алтайских языках: *ажир* «жеребец» (уст. *айгъыр*); монг. *азрага*, эвенк. *адырга* «жеребец»; *байтал* «кобыла, кобылица»; монг. *байтса(н)* «молодая нежеребая кобыла», эвенк. *байтахун* «яловая важенка»; *ирик* «холощенный баран, валух»; монг. *ирэг/ирег*, сол. *иргэ* «кастрированный баран», маньч. *иргэ* «кастрированный» и т.п. В докторской диссертации Ф.П. Эбзеевой проведен комплексный, многоаспектный анализ зоонимов карачаево-балкарского языка [202]. На основании данных исследования можно проследить

параллели отдельных названий животных карачаево-балкарского языка и с общетюркскими, в том числе и с чувашскими онимами.

В целом, в исследованиях тюркских языков большое внимание уделяется сравнительно-историческому изучению, этимологическому анализу названий онимов. Названия животных как составная часть лексики фауны казахского языка проанализированы О. Токхожаевой [173], зоонимы казахского языка также исследованы Ш. Жанабиловым [53], Т.В. Линко проведен сопоставительный анализ названий животных (кликер) казахского и русского языков [96], К.И. Джабаровым изучены лингвоспецифические характеристики зоонимов таджикского и узбекского языков [33], П. Сафаровым по данным исторической грамматики рассмотрено формирование зоонимической лексики современного узбекского языка [137]. Предметом изучения В.А. Боргоякова стала лексика охоты и рыболовства, встречающаяся в диалектах хакасского языка [15]. Р.Н. Ольмесовым на материале диалектов кумыкского языка проведен сравнительный анализ хозяйственной лексики (названий домашних животных и птиц) [119]. Т. Дуйшеналиевой изучены народные термины животноводства киргизского языка [44]. Названия диких животных в структуре фразеологизмов якутского языка, характеризующих человека, рассмотрены в статье Р.Н. Анисимова [2]. Лексика животноводства на материале цэнгэльского диалекта тувинского языка рассмотрена Б. Баярсайхан [12].

Особое место занимают труды по сравнительно-историческому исследованию названий животных в тюркских языках Поволжья. Так, Р.Г. Ахметьяновым проводится сравнительно-исторический, этимологический анализ лексики татарского языка. В частности, автором при этимологической характеристике общей лексики материальной культуры народов Среднего Поволжья (татарского, чувашского, башкирского, удмуртского и марийского языков) рассмотрены названия, связанные с животноводством и коневодством [6], также проведен сравнительно-исторический анализ отдельных названий животных татарского языка, составляющих лексику свадебных и семейных обрядов: *таянчык* «вещь для опоры; домашний скот (овца, телка, жеребенок)», лексику мифологии: *аргамак* «парадная, красивая на вид лошадь; лошадь арабской породы» [5].

Большой вклад в изучение татарской, а вместе с тем и тюркской зоонимии внесла З.Р. Садыкова [131]. В монографии зоонимическая лексика и термины пчеловодства в татарском языке рассмотрены в синхронном и диахронном аспектах, проанализирован большой языковой фактический материал в сравнении с тюркскими и нетюркскими формами, приведена ареальная характеристика названий. Автор приходит к выводу об общетюркском характере

большинства наименований домашних и диких животных и птиц, рыб, а также о бытовании заимствованных и собственно татарских названий.

Изучению названий млекопитающих в татарском литературном языке посвящена кандидатская диссертация З.Ф. Миргалимовой [103]. В работе рассмотрены историко-генетические пласты зоонимов, определены основные способы и принципы их номинации. В частности, выявлены общие для татарского и алтайских языков названия: тат. *айгыр* «жеребец» – монг. *азрага*, тат. *селзусен* «рысь» – монг. *сулосун, шулусун, шилуус*, маньч. *шулун, сшун*, бур. *шэлууес(н), шулууэ(н)* «рысь» и т.д. Автор приходит к выводу, что в составе зоонимов татарского языка представлено значительное число заимствований из персидского, арабского, финно-угорских, русского и других европейских языков.

В татарском языкознании представлены работы, посвященные исследованию отдельных лексико-тематических пластов зоонимической лексики. Так, С.А. Бурнашевой при изучении лексического фонда татарского языка в сравнительно-сопоставительном аспекте рассмотрена скотоводческая лексика [18]. Автор отмечает наличие слоя лексики, характерного для большинства тюркских языков в одном и том же значении, а также имеющего разное значение. Общими для татарского, башкирского и чувашского языков являются только несколько слов: тат. *сарык* «овца», башк. *һарык*, чув. *сурӑх*; тат., башк. *башмак* «бычок (телка) до двух лет», чув. *пушмак пӑру* «телка». Только для татарского и чувашского свойственны: тат. *бәти* «ягненок», чув. *путек*. Собственно татарскими следует считать *чапкын* «скакун», *туча* «корова в возрасте двух-трех лет, впервые отелившаяся», *теше* «телка годовалая». Э.И. Сафиной изучены названия птиц татарского языка [138], зоонимы татарского языка, содержащие половую характеристику, рассмотрены О.Н. Галимовой [26], Г.М. Мухтаровой проанализированы названия насекомых [108], рыболовная лексика исследована О.Н. Бятиковой [21].

Следует также отметить исследования башкирских лингвистов. Принципы номинации и этимологизации башкирских слов, относящихся к флоре и фауне, изучены Э.Ф. Ишбердиным [70]. В частности, в статье выделены следующие основные признаки, лежащие в основе наименований: 1) величина; 2) цвет объекта или его части; 3) формы объекта или части; 4) место обитания; 5) звукоподражание; 6) характер движения; 7) запах и вкус. Автор также отмечает, что для этимологизации «большое значение имеет древнее развитие состава слов, связанное с синкретизмом основ и корней» (Там же. С. 341). Кандидатская диссертация Э.Ф. Ишбердина посвящена изучению названий животных и птиц в говорах

башкирского языка [69]. В работе проведен сравнительно-сопоставительный и сравнительно-исторический анализ зоонимов.

З.А. Хабибуллиной изучены древнетюркские зоонимы в современном башкирском языке, проанализировано семантическое развитие древнетюркских названий животного мира, приведены диалектные именованья, при этом языковые процессы рассмотрены в тесной связи с историей народа [186]. Предметом исследования У.Ф. Надергулова стала лексика животноводства башкирского языка [109].

Исследования, посвященные финно-угорским языкам, также помогают этимологизации отдельных тюркских, в том числе и чувашских, зоонимов.

В монографии М.Н. Кузнецовой проведен историко-этимологический, сравнительно-исторический, словообразовательно-семантический и лингвогеографический анализ названий диких и домашних животных в марийском языке, при этом автор обращается к тюркским и чувашским онимам [90]. К примеру, предполагает проникновение в марийский язык общетюркского названия выхухоли, водяной крысы, мускусной крысы: мар. *юпар*, *йывар*, *йыпар* и т.д. < чув. *jubar* «выхухоль», тат. *ž(y)gar*, *žegar*, кирг. *žugar*, др.-тюрк., уйг. *jupor* и т.д.; общетюркского названия горностая: мар. *йос*, *йош*, *йошо* и т.д. < чув. *jos*, *jus* «куница», тат., чагат. *as*, башк., ойр., телеут., кирг. *as*, *арс*, *арыс* < др.-тюрк. **ās*; чувашского названия хорька: мар. *пушара*, *пышара* и т.д. < чув. *пӑсара*; чувашского названия сказочного коня, породы лошадей: мар. *аргамак*, *оргамак* «рослый степной конь лучшей породы», *оргамак* «жертвенная лошадь», *аргамак* «рысак» и т.д. < чув. *орхамах* «сказочный конь», *урхамах* «порода быстрых и легких верховых лошадей» и т.д.

Особенности зоонимов удмуртского языка рассмотрены в статье Н.С. Широглазовой [199]. Так, автор предполагает проникновение отдельных именованья в удмуртский язык из тюркского языка (*арлан* «хомяк, суслик», *балян* «рысь»), татарского языка (*атас* «петух»), татарского или башкирского языков (*былан* диал. «олень, лось»), а также чувашского языка (*бызыра* «хорек, суслик»).

Особое место в сравнительно-историческом и в синхронно-описательном изучении лексики любого языка занимают словари: этимологические, сравнительно-сопоставительные.

Этимологические словари. В изданных 7 томах «Этимологического словаря тюркских языков» (издание начато в 1974 году под руководством Э.В. Севортяна) [140–143; 205–207] зоонимы чувашского языка получили отражение в качестве соответствий в языке тюркской группы. Авторы пытаются восстановить древнюю форму слов, выяснить этимологию и источник заимствования. В словаре рассмотрены также параллели в алтайских языках.

Чувашские формы помогают объяснить происхождение тюркских, в том числе и болгарских слов, выявить изменение тюркских названий в языке, определить генетически близкие слова в родственных языках. В словарных статьях также приведены имеющиеся в языкознании объяснения этимологии онимов, в том числе известных исследователей чувашского языка: Г.Е. Корнилова, В.Г. Егорова, М.Р. Федотова, Л.С. Левитской и др.

«Этимологический словарь алтайских языков», составленный С.А. Старостиным, А.В. Дыбо, О.А. Мудраком [240], имеет целью доказать, основываясь на данных истории, креационистскую теорию генетического родства монгольских, тунгусо-маньчжурских, корейского и японского языков с тюркской языковой группой. В словарной статье авторами восстанавливается единая праформа для слов из этих языков, прослеживается заимствование названий. К примеру, *sjorek*ˈV (~ -i-): пратунг. **surki* «беременная (о самке животных)»; прамонг. **serke* «кастрированный козел»; пратюрк. **sarik* «1 овца 2 русская овца (без курдюка)» (чув. *sorьx*) (Там же. Р. 1283); *tˈule(kV)* «лиса, волк»: пратунг. **tulge* «волк»; пратюрк. **tülki/tilkü* (чув. *tilə*) «лиса»; праяпон. **tuárá* «тигр» (Там же. Р. 1471) и т.д.

В «Этимологическом словаре монгольских языков» [136] при объяснении происхождения слов приведены соответствия и из алтайских языков. Так, чув. *näpy* «телёнок» рассмотрено в качестве параллели в тюркских языках, наряду с др.-тюрк. *buzay, buzaуи*, кирг. *музоо* «телёнок-сосунок; телёнок оленя в возрасте года», при этимологизации монг. *birayи* (Там же. С. 90).

§ 1.3. Изучение названий животных в чувашском языкознании

Первые попытки сравнительно-сопоставительного изучения лексики чувашского языка, в том числе и названий животных, были сделаны Н.И. Ашмариным в «Материалах по исследованию чувашского языка», состоящих из частей: «Учение о звуках (фонетика)», «Учение о формах (морфология)» [7]. В частности, исследователем рассмотрены татарские слова, в том числе и названия животных, заимствованные чувашами некоторых местностей и заменяющиеся словами чувашского или русского происхождения в других местностях: татар. *кујан* – чуваш. заим. *куйан* – корен. чуваш. *мулкаш, молкач* – русск. *заяц*. В работе рассмотрены заимствования чувашских слов в черемисском языке, к примеру: черемис. *прэзы* (г.), *пырэзы* (л.) – чуваш. *пăрушĕ* (с суф. 3 л.) – русск. *теленки*; черемис. *арланкы* (л.) – крыса, *ăрлăнгы* (г.) – крот, чуваш. *арлан* – хомяк, русск. *крот*. Н.И. Ашмарин отмечает особый строй чувашского языка: «в сравнении с другими тюркскими наречиями чувашский язык

представляется далеко отступившим от первоначального типа вследствие всевозможных изменений, многочисленных сокращений и усечений, но некоторые формы этого языка носят как будто более древний характер, чем соответствующие им формы в наречиях тюркских» (Там же. С. XIX).

Изучение маммалионимов чувашского языка в сравнительно-историческом аспекте началось с 1950-х годов с трудов В.Г. Егорова [50]. Исследователем выявлены и проанализированы общетюркские элементы в чувашской природной лексике, под которыми следует понимать «не только слова, свойственные всем тюркским языкам, но и слова, общие у чувашского языка с несколькими, хотя бы с двумя тюркскими языками – с северными, южными или восточными безразлично» (Там же. С. 73). В частности, исследователь выявляет общетюркский элемент в следующих названиях домашних животных: *ут*, *лаша* «конь, лошадь», *кёсре* «кобыла», *аййар* «жеребец», *урхамах* «аргамак», *тиха* «жеребенок», *ёне* «корова», *вйкяр* «бык», *пйру* «теленки», *тына* «телка, порося», *хёсёр* «яловая», *сурях* «овца», *путек*, *пытяк* «ягненок», *така* «баран», *качака* «коза», *сйвйр*, *сйра* «детеныши млекопитающих», *йытй* «собака», *ама йытй* «сука», *аса йытй* «кобель», *пйлан* «олень (диал. лось)», *тёве* «верблюд», *ашак* «осел» (Там же. С. 80–81).

Огромное значение для сравнительно-исторического изучения чувашских зоонимов имеют труды Г.Е. Корнилова. Исследователь разрабатывает теорию имитативов, на основе данных чувашского языка и в сравнении с другими родственными и неродственными языками (особенно индоевропейскими и афразийскими) выделяет первичный корень (всегда отымитативный). Согласно данной концепции отымитативное происхождение имеют следующие названия животных: детск. *хамхам* «имитация лая собаки; собака» – *ам!/хам!/гам!* «звук хватания ртом»; *куян/коян* «заяц», букв. «трусика» – *хуй-/хой-/хйр-*, *куй-/кой-* «пугаться, бояться, испугаться, взбудоражиться и т.п.», *мйрик/мйрин/мйрен/морин* «заяц» – *мйр-*: *мйр-и-мйр-и* «подражание визгу; подражание крику зайца» [77].

Г.Е. Корнилов рассматривает алтайские параллели к чувашским названиям оленя, верблюда и слона. Выявленные соответствия автор приводит в качестве подтверждения тезиса о сибирской прародине тюркских предков современных чувашей [75]. В отдельных статьях проанализированы некоторые названия для лисы [80], восстановлена этимология чуваш. *молкач/молкач* «заяц» и рус. -мол-: *ко-мол-ый* [79], рассмотрено чувашское диалектное название для зайца и проблема русско-чувашских сатэм-кентумных параллелей [81]. Исследователем уточнены объем и характер булгаро-чувашско-венгерских лексических параллелей в виде

списка сближений на основе фонетико-семантической и структурно-типологической сопоставимости лексических единиц [76].

Ценные замечания о происхождении, закономерностях развития слов, в том числе и названий животных, в чувашском языке и в других тюркских языках содержатся в монографиях Л.С. Левитской «Историческая морфология чувашского языка» [93], «Историческая фонетика чувашского языка» [94].

Н.И. Егоровым в трудах, посвященных этимологии, этноглотогенезу, этнолингвокультурологии рассмотрено историческое развитие чувашской лексики; в рамках алтайской теории проанализированы болгаро-чувашско-монгольские языковые параллели, древние болгаро-угорские контакты [51]. В частности, в исследовании дается определение термину *прототюркская эпоха* – «период первоначального единства всех тюркских диалектов, легших впоследствии в основу современных и древних тюркских языков стандартного и болгаро-чувашского типов» (Там же. С. 551). Исследователь отмечает, что древнейшие индоевропейские (восточноиранские) заимствования начали проникать в прототюркский язык задолго до середины первого тысячелетия до н.э. В работе отмечено, что «практически все слова собственно персидского происхождения проникали в чувашский язык через посредство золотоордынского-кыпчакского (XIII–XIV вв.) и татарского (начиная со второй половины XV в.) языков» (Там же. С. 595–596). В качестве древнейших индоевропейских (индоиранских и восточноиранских) лексических заимствований в прототюркском языке реконструированы следующие названия животных: **alaša* «мерин», «лошадь», **ar(i)slan* «лев», *at* «лошадь», **baran* «ягненок», **bars* «тигр», «барс», «леопард», **bēčīn* «обезьяна», **böri* «волк», **buqa* «бык-производитель», **buzayī* «теленка», **ečki* «коза», **ešgek* «осел», **käči* «коза», **öküz* «бык», **qāpan* «дикий кабан», **sariq* «овца», **taj* «жеребенок», **tāna* «телка», **tawar/tiwar* «скот», «имущество», **täkä* «дикий козел» (Там же. С. 598–615).

Исследователем рассмотрены татарские лексические заимствования в чувашском языке, в том числе зоонимы: *арăслан* «лев», *енлĕк* «зверь, дикое животное», «дичь», *карсак* «заяц-русак», *кăртмăш* «плохой жеребенок», *кенеш* (диал.) «жеребенок», *куй* (*сурăх*) «порода длинношерстных овец», *куян* «заяц», *таян* «скот, выделенный невесте родителями в качестве приданого», *чалпаш* «скот, который дарит свекор невестке при переезде молодых в новый дом», *юрха* «рысак» (Там же. С. 303–327).

Лингвисты часто обращают внимание на существование «народных» названий животных в чувашском языке. В.Г. Егоров в словарном составе чувашского языка выделяет «природные слова» (или «природную лексику») и заимствованные слова. «В природных словах чувашского

языка выделяются два слоя: слова, общие с другими тюркскими языками, и слова, встречающиеся только в чувашском языке и обязанные своим происхождением, с одной стороны дотюркскому субстрату чувашского языка, а с другой – творческой инициативе самих чувашей, пополнявших наличный словарный состав новыми словами в связи с непрерывным ростом сельского хозяйства, техники, торговли и пр.» [50. С. 72]. Н.П. Петров, изучая терминологию чувашского языка, отмечает, что «в области ботаники, зоологии, анатомии и физиологии животных, а также почвоведения чувашский язык предоставляет в распоряжение терминологии множество народных наименований» [121. С. 78].

В чувашском языкознании сравнительно-историческому анализу подверглись лишь отдельные лексико-тематические группы животных. Так, Е.А. Лебедевой в диссертационной работе проводится структурно-семантический, этимологический анализ чувашских названий рыб, изучены фонетические особенности онимов в историческом плане, рассмотрены также наименования рыболовных снастей. Автором выявлены общетюркские, ареальные и собственно чувашские названия рыб [92]. Это первый опыт комплексного сравнительно-исторического исследования чувашских онимов.

Л.П. Петров рассмотрел чувашскую орнитонию и историю ее формирования и развития [120]. В диссертационной работе проведен историко-лингвистический, морфологический анализ названий птиц и выявлены наиболее характерные принципы номинации. В частности, исследователем выделены следующие генетические пласты чувашских орнитонимов: общетюркский пласт (исконно чувашский (тюрко-булгаро-чувашский слой), тюркские заимствования) и заимствованный пласт (кыпчакские (татарские и башкирские), иранские, арабские и персидские, монгольские, марийские, славянские (русские) заимствования).

Ценные замечания о роли животных в жизни чувашей и их связи с народными обрядами и верованиями содержатся в монографии А.К. Салмина [133]. Также в отдельной статье исследователь выявляет чувашско-осетинские параллели в названии лошади (чув. *пах/пах* – осетин. – *бæх*) [135].

Р.С. Елова в отдельной статье отмечает, что названия домашних животных оформились в очень раннюю эпоху. На основе этимологического анализа автор приходит к выводу, что в онимах сохранились древнетюркские модели слов и модели их образования [52].

Названия домашних животных в лингвокультурологическом аспекте рассмотрены Е.А. Лебедевой [91]. Л.В. Борисовой в рамках диссертационного исследования проведен сопоставительный анализ семантики зоонимов в русском и в чувашском языках [16]. В

коллективной монографии «Анималистическая когниция. Метафора и сравнение» Ю.Н. Исаевым, В.И. Сергеевым, Н.В. Николаевой рассмотрены анималистическая когниция зоонимов – знание и мышление человека о мире животных в его языковом воплощении, вопросы зооморфической (анималистической) метафоры, развившейся по модели «животное → человек», описан анималистический компаративикон [66].

Проникновение чувашских слов в марийский язык изучено М. Рясененом в монографии «Die Tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen» («Чувашские заимствования в черемисском языке») [236], увидевшей свет в 1920 г. К примеру, к заимствованиям в марийском языке отнесены: *täyă* баран < чув. *taGa*; *kesə-δäyă* «баран», *koma* выдра, но *ama* < чув. *χoma* ~ каз.-тат. *kama*, *jos* какой-то зверек, *kola-jos* ласка < чув. (*šęžl*)-*jos* ласка, *jus* горностай и т.д.

Исследованию чувашско-марийских языковых взаимосвязей посвящена работа М.Р. Федотова [183]. Автором составлены небольшие словари чувашских заимствований в марийском языке, а также марийских заимствований в чувашском языке. Так, в словарях указаны 25 названий животных (включая видовые названия по полу и возрасту), заимствованных из чувашского языка марийском языком, 5 названий, проникших в чувашский язык из указанного финно-угорского языка.

Г.В. Лукояновым рассмотрены марийские заимствования в чувашском языке [97]. Автор предполагает проникновение из марийского языка в чувашский язык, главным образом в верховой его диалект, следующих названий диких животных: чув. *ătăr* крот, выдра = марЛ. *удыр*, марГ. *ыдыр* крот; чув. *морен*, *морин*, *морян* заяц, тушканчик < марГ. *морен*, марЛ. *меранг*; чув. *пăши* лось < марЛ. *пўчö*, марГ. *пучы* олень, чув. *шашкă* < марЛ. *шашке*, марГ. *шăшкы* норка; названий домашних животных: чув. диал. *ишишенёк* теленок < марГ. *ишаньыкын* отелившаяся до нормального срока корова, марЛ. *ишаньык* телка полутора лет, *пычча*, *пыччи*, *пучча* возглас, которым манят овец = марЛ. *пача* ягненок. В основном, мнения М.Р. Федотова и Г.В. Лукоянова совпадают, но в то же время предположение исследователя о проникновении марийской формы *пача* в чувашский язык противоречит мнению М.Р. Федотова о заимствовании этой формы марийским языком из чувашского, татарского языков. Также М.Р. Федотов отмечает проникновение в марийский язык чув. *шашкă*. В нашей работе попытаемся определить, какие из этих предположений выглядят наиболее убедительно.

В венгерском языке насчитывается около 500 заимствований из чувашского (древнечувашского, болгарского) языка. Поэтому венгерские исследователи при

этимологизации слов часто обращаются к древнечувашскому языку. З. Гомбоц в работе «Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache» («Булгаро-тюркские заимствования в венгерском языке») [218] изучил влияние тюркского языка на венгерский, рассмотрел заимствование древнечувашских (булгарских) слов венгерским языком. Исследуя фонетическую природу слов, автор выявляет соответствующие параллели, приходит к выводу об этимологическом родстве венгерских и булгарских (древнечувашских) форм. В качестве заимствованных рассматриваются венгерские слова-названия животных: *ökör/ökröt* «бык, корова» < древнечув. **ökür, oroslán* «лев» < древнечув. **aryslan, bölény* «бизон, зубр» < древнечув. *bölän, teve/tevé* «верблюд» < древнечув. **täwä* и т.д.

«Венгерские булгаризмы», в том числе и названия животных, рассмотрены А.В. Дыбо при исследовании лингвистических контактов ранних тюрков на основе фонетических закономерностей [45]. К примеру, праалт. **björü* > пратюрк. **buřa-gu* «теленки», тур. *buzayı*, гаг. *buzā*, аз. *bizov*, туркм. *buzaw*, тув. *bizā*, венг. *borjú* (чув. *pъ^wru*) (Там же. С. 26), венг. *tinó* < болгар. **tinag* > чув. **tina*, пратюрк. **dāna* «теленки» (Там же. С. 28), венг. *disznó* < пратюрк. **jas-na-* «свинья», чув. *sisna* (Там же. С. 29). Автором в работе проводится пратюркская реконструкция и генетическая классификация тюркских языков, изучаются заимствования пратюркской эпохи. В исследовании дополняются этимологии, предложенные в «Этимологическом словаре алтайских языков». Так, проведен подробный этимологический анализ отдельных названий животных: выдры (чув. *ătăp*) (Там же. С. 100), бобра (чув. *хăнтăр*) (Там же. С. 173) и т.д., восстановлены их пратюркские формы.

Л. Лигети в статье «A propos des elements «altaïques» de la langue hongroise» («К вопросу об «алтайских» элементах венгерского языка») [223] на примере венг. *borjú* «теленки» ~ чув. *пăру*; монг. *бирау* ~ общетюрк. (др.-тюрк.) *бузау* попытался определить источник заимствования венгерским языком древнетюркских элементов и пришел к выводу, что данным источником является западная группа тюркских языков чувашского типа.

Булгаро-тюркские заимствования венгерского языка и среднемонгольские заимствования чувашского языка детально рассмотрены А. Рона-Ташем. Научная деятельность исследователя посвящена изучению ранней истории венгров, тесно связанной с историей чувашей, родству алтайских языков, чуваше-монгольским языковым связям. В частности, книга «Epigraphica Bulgarica» [238], написанная А. Рона-Ташем в соавторстве с Ш. Фодором, посвящена доказательству булгарского происхождения чувашей.

Следует также упомянуть исследования, посвященные изучению животного мира Чувашии. Н.Г. Игнатьевым проведена систематика и дана характеристика животных:

млекопитающих [63], птиц [62], круглоротых, рыб, земноводных, пресмыкающихся [61]. Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды описаны в «Красной книге Чувашской Республики» [87]. В целом, указанные работы содержат ценные сведения об особенностях поведения животных и их характерных чертах, описывают среду обитания.

Этимологические словари. Первой попыткой сравнительно-исторического, историко-этимологического изучения лексики чувашского языка является «Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен», составленный Н.И. Золотницким [56]. В работе к чувашским словам подобраны соответствия из других родственных и неродственных языков, приведены примеры их употребления, объяснено происхождение. Так, в качестве параллелей чув. *арлан* крот приведены: *ярлян*, *ирлян*, г. чер. *ярлэнга*, луг. чер. *орланге*, алт. *ерлен* крыса (Там же. С. 6). Для отдельных заимствованных названий указан источник проникновения: *кожак* (рус.) кошка. Однако не все словарные статьи выдерживают критику, к примеру, к онимам *арыслан* лев, *удур* выхухоль, *молгач* заяц, *псара* сурок автор не смог подобрать соответствующие параллели в других языках.

В «Этимологическом словаре чувашского языка» В.Г. Егорова [49] приведена интерпретация 54 названий млекопитающих. Из них 35 именований отнесены к словам общетюркского происхождения: *акар*: *акар йытти* «борзая», «охотничья собака», *анчак* «щенок», в диалектах «собака», *арйслан* «лев», *арлан* «хомяк», *ашак* «осёл», *айяр* «жеребец», *вайяр*, диал. *майяр* «бык», «вол», *ёне* «корова», «самка лося и оленя», *йамран* «суслик», *йапар* «выхухоль», *йытй*, *йыт* «собака», *каййак* «птица», «дикий» (*тискер каййак* «зверь»), *карсак* «заяц-русак», *качака* «коза», *кашкяр* «волк», *кёсре* «кобылица», *куян* «заяц», *лаша* «лошадь», «мерин», *палан* «в одних районах «олень», а в других – «лось»», *пйру* «телёнок», *пйсара* «хорёк», *пурйи* «барсук», *путек* «ягнёнок», «козлёнок», *пушмак пйру* «телёнок по второму и третьему году», *савйр* «сурок», *сйсар* «куница», *така* «баран», *качака таки* «козёл», *тёве* «верблюд», *тилё* «лиса», «лисица», *тиха* «жеребёнок», *тына* «тёлка», *упа* «медведь», *урхамах* «аргамак», «порода быстрых и лёгких верховых лошадей», *ут* «конь», «лошадь», *шйши* «мышь»; 4 названия собственно чувашского происхождения: *выльйх* «скот», «скотина», *каюра* «крот», «землеройка», *сара сёрси* «летучая мышь» (*сара* «голый»; этот оним рассмотрен в качестве устойчивого сочетания в словарной статье, посвященной слову *сёрси*), *тыркас* «суслик»; 1 заимствование из индоевропейских языков: *йтйр* «выдра»; а также 3 заимствования непосредственно из русского языка: *вёшле* «гончая собака», *кушак* «кошка», *пакша*, диал. *вакша* «белка»; 1 название финно-угорского происхождения: *пйши* в одних

районах «лось», а в других «олень»; 1 название удмуртского происхождения: *мулкач* «заяц»; 1 название монгольского происхождения: *нбуха* – детское слово «собака»; 2 заимствования из арабских языков: *унӑте* «легендарное существо, любившее по ночам кататься на лошади», *хӑнтӑр* «бобр»; 2 заимствования из персидских языков: *чӑрӑп* «ёж», *янавар* «бессловесное животное», «лошадь», «бедняжка», «жалкое, скудоумное создание» (выражение жалости к животному, преимущественно к лошади).

Исследователь не смог определить происхождение 2 отдельных слов: чув. *сурӑх* «овца» (соответствия: тат. *сарык*, башк. *һарык* «овца»), *сысна* «свинья» (соответствия: мар. *сасна*, *сӧсна*, *сисна*, венг. *gyisno*, *disznó*, хак. *сосха*, башк. *суска*, уйг. *чочка*, тат. *чучка*; ср. греч. *σὺς* «свинья» + ана (?)).

В большинстве случаев автор попытался рассмотреть и критически оценить все имеющиеся этимологии, предложить свое объяснение исходя из фонетических законов, законов развития языка. К примеру, выражает сомнение в убедительности этимологии, предложенной А.М. Щербаком о фонетическом сходстве чув. *сурӑх*, башк. *һарык*, тат. *сарык* с рус. *ярка* (Там же. С. 197). В отдельных сомнительных случаях исследователь не дает однозначную категоричную оценку. Так, изучает соответствия онима *сӹлевӹс* «рысь» и в тюркских языках, и в монгольских языках. И без выражения собственной точки зрения приводит мнение А.М. Щербака о проникновении этого слова из монгольских языков. В.Г. Егоров рассматривает параллели *шаикӑ* «норка (зверёк)»: башк. *шәшке*, тат. *чәшке*, отмечает, что М. Рясенен относит это слово к заимствованию из марийского языка. К нему *юс*, помимо соответствий в тюркских языках, для сравнения приводит перс. (*ас*) «горноста́й» и предполагает происхождение от *ас* (ср. якут.) «белый»: горноста́й – белый зверёк.

Двухтомный «Этимологический словарь чувашского языка» М.Р. Федотова [184] вышел в свет в 1996 году, на 30 лет позже словаря В.Г. Егорова. Необходимость издания этого лексикографического источника была вызвана появлением большого количества новых исследований. Особенностью работы является значительное число рассматриваемых производных форм, в том числе названий половозрастных видов животных: *сысна/сынӑна* «свинья»: *сысна аҫи* «боров», *сысна сӹри/сӹри* «поросенок», *юпах/йопак* «стригун», а также названия разновидностей животных: *юс/йос* «название животного: горноста́й, ласка», *асӑй йос* «назв. животного», *ола йос* «назв. животного», *вӑрман юсӑ* «мышь белого цвета», *пысӑк юс* «горноста́й», *шӑши/шӑриши юсӑ/йосӑ* «крупная полевая мышь». В словаре также зафиксированы диалектные варианты зоонимов. Всего в данном этимологическом исследовании проанализировано 52 названия млекопитающих общетюркского происхождения (в том числе и

названия животных по полу и возрасту), с учетом фонетических вариантов – 90 названий; 4 названия собственно чувашского происхождения: *выльӑх* «скотина», *каюра* «крот», «землеройка», «тушканчик», «земляной заяц», *çара çерçи* «летучая мышь», *тыркас/тиркас* «суслик»; 1 заимствование из марийского языка: *морен* «заяц-русак»/*морин* «тушканчик»/*морян/мыр'ын* «заяц»/*мӓрен/мӓрик/мӓрин* «заяц»; 1 заимствование из удмуртского языка: *мулкаç/молкаç/мулках/молках/мулкач/молкач* «заяц»; 2 заимствования из индоевропейских языков: *ӓтӓр/хӓтӓр* «водяная крыса», *вёшле* «борзая (собака)»; 3 заимствования из персидских языков: *унӓте/опӓте, опте, опӓтя* «обезьяна», *чёрӓп* «еж», *янавар* «животное»; 2 заимствования из русского языка: *кушак/кошак* «кошка», *сайка/сайка* «кролик»; 2 детских названия: *момма/мумми* «волк», *нӑхха* «собака» (заимствование из монгольского языка). Исследователь не смог объяснить происхождение чув. *вакша/пакша* «белка, векша». При этом, в отличие от В.Г. Егорова, М.Р. Федотов не предполагает проникновение онима *вакша/пакша* из русского (древнерусского) языка, а, наоборот, приводит распространённое в языкознании мнение (М. Рясенен, О.Н. Трубочёв) о заимствовании этого названия из чувашского или финно-угорского языка. Это редкий случай, когда точки зрения двух ученых о происхождении названия животного не совпадают. Особенностью этой работы является то, что автором рассматриваются параллели в алтайских языках. (В словаре, составленном В.Г. Егоровым, соответствия были приведены лишь в отдельных случаях). Следует отметить, что при этимологизации чувашских слов М.Р. Федотов часто обращается к работам М. Рясенена, Г. Рамстедта и других алтаистов. Автором рассматривается и критически оценивается значительно больше этимологий, различных точек зрения лингвистов (в частности, при составлении этого словаря были изучены новейшие труды Р.Г. Ахметьянова, Ф.И. Гордеева, Л.С. Левитской, Г.В. Лукоянова, Э.В. Севортяна, Л.П. Сергеева, Г. Дёрфера, Г. Рамстедта, М. Рясенена и др.). Особенностью источника также является то, что в нем отмечены чувашские слова, заимствованные марийским языком.

В «Кратком историко-этимологическом словаре татарского языка» Р.Г. Ахметьянова [4] проведен этимологический анализ 93 названий животных, с учетом фонетических вариантов – 143 зоонимов. Автор зачастую предлагает свое объяснение происхождения слова, иногда не совпадающее с общепринятой этимологией. Как в случае с онимами: тат. *кашкыр* «степной волк», тат. диал. *качкыр*, чув. *кашкӓр* (*карыш курт* из *карыш* «злой» (ср. чув. *хӓрушӓ* «злой») + старолитературное тат. *корт* < др.-тюрк. *курт* «волк»); тат. *чучка*, туркм., турец. *çosик* «дитя» (корень *чоч-* «сосать причмокивая»), тат. диал. *сарык* (древняя форма *сагрык* «дойная овца», корень *саг-* в значении «доить»), чув. *сурах, сорӑх*, мар. *шорык, шарык*, башк. *һарык* «овца» и т.д.

Чувашские названия животных в рукописных и лексикографических источниках.

Рукописные источники. Богатейший материал о месте животных в мировосприятии человека, о связанных с ними приметах, а также отдельные замечания об именовании животных, особенностях употребления названий в диалектах и говорах чувашского языка содержатся в рукописном собрании Н.В. Никольского. 260 томов этого фонда хранятся в Научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук. Н.В. Никольским в период с 1904 г. по 1931 г. собирались материалы от учащихся, студентов, корреспондентов и информаторов. Так, слушателями курсов были подготовлены работы по этнографии, в которых проанализирована «Народная зоология чуваш»: названия диких и домашних животных, птиц, насекомых, употребляющиеся на территории Новопольского пос. Татарстана [284. Л. 143–144], дер. Гайтанкино Чистопольского р-на Татарстана [283. Л. 135], дер. Чинеры Марпосадского р-на Чувашии [284. Л. 115–120], с. Арабось Урмарского р-на Чувашии [283. Л. 151] и т.д. В ученических работах содержатся и народные приметы, связанные с животными: *Килте 12 ҫитиччен кушак пулсан малалла пуйасса пёлтерет*¹ (Там же. Л. 178) (перевод: Если число кошек в доме достигает 12, то это означает дальнейшее обогащение). «Если впереди стада идет красного цвета корова, то говорят, что на другой день будет ясная погода. Когда лошадь фыркает, то произойдет изменение погоды. Если на встречу попадется заяц, то будет ненастье. Когда собака перейдет дорогу, тогда говорят к хорошему» (Там же. Л. 193).

В источниках отразилось и отношение человека к животным: «Из домашних животных более уважают: лошадь, корову, овец, кур и голубей. Так как эти животные приносят большую пользу для жизни данной семьи или общества. В нашем краю свинью и козу не уважают. Ибо они непослушные (хоть бей-колоти). Пуще лезут туда, где их бьют. Еще говорят, что под видом свиньи и козы выказываются колдуны, нечистые силы. Зачастую свинью принимают за русского человека, козу за татарина. Из лесных животных более ненавидят волка, т.к. он нападает на домашних животных, уничтожает мелких красивых лесных зверей. Медведя же считают за умного зверя» [284. Л. 93]. «Вредными считают мышей, крыс, воробьев» [283. Л. 223]. Также подчеркивается необходимость тщательного ухода за домашними животными: «Ёне кил-ҫуртра пёр ҫул хана мар, темиҫе ҫул усă кўрсе пурăнать, ăна чипер пăхса ўстерме ҫулталăк е ҫулталăк ҫурă кăна вăхăт кирлĕ» [287. Л. 227] (перевод: Корова не гость в хозяйстве на один год, приносит пользу несколько лет, чтобы ее хорошо вырастить, нужно времени только год или полтора).

¹ Здесь и далее: орфография и пунктуация сохранены.

В Научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук также хранится тетрадь «Чувашские песни и сказки, собранные в селе Микушкино Бугурусланского уезда Самарской губернии Афанасием Егоровым в 1900 году», в которой записаны названия животных и зверей, входившие в словарный запас представителя языковой общности, проживавшего за пределами Чувашии, в конце XIX – начале XX вв.: *лаша, ёне, сурӑх, сысна, вӑкӑр, йытӑ, кушак, уна, кашкӑр, тилӗ, упӑте, куйан, пурӑш, хир куйанӗ, сӑсар, пакша, шашкӑ, пӑсар, пичук (тыркас), арлан, ӑтӑр, шӑши, йӗке хӗре* [285] (перевод: лошадь, корова, овца, свинья, бык, собака, кошка, медведь, волк, лиса, обезьяна, заяц, заяц-русак или тушканчик, куница, белка, норка, хорек, суслик, хомяк, выдра, мышь, крыса). Следует отметить, что данные из этого источника, примеры употребления этих названий были включены в «Словарь чувашского языка» Н.И. Ашмарина.

Ценный иллюстративный материал содержится в рукописном русско-чувашском «Словаре по животноводству» Н.А. Андреева (1932–1937) [291], в котором предпринята попытка нормализации, систематизации терминологии животноводства чувашского языка первых десятилетий XX в., в основе своей – переводной. В словник включены лишь наиболее необходимые, по мнению автора, термины. Больше всего представлены видовые названия животных на основе породы или направления животноводства – 172 онима (американский рысак – *Америка рысакӗ*; кабардинская лошадь – *кабардин лаши*, пуховые кролики – *мамӑклӑ кроликсем*, карпатский скот – *карпат вильӑхӗ* и т.д.), а также именованья по полу и возрасту – 32 онима (кабанчик – *самрӑк аса сысна*; козел – *качака таки*, новотельная корова – *анчах пӑруланӑ ёне, тин пӑруланӑ ёне*, мерин – *кастарнӑ лаша*, верблюжонок – *тӗве пӑрушӗ* и т.д.), названия животных на основе практического применения – 34 онима (артиллерийская лошадь – *тупӑ лаши*, беконная свинья – *бекон сысни*, случной жеребец – *йертекен ӑйӑр, чупакан ӑйӑр*, возовая лошадь – *сӑк лаши, лав лаши*), «простые» (по определению Н.А. Андреева) названия – 20 онимов (простой кролик – *ахаль кролик*, простая лошадь – *ахаль лаша*, кабан – *кабан*, бык – *вӑкӑр* и т.д.). При переводе некоторых терминов составитель словаря столкнулся с большими трудностями из-за отсутствия соответствующих названий в чувашском языке, поэтому многие русские названия русского языка оставлены без перевода, при этом дано их толкование: битюг – *битӑуг (сӑк лаши)* (букв. «грузовая, ломовая лошадь»), лошадь Пржевальского – *Пржевальски лаши, кайӑкла (тискер) лаша* (букв. «дикая лошадь»), мул – *мул, лашапа ашак (ашиӗ ашак, амӑшӗ лаша)* (букв. «лошадь и ишак»), пудель – *пудӗл; пӗчӗк сӑмламас йӑтӑ* (букв. «маленькая мохнатая собака»); *шиншилла* – шиншил (кролик).

Отдельные названия животных, зафиксированные в памятниках старочувашской письменности XVIII в., приведены Л.П. Сергеевым в небольшом русско-чувашском словаре (буквы А-И) [153]. Автором отмечены чувашские названия агнца (агницы) (*подяк, тага подяк, сорах подяк, потяк*), барана (*тага, тагаг, тага, тагаһ*), барсука (*пораши*), бегуна (лошади) (*ашаган*), белки (*бакиша, пакша, baksza, bakscha*), бобра (*хундур, хома*), борзой (собаки) (*йушля йида* «борзая собака», *йутля ама* «борзая сука», *йутля азя* «борзой кобель»), борова (*сысна така, ажа сысна, сысна ашг, сысна ася, сысна ази, зиснаг*), быка (*выкар, вукор, выгар, вюкор, выгур, выгурь, вогорь, выгур, вугур, wykor, wukor, wükor*), верблюда (*тюе, тюе, тюа, тювя, tua, tüä*), водяной крысы (*отур, otur*), волка (*кашкар, кашкыр, каскар, казкар, kaskar, kaschkar*), волчицы (*кашкыр амы*), выдры (*хондор*), дикого зверя (*ирикля каик*), ежа (*чирип*), жеребенка (*тиха, тыга, тигаг, тилаг, тихаг, тига, tichah, ticha, tihah*), жеребца (*иря, ира, ирĕа, иря, ыйыр, ире, ыиря, ыря, irĕa, irĕä*), животного (*чирлих, бурнасьла зам*), зайца (*мулкач, молгач, молгачь, молгачь, molgacz, molgatsch*), зверя (*пулан, каик*). На основе данных из различных источников можно выявить графические, фонетические особенности чувашских зоонимов. Таким образом, с помощью данных старочувашской письменности можно проследить языковые изменения, которым подверглись названия животных.

Словарь чувашского языка. Названия млекопитающих представлены почти в исчерпывающем виде в 17 выпусках «Словаря чувашского языка» Н.И. Ашмарина, издававшихся в течение 1928–1950 гг. В «Словаре чувашского языка» Н.И. Ашмарина [8], по нашим подсчетам, зафиксировано 515 маммалионимов (с учетом видовых названий и фоновариантов наименований), в том числе 103 видовых названия по полу и возрасту (*така* «баран», *кёсре-лаша* «матка (кобыла)», *хўре картнй тьыха* «двухгодовалый жеребенок», *чопас тына* «трехлетняя, о телке» и т.д.), 45 «детских слов» (по определению Н.И. Ашмарина) и подражательных названий животных (*кăтьăкки* «киска», *мукки* «корова», *ньахха* «собака» и т.д.), 34 переносных названия, носящих метафорический характер (*шуйттан* «зверье», *чалăш коç* «заяц (косой)», *кайăк хуça, хоça* «хищные звери» и т.д.), 32 собирательных названия животных (*йытă-кушак* «общее назв. собак и кошек», *кусан-сўрен* «животные (общ. обознач.)», *лаша таврашĕ* «лошади вообще» и т.д.).

Следует обратить внимание на относительно небольшое число наименований, употребляющихся для указания на значение в практической жизни или на функцию называемых животных. Так, в словаре зафиксировано 11 онимов, указывающих на их связь с традиционными (религиозными, семейными) обрядами: *карта тĕс* «домашнее животное, приносимое в жертву», *парне вьльăхĕ* «жертвенные животные», *супинкке* «свое, особое

имущество, собина (русск.), в чувашской семье недавнего прошлого этим именем обычно называли проданную скотину снохи: лошадь, корову, овец или скотину женатого сына, приобретенную им на собственные средства», *тайан* «скотина, которую получает в подарок молодая по прибытии в дом свекра: лошадь, корова, пара овец», *турй тахи* «ягненок, приносимый в жертву», *турй пӑруш* «теленка, посвященный божеству в жертву», *чалпаш* «овца, которую получает молодая жена в подарок от свекра при приезде в новый дом»; *чӱк* «жервенные животные», *шӗлпӗр* «назв. скота, привезенного в качестве приданого», *хӗр лаши* «лошадь, которая возит на свадьбе невесту», *токмаклӑх* «обреченный на съедение волков». 12 животных названы в связи с их практическим применением: *хӗрӗнчи лаша*, *пычав*, *причаишкӑри*, *парти*, *тортари ут* «пристяжная лошадь», *утлан-ут* «верховая лошадь», *кӗрлӗх* «скотина (на проком)», *йуналут* «верховой, лошадь, на которой едут верхом», *кӱле-тӑран* «служащий для запряжки (лошадь)», *кавакал йытти* «охотничья собака», *амалӑх* «свинья, оставленная на племя», *какай-кӗш* «скотина на колку». При этом названия отдельных животных остаются без точного объяснения: *ишишак* – какое-то животное (осел, ишак?), *вӑрман йытти* «назван. какого-то живого существа», *хир лаши* «назв. животного», *хирти кайӑк* «зверь». Приведены также фоноварианты названий животных, которые в современном чувашском литературном языке отнесены к диалектизмам: *чиркас*, *чирккас*, *чыркас* «суслик»; *шӑрши*, *шӑших* «мышь», отсюда и *шӑрши-йус* «горностай»; *ыйӑр*, *ыйӑрӑ*, *ырӑ* «жеребец» и т.д. В целом, в «Словаре чувашского языка» зафиксирован бесценный лингвистический материал, из которого можно извлечь информацию о значении животных в жизни людей, в том числе и на основе принципов номинации животных, способов образования онимов и их употребления. На основе тезауруса Н.И. Ашмарина были созданы двуязычные и диалектологические словари чувашского языка.

Двуязычные переводные словари. При анализе лексикографических источников – двуязычных словарей, интересно отметить, как переводятся названия животных с русского языка на чувашский. В «Русско-чувашском словаре» Н.В. Никольского [112], вышедшем в свет в 1910 г., переведены, включая названия половозрастных видов животных, 92 маммалионима. Особенностью словаря является то, что названия незнакомых носителям языка животных переведены с помощью описательных оборотов, включающих в себя разъяснения, дополнительные справки: енот – *упа манерлӗ йенлӗк*, *тискер кайӑк*, *унӑн тирӗ хаклӑ*, букв. «зверь, похожий на медведя, дикий зверь, его шкура дорогая»; бурундукъ – *Сибирти пакша*, *вакша*, букв. «сибирская белка»; буйвол – *Азия ӗрӗнче пурӑнакан вӑкӑр*, букв. «бык, обитающий в Азии»; горилла – *ӗын йевӗрлӗ упӑте*, букв. «обезьяна, похожая на человека».

Перевод некоторых русских названий животных представляет собой сочетание с «характеризующим» определением: конь – *лайӑх лаша*, букв. «хорошая, добротная лошадь», цетер – *урӑхрах йытӑ*, букв. «немного другая собака».

Для сравнения, в «Русско-чувашском словаре» под редакцией Т.М. Матвеева [129], увидевшем свет в 1931 году, также распространены описательные обороты: бегемот – *Африкӑре пурӑнакан пысӑк тискер кайӑк*, букв. «большой зверь, обитающий в Африке», ехидна – *сӗлен евӑрлӑ тискер кайӑк*, букв. «зверь, напоминающий змею», лама – *Кӑнтӑрти Амерӑкре пурӑнакан тӗве майӑрах, анчах курпунсӑр, выльӑх*, букв. «животное, обитающее в Южной Америке, напоминающее верблюда, но без горба». В толковании в отдельных случаях подчеркивается принадлежность отдельных животных к млекопитающим: кит – *тинӑсре пурӑнакан пулӑ йевӑрлӑ питӑ пысӑк чӑрлӑх*; *кит сури сӑмрӑк чухне амӑшӑ сӑтне ёмсе ситӑнет*, букв. «обитающее в море и напоминающее рыбу большое животное: китёнок в молодости растёт, питаясь материнским молоком», тигр – *тикӑр (кушак йӑхлӑ пысӑк тискер кайӑк)*, букв. «крупный зверь, относящийся к семейству кошачьих». Представляют интерес также отдельные маммалионимы, которые переведены на основе сходства с другими животными и даже человеком: лось – *пӑши, лус (пӑлан йевӑрлӑ чӑрлӑх*, букв. «зверь, похожий на оленя»), пантера – *тикӑр йевӑрлӑ тискер кайӑк*, букв. «зверь, похожий на тигра», шимпанзе – *сын йевӑрлӑ пысӑк упӑте*, букв. «большая обезьяна, похожая на человека». Всего в словаре с учетом фонетических вариантов, видовых названий по полу и возрасту зафиксировано 72 названия млекопитающих.

В «Чувашско-русском словаре» В.Г. Егорова [48], вышедшем в свет в 1936 г., содержащем в себе до 25 000 слов, с учетом фонетических вариантов зафиксированы 154 маммалионима. Издание данного словаря было вызвано необходимостью ввести в оборот большое число общественно-политических терминов. Особенностью словаря является фиксация названий животных, являющихся устаревшими для современного чувашского языка: *кӑришӑ сысна* – кабан, *ланчӑк, ланчӑк тьыха* – жеребенок по второму году (Там же. С. 280), *пакрус, пакрус тьыха* – жеребенок по второму году, стригунок (Там же. С. 327), *тайанчӑк* (диал.) – домашние животные, получаемые молодушкой от родителей в подарок. Эти слова могли выступать также в качестве диалектизмов. В словаре приведены и диалектные фоноварианты названий: *йӑйр, йӑйрӑ* – жеребец, *ӑтӑр, вӑтӑр* – водяная крыса, речная выдра (Там же. С. 78), *хиркас, тыркас* – суслик, *хӑтӑр* – выдра, *пакша, вакиша* – белка, *морен, морин* – заяц (Татаркас. р.), *мулкачӑ* – заяц и т.д.

«Чувашско-русский словарь» [47] был переиздан в 1954 году, во втором издании значительно сокращено количество онимов, имеющих ограниченную сферу употребления (архаизмы, диалектизмы), включено больше названий животных. В целом, в источнике с учетом видовых наименований, фоновариантов отмечено 150 названий животных. Представляют интерес пометки автора, характеризующие стилистическую окраску и сферу употребления отдельных онимов: *акар йытти* фольк. «борзая собака», *услан* см. *вуслан*, *услан кайӑк* фольк. «лев», *сӗлевӗс*, *сӗлевӗс* уст. «рысь», *тукмак* диал. «волк»; данные характеристики подтверждают отсутствие общепринятых норм в середине XX в., а также тот факт, что литературный чувашский язык не был до конца нормализован.

В 1961 году был издан «Чувашско-русский словарь» под редакцией М.Я. Сироткина [192], который включает около 25 000 слов. В источнике зафиксировано с учетом названий разновидностей животных и фоновариантов 160 наименований млекопитающих, в том числе 39 онимов, заимствованных из русского языка. Особенностью словаря является фиксация диалектных названий животных (*кайӑк* диал. «собака», *ланчӑк*: *ланчӑк тиха* диал. «жеребёнок по второму году», *маймӑл* диал. «обезьяна, мартышка», *макӑр* диал. «бык», *маӗрен* диал. «заяц», *пакрас* диал. «жеребёнок с подрезанным хвостом; жеребёнок по второму году, стригунок», *пичук* диал. «суслик», *тукмак* диал. «волк»), при этом отдельные маммалионимы не отмечены в других источниках. Некоторые названия животных в форме словосочетаний автором рассматриваются в качестве лексически неделимых конструкций: *тинӗс сысни* «дельфин», *сара сӗрси* «летучая мышь», *сӗр ӑтӑрӗ* «выдра», *сурсӗр тилли* «песец» и т.д.

В «Русско-чувашском словаре» под редакцией И.А. Андреева и Н.П. Петрова [128], вышедшем в свет в 1971 году, и включающим около 40 000 слов, переведены 153 названия животных (с учётом видовых названий по полу и возрасту – 198). В отличие от большинства двуязычных словарей, в данном источнике приведены вошедшие в широкий обиход уменьшительно-ласкательные названия животных русского языка (бычок – *самраӑк вӑкаӑр*, ёжик – *чӗрӗп*, зайчик – *мулкач*, куян, кобылка – *кӗсре*, котик – *пӗчӗк кушак аси*, лисичка – *тилӗ*, мышка – *шӑши*). В словаре также распространены описательные обороты, толкования слов: *барс барс* (*кушаксен йӑхне кӗрекен пысӑк тискер кайӑк*), *макака макака* (*упӑте*), *мул мул* (*ашакна лаша метисӗ*), *тапир тапир* (*тропикри чӗр чун*) и т.д.

В 1982 г. вышел в свет «Чувашско-русский словарь» под редакцией М.И. Скворцова [193]. Словарь включает в себя около 40 000 слов чувашского литературного языка, а также устаревшие, разговорные слова, диалектизмы. По нашим подсчетам, в словаре зафиксировано 190 названий животных, а также 44 аналитические конструкции для именования

животных по полу с компонентами *ама, аса, вӑкӑр, ёне, тына, така*, 42 видовых названия по возрасту с компонентами *сура, чӑпӑ, тиха, путек, пӑру*.

В данный лексикографический источник включено множество онимов из тезауруса Н.И. Ашмарина с уточнением их семантики. Прежде всего, это собирательные названия животных: *ама-аса* «самки и самцы», *ёне-сурӑх* «домашние животные, скотина», *йыт-качка* «собаки», *какай-кӑш* «скот на убой», *кусан-сӗрен* «животный мир, фауна», *лаша-вильӑх* «лошади, кони, конское поголовье; мерин»; диалектные названия: *маймӑл* «обезьяна, мартышка», *кӑчӑк* «собака», *кушак кайӑкӑ* «мышь», *накрас* «1. жеребёнок по второму году, стригун, стригунок; 2. жеребёнок с подрезанным хвостом»; устаревшие слова: *куй сурӑх* «порода длинношёрстных овец», *нухай сурӑх* «ногайская овца», *янавар* «животное», *шыв сысни* «дельфин», слова разговорного стиля: *пурсуй* «борзая», детские слова: *няхха* «собака», *пахха* «лошадь, лошадка».

В словаре зафиксированы устойчивые сочетания – фитонимы с компонентами – названиями животных; эти ботанические термины также приведены Н.И. Ашмариным: *аса кӑпчи* «козловик, козлец», *вӑкӑр пуç* «медовый цвет, клевер (дикий)», *кашкӑр курӑкӑ* «герань», *тӑве курӑкӑ* «верблюдка», *ут кӑшкарӑ* «конский щавель», *чӑрӑп курӑкӑ* «ежеголовник» и т.д.

Также включены русизмы-зоонимы, вошедшие в активный словарный запас носителей чувашского языка к 80-м годам XX в. Приведено 70 наименований: *барс, бегемот, бизон, болонка, буйвол, бульдог, гепард, гиббон, гиена, горилла, дикобраз, дог, енот, ехидна, жираф, зебра, зубр, изюбр, кабан (капан), кашалот, кенгуру, кит, колонок, котик, кролик, кушак, лайка, лама, лань, ленивец, леопард, макака, мангуста, марал, мартышка, меринос, мопс, мул, муравьед, норка, носорог, нутри, овчарка, ондатра, орангутан, пантера, пӑрӑнтӑк, песец, пони, пудель, пума, пурсуй, росомаха, рысак, сайгак, сайка, сенбернар, серна, скунс, слон, соболь, такса, тапир, тигр, тур, тюлень, шакал, шимпанзе, шинишля, ягуар*.

Попыткой нормализации, систематизации зоологической терминологии является «Чувашско-русско-латинский словарь названий животных» Н.Г. Игнатъева, И.П. Павлова [64], вышедший в свет в 1993 году. В источнике с учетом видовых наименований зафиксированы 318 названий животных. Именования животных, не типичных для фауны Чувашии и не известных носителям языка, в большинстве случаев представляют собой буквальный перевод с русского и латинского языков: *розали* розалия – *leontideus rosalia* (*сарлака сӑмсалӑ вӑрӑм хӗрелӑ упӑте*, букв. «длиннохвостая широкохвостая красная обезьяна»), *Пржевальски лаши* лошадь Пржевальского – *equus przewalskii* (*зоопарксенче сыхланса юлӑ лаши тӑсӑ*, букв. «вид лошади, сохранившийся в зоопарках»), *проехидна* проехидна – *proechidna* (*Австралире*

пурăнакан, çăмартапа ёрчекен, сёт çиекен чёр чун, букв. «млекопитающее, размножающееся откладкой яиц, обитающее в Австралии») и т.д. Распространены также названия млекопитающих, заимствованные из русского языка: *емуранчик, енот, нерпа, солонгой, серна, сивуч, скунс, слон, финвал* и т.д. В источник включено множество видовых названий. К примеру, сумчатых животных именуют: *хутаçлă каюра* «сумчатый крот», *хутаçлă кашкăр* «сумчатый волк», *хутаçлă çёр мулкачĕ* «сумчатый тушканчик», *хутаçлă шуйттан* «сумчатый дьявол (тасманский дьявол)».

Учебное пособие в форме словаря Л.П. Сергеева [149] посвящено исследованию чувашской детской лексики. Среди детских слов, имеющих в большинстве своем подражательное происхождение и узколокальное распространение, с учетом фонетических вариантов нами выявлены 108 маммалионимов. В основном это названия домашних животных (корова – *панеçки, паниçки, паняçки, паняç, панеç, тпрукка, тпруçça*; лошадь – *нўнў*; свинья – *нăрх-нăрх, нăхнăх, нăх-нăх, нăрик-нăрик, нăрик, нюрккă*; собака – *умум, хамхам, амам, маххи, моххи, махха, мукка, мокка, моххо, омми*; кошка – *кăкăç, кăçак, кăтьăка, кăчи, миюк*; овца – *пуччи, пыччи, пычи, пыти, пăти-пăти, пыти-пыти, пăтюк*; коза – *мекекек, мекке, меме* и т.д.) и их детёнышей (*пиçça* «щенок», *пруçукки, мăтьăрка* «телёнок», *пёçси* «котёнок» и т.д.), хорошо знакомых детям, а также названия лесного зверя – волка (*момма, моммо, момом, момо, омми*). Оним *меми* называет нескольких животных: «детское название собаки, овцы, коровы».

Специальные словари. Отдельные названия млекопитающих зафиксированы также в специальных словарях. Так, в «Лесном словаре. Русско-чувашском толковом словаре слов и терминов, связанных с лесом и лесным хозяйством» Энтипа (Антипова В.И.) [203] нами выявлены 24 чувашских названия лесных зверей. В основном, в работе отмечены общеупотребительные онимы. При этом представляют интерес переводы: рус. лань «*пăлан*», летучая мышь «*ваçуха*», данные названия нами не выявлены ни в «Диалектологическом словаре чувашского языка», ни в «Словаре чувашского языка». В источнике также зафиксированы 42 названия растений, грибов с компонентами-зоонимами. К примеру, приведены следующие наименования с компонентом *кушак*: *кушак хўри* (аржаница, аржанец луговой, лисохвост, вероника длиннолистная), *кушак курăкĕ* или *кушак ути* (валериана лекарственная, кошачий корень или валериана аптечная), *шурлăх кушак курăкĕ* (валериана болотная), *кăтра кушак пăрси* (мальва).

В «Русско-чувашском словаре сельскохозяйственных терминов» [83], увидевшем свет в 1959 году, в основном зафиксированы названия животных, имеющих большое значение в хозяйственной жизни. Всего в словаре, по нашим подсчетам, переведено 159 русских названий

животных, при этом распространены видовые именования на основе породы (бестужевский скот – *бестужев ёни*, гнедая лошадь – *турь лаша*, каракульские овцы – *каракуль сурьхёсем*), возраста (жеребёнок – *тиха*, зверёныш – *тискер кайяк сүри*), пола (валух – *кастарнь така*, букв. «кастрированный баран»), боров – *сысна аси*, козёл – *качака таки*, волчица – *кашкър ами*), а также собирательные названия, основанные на категориальных признаках (грызуны – *кайшалакансем*, жвачные животные – *кавлекен выльяхсем*, ездовые лошади – *кўлсе сўремелли лашасем*, домашние животные – *килти выльяхсем*). В словаре также отмечены названия некоторых зверей (бурундук – *пърантйак* (чёрчун), горноста́й – *юс*, енот – *енот*, выхухоль – *ййнар*). Также зафиксированы узкоспециальные термины: драматёр – *драматёр* (*пёр курпунлă теве*), марал – *марал* (*пйлан*), метис – *метис* (*хутайи ййхлă выльях*). Следует отметить, что в данный источник вошли многие термины, приведенные Н.А. Андреевым в рукописном «Словаре по животноводству».

В «Русско-чувашском словаре терминов биологии, географии и химии» [37] в главе «Зоология» отмечено 140 названий животных. В основном, в работе представлены онимы, заимствованные из русского языка и вошедшие в активный словарный запас к концу 20 в., при этом некоторые названия снабжены описательными оборотами: гиббон – *гиббон* (*этем евёрлэ упате*), зебра – *зебра* (*лаша евёр чёр чун*), кашалот – *кашалот* (*пысак кит тессе*), ондатра – *ондатра* (*шыв чёр чунё*) и т.д.

Диалектологические словари. Систематизация слов и устойчивых выражений ограниченно-территориального характера всех говоров чувашского языка произведена в словарях Л.П. Сергеева. Составленный им «Диалектологический словарь чувашского языка» [151] – первая лексикографическая работа по чувашской диалектологии. В словаре, по нашим подсчетам, с указанием территории распространения зафиксировано 46 диалектных вариантов названий млекопитающих, в том числе и собирательные названия зверей и животных (*енлэк* (БАССР, Кош-Елга) – *тискер кайяк* – зверь; *какай-кёш* (Тюрлема) – скот, предназначенный на мясо; *усал кайяк* (Буинск) – *тискер кайяк* – зверь), названия половозрастных видов животных (*ишенёк* (М. Карачкино) – *пъру* – теленок; *къртмйш* 1. (Шеверли, Асавбашево) – *чёчё тихи* – жеребенок-сосунок; 2. (Баландаево) – *чёчё ёмме пйрахнь тиха*, *юпах тиха* – стригун; 3. (Рысайкино) – *хёл каснь тиха* – годовалый жеребенок; *ланчак* (Березово-Солонец) – *юпах тиха* – стригун; *мййтăх* (Рысайкино) – *чёчё тихи* – жеребенок-сосунок; *пайттал* (Дюртюли, Асавбашево) – *юпах тиха* – стригун; *пйран* (Байдераково) – *путек* – ягненок; *путяк: путяк ту* (Моргауши) – *пйранла* – ягниться; *стрикан: стрикан тиха* (Илим-Гора) – *юпах тиха* – стригунок; *сўмен: сўмен тиха* (Ст. Алгаши) – *чёчё*

тихи – жеребенок-сосун; *татӑк*: *татӑк хӳре* (В. Аккозино, Сявалкасы, Изванкино) – *юпах тиха* – жеребенок-стригун; *тиха*: *картлӑ тиха* (Мусирмы) – *юпах тиха* – *стрикан тиха* – стригунок; *ӳрӗ* (Шланлы) – *ӳйӳр* – жеребец; *хӳре*: *картлӑ хӳре* (Семенчино) – *юпах тиха* – жеребенок-стригун.

В 2006 г. вышел в свет «Диалектологический словарь чувашского языка» [150], составленный Л.П. Сергеевым, В.В. Павловым, А.Д. Ахвандеровой. Данное учебное издание дополнило данные первого диалектологического словаря чувашского языка. Так, в словаре записано 32 онима, при этом встречается большое количество фонетических вариантов одного и того же названия. К примеру, литературное *путек* «ягненок, козленок» в диалектах чувашского языка имеет следующее звуковое оформление: *пӑтӳк* (Хайбуллино), *питек* (Карачуры), *пӳтек* (Васильевка, Юмашево), *пытяк* (Кумаккасы, Ефремкасы, Русские Атаи).

Л.П. Сергеевым также составлен «Словарь чувашских народных говоров. Фонетические диалектизмы», вошедший в сборник «Материалы по чувашской диалектологии» [101]. В работе к словам литературного языка подобраны диалектные варианты, указаны населенные пункты, в которых зафиксированы данные словоформы или приведена ссылка на «Словарь чувашского языка». К примеру, *арӑслан* (Хирлукасы, Таутово, Аликово, Ашм. I 330), *араслан* (Ст. Атаи, Штанаши, Сюрлатри, Черепаново), *арслан* (Ашм. II 71) – лев. Всего в словаре рассмотрены с учетом видовых названий 20 маммалионимов и 52 их фонетических варианта, а также 2 собирательных названия (*выльӑх*, *кайӑк-кӗшӗк*) и 7 их фонетических вариантов.

Выводы по главе 1

Исследование названий животных в сравнительно-историческом освещении и в славянском, и в тюркском языкознании началось с 1960-х годов. Большой вклад в изучение этимологии названий млекопитающих в славянских языках внесли труды О.Н. Трубачева. В последующих работах исследователи развивают предложенный им подход о связи именований животных с историей животных, с историей культуры. Н.К. Дмитриевым, Д.С. Сетаровым рассмотрены тюркские названия, заимствованные русским языком. Названия животных в тюркских языках исследованы также А.М. Щербаком, К.М. Мусаевым. В трудах Г. Рамстедта, М. Рясенена, Э.В. Севортяна, О.А. Мудрака, А.В. Дыбо они рассмотрены с учетом их параллелей в языках алтайской группы.

Первые попытки осмысления происхождения чувашских названий животных были предприняты в конце XIX – начале XX вв. Н.И. Золотницким и продолжены Н.И. Ашмариним.

Изучение лексики чувашского языка в сравнительно-историческом аспекте началось с конца 1950-х годов. Большой вклад внесли исследовательские работы В.Г. Егорова, М.Р. Федотова, Г.Е. Корнилова, Л.С. Левитской и т.д. Именования животных в сравнительно-историческом освещении отражены в «Этимологических словарях чувашского языка» В.Г. Егорова, М.Р. Федотова.

Названия животных – важнейший пласт лексики, они зафиксированы в рукописных источниках Н.А. Андреева, Н.И. Ашмарина, Н.В. Никольского и в лексикографических источниках. Маммалионимы почти в исчерпывающем числе приведены в 17 выпусках «Словаря чувашского языка» Н.И. Ашмарина. Первой попыткой фиксации слов, имеющих узколокальный характер распространения, является «Диалектологический словарь чувашского языка» Л.П. Сергеева, вышедший в свет в 1968 г. Также названия животных зафиксированы в двуязычных переводных и в специальных словарях.

Несмотря на то, что исследователями проанализированы отдельные пласты зоонимической лексики чувашского языка (названия рыб, названия птиц), на сегодняшний день отсутствует комплексный многоаспектный анализ маммалионимов.

ГЛАВА 2. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЧУВАШСКИХ МАММАЛИОНИМОВ

Животные играют важную роль в жизни человека. Домашние животные присутствуют в его повседневной деятельности. Дикие животные являются источником пищи, пушнины, лекарственного и парфюмерного сырья. В частности, в рукописном фонде Н.В. Никольского зафиксировано: «Чăваш юлташĕсем: лаша, ёне, кушак, йытă. Йытта чăваш пит юратса, ăна вăл хай кил суртне сыхлатарать, тата сула кайнă чух унпа йытă пĕрле пулсан, вăл хăрамасăрах сÿрет» [283. Л. 158] (перевод: Друзья чувашей: лошадь, корова, кошка, собака. Собаку чуваш очень любит, заставляет её охранять дом, и если путешествует вместе с ней, то ходит, ничего не боясь). Однако эта оценка не всегда однозначная. К примеру, в чувашском языке встречается бранное выражение *йытă пичĕ*, букв. «собачья рожа»: *Тухса кай, йăтă пичĕ!* [8. Вып. V. С. 101] (перевод: Уходи, собачья рожа!). Отношение к животным основано на их практической значимости: «Чуваши из домашних животных более уважают: лошадь, корову, овец, курицу и голубя. Так как эти животные дают большую необходимую пользу в жизни данной семьи или общества. Голубя и ласточку считают за полезных птиц в том отношении, что они как будто бы предсказывают судьбу данного дома, в котором они живут. Если эти птицы оставят свои гнезда, то хозяева ожидают неприятное (пожар)» [284. Л. 93].

Существует также народная классификация животных, основанная на их близости к человеку: 1) *хушайствинче пурăнакан выльăх-чĕрлĕхсем* (букв. «животные, живущие в хозяйстве»): лаша «лошадь», ёне «корова», пăру «теленки», тиха «жеребенок», сысна «свинья»; 2) *сĕр кайăк-кĕшĕксем* (букв. «земляные звери»), к которым отнесены грызуны; 3) *сурт кайĕкĕ* (букв. «домашние птицы»): хур «гусь», чăхă «курица», автан «петух»; 4) *вăрман кайăкĕ* (букв. «лесные животные»): птицы, дикие звери и отдельные грызуны (*арлан* «хомяк», *тыркас* «суслик»); 5) *сĕр айĕнче пурăнаканисем* (букв. «живущие под землёй»): змея, муравей, хорь, мышь, ласка, крыса, ящерица; 6) *чăваш пуртĕнче пурăнаканисем* (насекомые)» (Там же). Исторически *кайăк* «животное», *кайăк-кĕшĕк* «птицы и звери», *вĕсен кайăк* «птицы», *тискер кайăк* «звери», *шăван кайăк* «пресмыкающиеся», *хир кайăкĕ* «дикие животные», *сÿрен кайăк* «четвероногие», *пуç кайăкĕ* «вши, гниды» и т.д. Следует отметить, что в одном источнике пресмыкающиеся названы словом «гады» (к ним отнесены змеи и ящерица): *сĕлен, калта, хорăн пуçлă сĕлен, туй сĕлен* [288. Л. 429]. В нашем сравнительно-историческом анализе чувашских маммалионимов мы будем опираться на общепринятую биологическую систематику животных, в рамках которой и рассмотрим нарицательные имена.

§ 2.1. Наричательные имена «выльӑх», «кайӑк», «янавар»

Выльӑх [vɨlʲəh] «скот, скотина». Это название в восприятии носителей языка вызывает неоднозначные чувства. Прежде всего, ассоциируется с жалостью: *Выльӑха хӗрхенекен ҫук, тӑлӑха ачашилакан ҫук* (перевод: Нет жалеющего скотину, нет ласкающего сироту). *Выльӑха хӗрхенекен – ырӑ ҫын* [314. С. 63] (перевод: Жалеющий скотину – добрый человек). Оним *выльӑх* символизирует также преемственность поколений: *Выльӑх пуласси тихаран паллӑ, ҫын пуласси ачаран паллӑ* [282. Л. 52] (перевод: Какой будет скотина видно по жеребенку, каким будет человек видно по ребенку). Также это название на ассоциативном уровне связывается с человеком, недостойным уважения: *Атте, манса кайрӑн-им акӑлчансем хамӑра выльӑх ырайне хунине* [257. С. 27] (перевод: Отец, ты разве забыл, как англичане считали нас скотом). При этом сочетание *ёҫ выльӑхӗ* характеризует трудолюбивого человека: *Арӑмӗ, ёҫ выльӑхӗ, ирхине ёҫне кӗлӗннӗ те ҫӗрлеччен пӑрахман* [309. С. 36] (перевод: Жена, рабочая лошадка, принималась с утра за работу и до ночи не прекращала).

Встречаются следующие диалектные фоноварианты названия: *вольӑк* «скот», *вольӑх* «скот» [8. Вып. V. С. 264], *вайӑлӑх* «скот, скотина» (Там же. С. 295). Употребляются также сочетания с компонентом *выльӑх*: *мӑн выльӑх* «крупное домашнее животное; корова или лошадь» [8. Вып. VIII. С. 307], *шултра выльӑх* «крупный (рогатый) скот» [8. Вып. V. С. 352], *парне выльӑхӗ* «жертвенные животные» [8. Вып. IX. С. 112], *тӑватӑ оралӑ выльӑх* «четвероногое домашнее животное» [8. Вып. V. С. 202]; млекопитающее – *чӗчӗ ёмсе јӗсекен выльӑх* [112. С. 206], подъяремный скот – *кӗлекен выльӑх* (Там же. С. 413).

Среди исследователей нет однозначного мнения о происхождении данного онима. Так, Н.И. Золотницкий возводит это название к общетюркскому *олав* «подвода» и в качестве параллелей рассматривает чер. *волик*, *волӑк*, тур., джаг. *улак*, *улыг* вообще четвероногое животное вьючное или верховое [56. С. 19, 29]. При этом не принимает во внимание прямое соответствие чуваш. *ӧлав* ~ *олау* подвода [184. Т. I. С. 136]. От тюркского *улак* ведет свое происхождение чув. *лав* «воз», «подвода» [49. С. 58, 125]. В свою очередь, М. Рясенен рассматривает чув. *elav*, *lav* в качестве параллелей уйг. *ula*-у «очередь, порядок» и приводит соответствия в монгольских языках: монг. *ula-ga* «почтовые лошади, официальная почтовая служба» < *ula* «вести далее» ~ тюрк. *ula* «продолжать» [237. S. 512b].

М.Р. Федотов со ссылкой на Н.И. Ашмарина [7. Ч. 1. С. 52] предполагает, что название *выльӑх* восходит к *вайӑлӑх* (*вай* «сила»), букв. «то, что может доставить силу» [184. Т. I. С. 136]. В.Г. Егоров, в свою очередь, объясняет происхождение слова с исторической точки зрения: «в

период, когда скотоводство являлось основной, ведущей отраслью хозяйства, все имущество человека заключалось в домашних животных: *вый* (диал.) + *лăх* > *выльăх*» [49. С. 58].

Н.И. Огиенко высказал предположение об этимологическом родстве рус. *вол* и чув. *выльăх* [116. С. 30], однако М. Фасмер возведение рус. *вол* к чув. *vyliх*, мар. *volik*, связанным с тюрк. *ulaг* «вьючное или ездовое животное», считает сомнительным в звуковом отношении [179. Т. I. С. 336]. Следует также отметить, что близость рус. *валах*, *волох*, *влах*, *Валахия* с др.-тюрк., булг., чув. *выльăх* скот позднее подчеркнул Н.А. Баскаков [10. С. 18].

Таким образом, наиболее вероятным представляется происхождение названия *выльăх* «скот, скотина» на почве чувашского языка от *вай* «сила».

Кайăк [kájăk] «дикое животное; дикая птица; дичь, дикий», «зверь вообще», «заяц», «мышь», «дичь, как предмет охоты», «насекомое» [8. Вып. VI. С. 12–13]. Название *кайăк* употребляется для именованья чужака (при его характеристике): *Мёнке кайăк вăл?* (перевод: Что он за человек?). Сочетание *тискер кайăк* «зверь, дикий зверь» ассоциируется со злым, безжалостным человеком и часто выступает в качестве ругательства: *Çёлен-калта эсё! Тискер кайăк!* [246. С. 281] (перевод: Ты пресмыкающееся! Дикий зверь!).

Н.И. Золотницкий впервые привел соответствия чув. *кайык* дикий зверь, дикая птица: тат., джаг. *kiик*, алт. *kийик*, л. чер. *каиик*, г. чер. *кэк*, перм. *кай* [56. С. 30]. В древнетюркских памятниках зафиксировано *kejik* «олень, лань; зверь вообще; дикий, миф. дикий, мифический (?)» [43. С. 295], *kijik*; *kik* «зверь» (Там же. С. 307). Чувашское *кайăк* следует отнести к одной из древнейших общетюркских лексем [120. С. 14]: орх. *kejik*, ен. *kejik*, др.-уйг. *kejik*; тур. *gejik*, турк. *kejik*; кум. *gejik*, тат. *kijik*; каз. *kijik*; кирг. *kijik*, алт. *kijik*; узб., уйг. *kijik*; сюг. *kejik*; хак. *ki:k*, чув. *kajăk* [165. С. 151], тат. брб. д. *киик* «дичь» [170. С. 306], тат. перм. *куйук* «филин» (Там же. С. 335). Как видно из приведённых примеров, в ряде тюркских языков и диалектов под влиянием *й* и узкого гласного второго слога произошло сужение *ă* первого слога: **кăйик* > *кейик* > *кийик* > *ки:k* > *кик* [206. С. 21–22]. В большинстве тюркских языков это слово употребляется в значениях: «дикий (о животных и растениях)», «дикие животные и птицы», «дикое животное», при этом старейшим является значение «дикий» (по отношению к животным и растениям) (Там же. С. 22). М. Рясенен др.-тюрк., общетюрк. *kăjik* сопоставляет с общетюрк. *kăjlig* «дикий» [237. S. 247b]. В ЭСТЯ этот пример дополнен данными из новейших индексов к данному словарю: *keyik* «с телосложением обезьяны (о людях)», *keylig* «обезьяна», *keylig kiši* «дико озирающийся по сторонам человек» [43. С. 295; 206. С. 23]. Дж. Клоусон с долей сомнения возводит *keylig* «дикий человек» к *keyiklig* [214. P. 755b]. Л.С. Левитская предполагает, что *keylig* (< *keyiklig*) образовано по модели

тел. *kijilik* «подобный человеку», таким образом *keylig* «подобный *key*'ю или *keyik*'у [=* «обезьяне» < «чему-то странному, диковинному»]», и сопоставляет **key* ~ **ked* ~ **keδ* в **keyik* ~ **kedik* с *kej*, *keδ*, *ked* «особенный, странный» [43. С. 292–293], восходящими к согдийскому слову [206. С. 23].

В ЭСАЯ реконструируется единая праалтайская форма **kaji* «животное»: пратунг. **kaji*-; пратюрк. **gejik* [240. Р. 631]; при этом в качестве соответствий в тунгусо-маньчжурских языках следует рассмотреть орок. *qaiyarı* «нерпа (крупная)», эвенк. *kajur* «коза (дикая)» [167. Т. I. С. 361–362], нан. *kiaktān* «пестрая порода собаки», которые представляют собой тюрко-тунгусскую изоглоссу, также следует провести параллели с монг. *kik layusa* «мул», древнее японское *ke-mono* «животное» (обычно объясняется как «волосатое существо») [240. Р. 631].

Значение «дикий» чувашское *кайăк* реализует в названиях: *кайăк лаша* (букв. «дикая лошадь») «осёл», *кайăк сысна* «кабан», *кайăк ăын* «дикарь» [8. Вып. VI. С. 15], *кайăк-кавакал* «дикие утки», *кайăк-коакал* (Сюткюль) «дикие утки» [150. С. 30]. В татарском языке, к примеру, также употребляются зоонимы со словом *киек* в значении «дикий»: *киек кошлар* «дикие птицы», *киек хайваннар* «дикие животные» [171. С. 251]. В восточном диалекте башкирского языка употребляется *кейк* «полевой зверь» [161. С. 99].

Сочетания с компонентом *кайăк* в значении «зверь» получили широкое распространение в языке: *тискер-кайăк* «зверь» [8. Вып. XIV. С. 75], *усал кайăк* «зверь» [8. Вып. VI. С. 13], *хирти кайăксем* «дикие звери» [8. Вып. XVI. С. 126], *ăёр кайăкă* «тушканчик», *ăёр кайăкă* (или: *ăёр кайăк*) «летающие насекомые» [8. Вып. XIII. С. 92], *мерчен-кайăк* «назв. зверя (в песнях)» [8. Вып. VIII. С. 228], *авăн кайăк* «мышь» [8. Вып. I. С. 46], *кошак кайăкă* «мышь» [8. Вып. XVII. С. 346]. В чувашском языке зафиксировано название *енлăк* (диал.) – зверь, ? дичь: *Вăрман енлăкăр пулмасть* [71. С. 15] (перевод: Не бывает леса без зверя (дичи)). *Йенлăк* «дикое животное». *Йенлăк*, зверь [8. Вып. IV. С. 275]. Н.И. Егоров относит это слово к татарскому заимствованию в чувашском языке: *енлăк* «зверь, дикое животное», «дичь» ← тат., башк. *жăнлек*, *йăнлек* «животное, зверь» [51. С. 305].

В диалектах татарского языка, к примеру, для именования отдельных диких животных используется фоновариант *кийек*: перм. тат., тбл. тат., брб.д. тат. *кийек*, кргл. тат. *кыр кийеге* «лось», перм. тат., тюрм. тат. *кийек*, кргл. тат. *урман кийеге* «олень» [170. С. 307]. В значении «олень» это слово широко распространено и в остальных тюркских языках: тур., тур. диал. *гейик*, кум. (напр., в *қуба гийик*), кум. диал. *гийик*, уз., уз. диал. *кийик*, уйг. диал. *ки:к*, лоб., сюг. *кеик*; тар., алт., тел., леб., шор., саг., койб., кач., кюэр., кир., казан. *ки:к*, чаг.,

вост.-тюрк. [124. Т. II. С. 1340]. В чувашском языке употребление *кайăк* в значении «олень», «лось», характерном для большинства тюркских языков, не зафиксировано.

Только в диалектах татарского языка это общетюркское название используется для именования мыши: тат. нрл. *кийек* «мышь», тат. нукр. *олы кийек* «крыса» [170. С. 307], ср. чув. сочетания с компонентом *кайăк*: *авăн кайăкĕ*, *кушак кайăкĕ*, *çĕмел кайăкĕ*.

Появление обобщённого значения «птица» (а не только «дикая птица» или «птица-дичь»), связывают с названием «дикая птица», т.е. «птица» = «дичь, предмет охоты» [206. С. 22], эта семантика выявлена только в чувашском языке: *шыв кайăкĕ* «водоплавающая птица», *çунат хушнă кайăк* «оперившаяся птица», *вĕсен кайăк* «птица», *çăткăн кайăк* «хищная птица». В чувашском языке также широко распространены орнитонимы-сочетания с компонентом *кайăк*: *слешен кайăк*, *слешин кайăк* «назв. птицы (м.б. некогда означало рысь?)» [8. Вып. XI. С. 329], *ăмăрт кайăк* «орел», *сала кайăк* «воробей», *пилеш кайăкĕ* «дрозд», *симĕс кайăк* «иволга», *çул кайăкĕ* «щегол», *хăмăш кайăкĕ* «камышевка», *майра кайăкĕ* «канарейка», *йантрав кайăкĕ* «пищуха», *каска кайăкĕ* «трясогузка», *пуса кайăкĕ* «коноплянка», *кантăр кайăкĕ* «коноплянка», *чие кайăкĕ* «пеночка», *шăна кайăкĕ* «мухоловка», *сивĕ кайăкĕ* «снегирь» [120. С. 90–91]. В тюркских языках для именования птицы употребляется общее название *куш* (**kuš*): др.-уйг. *qiš*, тур. *kuş*, турк. *Guş*, кум. *qiš*, тат. *qoş*, узб. *qiş*, хак. *xus*, тув. *ku'ş*, як. *лис* [165. С. 168]. В чувашском языке компоненты *-кăш*, *-кĕш*, *-кĕш-ĕк* являются составными частями парных слов *кайăк-кĕшĕк* «звери и птицы; насекомые вообще», *кайăк-кĕш* «птицы и звери, насекомые вообще» (Тюрлема), *кайăк-кăш* «птицы и звери (вообще)» (Сиктерма) [8. Вып. VI. С. 14], *çĕр кайăк-кĕшĕсем* (букв. «земляные звери») [283. Л. 133], *кайăк-тĕшĕк* «птицы (вообще); звери и птицы» (Хомутерь) [101. С. 71].

Кайăк в значении «заяц» [8. Вып. XI. С. 169] употребляется только в чувашском языке. Так, в «Русско-чувашском словаре» Н.В. Никольского слово *заяц* переводится как «мулкачă, кайăк, куйан» [112. С. 123], а *куень* – «куянь-кайăк, мулкач» (Там же. С. 176). Для именования этого зверя употребляются также сочетания с компонентом *кайăк*: *шурă кайăк*, *шорă кайăк*, *шор кайăк* «заяц». В рукописном источнике отмечено парное слово *кайăк-мулкаç* [283. Л. 157].

В чувашских говорах и диалектах встречается название *кайăк* «насекомое, мошка» [151. С. 24]: *Кайăк – также насекомое (вообще). Кайăк – букашка* [8. Вып. VI. С. 13]. *Кайăк-кĕшĕк* «насекомые вообще» (Там же. С. 14). *Вĕтĕ кайăк* «насекомое» [193. С. 135]. В татарском языке близкое по значению *киек* «вошь» употребляется как эвфемизм [171. С. 251].

Чувашское *кайăк* проникло в марийский язык: марЛ. *кайык*, марГ. *кек*, марСЗ. *кайык* птица/удм. *койык* лось/коми *кайко* лось; птичка [183. С. 187]. В марийском языке

зафиксированы: *кайык* «птица»: *изи кайык* «маленькая птица, птичка», *чодыра кайык* «лесная птица»; *кайык* «зверь» в составе названий *нур-кайык* [22. С. 135], *нургайык* «заяц» [99. С. 362], точнее: «заяц-русак», мар. *нур* «поле, полевой»; *кожла кайык* «заяц» [22. С. 69], точнее: «заяц-беляк», мар. *кожла* «лес, лесной».

От имени *кайык* образованы причастие прошедшего времени *кайыкланн* «одичавший», глагол *кайыклан* «одичать»: *Лашасем чисти кайыкланн иккен* [8. Вып. VI. С. 15] (перевод: Лошади будто одичавшие, однако).

Таким образом, *кайык* следует отнести к общетюркскому названию. Однако среди исследователей нет единой точки зрения о производящей основе этого тюркского слова; большинство исследователей связывает происхождение с тюрк. *keylig* «обезьяна», «дикий человек»; корнем *kej*, *ked*, *ked* «особенный, странный». Существует также предположение о существовании единой праалтайской формы **kaji* «животное». Чувашское название употребляется в основных значениях, свойственных большинству тюркских языков: «дикий (о животных и растениях)», «дикие животные и птицы», «дикое животное». В чувашском языке значение общетюрк. *кайык* расширилось, этим словом именуют зайца, насекомое. Как и в татарском языке, в чувашском языке этим словом называют мышь, но это значение реализуется лишь в составе сочетаний: *аван кайыкё*, *кушак кайыкё*, *сёмел кайыкё*.

Янавар [*janavár*] «животное». Этим словом, как правило, именуют скотину (лошадь, корову). Маммалионим *янавар* символизирует животное, достойное жалости, сочувствия, поэтому в языке употребляются сочетания *мáнтайáн янавар*, *мёскён янавар* «жалкое, несчастное животное», *чёлхесёр янавар* «бессловесное животное». *Янавар укши – мёскён – айван сын укши* [319. Т. 6. С. 47] (перевод: Деньги за животное – деньги нищего, бедного человека). Название *янавар* выступает в качестве характеристики покорности, безропотности: *Пуслáхсем сáвáн пек чёлхесёр янавaрсене юрaтaсçё* [308. С. 131] (перевод: Начальники любят таких бессловесных сотрудников). Итак, у ониха *янавар* развилось переносное значение «бедняжка, страдалец; бедный, несчастный, жалкий; глупый, бестолковый, несмышленный (о человеке)» [193. С. 647].

Соответствия в тюркских языках: ног. *янувар*; тат. *жанвар*; азерб. *джанавар* «хищный зверь», «волк», перен. «злой», «смелый», «отчаянный»; тур. *джанавар* «дикий, хищный зверь», «дикий кабан», «вепрь», перен. «жестокий», «кровавый (о человеке)»; гаг. *жэнавар* «волк»; кирг. *жаныбар*; узб. *жанивор*; к. калп. *жанлик* «животное»; казах. *жануарлар элеми* «животный мир» [49. С. 353]. Таким образом, этот оним получил распространение в отдельных языках огузской, кыпчакской, карлукской, киргизско-кыпчакской групп.

М.Р. Федотов относит это название к слову персидского происхождения [180. С. 123]. К этому же мнению склоняется и В.Г. Егоров: «из перс. *جالور* (*джанвӑр*) «животное», «зверь»; *جان* «душа», *وار* «обладающий», «имеющий», «одаренный»; *джанвӑр* – «имеющий душу», «одаренный душой»; ср. лат. *animal* «животное» от *anima* «дыхание», «душа» [49. С. 353]. Р.Г. Ахметьянов также связывает происхождение тат. *жанвар* с фарсизмом *жановар* «имеющий душу» [4. С. 66].

В чувашском языке для именования животных в целом и их отдельных групп употребляются названия: *чӑрчун* «животное, живое существо», *чӑрӗ чун* «живое существо», *чун*, *чон* «душа; живое существо», *свер* «зверь», *хирти кайӑк*, *усал кайӑк* «зверь», *тискер кайӑк* «дикий зверь», *свер-тискер* «хищный зверь», *мӑн вильӑх*, *шултра* (*шултӑра*) *вильӑх* «крупное домашнее животное».

§ 2.2. Отряд насекомоядные

§ 2.2.1. Семейство ежи

Чӑрӗп [*čărêp*] «ёж». Ёж – зверёк, который может неожиданно выставить свои иголки, поэтому оним *чӑрӗп* символизирует опасного, резкого, вспыльчивого человека: *Ашшӗ ватӑ чӑрӗп пекх шӑртланса кайрӗ* [326] (перевод: Отец рассердился совсем как старый ёж). Из-за защитных иголок в чувашских народных пословицах и поговорках ёж олицетворяет собой что-то сложное, замысловатое или труднодоступное: *Çара алӑна чӑрӗп тытаймӑн* [289. Т. 3. Л. 654] (перевод: Голыми руками ежа не возьмёшь). Это животное ассоциируется также с осторожным человеком: «*Хуллен шӑвӑн – мала тухӑн*», – *терӗ тет чӑрӗп* [314. С. 100] («Тише едешь – дальше будешь», – сказал, говорят, ёж). А в сказке «О еже, кроте и лисе» хитрый ёж оказался обманутым из-за того, что нарушил договор с кротом и не захотел поровну разделить собранный урожай зерна [318. С. 44–45]. Согласно мифам, ёж научил чувашей землепашеству. А способность сворачиваться клубком этот зверёк получил из-за стеснения перед Богом. Существует также поверье, что колдуны могут превращаться в ежей [316. С. 142–144].

В рукописном источнике Н.В. Никольского отмечен диалектный фоновариант *череп* [284. Л. 143].

В древнетюркских памятниках зафиксировано *kirpi* «еж» [43. С. 309]. Впервые параллели чув. *чирп* «еж» с тюркскими формами: тур. тат. *керпе* – приведены Н.И. Золотницким [56. С. 104]. Это слово имеет соответствия в тюркских языках: турк., тур., тур. диал., гаг., аз., кар. к., кум., кум. диал., кир., каз., ккал., ног., уз., уз. диал. (в *кирпитикәнәк*),

халадж. *кирпи*, бар., уйг. диал. *кирпә*, бал. *кирфи*; тур. диал., уз. диал. (в *кипритикән*) *кипри*, тат., баш. диал. *кӳрпӳ*; уйг. *кӳ(р)ни*; уйг. *кӳжни*; кар. г. *кырпы*; уйг. диал. *керпә*, уйг. диал. *керпе*; уйг. диал. *көрпә*; уйг. диал. *kiprā*; баш. *тӳрпӳ*, кир. (кир.=каз.) *кирпик*, это слово в указанных языках употребляется в значении «ёж» [206. С. 72–73]. В златоустовском говоре татарского языка (на территории Башкирии) встречается также фоновариант *терпе* [170. С. 628]. Следовательно, в башкирском и татарском языках наблюдается ассимиляция $k > t$ в анлауте, а в чувашском языке употребляется начальный *ч-*. Если взять за основу утверждение, что «чув. *чёрёп* образовано из *тирип* < *тирпи*» [206. С. 73], то следует предположить, что фонетические изменения чувашского названия произошли под влиянием башкирской формы.

Среди исследователей нет единой точки зрения о происхождении этого общетюркского онима. В.Г. Егоров чув. *чёрёп* «ёж» выводит из перс. *کریو* (*керпу*) «ёж» [49. С. 325]. Его мнение разделяет М.Р. Федотов [184. Т. II. С. 416].

В ЭСТЯ отмечается, что для этимологии *кирпи* интересен турецкий диалектный глагол *kirpiş-* «становиться дыбом, топорщиться, щетиниться», обращается внимание и на структурное сходство *кирпи* и тат. *шырпы* «заноза», тат. *қурпы* «отава», коман. *сӱргу* «хворост», в которых встречаются комплексы с имитативным значением **кирп*, **шырп*, **қурп*, **сӱрп*, ср. тур. *сӱрп* «обрезанные ветви деревьев, сучья» < *сӱрп-* «срезать, обрезать, подстригать (деревья и т.п.)» [206. С. 73]. Ранее Г.Е. Корнилов заявил об отымитативном происхождении чув. *чёрёп* «ёж/ёжик»: как и в словах *чёрмеле-* «царапать», *чёрне* «ноготь», *чёрпек/чёрпёк* «щепка, лучинка» и т.д. присутствует подражательный корень *чёр-* «рвать, драть; сдирать, раздирать; царапать, чертить» [77. С. 125–126]. Также исследователь при анализе венгерского названия еловой хвои *череке* отмечает, что «закономерными соответствиями венгерского радикаоида **чер-* являются родственные корни, содержащиеся в чувашских словах: *чӳрӳш*, *чӳрӳшӳ* «ель, пихта; еловый, пихтовый», *чёрёп* «ёжик, ежовый» (?), *чӳркӳш* «задира», *шӳрпӳк* «заноза, спичка», *шӳрт* «щетина» и т.д.» [76. С. 193–194].

Р.Г. Ахметьянов, в свою очередь, выводит общетюрк. *кирпи*, *кирби* «ёж» из др.-тюрк. *кэрпиг* «иглистый, игольчатый», обще-, древнетюркских корней *кэрп-*, *кырп-* «игла, шпилька, булавка» [4. С. 101].

В монгольском языке выявлены близкие формы: п.-монг. *žarāyan* [< **žarāyan*; **žara-* (?) + *-*yan*], монг. *зараа(н)*, *žarā* (Халх.), бур. *заряа* «ёж», откуда тунг.-маньчж. (сол.) *žarā* «ёж» [113. С. 126]. В СИГТЯ предполагается, что пратюркскую форму **tirpi*, следует связать с монг. *žarāya* «ёж» (< *dirβa*; этимология О.А. Мудрака) [165. С. 166].

Таким образом, среди исследователей нет единой точки зрения о происхождении маммалионима *чёрён*. Учитывая исторические связи тюрков с жителями стран Востока, этот оним мог проникнуть в чувашский и в другие тюркские языки из персидского источника, но в последнем он не имеет внятного объяснения. Также следует отметить возможную связь тюркской и монгольской форм. Можно также предположить, что в основе номинации изначально в праязыке лежала имитация.

§ 2.2.2. Семейство кротовые

Йăпар [jəBár] «выхухоль». *Йăпар шура порăнать (хора), шăшлă (=шăршăлă)* [8. Вып. V. С. 79] (перевод: Выхухоль живет в воде (черная), вонючая). В сознании носителей чувашского языка название этого зверька ассоциируется с чем-то ценным и труднодоступным: *Йăпăрти чĕлхе йăпар тытнă* [319. Т. 5. С. 94] (перевод: Ластивый язык поймал выхухоль). По мнению Л.В. Борисовой, культурная коннотация названия выхухоли в русском языке отсутствует, а в чувашском языке это название символизирует хитрость [16. С. 458]. Так, сочетание *йăпар сын* означает «хитрого человека; хитрюгу» [193. С. 122].

Зафиксированы также диалектные фоноварианты: *йыпар* [8. Вып. IV. С. 298], *йăпăр* (с. Аликово), *йăпăркка* (с. Аликово) «выхухоль» [150. С. 28]. Другие значения этого онима: *йăпар* «выхухоль, хохуля, назв. животного» [8. Вып. V. С. 79]; «*йăпар (пăрăс) – барсук*» (с уточнением «это неверно») (Там же). В чувашском языке в большинстве случаев слово *ăтăр* употребляется в значении «выдра». Вероятно, носителями языка из-за незнания или отсутствия ярких отличительных признаков между зверьками в качестве омонимов употреблялись: *йăпар* = *ăтăр*, *йăпар*, выхухоль (Там же). Следует также отметить, что в «Словаре чувашского языка» под знаком вопроса записано *ăтăр* выхухоль (?) (Там же. С. 78). Ранее Н.И. Золотницкий подчеркнул семантическую близость названий *удур* и *йыбар* выхухоль [56. С. 22].

В КЧРС в качестве соответствия чув. *йыбар* выхухоль рассматривается перс. *джуфар* (Там же. С. 14). В древнетюркском языке зафиксировано *jīpar* «мускус; запах, аромат» [43. С. 267]. В. Радловым выявлены следующие соответствия в тюркских языках: ком., тоб., уйг. *йыпар* «мускус»; *йыпар сачкан* (тоб.) «выхухоль»; чаг. *ипар* «благоухание, мускус»; кирг. *жыпар* «мускус» [124. Т. I. С. 1566; Т. III. С. 499; Т. IV. С. 133]. Л.З. Будагов, в свою очередь, в качестве соответствий приводит чаг. *юпăрь*, тат. *юфарь* или *ифарь* [17. Т. II. С. 347], кирг. *жюфар* «мускус» [17. Т. I. С. 437]. К параллелям в современных тюркских языках следует

отнести тур. диал. *йыпар* «приятный запах», тур. диал. *ипар* «амбра; желтоватые цветы колючего растения, произрастающего в бесснежных местах, не теряющие своего запаха при увядании», баш. *йофар* «мускус», кирг. *жыпар* «благоухание», тат. *жофар* «выхухоль», казах. *жопар* «мускус», ккалп. *жопар* «благовоние», сал. *ju'ar*, *juħaŋ* «мускус», сюг. *шуварь* «мускус», як. *сымар*, *сыбар* «вонь, смрад» [143. С. 284]. В.Г. Егоров приводит следующее объяснение семантики к.-калп. *жупар* «благовоние»: «по-видимому, смешивали с кабаргой, у которой (у самца) в задней части живота имеется мускусный мешок» [49. С. 75]. Таким образом, этот оним получил распространение в турецком, саларском языках огузской группы, отдельных языках кыпчакской группы, отдельных языках киргизско-кыпчакской группы, чувашском языке болгарской группы, при этом соответствия в большинстве тюркских языков входят в семантическое поле «запах». В качестве маммалионима это слово используется лишь в киргизском, в татарском, в чувашском языках, при этом «значение 'выхухоль' сформировалось в словосочетании типа тоб. *йыпар сачкан (сычқан)* 'выхухоль', досл. 'мускусная/вонючая мышь'; ср. также маньчж. *ва-ңга сиңгэри* 'выхухоль', букв. 'мышь, имеющая запах'» [143. С. 284].

Большинство исследователей предполагает этимологическое родство тюркской и монгольской форм. Так, М. Рясенен со ссылкой на Н. Поппе [231. S. 47, 80] проводит параллель между тюркскими словами, называющими мускус, и монг. *жйгар* «мускус», среднемонг. *жа'ar* < **жйпар* (уйг. *супар* «мускус», желтоуйг. *šyvar*, *šivar* «мускус») [237. S. 201ab]. В ЭСАЯ реконструируется единая праалтайская форма **жйр'о* «благоухание, дым»: монг. **жйгар*; тюрк. **жйпар*; яп. *(d)impu-s- [240. Р. 1537]. Г. Рамстедт также предполагает этимологическое родство тюрк. *жупар* с монг. *жйгар* «мускус» [233. S. 469b]. При этом Дж. Клоусон рассматривает монг. *жйгар* как тюркское заимствование второго периода [214. Р. 878–879]. В подтверждение предположения о существовании модели *йып-йыпар* в ЭСТЯ приводятся як. *сыт-сымар* «резкий запах, зловоние», кир. *жыт-жыбыр* «всякие запахи» [143. С. 284].

Р.Г. Ахметьянов полагает, что тат. *жофар* «выхухоль», общетюрк. *йыпар*, *йупар*, *йагар* «благовоние, животное, имеющее запах» образованы путем сложения слов: общетюрк. *йы*, *йыг*, *йыд* «приятный запах» и *бар*, *пар* «барс, циветта» [4. С. 72].

Происхождение чуваш. *ййпар* из-за аналогичного *йй*- связывают с заимствованием из какого-то *йй*- диалекта, при этом в ряде тюркских языков произошла закономерная утрата начального *йй*- перед узким гласным [143. С. 284]. Из чувашского языка это слово проникло в марийский язык: *ййпар* > мар. *йыпар* «выхухоль» [183. С. 184].

Таким образом, происхождение общетюркского *йыпар* доподлинно не известно. Наиболее вероятным представляется существование единого праалтайского слова для

именования запаха, благовония. Переносное значение – название зверька, реализующееся в татарском, киргизском, чувашском языках, видимо, развилось на основе тоб. *йыпар сачқан* (*сычқан*) «выхухоль», досл. «мускусная/вонючая мышь». Вероятнее всего, чув. *йăпар* заимствовано из какого-то *й*- диалекта тюркского языка.

Каюра [*kajurá*] «крот», ассоциируется с отрешенностью от жизни и бегством от опасности: *Каюра пекех мăнтарăн Куçсăр пурăнман чăваш, Тăшманна пуплет хаяррăн, Тусёне – ялан ачаиш* [305. С. 11] (перевод: Как и крот, без глаз не жил чуваш, бедняга, с врагом говорит сердито, с другом – всегда ласков). *Чипёр ёçлес сын, каюра пек, лаçра чакаланатăн* [258. С. 104] (перевод: Человек, который должен хорошо работать, как крот, возишься в лачуге).

В чувашских говорах употребляются также варианты: *кайри ура*, *кайа ури* «землерой, крот». *Кайура* – землеройка [8. Вып. VI. С. 8]. *Пёчёк кайура* «землеройка» [64. С. 28]. *Кайура* – тушканчик, земляной заяц. *Кайура çёре чакалать* [8. Вып. VI. С. 8] (перевод: Крот (землеройка) роет землю).

Каюра – сложное слово, образовано «от *кай* зад + *ура* нога, т.е. ноги (лапы) навыворот, задом наперед» [184. Т. I. С. 244]. Этот маммалионим является собственно чувашским. В отдельных тюркских языках название крота также указывает на строение лап (передних), вывернутых наружу ладонями: алт. *терсек* < *терсе аяк* «крот» (букв. «ноги наизнанку», «обратные ноги»); хак. *тискер азах* «крот» (*тискер* «наизнанку», «в противоположную сторону»; *азах* «нога»); тат. *кушаяк*, кирг. *кошаяк*, казах. *косаяк* «тушканчик» (букв. «пара ног») [49. С. 96]. Древнетюркские формы имеют вид *kösürgä*, *kösürgän* «землеройка, крот» [43. С. 319], соответствия в современных тюркских языках: азерб. *көстăйăк*, гаг. *кёр кїстїбїк*, тур. *көстїбїк* [200. С. 151].

Суккăр шăши [*sukâr šăš'i*] «крот». В чувашских говорах для именования крота употребляется также название *суккăр шăши*, букв. «слепая мышь», *суккăр шăрши* «крот» [154. С. 245], *сукăр шăрши* «землеройка» [283. Л. 149]. В рукописном источнике отмечено *суккăр кушаккайёк* «землеройка» (Там же. Л. 151). Эти наименования возникли на почве чувашского языка и указывают на внешние особенности животного – неразвитые глаза у крота, очень мелкие глаза у землеройки. Близкая форма употребляется и в татарском языке: *суқыр тықан* «крот», тат. злт. *суқыр тысқан*, тат. перм. *суқыр чычқан* [131. С. 59], букв. «слепая мышь».

На территории д. Старая Тюрлема Козловского района Чувашии употребляется оним *çёр-çоран* «крот». *Çёр çоран* (Тюрлема) – *каюра* – крот [151. С. 62]. Это название имеет народно-этимологический характер: *çёр-çоран* (*çёрçуран*), букв. «разрывающий землю».

§ 2.3. Отряд рукокрылые

§ 2.3.1. Семейство обыкновенные летучие мыши

Çара çерçi [*s''ará s''erZ''i*] «летучая мышь». В большинстве случаев в чувашском языке название этого животного ассоциируется с нищетой, бедностью. Так, устойчивое сочетание *çара çерçi* в просторечии употребляется в значении «босаяк, голодранец» [193. С. 398]: *Тем тăхăннă-ха ёнтё ывăл? Çара çерçi нек çўрет пулсан...* [259. С. 50] (перевод: Во что уж одет сын? Если ходит как голодранец...). *Колхоза çара çерçi нек тăратса хăварасиан* [303. С. 285] (перевод: Колхоз хотят оставить нищим). Вероятно, в этом случае «смыслообразующим» является компонент *çара* «голый, без шерсти» [111. С. 186], «голый, нагой, обнаженный» [193. С. 398]. Следует также отметить, что название этого животного в отдельных случаях выступает в качестве ругательства: *Çара çерçi! Ха, кур-ха эсё айна, саплăк кута!* [245. С. 25] (перевод: Голодранец! Посмотри на него, зад в заплатках!).

Название уникального планцентарного млекопитающего отряда рукокрылых, способного к активному полёту, в чувашском и в русском языках представлено в форме словосочетания: рус. *летучая мышь*, чув. *çара çерçi*. Компонентами этих онимов являются названия различных животных: *мышь* – название представителя отряда грызунов, *çерçi* – название птицы; *летучая* – прилагательное, называющее способ передвижения этого животного, *çара* – «голый», т.е. *çара çерçi* буквально переводится как «голый воробей», поэтому возникает большой соблазн отнести это сочетание, как и зооним русского языка, к названию, возникшему на основе метафорического переноса. Однако не все так просто, как кажется на первый взгляд.

В исследованиях часто подчеркивается общетюркский характер онима *çара çерçi*. Так, в словаре Махмуда Кашгарского зафиксирована древняя диалектная форма чигиль. *jersgü* [43. С. 646], тюркский архетип представляет собой праформу **jary-(sa)*, имеющую соответствия в кругу родственных языков: ср.-кыпч. *jarsa, jerqanat, jarqanat*; ср.-огуз. *jarasa*; чаг. *jarasa, jarasyq, jarqanat*; ст.-осм. *jarasa*; тур., гаг., аз. *jarasa*, турк. *jarGanat*, сал. *jeresen*, кар. т. *jeri kanaty*, кум. *jarqanat*, тат. *jarqanat*, башк., ног. *jarʁanat*, ккалп. *žarʁanat*, каз. *žarqanat*; кирг. *žarʁanat*, алт. *d'arʁanat*, узб. *jārqañat*; хак. *čarxanat*, тув. *ča:sxu* (<**jarysky*), як. *sary:qanat*; чув. *šara-šerži* «летучая мышь» [165. С. 168]. Таким образом, выявлены соответствия в тюркских языках южной, северо-западной групп, а также в узбекском языке восточной группы. В ЭСАЯ указаны алтайские параллели: пратунг. *ž(i)arami (-d-)* выдра, прамонг. **žirke* бурундук,

монг. *žirke*, кар. г. *žirx*, бур. *žerxi*, калм. *žirxə*; яп. **(d)itāti* колонок, кор. **tārāmi* белка-летяга [240. Р. 478]. Среди исследователей нет единой точки зрения о происхождении корня **jar-/jer-*. А.М. Щербак полагает, что *jar-* происходит от *jar(i)* «пленка», «перепонка», ср. тат. *jarīlī*, кирг. *jarǵак* «перепонка» (ср. чув. *çorхах / çурхах*. – И.С.), *jarканат* букв. «перепончатое крыло», в слове *jarаса* значение *аса* остается необъясненным [200. С. 149], что не совсем точно, ср.: башк.-тат. *jarǵaq*, узб. *zəǵaq*, каз. *žarǵaq*, ойр. *jarǵaq*, *d'arǵaq*, тув. *čarǵaš*, пратюрк. **jarkak* «шкура (дублёная, без волос)». Дж. Клоусон сближает **йар* с *йар-* «раскалывать» [214. Р. 972a]. А. Вамбери объясняет чаг. *jarkanat* как «блеск-крыло», видимо сближая **jar* с *jaru-* «светить» [242. S. 117]. В ЭСТЯ наиболее вероятным считается происхождение *йарыса* и *йарқанат* как эвфемизмов, вероятно, относящихся к разным эпохам и паронимически сблизившихся, ср. тур. *gese kuşu*, турк. диал., аз. *geçəguşu*, кум. *geçekuş* (собст. «ночная птица»), кум. диал. *варканат*, турк. диал. *йарваза*, аз. диал. *g'əjçəg'əzən*, тур. диал. *karanlikkuşu*, при этом форма *йараса* – результат ассимиляции гласных, в *йараса*, *йарасык* – аффиксы *-са* и *-сык* можно рассматривать как самостоятельные, но родственные и синонимичные морфемы [143. С. 141]. В ЭСАЯ отмечено, что общетюркская форма трудно поддается этимологизации из-за суффикса **-sa/*-se*, встречающегося в ранних формах и в современных рефлексах. В большинстве современных языков слово носит народно-этимологический характер, можно восстановить **jari-Kiajnat* «пленка-крыло» (или «голый воробей» в чув.) [240. Р. 478]. В диалектах русского языка летучую мышь, возможно, по своему своеобразному кожному покрову именуют *кожан*, *кожаница*, собственно «кожаная» [179. Т. 2. С. 277].

М. Рясенен под знаком вопроса рассматривает чув. *šara-šerzi* в качестве гомогенной формы общетюркскому *jarysa* и также под знаком вопроса предполагает заимствование этого слова черемисским языком: > ? чер. *tsärä šelǵeran ka'la* «мышь с голыми крыльями» [237. S. 189b]. Этот составной термин зафиксирован в горном наречии марийского языка – *цäра шылдыран каля* «летучая мышь», букв. «мышь с голым крылом», *цäрä* «голый», *шылдыран* «с крылом, крылатый», близкие формы употребляются также в диалектах марийского языка *tsara ko'la* (яран.), *цäрагала*, *цäрäгала* (липш., яран., горн., лесн.), *чараголя* (волж., малм., кильмез.), *čara-ko'la*, образованное от *чара* ~ *цäрä* «голый» < тат. *чäрä*, *шäрä*, чув. *чара* [90. С. 43–44].

М. Палло восстанавливает праформу **jara* «безволосый, голый, обнаженный», к которой восходит *jara* в *jarasa*, эта форма сохранилась в ониме *çара çерçi* «летучая мышь», собст. «голый воробей» [229. S. 131–132], при этом следует отметить фонетические трудности сближения чув. *s'ara* с тюрк. **йара*: общетюркскому *a-* в чувашском, как правило, соответствуют *o* ~ *y* [143. С. 141]. В родственных языках Поволжья: татарском, башкирском –

употребляются названия, имеющие параллели в других тюркских языках: тат. *ярганат*, башк. *йарганат*, букв. «голое крыло». Итак, чув. *çара çерçi* – название в форме словосочетания. Г.Н. Семенова, А.М. Иванова определяют подобные конструкции как «сложные существительные, образованные сочетанием имени с прилагательным» [58. С. 241]. *Çара çерçi* буквально переводится как «голый воробей» и состоит из слов, самостоятельно употребляющихся в чувашском языке и имеющих параллели в тюркских и в марийском языках: *çара* «голый», «нагой», мар. *чара* «голый», «нагой»; уйг. *ялан*, *ялаңгач*, кирг. *жылаңгач* «голый», «нагой» [49. С. 204], *çерçi* «воробей», тур., крым. *серчä* воробей [143. С. 470]; туркм. *серче*, аз. *сәрчә* воробей [184. Т. II. С. 102]. Поэтому следует предположить, что в основе номинации лежит внешний признак животного – отсутствие перьевого покрытия. Названия в форме сочетаний выявлены также в отдельных тюркских языках: хак. диал. *хырна ханат*, где *хырна* «кожа, с которой снята шерсть», тур. диал. *kayıř kanat*, букв. «ремешок (ремень) крыло» [143. С. 141]. В сознании носителей языка *çара-çерçi* – это птица. *Çара-çерçi* – *кайăк* (ночная птица), *пысăкки те пёчĕкки те пур* [8. Вып. XII. С. 88] (перевод: *Çара-çерçi* – ночная птица, есть и большая, и маленькая). В «Материалах по исследованию чувашского языка» Н.И. Ашмарина *çерçi* переводится как: 1) воробей; 2) летучая мышь [7. С. 127]. В «Словаре чувашского языка» записано употребление *çерçi* в значении «летучая мышь» на территории Ядринского района [8. Вып. XII. С. 88]. В КЧРС впервые приведены соответствия чув. *серзи* летучая мышь; воробей (л. чер. *сарси*, тур., азерб. *серче*) [56. С. 60], т.е. в чувашском языке активно употреблялся и отдельный компонент этого сочетания.

Таким образом, среди исследователей нет единой точки зрения о происхождении чувашского зоонима *çара çерçi* и его связи с тюркскими формами, поскольку возникают сложности при объяснении связи общетюркского корня *jara-* со словом *çара-*: ~ *çерçi*, при этом заслуживает внимания предположение о собственно чувашском происхождении зоонима, иногда представляемого и исключительно определяемым компонентом – *çерçi* – общепринятой атрибутивной синтагмы, что побуждает думать об отнесении мышей и нетопырей (в народном сознании) к единому виду (роду, семейству) животных.

§ 2.4. Отряд хищные

§ 2.4.1. Семейство псовые

Кашкăр [*káškâr*] «волк». В рукописном источнике отмечено, что чувашаи «из лесных животных более ненавидят волка, т.к. он нападает на домашних животных, уничтожает мелких

красивых лесных зверей» [284. Л. 94]. В чувашской народной традиции образ этого хищника часто символизирует отрицательную сторону, «звериную» сущность человека: *Ахаль каламан сав: хайне пёрре усал ёс тума чарман этемре пураннысемён кашкёр вёранать тесе* [245. С. 42] (перевод: Ведь недаром говорят: в человеке, который однажды не запретил себе совершить дурное дело, со временем пробуждается волк). И опасного, злого человека называют *икё уралла кашкёр*, букв. «двуногий волк», *сурёх тирне пёркенне кашкёр*, букв. «волк в овечьей шкуре», *кашкёр чунла этем*, букв. «человек с волчьей душой» (бездушный человек). Как и образ собаки, образ волка ассоциируется с захватчиками Родины: *Кашкёр сурёх павать, Гитлер сын павать* [319. Т. 5. С. 117] (перевод: Волк душит овец, Гитлер душит людей). Но в то же время образ старого зверя вызывает положительные ассоциации и символизирует умудренного жизнью человека: *Вёсем халиччен те вёрман касма суренё, а́на-ка́на куркаланё, ку енёпе ват кашкёр теме те юрать вёсене* [246. С. 184] (перевод: Они и до последнего времени рубили лес, видели многое, с этой стороны их можно назвать старыми волками). По мнению Л.В. Борисовой, *кашкёр* «волк» в чувашской языковой картине мира ассоциируется со следующими качествами: безжалостность, агрессивность, неукротимость, бесстрашие [16. С. 458]. Также исследователь отмечает, что хищник является тотемом, объектом религиозного поклонения (Там же. С. 191). Согласно чувашской мифологии, волки, как и остальные дикие и домашние животные, находятся в подчинении Пихамбара и считаются его собаками, отсюда, вероятно, произошло название *Пихампар йытти*, букв. «собака Пихамбара»; *пигамбар йыттизам* волки [56. С. 15]. Сам Пихамбар похож на волка, однако сильнее и больше его, с белой шерстью [316. С. 69–70].

Слово *пихампар* имеет соответствия в тюркских языках: каз. *пабамбар* = кирг. *байбамбар* «пророк» = ком. *пайбамбар* = *пайбамбар* [124. Т. IV. С. 1133, 1213, 1423]; башк. *пэйгамбар* «пророк»; тат. *пэйгамбар* «пророк, основатель какой-то религии» [184. Т. I. С. 438]. *Пихампар/пиханпар* – языческий дух, раздающий людям добрые качества и сообщающий йомзям (шаманам) пророческие видения; он покровитель домашнего скота; ангел-хранитель; божество 1-го разряда; вождь волков (белый волк) и князь волков и др. [8. Вып. IX. С. 251–252]. Для сравнения, и в марийском языке *пиамбар*, *пиямбар* «божество; пророк, помощник Юмо», как и в чувашском, имеет сугубо языческое значение [5. С. 41].

Итак, в чувашском литературном языке в качестве названия волка употребляется оним *кашкёр*, встречается также диалектный фоновариант *каккёр* [8. Вып. VI. С. 24]. В памятниках старочувашской письменности зафиксированы: *кашкар*, *кашкыр*, *каскар*, *казкар* [153. С. 45]. Этот оним имеет соответствия в тюркских языках, в источниках употребляется в значении «волк»: тур. диал., кар. к., уз. диал. *қашқыр*; уз., уз. диал. *қашқир*; чув. (← тат.) *кашкёр*; каз.,

ккал., ног. *қасқыр*; кир. *қарышқыр*; ног. разг. *қарысқыр* [206. С. 352]. Л.С. Левитская со словом *кашкыр* «волк» сопоставляет тур. диал. *kaşgir* «медведь» (Там же. С. 353). Таким образом, выявлены соответствия чув. *кашкӑр* в большинстве языков кыпчакской группы, турецком языке огузской группы, узбекском языке карлукской группы, киргизском языке киргизско-кыпчакской группы.

В ЭСТЯ высказано предположение о проникновении в чувашский язык татарского слова (Там же), тат. *кашкыр* «степной волк», тат. диал. *качкыр*. Р.Г. Ахметьянов также отмечает заимствование чув. *кашкӑр* из татарского языка и приводит следующую этимологию: *карыш курт* из *карыш* «злой» (ср. чув. *хӑруш* «злой») + старолитературное тат. *корт* < др.-тюрк. *курт* «волк» [4. С. 96]. А.М. Щербак предполагает два варианта этимологизации *кашкыр*. В первом случае, если за исходную принять казахско-узбекскую форму, то слово *кашкыр* связано с глаголом *каскай-* «прямо и ясно выставиться», «оскалить зубы» (ср. там же: *каска-* «прямо, лбом обратиться к чему-нибудь»). Во втором случае, если киргизская форма будет принята за исходную, то основой нужно считать *карыш-*, ср. уйг. *кӑриш-* «оскалить зубы». В слове *карышкыр -гур, -гыр* – аффикс одного из древних причастий [200. С. 132]. Следовательно, в *қарышқыр* ~ *қашқыр* получили отражение относительно поздние семантические связи, возникшие вследствие народной этимологии: *қасқай-* «оскалить зубы», ср. башк. *қашқар-*, *қашқай-* «оскалить зубы», кир. *қашқай-* «быть смелым, дерзким, наглым», кир. *қарыш-* «сжимать, вцепиться»; башк. *қашқар* «белолобая собака» (< *қашқа* «белая отметина на лбу») [206. С. 352–353].

В диалектах и говорах чувашского языка встречается народное табуистическое название волка – *тукмак, токмак*. *Токмак тӗлне пол* «встретиться с волком» [8. Вып. XV. С. 33]. *Такмак* (Красные Четаи) – *кашкӑр* – волк [150. С. 108]. В данном случае запрет именования волка основан на страхе. С помощью онима можно повлиять на хищника и избежать нападения с его стороны: *токмак тесен кашкӑрӑн хӗри токмак пек йӑвӑрланать* [8. Вып. VI. С. 13] (перевод: если назвать колотушкой, то хвост станет тяжелым как колотушка). Употребляются также сочетания *токмак хӗре, тукмак хӗре* «волк» [8. Вып. XIV. С. 109]. Отсюда и *токмаклӑх* «обреченный на съедение волков» (Там же). В чувашских говорах употребляется также перифрастическое выражение *шӑнӑр хӗре* «волк», букв. «жилый хвост». Это название, вероятно, должно повлиять на природу хищника и вызвать столбняк. В примере отмечено, что оним произносится при испуге: *Шӑнӑр хӗре-кашкӑр, ӑва хӑранӑ чухне калаҫҫӗ* [8. Вып. XVIII. С. 309]. Чув. диал. *куӑр хӗре* «называет волка или собаку» [8. Вып. VI. С. 264], букв. «кривой хвост». Возможно, это название имеет цель ослабить животное, т.к. собака или волк с

искривленным хвостом теряют свою силу. Для рифмы в поговорках употребляется прозвище волка – *кашаман* (*кажаман*): *Епё кашкӑр кашаман, сурӑхсене кышлакан* (Там же. С. 179) (перевод: Я волк – кажаман, грызущий овец). У именовании *сӑс-хӑре* значение «волк» является переносным: чув. *сӑс-хӑре* «название растения, метлица, арега». *Сӑс-хӑре вӑрманта пурӑнать, сула кӑтӑрен вьльӑхсене тыта-тыта илсе кайать, хӑлле сӑрле картаранах тытса илсе кайать* [8. Вып. XI. С. 230] (перевод: Сӑс-хӑре (волк) живет в лесу, летом ловит скот из стада, зимой ночью ловит прямо в хлеву). *Сӑс-хӑре=тукмак=кашкӑр* (Там же). *Шуру-муру* «так сказано о волке в загадке»: *Шуру-муру килнӗ те чики-прикине вӑрласа кайнӑ* [8. Вып. XVII. С. 231] (перевод: Пришел шуру-муру (волк) и что-то украл). В детской речи употребляются названия *момма, моммо, момом, момо* «волк» [149. С. 22], *омми* «волк» (Там же. С. 27).

Компонент *кашкӑр* является составной частью фитонимов: *кашкӑр-йӑс* «назв. дерева», *кашкӑр-вуги* «назв. раст.», *кашкӑр-корӑк* «назв. раст., geranium», *кашкӑр-сырли* «назв. ягоды», *кашкӑр-сӑпали* «назв. растения», *кашкӑр тымарӑ* «назв. раст.», *кашкӑр-чечек* «назв. раст.», *кашкӑр-хӑври* или *кашкӑр хури* «трава, корень который очень ядовит и, между прочим, употребляется для истребления тараканов» [8. Вып. VI. С. 182–183].

Таким образом, чув. *кашкӑр* имеет соответствия в тюркских, главным образом, в кыпчакских языках. Среди исследователей окончательно не решен вопрос о происхождении этого маммалионима. В чувашский язык общетюркское слово, вероятно, проникло через татарский язык. Распространены также подставные, табуистические названия зверя.

Йытӑ [jĭDə], *йыт* [jĭt] «собака». *Йытӑ* «собака» – важный образ в мифологическом сознании чувашей. Собака тесно связана с верховным божеством Турӑ и с потусторонним миром, выступает в качестве духа предков. Также существует миф о происхождении Шуйттана, находящегося во главе Царства мертвых, от кошки, от колдунов или от собак. В другом источнике отмечено, что в собак могут превращаться колдуны [316. С. 461]. Также описывается, что собака видит нечистые силы, поэтому всегда лает (Там же. С. 147). Так, Е.А. Лебедева одно из мифологических значений этого онима определяет как «хранитель мира и благодати, страж западной границы, привязанность к дому» [91. С. 130]. А.К. Салмин, в частности, отмечает тесную этимологическую и семантическую связь между чувашским *сӑва* «кладбище» и санскритским *śva/śvan* «собака, пес» [132. С. 124].

Словом *йытӑ* часто называют отвратительного, бесстыжего человека, негодяя. Отсюда и ругательства: *йытӑ сурӑ* «щенок», *кӑрт йытти* «сука, кобель; распутник, распутница», *йыт ами* «сука», *йыт аси* «кобель». В художественной литературе *йытӑсем* «собаки» – это фашисты, захватчики Родины: *Сав нимӑс йыттисене сӑнесчӗ те канлех пурӑнма пусласчӗ*

[328. С. 8] (перевод: Одержать бы победу над этими немецкими собаками и зажить бы спокойно). В целом, собака выступает как воплощение и отрицательных (льстивости, хитрости, подлости, неблагодарности), и положительных (трудолюбия, верности) качеств человека.

Диалектные фоноварианты: *имă* «собака» (Моргауши) [290. Карта 89; 8. Вып. III. С. 154], *йăт*, *йым*, *йымă*, *йăтă* [8. Вып. V. С. 100], *йы"тă* (Малое Карачкино Ядринского р-на ЧАССР) [290. Карта 89], *йимă* [8. Вып. IV. С. 311], *йетă* [284. Л. 143].

В «Сравнительных словарях всех языков и наречий, собранных десницею Всевысочайшей особы» зафиксированы древнечувашские формы *еда*, *гйда* [166. С. 73]. В КЧРС впервые приведены соответствия *йыда*, *ыйт'* собака: тур. алт. кир. *ит*, якут. *ым*, тат. *эт*, у сибир. Татар *адай* [56. С. 15].

А.М. Щербак отмечает, что слово *ит* известно почти всем тюркским языкам, исключениями являются хакасский (*адай*) и турецкий (*көнэк*) [200. С. 127]. Исследователем не рассматривается тур. *ит* собака, так как данная форма является архаизмом [240. Р. 1029].

Слово *йымă*, *йым* имеет соответствия в большинстве тюркских языков: турк., тур., аз., кар. г. т., кум., кбал., кир., тат. диал., уз., уйг., лоб. *um/it*, кар. т. *um'/it'*; тат., баш. *ïm/ït*; як. *ым/it*; тув. *ы"m/i"t*; турк., кар. г., уз. диал. *йум/jit*; чув. *йымă/jidă*; ног., ккал., уз. диал., алт. *уйм/ijt*; каз., тат. диал. *йïm/ïjt*; уйг. диал. аксуйск. *uum/išt*, сал. *išt*, *iš*; сюг. *eum/ešt*; сойот., караг. *öt*; койб. *adai*. Это слово во всех названных выше источниках употребляется в значении «собака» (в прямом и переносном бранном значении), «пес» – турк., аз., кар. г. т., тат., баш., як.; «название 11-го года 12-летнего животного цикла» – кир., то же в древних языках; «щенок» – тат. диал.; переносные значения: неодобр. «слуга, приспешник» – чув.; «подлец» – чув. [140. С. 385]. Следует отметить, что М. Рясененом в качестве параллелей к тюркским формам рассматривается также як. *itiä*, *uty* «выдра речная» [237. S. 174b]. В татарском литературном языке, к примеру, употребляется оним *эт* «собака», в диалектах бытуют следующие фоноварианты: тат. кас. *эйт* [170. С. 803], тат. нукр., тат. глз. *им* (Там же. С. 219), тат. м.-кар. *эст* (Там же. С. 809). В древнетюркских памятниках зафиксировано *ит* собака [43. С. 215], *ïт* собака (Там же. С. 221). Это слово, как видно из приведенных соответствий, в современных тюркских языках представлено в различных фонетических вариантах. В большинстве исследований отмечается древность данного онима, что вполне объяснимо, так как «собака является первым домашним животным, прирученным первобытным охотником еще 15 тыс. лет до н.э.» [165. С. 188]. Однако в языкознании нет единой точки зрения о тюркской праформе и об историческом положении гласных в этом названии.

В ЭСАЯ реконструирована пратюркская форма **it/*it* собака [240. Р. 1029]. А.М. Щербак восстанавливает праформу **yjt* [201. С. 194] и предполагает, что вокализм в слове *it* первоначально был твердым и изменение его в сторону опереднения происходило недавно, таким образом, наличествует некая общезыковая тенденция древнее *ы-* > новое *и-* [200. С. 127]. Э.В. Севортян, в свою очередь, отмечает, что «оба гласных восходят к древнедиалектным источникам, являясь междиалектными чередованиями» [140. С. 385]. В СИГТЯ подчеркивается, что не вполне обычная фонетическая структура **yjt* указывает на возможную имитативную природу слова, турк. *jit* – бранный возглас, которым прогоняют собак, людей. Предполагается, что передний *i* в тюркских формах развился под влиянием находящегося за ним глайда с последующим сокращением: **yjt* > *ijt* > *it* [165. С. 188], также отмечается значительная древность данного слова, подтверждением служит древнебулгарская форма *jetxă* (<**jytx*), содержащая метатезу *-j-*, как в караимском, и аффиксальное (димиутивное) наращение, которое отразилось в двусложности совр. чув. *jytă* (Там же. С. 189).

М. Рясенен предполагает заимствование названия собаки тюркскими языками из тунгусо-маньчжурских языков: <**itexi*, *jìn-tāh-hūng* <**indaχun*, маньч. *indaχūn* «собака, одиннадцатый год двенадцатилетнего животного цикла», тунг. *inda* [237. S. 174b]. Р.Г. Ахметьянов также проводит параллель между общетюркск. *ит*, *ым* и тунгус. *инта*, *инда*, япон. *ину* «собака» [4. С. 256]. Близкая точка зрения высказана и в ЭСАЯ, в словаре реконструирована единая алтайская праформа **jindó* собака: тунг. **jinda-*; тюрк. **it/*it*; яп. **inú* [240. Р. 1029]. К.А. Новикова также пытается сблизить тунгусо-маньчжурские названия собаки и тюркские формы на основе чувашского слова, содержащего исконный анлаутный согласный. Исследователем восстановлена пратюркская форма **jyta*, пратунг.-маньч. **giŋ-* + *-da-* + *-kiŋ* – глагольно-именное производное от имитативной основы со значением «визжать, скулить» [114]. Н.Н. Поппе, в свою очередь, проводит параллель между чув. *йăтă* «собака» = тюрко-тат. *yt* «собака» = монг. *ita* «прожорливый» [122. С. 15], связь с монгольской формой, на наш взгляд, на сегодняшний день не имеет убедительных доказательств.

В чувашском языке распространены видовые названия с компонентом *йăтă* (*йăтă*): *урнă йăтă* «бешеная собака» [8. Вып. XV. С. 160], *сăнчăрти йăтă* «цепной пёс», *мăн йушши йăтă* «собака крупной породы» [8. Вып. VIII. С. 307], *кёрт йăтти* «гулящая собака» (также брань) [8. Вып. VII. С. 297], *кошламарă йăтти* «назв. породы собак» (Там же. С. 63).

Встречаются также фитонимы с данными компонентами: *йăт-сырли* «назв. травы красного цвета; по очертаниям похожа на семя свербиги, рябоватая»; *йăт-сёмёртё* «назв. кустарника», *йăт-сёмёрчё* «волчье дерево» [8. Вып. V. С. 100].

Таким образом, оним *йытă/йыт* носит общетюркский характер, соответствия выявлены в языках всех групп, кроме тюркских языков огузско-булгарской и хакасской подгрупп. Древнебулгарская форма *jetxă* (<*jytux), получившая отражение в чувашском двусложном ониме *йытă*, является доказательством древности этого слова. В то же время наличие параллелей в тунгусо-маньчжурских языках и в японском языке указывает на вероятность существования единой праформы, генезис производящей основы которой не ясен. Поэтому, на наш взгляд, нельзя категорично заявлять о заимствовании тюркскими языками тунгусо-маньчжурского онима.

В детской речи употребляются названия собаки – «лепетные детские слова» (по определению Г.Е. Корнилова [77. С. 51]), носящие подражательный характер: *амми* [149. С. 13], *махха* (Там же. С. 21), *маххи* [8. Вып. VIII. С. 217], *моххи* [149. С. 21], *меми* «детское название собаки, овцы, коровы» [8. Вып. VIII. С. 334], *моммо*, *амамми* [149. С. 22], *мукка*, *мокка*, *моххо* [8. Вып. VIII. С. 258], *омми* [149. С. 26], *умум* [149. С. 38], *хамхам* (Там же. С. 39). К примеру, щенка на территории д. Вурмеры Цивильского р-на именуют словом *пиçса* (Там же. С. 32). При этом названия *няхха* [8. Вып. IX. С. 64], *нях-нях*, *няххи* [149. С. 26], *ньухха* [8. Вып. IX. С. 64] проникли в чувашский язык из монгольского языка: монг. *нохай* «собака» [49. С. 141].

В чувашском языке, как и в остальных тюркских (и славянских) языках, распространены названия гончих, борзых собак. Это объясняется тем, что «в хозяйственной жизни населения лесной полосы Среднего Поволжья охота занимала немаловажное место» [190. Т. 1. С. 246]. «Охотились с собаками: одних натаскивали на медведя, других для обнаружения белок, третьих – на зайцев. О гончих *вёшле* существовала пословица: Без ружья да без борзой нечего мечтать о зайце» (Там же. С. 247).

Вёшле [vəšle], *вёшле йытă* [vəšle jiDə] «борзая собака» [8. Вып. V. С. 389], *вйшьля йытă* (Там же. С. 343). *Вёшле* = *порси* (Там же. С. 389). В.Г. Егоров связывает происхождение чув. *вёшле* «гончая собака», «борзая собака» с русск. *выжлец* [49. С. 53]. К этому же мнению склоняется и М.Р. Федотов [184. Т. I. С. 121–122]. Слав. *vyžьlъ* – это название старой охотничьей породы; русск. *выжлец*, *выжлик*, *выжлок*, *выжлица*, *выжловка* «ищейка, гончая», польск. *wyżeł*, *wyżelek*, чеш. *vyžel*, *vyžle*, словц. *vyžla*, словин. *vížel*, серб. *вйжао*, *вйжле* [177. С. 308].

Борзые собаки, как известно, подвижные, обладают быстрой реакцией, мощным броском и впечатляющей скоростью. Поэтому, с точки зрения теории имитативов, следует предположить, что слово *вёшлѣ*, как и *вёшѣх* «снова туда и сюда», *вёшѣлти* «елоза, ерзун(ня)», *вёшѣл* «подр. копошенью?» [8. Вып. V. С. 389] носит подражательный характер.

Так, Г.Е. Корнилов объясняет звукоизображение корней: *вйш-*: «легкий шум, шорох – при быстром движении, действии; легком, порывистом ветре»; *вёш-*: *вёшёл* – «слабый порыв, слабое движение, действие, еле заметное начало (движения, действия)» [77. С. 146].

Акар (*агар*) [*aGár*] «устарелое слово, повид., озн. борзую собаку» [8. Вып. I. С. 87]. *Акар йытти* «уст. борзая» [193. С. 28]. *Акар йытти* = *касмакри ййтă* [8. Вып. II. С. 191] (перевод: Борзая собака – собака на привязи). В «Словаре чувашского языка» записан диалектный вариант *ахар* «то же, что акар» (Там же). Это название является устаревшим. Чув. *акар* имеет соответствия в тюркских языках: *игэр* метис от собаки-самки и волка-самца; крым., леб., шор. *ägär* охотничья собака [124. Т. I. С. 695]; тат. *игэр* охотничья собака [35. С. 142], при этом пратюркская форма имела вид **eker* «охотничья собака» [240. Р. 1030]. Из болгарского языка оним проник в венгерский язык: венг. *agar, agarat* < древнечув. **agar* [218. С. 35]. Близкие формы выявлены и в славянских языках: серб.-црк.-слав. *огаръ*, серб. *ógar*, словен. *ogar*, чеш. *ohař*, др.-польск. *ogarz*, польск. *ogar*, вероятна их связь с черк. *hager* то же, тюрк. (уйгур.) *ägär*, венг. *agar*, осет. *jegar* [177. С. 310]. Это название из тюркских языков было заимствовано финно-угорскими языками: мар. *игар*, *игар ни* «борзая собака» [90. С. 55].

Гончую собаку в чувашском языке именуют также *шаикă йытă* [*šáškă jîDə*] [8. Вып. XVII. С. 153]. *Шёшлĕ йытă* [*šəšlə jîDə*] (Там же. С. 381), зафиксировано употребление *Шаикă* в качестве клички собаки (Там же. С. 153). Известно рус. диал. *шашок/шешок* «норка». Соответствия данного зоонима в родственных языках нами не выявлены. Следует лишь упомянуть, что М.Р. Федотов рассматривает сочетание *шёшлĕ йытă* «гончая собака», как и *шёшлĕ полă/пулă* «щука», *шёшлек* «щуренок» в качестве производного от *шёшлĕ* «кочедык; деревянный кочедык для снятия лубка» [184. Т. II. С. 458].

В чувашские говоры проникло русское название *пурсуй* [*purZúj*] «борзая», «борзая собака охотников» [8. Вып. IX. С. 309], *парсуй* [*parZúj*]: *Шурă парсуйсене те пит мухтатрим, хёрлĕ тилĕ пуçне те, ай, çав сийат* (Там же. С. 113) (перевод: И белых борзых собак сильно хвалите ли, ой, эти и рыжую лисицу погубят). Это слово было заимствовано также татарским языком: тат. литер. *бурзай*, тат. чст. *бырзый* «борзая» [131. С. 37]. Рус. *борзый* «быстрый (о породе собак)», *бóрзый* родственно лит. *burzdùs* «подвижный, живой», *burzdėti* «двигаться, махать» [179. Т. I. С. 194].

Для именования низкорослой собаки употребляется заимствование из русского языка: *шавкка* [*šavká*] «маленькая собачка, шавка» [8. Вып. XVII. С. 85], *шавка* «то же, что шавкка (собака)». *Ей, шурă шавка, шурă шавка, пăру сакки айне кёр, шавка* (Там же. С. 84) (перевод: Эй, белая шавка, белая шавка, забирайся под телячью скамейку, шавка). Для сравнения, в

шарлыкском говоре татарского языка на территории Оренбургской области употребляется фоновариант *шаука* < рус. *шавка* [170. С. 780]. Любопытно чув. -*шав*: *шав-* ~ «крики, шум, брань».

Анчӑк [anД'Ž'ək] «щенок; собака, пёс» [193. С. 37]. Этот маммалионим в большинстве случаев имеет отрицательную коннотацию: ассоциируется с глупостью, свойственной молодости, и отсутствием уважения к предкам: *Амӑшине хирӗс вӗрекен анчӑк кашкӑр кулли пулнӑ* (перевод: Щенок, лаявший на свою мать, попал в волчью пасть (букв. «стал потехой для волка»). *Анчӑк авӑк хӗрине шухӑшлат* [314. С. 67] (перевод: Щенок (собака) думает кривым хвостом). Также название *анчӑк* характеризует ненадежного человека: *Шанчӑксӑр сын анчӑка тухнӑ* (перевод: Ненадежный человек стал собакой (псом)). Но при этом в пословицах и поговорках отмечается верность, преданность этого животного: *Ырӑ анчӑк хӑй хуҫине пӑрахмасть* [319. Т. 5. С. 35] (перевод: Добрый пес (хороший щенок) не оставляет своего хозяина). Это слово употребляется также в значениях «собака, мерзавец» и выступает в качестве ругательства: *Гитлер – выҫӑ анчӑк Чӗртнӗ ҫӗн пушар* [248. С. 9] (перевод: Гитлер – злая собака, разжег новый пожар). В чувашском языке встречаются также бранные выражения с этим маммалионимом: *хӗресӗр анчӑк*, букв. «бесхвостый щенок», *ватӑ анчӑк*, букв. «старый пес», *анчӑк пырӗ*, букв. «собачья глотка», *анчӑк ҫури*, букв. «сукин сын», *анчӑк пурнӑҫӗ*, букв. «собачья жизнь». Название этого животного выступает в качестве табуистического личного имени: так называли новорожденных, если ранее в семье наблюдалась младенческая смертность [279. Л. 130].

Анчӑк «в некоторых говорах означает собаку маленькой породы или, ласкательно, собачку» [8. Вып. I. С. 265]. В рукописном источнике Н.В. Никольского зафиксирован оним *анчӑк*, наряду с сочетанием *йӑтӑ ҫури*, в значении «щенок» [283. Л. 133]. Согласно записи другого интервьюера, слово *анчӑк* для именованя собаки на территории дер. Урмандеево Чистопольского р-на Татарстана употребляют старые люди (Там же. Л. 177). Встречаются также сочетания с компонентом *анчӑк*. Так, на территории с. М. Хомутерь Барышского р-на Ульяновской обл. распространено выражение *ахотски анчӑк* «борзая собака» [150. С. 12]. *Пукрас хӗреллӗ анчӑк* «куцехвостый щенок» [193. С. 311], *лӑпӑска анчӑк* «лохматый щенок» (Там же. С. 212).

В древнетюркском языке зафиксировано *enük* «детеныш животных и зверей» [43. С. 174]. Соответствия в современных тюркских языках: тур., тув. *еник/enik*, гаг. *йеник/jenik*, аз. диал. *әних'/äniḫ'*, тур. диал. *өнүк/önük*, тур. диал. *өнөк/önök*, тур. диал. *енек/enek*, тур. *иник/inik*, алт. *үнӑк* (в составе уменьшительной формы *үнӑгӑш* < *үнӑк* + *-ӑш* или же *үн* + *-ӑгӑш*

«щенок»). Это слово в тюркских языках употребляется в следующих значениях: детёныш животных и зверей – тур. диал.; детёныш хищных животных – тур. диал.; молодое животное – тур. (щенок, медвежонок и проч.); щенок – тур., тур. диал., аз. диал., гаг., алт.; щенок, котёнок – тур. диал.; собака – тур. диал.; ребёнок, младенец – тур. диал.; для подзывания собак – тур. диал.; уничижительное слово – тур. диал. [140. С. 281–282]. Таким образом, данный оним носит узколокальный характер, соответствия выявлены в отдельных тюркских языках огузской, уйгурской, киргизско-кыпчакской групп. В большинстве источников название употребляется в значении «детёныш зверей и животных» и «щенок». В чувашском языке семантика слова расширилась, в некоторых говорах так стали именовать взрослую собаку, как и в диалекте турецкого языка. Следует также отметить, что М. Рясененом в рамках алтайской теории в качестве параллелей к тюркским формам рассматриваются монг. *(h)ünege* «лисица», маньчж. *fiñeɣe* (<**riñe-ke*) «мех, лисий мех», фин. *peni-kka* [237. С. 44b].

Этимология чув. *анчӑк* не получила окончательного объяснения. Э.В. Севортян относит чув. *анчӑк* к вторичной форме *еник*, образованной при помощи аффикса уменьшительности [140. С. 282]. М.Р. Федотов, в свою очередь, отмечает, что в формах типа тур. *encek/encik* присутствует тот же корень *en* с афф. *-cek/-cik*, что фонетически, морфологически соответствует чув. *анчӑк* (*e*-> чув. *a*-) [184. Т. I. С. 51]. В татарском литературном языке зафиксирована близкая форма *әнчек* «собака-сука», «маленькая собачка». В нагорных говорах татарского языка *әнчек* употребляется в качестве синонима слова *эт* «собака»: *ата әнчек* «кобель», *ана әнчек* «сука» [131. С. 36].

В.Г. Егоров отмечает, что происхождение этого слова не известно, и предлагает следующее объяснение: *ан* «зверь» + *чӑк* – аффикс уменьшительности, следовательно, *анчӑк* «зверёк», «маленький зверь»; тув., хак. *анычах*, шор. *анчак* «зверёк» [49. С. 29]. Р.Г. Ахметьянов также выделяет производящий корень *аң-* «охота, зверь, дичь» и проводит этимологию тат. *әнчек* «шавка» от др.-тат. *аң-чык* // *әң-чек* «маленький зверь» [4. С. 28].

Г.Е. Корнилов, в свою очередь, определяет *-чӑк* как «совершенно прозрачный живой употребительный суффикс диминутива», чув. лит. *анчӑк* – результат обычной для чувашского утраты *к*-инициала, ср. чув. диал. *канчӑк* «щенок, волчонок, молодой хищник», в основе лежит производящий корень, обнаруживаемый в латино-итальянском слове *кан(е)* «пес» [76. С. 103]. В чувашских говорах встречается фоновариант *кӑчӑк* «собака» [8. Вып. VII. С. 207]. В карачаево-балкарском языке, к примеру, близкая форма *къанчыкъ* употребляется в значении «волчица», а *бӕрю* – «волк-самец» [202. С. 102].

Таким образом, маммалионим *анчӑк*, как и соответствующие названия в тюркских языках, вероятнее всего, имеет этимологическое родство с индоевропейскими формами.

Тилӗ [t'ilə] «лис, лиса, лисица». В сознании носителей чувашского языка этим *тилӗ* ассоциируется с хитростью, гибкостью и употребляется в переносных значениях «льстец», «хитрец»: *Сын аллине кӑвар чавма вӗреннӗ вӗт, ват тилӗ (Иван Петрович синчен)* [252. С. 32] (перевод: Привык ведь чужими руками жар загребать, старый лис) (об Иване Петровиче). Однако эта хитрость может быть побеждена: *Тилӗ чее те, ҫапах капкӑна ҫакланать* [314. С. 77] (перевод: Лиса хитра, однако все равно попадает в капкан). В отдельных случаях это название символизирует лстивость, ласковость: *Куҫ умӗнче тилӗ тус, кут хыҫӗнче ҫӗлен* [319. Т. 5. С. 98] (перевод: В глаза – друг-лиса, за спиной – змея). Также название *тилӗ* олицетворяет что-то скоротечное: *Укҫа кӗсьене кашкӑр пулса мӗкӗрсе кӗрет те унтан, чее тилӗ хӑраххи, ним систермесӗр тухса вӗҫет* [264. С. 141] (перевод: Деньги приходят с рычанием в образе волка, а потом как лиса, не давая никаких знаков, улетают). По мнению Л.В. Борисовой, *тилӗ* «лиса» в сознании носителей языка ассоциируется с хитростью, коварством, злобностью, агрессивностью [16. С. 461]. Следует также отметить, что в сказках хитрая лиса часто оказывается одураченной другими зверями. Так, в сказке «Глупая лиса» журавль, у которого (по мнению лисы) лишь «одна мысль», хитростью смог спасти свою жизнь, а лиса, которая считала себя животным «со множеством мыслей», попала в руки охотника. А в сказке «Журавль и лиса» лисица оказалась одураченной воробьем и попала в ловушку [318. С. 55–58].

В чувашском языке зафиксирован диалектный фоновариант *тил* [8. Вып. XIV. С. 35]. Н.И. Золотницкий приводит в качестве соответствий *тиль* лисица тат. *тӧлкӧ*, тур. алт. *тӱлкӱ*, тур. *тилки*, черн. тат. *тӱлгӧ*, конд. *тӱлгӱ* [56. С. 81].

В древнетюркском языке зафиксированы *tilki*, *tilkü* [43. С. 561], *tülki* «лисица» (Там же. С. 596). Чув. *тилӗ* имеет параллели в большинстве современных тюркских языков: тур., гаг. *tilki*, аз. *tülkü*, уз. диал. *ti/ülki*, турк. *tilki*, кар. *tülkü*, *tilki*, кум. *tülkü*, тат. *tölkӗ*, башк. *tölkö*, ног., ккалп., каз. *tülki*, кирг. *tülkü*; узб. *tulki*, хак. *tülgü*, тув. *dilgi*, тоф. *dilgi*. Лиса – во всех источниках; (метафорич.) хитрец – турк., кум., тат., ног., ккалп., каз., кирг., узб. [165. С. 161]. Таким образом, наличествуют соответствия в тюркских языках огузской, кыпчакской групп и отдельных тюркских языках карлукской, уйгурской, киргизско-кыпчакской групп.

Среди исследователей нет единой точки зрения о происхождении этого онима. Так, А.М. Щербак основывается на этимологии В. Банга [211], согласно которой *тӱлки* восходит к форме **тӱкли* ~ **тӱклӱ*, и образовано посредством метатезы звуков. *Тӱк* в тюркских языках – ‘шерсть’, ‘волосы’, *-ли(-лӱ)* – аффикс относительных прилагательных [200. С. 135]. Однако это

объяснение подвергается сомнению из-за алтайских параллелей типа: тунг.-маньч. **tül-* «волк, медведь»; яп. **tuárá* «тигр» [165. С. 161] и в качестве единой алтайской праформы приводится **t'ule(kV)* [240. Р. 1471]. Следует также отметить, что М. Рясененом к кругу гомогенных отнесены лишь формы тюркских языков [237. S. 480b]. Интересная точка зрения высказана Р.Г. Ахметьяновым: общетюрк. *түлкү* < *трулку* «привидение» [4. С. 207].

Г.Е. Корнилов, в свою очередь, сближает «внутри чувашского *тилё* «лиса», **«бешенка»; тилёр-* «беситься», *тил-:* *тилпёрен* «белена», букв. «приводящая в бешенство» и т.п. в связи с общеизвестным фактом: лисы всегда являлись главными распространителями бешенства в Евразии, кроме того, во время охоты на мышей, живущих колониями, вполне здоровые хищницы выгоняют свои жертвы из нор, имитируя бешеный танец» [80. С. 88]. Исследователь отмечает, что исходное значение корня развилось на базе имитатива, аналогичного донныне сохранившемуся в чувашском сочетании идеофонов *ТЛ(Л)*, символизирующем психо-физическое состояние бешенства, и не исключает, что имитативная база *tl(l)* лежит также в основе соответствий и.-е. **del* – «хитрость, коварство», серб.-х. **tll* «обманывать», алт. **t'il'i* «вздуваться», драв. **til* – «кипеть, *бушевать» (ср. чув. *вёр-* «лаять – заливаться – о собаке, кипеть-бурлить – о жидкости, дуть-бушевать – о ветре»), **tl* – в разных названиях лисы и других собакообразных; в основе тюрк. параллелей тур. *дели* «буйный» (ср. *делибаиш* «буйная головушка»), неистовый; бешеный (ср. *дели ирмак* «бешеный поток»), проливной – о дожде, колючий – о растении (ср. кумык. *телинарат* «ель»), кусачий – о насекомом (ср. кумык. *телижибин* «оса»), сильно разросшийся и т.д. (Там же).

Зафиксированы видовые названия *хора тилё*, *хёрлэ тилё* [8. Вып. XIV. С. 36], букв. «черная лиса», «рыжая лиса»; *хура-хәмәр тилё* «чернобурая лиса» [8. Вып. XVI. С. 209]. Песца именуют *сурсёр тилли* (букв. «северная лиса», метонимический перенос на основе местообитания: *сурсёр* «полночь; север», *тилё* «лиса»), ср. тат. *ак төлке*, хак. *ахтүлгү* 'песец' (указание на окраску животного), букв. «белая лисица» [200. С. 135].

Встречаются также названия растений с компонентом *тилё*: *тилё хўри* «лисохвост» [193. С. 481].

Таким образом, чув. *тилё* имеет соответствия в большинстве тюркских языков. Наличие параллелей в якутском, в тунгусо-маньчжурских языках указывает на возможность развития этого слова из единой праалтайской формы.

§ 2.4.2. Семейство медведи

Уна [*uBá*] «медведь». Чуваши «медведя считают за умного зверя. Говорят, что они живут очень организованно» [284. Л. 94]. В сознании носителей языка медведь часто ассоциируется с физически сильным, здоровым человеком или человеком с крепким телосложением, причем не только мужчиной, но и женщиной: *Кётерин – уна хул-çурăмлă патвар хёрарăм – упăшкине кашини ёспех нушалантармасть* [264. С. 25] (перевод: Катерина – с телом, как у медведя, крепкая женщина – мужа каждой работой не мучает). Даже существует поверье о родстве медведя и человека: *Авалхи ватăсем каласçё: упана этемрен пулнă теççё* [279. Л. 132] (перевод: Старые люди говорят: медведь произошёл от человека). Это убеждение получило своеобразное отражение и в волшебной сказке «Наполовину медведь, наполовину человек». В сказке стряпуха родила мальчика, половина тела которого была как у человека, а другая половина – как у медведя. Сильный и ловкий юноша в возрасте 15 лет смог запрячь медведей, одолеть Шуйттана, завязать края земли, связать одной цепью 12 дубов, одержать победу над земным злом в лице старика [317. С. 280–282].

В целом, в чувашской народной традиции образ медведя несет огромную смысловую нагрузку: предстает как богатырь, помощник и друг человека, супруг женщины и отец ее детей (зверя в большинстве сказок убивают недовольные родственники), спаситель, даритель, хозяин лесных зверей, хищник (при этом не нападает на зверей без согласия Турă), колдун. Маммалионим, находясь в одном семантическом поле со словом «лес», часто ассоциируется с дикостью, «дремучестью», отшельническим образом жизни: *Америка халăхё тире упасем нек тискер, сухалă тесе шутланă иккен* [268. С. 59] (перевод: Народ Америки, оказывается, считал нас дикими, как медведи, бородатыми). Отсюда выражения *упа шăтăкё, упа кётесё, упа çырми*, букв. «медвежья берлога», «медвежий угол», «медвежий овраг», означающие отдаленный труднодоступный населенный пункт или другое место, находящееся вдали от благ цивилизации. В сознании носителей языка образы медведя и волка, символизирующие опасность, тесно связаны: *Упана çёнтерекен кашкăр айне пулнă теççё* [319. Т. 5. С. 33] (перевод: Говорят, что одолевший медведя, оказался под волком). Е.А. Лебедева, в свою очередь, выделяет следующие мифологические значения онима *упа*: «соперник, имеющий власть и деньги», «осень, время года от чўк до чўклеме (с третьей декады июля до середины октября), зрелость, щедрость», «отец, покровитель, власть, мудрость» [91. С. 137–138].

Следует также отметить, что происхождение некоторых чувашских ойконимов связывают с названием медведя или мужским языческим именем *Уни*. *Уни* – «ласкательное

назв. медведя в сказке» [8. Вып. III. С. 253]. Так, согласно историческому преданию, деревня *Уни* Красноармейского района основана могучим родом, ведущим свое происхождение от полумедвежонка-получеловека *Уни*, со временем превратившегося в сильного мужчину [315. С. 154].

Медведь – жертвенное животное. Так, суслики, барсуки, волки и медведи приносились в жертву языческому богу Йёрёху – покровителю охотников [34. С. 230]. К примеру, в археологических памятниках ананьинской культурно-исторической общности (ножах и т.д.) медведь часто изображается в жертвенной позе (с подогнутыми ногами и низко опущенной головой), при этом «в сложных композициях медведь или похожий на него хищный зверь (ящер) изображался в нижней части (нижний мир), на котором стояли лоси или люди-лоси (верхний мир)» [104. С. 71].

В целом, это хищное животное символизирует угрозу, опасность, однако эта стихия может быть приручена человеком, побеждена им: *Упана та ташлама вёрентеççё* [314. С. 78] (перевод: И медведя учат танцевать). *Упайкалла арёма упана та хяратайман* [319. Т. 5. С. 72] (перевод: Замужнюю женщину и медведь не смог напугать).

В чувашском языке получили распространение видовые именованья зверя: *пăвар упă* «бурый медведь», *шурă упă* «белый медведь» [112. С. 199], *кăткă уни*, *кăткупи* «медведь-муравьятник». *Кăткупи пек сўрет çав, пуçне чиксе* [8. Вып. VII. С. 201] (перевод: Он ходит как медведь-муравьятник, склонив голову). Н.И. Золотницким выявлены параллели в алтайских языках: *оба* медведь (у сибир. Татарь *аба*, тюрк. *айыг*, тат. кир. *айу*; у Кондомцев и Черневых Татар медведь *абшыйак* т.е. дедушка от алт. *абаи* дед; у Якут *ăсă* дед и медведь; Самоеды медведя зовут тоже дедом. – *Оба-вырынъ* берлога. *Обалан* ползти на брюхе (алт. *ойёктё*)) [56. С. 18].

Чув. *упа* имеет соответствия в тюркских языках: тел., шор., саг., койб., кач., тур., чаг. *аба* отец (тел., шор., саг.); предок (тур., чаг.); дядя со стороны отца (чаг.); старший брат (кач.); медведь (саг., койб., кач.); саг. *абаа* старший брат; тел., чаг. *абуу* (=монг.) батюшка [124. Т. I. С. 620, 632]. В древнетюркских памятниках *аба* зафиксировано в значениях: «мать», «отец», «медведь», «прародитель; предки» [43. С. 1].

Таким образом, в восточных тюркских языках, в том числе в языках Сибири (якут. *аһа*, букв. «дед»; хак. *аба*, букв. «отец»); в турецком языке южной группы, в литературных старописьменных тюркских языках чув. *упа* «медведь» соответствуют слова, являющиеся терминами родства и обозначающие отца, дядю, деда (по отцу). Употребление общетюркского онима при именовании зверя в чувашском языке следует объяснить тем, что «общетюрк. *аба*

«отец» в чуваш. вытеснено полностью аллоформами слова *атте*, сохранившись в качестве зоонима *уна*, *она* (в произношении *уба*, *оба*; памятники письменности XVIII века также *обаг*, *ова*, *овах*) «медведь» [76. С. 28], но ср. *опайша/упайша* «муж, супруг» на базе *она/уна*. В чувашских говорах регистрируется *ана* (*аба*) в значении «товарищ, брат» [151. С. 10].

В.Г. Егоровым приводятся следующие параллели чув. *уна*: «МК, хак. *оба* «медведь»; «отец»; в других тюрк. яз.: *аю*, *айы*, *адыг*, тув. *адыг*, алт. В. *азых*» [49. С. 274]. Таким образом, слово *аба* в хакасском языке и его сагайском, качинском диалектах, койбальском языке (мертвом языке самодийской группы языков) [140. С. 55]; как и *уна* в чувашском языке зафиксировано в значении «медведь», это значение проявляется наряду с выражением понятий родства.

М. Рясенен в качестве соответствий общетюркского *аба* «медведь» рассматривает монг. *аба* «отец», кор. *аба* «отец» [237. S. 1a]. М.Р. Федотов также приводит параллели в монгольских языках (п.-монг. *абай* голубчик, милый; *абагай* почтенный батюшка), при этом соответствия в тунгусских языках являются заимствованиями из монгольских: эвенк. *авага* (< монг.) дядя (брат отца); сол. *абаа* (< монг.) отец; эвен. *абага* дядя (старший брат отца, матери); иноск. дедушка (одно из названий медведя) и др.; эвенк., эвен. *амаа* отец, иноск. медведь и др. [167. Т. I. С. 8, 34–35; 184. Т. II. С. 282].

Итак, происхождение названия медведя в отдельных тюркских языках (крх.-уйг. *ара*; хак. *аба*; чув. *иВа* «медведь») следует объяснить табуистическим переносом с **а:ра* «отец, дед, старший родственник по мужской линии» [165. С. 159]. А.М. Щербак отмечает, что собственное наименование медведя оказалось утраченным и связывает появление эвфемизмов в тюркских языках Сибири и особенно в якутском с различными запретами (табу) [200. С. 130]. Этот эвфемизм, вероятно, из восточных тюркских языков проник и в чувашский язык. Г.Е. Корнилов задаётся вопросом о возможности сопоставления аллоформы чуваш. *уна* «медведь» с древнеяпон. *опо-* «большой, великий» в составе названия для волка и большой змеи *опо-камы* «великий бог» (ср. *макамы* «настоящий бог») [76. С. 28]. М.Р. Федотов, в свою очередь, приводит предположение о звукоподражельном происхождении данного названия [184. Т. II. С. 282].

В «Словаре чувашского языка» отмечено отэпитетное *сын-сийен* «медведь» (букв. «поедающий людей») [8. Вып. XII. С. 106]. Вероятно, это явно переносное значение «людоед» в истоке является всего лишь характеристикой возможного поведения этого зверя.

Н.И. Ашмариным зафиксированы сочетания *она мочи* «дедушка медведь, назв. медведя в сказке» [8. Вып. III. С. 250], *она ватти* «старый медведь, глава медв. семьи». *Она ватти*

ийтӑкӗнче полнӑ, виҫӗ ҫура полнӑ (Там же. С. 249) (перевод: В берлоге был старый медведь и были трое медвежат).

В говорах встречаются также фитонимы с компонентом *уна*: *уна-вӗтрен* «назв. растения?» [8. Вып. III. С. 249], *уна-кӗнҫи* «назв. растения, имеющего с вершок толщины», *уна-лаппи* «папоротник», *уна-сарри* «папоротник; иначе назыв. шёшлӗлле курӑк» (Там же. С. 252), *уна-ҫырли* «плоды ландыша» (Там же. С. 253), *уна ҫырли (паланӗ)* «толокнянка обыкновенная» [193. С. 513], также: *она/уна сарри* «медвежья подстилка; папоротник».

Таким образом, вероятнее всего, чув. *уна*, как и наименование медведя в отдельных тюркских языках Сибири, является табуистическим названием и подставным словом от общетюрк. *аба* «отец», имеющего соответствия и в монгольских языках. Перенос названия основан на страхе перед хищным зверем. Иносказательное значение *медведь* проявляется также у отдельных тунгусских слов – терминов родства по мужской линии. Не исключено взаимовлияние восточнославянско-тюрко-монгольское, ср. русское устойчивое фольклорное *медведь-батьюшка*, вызывающее ассоциации с эллинскими артемизиями.

§ 2.4.3. Семейство куны

Сӑсар [səZár] «куница». Чуваши охотились за куницей – пушным зверьком. Наличие меха куницы в сознании носителей языка – показатель богатства: *Сӑсар тирӗ кашта тулли Кӗрӱшӗсем сыхӑ пулнӑран* [319. Т. 4. С. 403] (перевод: На перекладине полным-полно мехов куницы, потому что зятья бережливы). Это ценное животное характеризует особый статус человека: *Сӑсар сӑсарпа тус, пуян пуянпа тус* [314. С. 75] (перевод: Куница дружит с куницей, богач дружит с богачом). Название *сӑсар* также ассоциируется с труднодостижимой целью: *Сӑсар хакӑ тӑратӑ те, тытасси йывӑр* (Там же) (перевод: Куница стоит дорого, но поймать тяжело). В чувашской языковой картине мира *сӑсар* выступает в качестве мужской символики [16. С. 374].

Зарегистрированы следующие диалектные фоноварианты: *сасар* (Альшеево, В. Тимерсяны) [8. Вып. XI. С. 76], *сӑсӑр* (Ст. Шаймурзино) [8. Вып. XI. С. 284; 101. С. 105].

Выявлены соответствия чув. *сӑсар* в тюркских языках: тур., аз., кар. к. *сансар*, тур. диал. *sanksar*, тур. *самсар*, кум., бал., каз., ккал., уз. *сув^осар*; кир. *су:сар*, тат. *сусар*, алт. *су:зар*, алт. *сузар*, баш. диал. *сӱсар*, уйг. *сөсә(р)*, чув. *сӑсар*; баш. *хуҫар*, баш. диал. *хыв^охар*; куница – во всех источниках, уз. *сув^осар* «соболь» [205. С. 205]; осм. *сансар* «хорек» [124. Т. IV. С. 312], казан. *сосыр* «барсук» (Там же. С. 592). Л.С. Левитская отмечает, что название *сӑсар*

«куница» объединяет чувашский язык с тюркскими языками северо-западной, юго-восточной и северо-восточной групп [94. С. 30]. По мнению В.Г. Егорова, монг. *суусар* «куница» < тюрк. яз. [49. С. 184]. Параллели в монгольских языках выявлены также М.Р. Федотовым: калм. *сувср* (*сувсър*) = *сууср* куница; п.-монг. *subsar*, *suusar*, ком. *саусар*, чаг., кирг. *сусар*, монг. *суусар* куница [184. Т. II. С. 33]. Г. Дёрфер также предполагает заимствование тюрк. слова в монгольский и др. языки [215. Band III. S. 297–298]. Однако «судя по разнообразию форм, слово является, вопреки Дёрферу, скорее монголизмом в тюрк. языках, подвергшимся многочисленным народно-этимологическим перестройкам» [205. С. 206].

В отдельных исследованиях наблюдается небольшая путаница чувашских онимов *сăсар* «куница» и *сăвăр* «сурок». Так, М. Рясенен со ссылкой на Г. Рамстедта [233. S. 339a] рассматривает в качестве гомогенных тюркские формы *saysar*, кыпч. (*суур-*) *sausar* «ласка», ком. *sausar* «куница», осм. *sansar*, крч. *sūsar* «рысь», чаг. казах. казан. *susar* «куница, барсук», башк. *hyuhar* «куница», казах. *sūr*, чув. *сăвăр* и выявляет параллели в монгольском языке: *sausar*, *suusar*, *subsar* «куница» [237. S. 393b]. На наш взгляд, в данном ряду в качестве соответствия должно быть приведено чув. *сăсар* в значении «куница», так как чув. *сăсар* «куница» и *сăвăр* «сурок» ведут свое происхождение от разных основ и не обнаруживают этимологического родства. Тюркские «*сансар*, *савсар*, *сусар* едва ли можно рассматривать как модификации единой праформы, так как *сансар* – название промысловых зверьков, на которое распространяются охотничьи запреты, фонетические изменения в нем вряд ли были закономерными» [205. С. 206].

В древнетюркских памятниках зафиксировано *sarsal* животное из семейства кунных (ласка?) [43. С. 489], «*сарсал* могло быть результатом семантического сближения старого названия с основой *сарсы-* < *сасы-* ‘дурно пахнуть’ (ср. уйг. диал. *сесиқ күзен* ‘хорек’), а тур. и т.д. *сансар* – вариантом **сарсан*//*сарсал*» [205. С. 206]. Н.А. Баскаков этимологию онима проводит от турк. *сувса* «хотеть пить», «жаждать» [9. С. 379], отсюда *савсар*, *сусар* «привыкший к воде», «жаждущий воды». Близкая точка зрения высказана и в ЭСТЯ: «тюркские формы *сув^осар*, *су:сар* могли развиваться из *сав^осар* < *сагсар* в результате семантического сближения с *сув^о* «вода»» [205. С. 206]. М. Рясенен, в свою очередь, предполагает проникновение этого онима из персидского языка: < перс. *susmar* [237. S. 393b].

В ЭСТЯ на основе фонетической структуры слова предполагается заимствование чув. *сăсар* из татарского языка [205. С. 206], в татарском языке название является единым для всех говоров с чередованием гласного (у~о) в первом слоге: *сосар/сусар* (тат. перм.), тат. перм. урал *сосары* «соболь» [131. С. 52].

В «Русско-чувашском словаре» Н.В. Никольского зафиксировано именование соболя на основе сходства с куницей: собо́ль – *сăсар майлă Сибирти кайăк, унăн тирĕ пит хаклă* [112. С. 520] (перевод: Собо́ль – зверь, похожий на куницу, его мех очень дорогой). Устойчивое сочетание *хура сăсар* (букв. «черная куница») также употребляется в значении «собо́ль»: *Аслă вăрман хыçне шур йур çунă, хура сăсар тухнă та, ай, йĕр хывнă* [8. Вып. XI. С. 284] (перевод: За большим лесом выпал снег, вышел собо́ль и, ай, наследил). В говорах пермских татар употребляется близкое по фонетическому оформлению название *урал сосары* «собо́ль» [131. С. 52]. На территории Башкирии зафиксирован оним *сўл-кайăк* «назв. животного (то же, что сăсар, куница)» [8. Вып. XII. С. 293], который носит народно-этимологический характер: *сўл* «высь, высота, вышина» (Там же. С. 292). А лесные куницы, как известно, обитатели деревьев. Производящая основа *сўл-* входит также в состав маммалионима *сўлевĕç*.

Таким образом, параллели чувашского зоонима *сăсар* «куница» имеют широкое распространение в тюркских и в монгольских языках, при этом сложность этимологизации обусловлена наличием разнообразных аллоформ, происхождение которых связывают или с *сасы-* «дурно пахнуть», или с турк. *сүвса* «хотеть пить», «жаждать». Имеется вероятность заимствования этого слова из монгольских языков. Судя по данным фонетики и характеру распространения слова, следует предположить, что чув. *сăсар* «куница» проникло из кыпчакско-булгарского (татарского) языка.

Кăш [kəʃ] «собо́ль». Собо́ль – пушной зверек, его красивый мех считался самым ценным. При этом культурная коннотация названия *кăш* «собо́ль» в чувашском языке отсутствует [16. С. 457]. Примечательно, что в «Словаре чувашского языка» Н.И. Ашмарина не зафиксировано употребление слова *кăш* для именованя соболя, в то же время при толковании *кăш* «неизв. сл.», в примере, вероятно, встречается название именно этого зверька: *Хура вăрман витĕр тухнă чух, кăш сĕлĕкĕм ўксе сухалчĕ* [8. Вып. VII. С. 213] (перевод: Когда проходил через лес, шапка (соболиная?) упала и потерялась).

Выявлены соответствия чув. *кăш* в тюркских языках: алт., тел., тоб., коман., крым., др.-тюрк., др.-уйг., чаг. *киш* [124. Т. II. С. 1391], казан. *кйш* (Там же. С. 1414), кир. = каз., саг., койб. *кис* (Там же. С. 1385), кум., кир., уз., уз. диал., алт., тув. *киш*, тат., баш. *кйш*, як. *ки:с*, ног. *кис*; это слово употребляется в значении «собо́ль (животное и мех)» – во всех источниках, кроме уз. диал.; уз. диал. – «шуба с бобровым (?) воротником» [206. С. 77]. В древнетюркских памятниках зафиксировано *kiš* «собо́ль» [43. С. 310]. Л.С. Левитская отмечает, что слово *кăш* «собо́ль» сближает чувашский язык с тюркскими языками северо-западной, юго-восточной и северо-восточной групп [94. С. 30].

В самодийских языках, принадлежащих к уральской языковой семье, выявлены близкие формы, поэтому при объяснении происхождения общетюркского названия соболя необходимо рассмотреть соответствия в самодийских языках. Некоторые исследователи видят связь между тюрк. *kīš* и остяк.-сам. *ši*, тайг. *ki*, койб.-сам. *sile* [215. Band III. S. 664]: А. Йоки (сам. *šili* и т.д. ← пратюрк. **kil'*) [221. S. 212]. В. Банг отмечает, что сближению тюрк. *kiš* = сам. *kil'i* мешает *i* в самодийском слове [212. S. 109]. М. Рясенен отмечает, что самодийскими языками заимствована тюркская форма: **kīš* (<**kil'*): др.-тюрк., уйг., чаг., осм. *kiš* «соболя», тюрк. *kiš*, як. *kīs* «соболя», казах., саг., койб. *kis*, каз.-тат. *kāš* < сам. *šili* (<**kili*) [237. S. 272b]. А. Йоки, в свою очередь, ставит под сомнение параллели в уральских языках, приведенные М. Рясененом, и считает уральское происхождение самодийского слова маловероятным, но допускает возможность тюркского происхождения самодийского слова, при этом относительно небольшие звуковые несоответствия относит к объяснимым [220. S. 290–291]. Г. Дёрфер отмечает возможную взаимосвязь между тюркской и самодийской формами и допускает заимствование сам. **kil'i* → тюрк. **kil'v* > *kisi*, это > *kiš*, так как *i* был воспринят как притяжательный суффикс; верно и обратное тюрк. → сам., но сходство между тюркским и самодийским словом может быть случайным из-за фонетических трудностей при сближении [215. Band III. S. 665]. А.М. Щербак восстанавливает праформу **kīu* [201. С. 95]. И рассматривает *kiu* в качестве древнего слова в тюркских языках, но выражает сомнения в его принадлежности к собственно тюркскому лексическому фонду. Исследователь отмечает вероятность этимологической близости *kīu* с камас. *šili* (койб. *ssile*) [200. С. 143], при этом не уточняет направление заимствования.

В ЭСАЯ отмечено, что данный оним представляет собой тюрко-самоедское контактное слово, у которого выявлены тунгусские параллели, поэтому предполагается заимствование тюркской формы самоедскими языками и в качестве тюркской праформы рассматривается **kīl'* «соболя» [240. Р. 817]. В словаре реконструирована и единая праалтайская форма **k'jū'la* «соболя, белка». Так, в качестве параллелей в алтайских языках восстановлена пратунг. **xulu-kī* белка и приведены следующие соответствия: эвенк. *улукй* белка, эвен. *өлики*, нег. *өлөхй*, ма. *улху*, ульч. *холо*, орок. *холо* ~ *хулу*, нан. *хулу*, ороч. *олоки*, уд. *олохи*, сол. *улухи* белка [167. Т. II. С. 263–264]. В СИГТЯ на основе соответствий в тюркских языках восстановлена праформа **ki:š*. В исследовании предполагается заимствование тюркской формы самодийскими языками исходя из надежных алтайских параллелей [165. С. 162]. Таким образом, большинство исследователей, объясняя близость тюркских и самодийских форм, предполагает заимствование

тюркского слова самодийскими языками, в ряде работ допускается оба направления заимствования.

Р.Г. Ахметьянов связывает происхождение тат. *кеш* «соболь» с общетюркским *киш* // *кис* «соболь» и приводит для сравнения (ссылаясь на М. Рясенена) хант. *кет* «соболь», шумер. *kisi* (*киши*) «один зверь» [4. С. 102], в диалектной форме (тат. брб. д.) *кешмар* «водяная крыса» можно вычленить корень *кеш-*. Также встречаются сочетания с данным компонентом: «*кеш мал* 1. тбл., брб. д. вид выдры, 2. тбл., тюм. соболь; *кеш малы* тбл. соболь» [170. С. 303]. Что касается происхождения чувашского *онима*, то в этимологических словарях чувашского языка *кӑш* «соболь» не рассмотрено, чувашская форма не приведена и среди тюркских соответствий в ЭСТЯ. Лишь Л.С. Левитская отмечает «нерегулярное» соответствие гласных в слове: *i* в первом слоге представлен как *ɛ*: алт., тув., кир. *kiš*, тат., башк. *kəš* «соболь» ~ чув. *kəš* [94. С. 69]. В ЭСАЯ также предполагается, что чувашское название демонстрирует нестандартный вокализм, поэтому может в действительности отражать связь с пратюркским **Külüm* «крыса, крот». В данном словаре тюркское *kiš* рассматривается как составная часть монгольских форм, тюрк. > монг. *er-kis* «самец соболя», *ebsi-gis* «самка соболя» [240. Р. 817]. А. Рона-Таш, в свою очередь, предполагает индоевропейское происхождение слова *киш* [239. S. 503].

Таким образом, среди исследователей нет единой точки зрения о происхождении общетюркского слова и его связи с самодийской формой. При этом можно утверждать, что чувашское *кӑш*, отражающее нестандартный вокализм, имеет этимологическое родство с тюркскими формами.

Соболя в чувашских говорах именуют словом *хӑма*, зафиксирован также фоновариант *хӑмлӑ* [307. С. 47]. Вероятно, употребление и сохранение в языке маммалионимов *хӑма*, *кӑш* связано с большим значением торговли пушниной для болгаро-чувашей. От волжских болгар в Саманидский Хорезм (крупный торговый центр восточного мира) поступали меха соболей, бобров, горностаев, куниц, лисиц, белок [190. Т. 1. С. 245].

В «Ретроспективном толковом словаре чувашского языка» зарегистрировано соболь – *ӑшӑ тирлӗ тискер кайӑк*, букв. «дикий зверь с теплым мехом» [185. С. 82].

Юс [*jus*] «горноста́й». Н.И. Ашмариным приведены онимы *йус*, *йос* «назв. животного: горноста́й, ласка», с пояснением «возможно, что некоторые, по недоразумению, называют этим именем и др. животных» [8. Вып. V. С. 10]. Также встречаются сочетания: *чӑн йус* «повид., горноста́й», *пысӑк йус* «горноста́й» (Там же. С. 11). Употребляется и наименование *шурӑ юс* «белый горноста́й» [193. С. 642], вероятно, основанное на внешних особенностях этого животного – белого окраса шеи и брюшка. В «Словаре чувашского языка» также

зафиксированы сочетания *аслă йос* «назв. животного», *ола йос* «назв. животн.» [8. Вып. V. С. 11]. *Йос* – *шорă, хурри кётёк* (большой зверь) (Там же) (перевод: Йос (горностай) – черный, хвост кудрый). *Хора йос-си* «черный горностай» [8. Вып. XV. С. 37]. В «Русско-чувашском словаре» Н.В. Никольского отмечен также фоновариант *йас* [112. С. 77]. Как и в некоторых других тюркских языках, в чувашских говорах *юс* (*йус*), *йос* употребляется в значении «ласка». Так, это значение зафиксировано на территории Алманчикуво Батыревского р-на ЧАССР, Старой Тюрлемы Козловского р-на ЧАССР, Якушкино Октябрьского р-на Татарской АССР, Кош-Елга Бижбулякского р-на Башкирской АССР, Шняево Базарно-Карабулакского р-на Саратовской обл. [290. Карта № 101]. К примеру, «*йус* – истребляет мышей; менее ценная шкурка, чем у «чăн йус» [8. Вып. V. С. 10], онимом *чăн йус*, как мы уже отметили ранее, называют горностая.

Встречаются наименования ласки в форме сочетаний: *йечче* или *йечче йус* «ласка (зверек)». *Йечче йус* = ласка [8. Вып. IV. С. 291]. Слово *йечче* имеет соответствия в отдельных тюркских языках и, вероятно, было заимствовано ими из русского языка: башк. *йәтсә, ләтсә*, кирг. *ласка*, узб. *ләтчә*, тат. *ләтчә* (< рус. *ласка*). Л.С. Левитская предполагает, что *йечче* пришло в чувашский из татарского языка [94. С. 30]. В говорах татарского языка, к примеру, употребляются различные фоноварианты этого названия: *йәтчә/жәтчә* (бирск.), *ләтсә* (злт.), *ләтчә/йәтчә* (абдл.), *лачча* (миш. д.) [131. С. 52]. Так, на территории М. Карачкино Ядринского р-на Чувашии в значении «назв. животного, ласка» употребляется оним *леттешке*, близкий по фонетическому оформлению татарскому *ләтчә*: *Леттешке* – *крысран пётисрек* (поменьше), *тёттём-хёрлө, коак манерлө* (почти коричневый, горло белое) [8. Вып. VIII. С. 82].

Йечче или *йечче йус* = *шайши йусё* (шурă, çулла сăрă) [8. Вып. IV. С. 291] (перевод: белый, летом серый). *Шайши йосё* «крупная полевая мышь» (ласка?) [8. Вып. V. С. 11]. *Шайши йусё* «ласка» [111. С. 321], *шайши-йусё* [283. Л. 141], букв. «мышиный юс». В рукописном источнике дано пояснение: *шайши йусё: шайшине сиекен ёскер* (Там же. Л. 154) (перевод: Ласка (мышиная ласка): поедающая мышей). Встречается также *шайри-йус* «горностай» [8. Вып. XVII. С. 346].

Кушак-кайăк йусё «ласка (зверек)» [8. Вып. VII. С. 59]. Описание этого зверька в «Словаре чувашского языка» построено на сравнении, поэтому следует предположить, что этот диалектизм мог возникнуть на основе внешнего сходства животных: *Кушак кайăк йусё. Йус майлах; йусран кёскерех те, пёчкёрех те, ула пулат. Кушак-кайăкран пысăкрах* (Там же) (перевод: Мышиный юс. Похож на ласку; и короче ласки, и меньше, бывает серым. Больше мыши).

В отдельных случаях словом *юс* (*йус*) называют хомяка, это значение не выявлено в остальных тюркских языках, и вероятно, появилось на основе метонимического переноса: *Йус кушакран пёчёркех; урисем кёске... Хирте пуранать. Шәришлә. Хомяк пуль, теңсә* [8. Вып. V. С. 10] (перевод: Юс меньше кошки; ноги короткие... Живет на лугу. Вонючий. Хомяк, вероятно, говорят).

Рассмотрим чувашское название *юс* в культурологическом аспекте. (Оним *юс* – многозначный, поэтому нами в большинстве примеров это название оставлено без перевода). Название этого зверька в отдельных случаях в связи с особенностями поведения ассоциируется с чем-то быстрым, юрким. В чувашском языке у маммалионима *юс* появилось переносное значение, этим словом называют хитреца, изворотливого человека, ловкача, проныру, пройдоху [193. С. 642], а также угодливого человека, льстеца, подлизу. В языке часто встречается сопоставление *туссем* – друзья, *юссем* – недруги, враги: *Шанчаксәр тус – шайши юс* (перевод: Ненадежный друг – шайши юс); *Күç умёнче – тус, кут хысёнче – юс* [319. Т. 5. С. 10] (перевод: Перед глазами – друг, за спиной – юс). (Данные поговорки основаны на рифме, игре слов). Выражение *йёпе юс* является ругательством: *Çак ачана ялта, сямси юкса сүренёренши, йёпе юс тесе витлессё* [250. С. 6] (перевод: Над этим ребенком из-за вечного насморка ли, смеются, называя мокрым юсом).

Слово *юс* носит общетюркский характер. В древнетюркском языке зафиксировано *as, ās, āz* «горноста́й» [43. С. 59], то есть тюркская праформа включала долгий гласный **ās*, который позволяют восстановить материалы чувашского и якутского (*үүс* «соболь, куница, рысь») языков [200. С. 142]. В старочувашском языке зафиксирована словоформа *юс, іос* «горноста́й» [153. С. 55].

Впервые соответствия чув. *йос* в родственных языках выявлены в КЧРС: тат. *ас, ак ас*, алт. *агас = ак ас*, л. чер. *йош* [56. С. 18]. Это слово наличествует в большинстве тюркских языков: тур., кум., кар., тат., хак. *ас/as*, баш. *аҫ/aʃ*; баш. диал. *ах/ah*; чув. *йус/jus*; кбал. *агаз/ayaz*; алт. *агас / аyas*, алт., тел. *а:с / а:s*, тур. диал., кир. (или *арс чычқан*) *арс/ars*; кир. *арыс/aris*; кир. *арсы/arsi*; и употребляется в значениях: «горноста́й» – тур., кум., кбал., кир., тат., баш., алт., чув.; «ласка» – тур. диал., кум., кбал., хак., чув., «хорек» – тур. диал. [140. С. 191]. В.Г. Егоров выявляет соответствия и в персидском языке: перс. اس (*ас*) «горноста́й» [49. С. 351]. Таким образом, выявлены соответствия чув. *юс* в тюркских языках огузо-сельджукской, кыпчакско-булгарской, кыпчакско-огузской подгрупп, киргизско-кыпчакской группы, в персидском языке иранской группы. Этот оним в тюркских языках называет горноста́я, ласку, хорька.

При этом среди исследователей нет единой точки зрения о происхождении этого названия. Э.В. Севортян предполагает, что «*ас* вероятно из *арс* ‘горностай’ тур., кир. ‘ласка’, ‘хорек’ тур. и далее к *арсы* < **арсу*. Древнетюркская и алтайская форма *а:с* составляет переход от *арс* к *ас*, и долгота гласного здесь, видимо, заместительная. Кбал. и алт. *агаз* ~ *агас* восходят к **ақ ас* ‘белая ласка’» [140. С. 191]. В.Г. Егоров, в свою очередь, происхождение онима связывает с «*ас* (ср. якут.) ‘белый’: горностай – белый зверёк» [49. С. 351]. А.А. Бурыкин название горностая в тюркских языках относит к заимствованию из «палеоазиатских» (чукотско-камчатских, а именно чукотско-корякских языков), якут. *амсыр*, эвенк. *амсир*, т.е. архетип **амсыр* преобразовался в **ас*, с учетом долготы в **а:с* [19. С. 33–34].

В чувашском языке (в отличие от большинства родственных тюркских языков) употребляется форма с протетическим *j*, который, по мнению Л.С. Левитской, возник в результате звукового развития общетюркского архетипа [94. С. 267]. Э.В. Севортян также рассматривает начальный *й*- в чув. *йус* как вторичный [140. С. 191]. М. Рясенен отмечает проникновение чув. слова в черемисский язык: *jos* «какой-то зверёк», *kola-jos* «ласка», *jos* «горностай», *dos*, *kuŋo-jos* «горностай», *kolá-jos* «хорёк», *još* < чув. (*šęži-*)*jos* «ласка», *jus*, *jas* «горностай», *jus* «ласка» [236. S. 137].

Таким образом, маммалионим *юс* «горностай», «ласка» имеет параллели в тюркских языках, при этом в чувашском языке употребляется форма с протетическим *j*. Среди исследователей окончательно не решен вопрос о происхождении этого онима. Наиболее убедительным, на наш взгляд, выглядит предположение об этимологическом родстве слова с тюркским *ас* «белый». Для именования ласки употребляются и сочетания с компонентом *йус*: *шайши йусё*, *кушак-кайяк йусё*, *йечче* (*йечче йус*), последнее название проникло из тюркских языков кыпчакско-булгарской подгруппы.

Шаикă [šáškă] «норка». В чувашских говорах употребляется также фоновариант *шаика* «норка (зверек)» [8. Вып. XVII. С. 152]. *Шаикă – хăмăр; кушак пек кайяк. Вăл тинĕре порнать порнасса, шыва вăл полă тытма анчах кĕрет* (Там же. С. 153) (перевод: Норка – коричневый зверь, похожий на кошку. Живет он на суше, в воду заходит лишь для ловли рыбы). Название этого животного также ассоциируется с юркостью движений: *Кун пек пулассине пĕлнех пулсан, Шаикă пулса шыва чăмас-мĕн* [319. Т. 4. С. 210] (перевод: Если бы знать, что такое произойдет, норкой бы в воду прыгнуть). В отдельных случаях этот оним характеризует сложившуюся систему отношений между людьми: *Шăнкăрчă чĕппи шыв ёснĕ чух, шыври шаикан унта мĕн ёс нур* [8. Вып. XVII. С. 152] (перевод: Когда скворчонок пьёт воду, водяной норке какое до этого дело).

В КЧРС приведены соответствия «шашка норка – зверокъ (*кир.* шешке, *л. чер.* шашка)» [56. С. 107]. Это слово имеет соответствия в татарском и в башкирском языках: «каз. *чәшкә* какой-то водяной зверек» [124. Т. III. С. 1993], башк. *шәшке* «норка» [184. Т. II. С. 438]. В.Г. Егоров также в качестве соответствий чув. *шаишкă* рассматривает башк. *шәшке*, тат. *чәшке* [49. С. 332].

Среди исследователей нет единого мнения о происхождении этого маммалионима. А.М. Щербак полагает, что *шәшкә* «норка» «является собственно чувашским, или финно-угорским, так как в других тюркских языках, исключая языки Поволжья, его нет» [200. С. 147].

М. Рясенен рассматривает тюркские формы: каз.-тат. *čäškä* «водяной зверек», миш., башк. *šäškä* «норка», *šaška* «куница», чув. *šaškę* «норка» в качестве заимствований из черемисского языка: < чер. *šaškę*, *šaške* «хорёк» ~ вепс. *h'ähk* (лит. *szeszkas*) [237. S. 105b]. О заимствовании из марийского языка заявляет и Р.Г. Ахметьянов [4. С. 232]. М.Р. Федотов, наоборот, рассматривает *шаишкă* как чувашское заимствование в марийском языке: *шаишкă* > марЛ. *шашке*, марГ. *шәшкы* норка и приводит для сравнения фин. *häähkä* болотная выдра [183. С. 277]. Известно рус. диалектное *шашок/шешок* «норка».

М.Н. Кузнецова, в свою очередь, мар. *šaške* «норка» относит к уральскому наследию, приводит для сравнения прибалтийско-финские, марийские, самодийские варианты, в которых выдерживается фонетическая закономерность уральских *š-*, *-š-*: фин. диал. *häähkä*, олон. *heähkü*, людик. *heähkäine*, вепс. *hähk*, самод. *töötэ*, *tööt* и т.д. < ур. **šäškä* [90. С. 74]. Итак, чув. *шаишкă* имеет параллели в тюркских языках Поволжья (татарский, башкирский), также близкие формы выявлены в финно-угорских языках (марийском, вепсском, финском, людиковском, олонском), в самодийских языках уральской языковой семьи. На основании распространенности этого слова в уральских языках, следует сделать вывод о проникновении этого слова в тюркские языки Поволжья из соседнего марийского языка. Однако неизвестной остаётся этимология данного слова. В отдельных чувашских говорах употребляется и рус. *норка*: *норка калпак*, *норка сёлёк* «норковая шапка».

Пәсара [*pəZará*] «хорь», «хорёк». Название *пәсара* ассоциируется с чем-то страшным, грозным: *Куратăп сивё кушё витёр Йăлт урăх, тепёр нит: Пәсаралла пәхатъ вăл, ирсёр* [312. С. 226] (перевод: Вижу через холодный взгляд совсем другое лицо: Смотрит хорьком он, подлый). А также с чем-то неискренним, не заслуживающим доверия: *Ивукăн пәсаранни пек суйкăн кушёсем пёр самантрах Ухтиван кăмăлĕ йăвашиланнини асърхарёç* [310. С. 180] (перевод: Лживые, как у хорька, глаза Ивука сразу заметили, что расположение духа Ухтивана

смягчилось). Так, в волшебной сказке «Ласка и хорёк», хорёк предстает глупым доверчивым зверьком, который будучи одураченным лаской, погибает [318. С. 246–247].

В Чувашии обитает *вӑрман пӑсари* «хорёк лесной», его еще именуют *хура пӑсара* «чёрный хорёк», *хир пӑсари*, *сӑтӑ пӑсара* «хорь светлый, хорь степной» [87. С. 283], при этом чёрный хорёк, как правило, обитает в лесах, а светлый – на лугах, полях, а также в оврагах. В ряде источников зафиксировано *псара* «сурок» [56. С. 52], *пӑсара* «сурок, хорёк» [111. С. 130]. *Пӑсара – хора, тӑрӑхла, сӑнче, чӑпӑсене тытат* [8. Вып. X. С. 149] (перевод: Хорёк – чёрный, продолговатый, тощий, ловит цыплят).

В древнетюркском языке в значении «хорёк» отмечено *küzün* [43. С. 332]. Слово имеет соответствия в большинстве современных тюркских языков и в отдельных монгольских языках: туркм., кумык. *сасык гёзен*, кирг. *күзӧн*, *сасык күзӧн*, казах. *сасыккүзен*, к.-калп. (*сасык*) *кузен*, узб. *сассик кузан*, алт. В, хак. *күзен*, уйг. Син. *сасык көзән*, башк., тат. (*сасы*) *козән* ‘хорёк’; тув. *күзен* «колонок», «куница»; монг. *үкмил кӱрене* «хорёк» (*кӱренг* «коричневый»); ср. калм. *курн* «хорёк» [49. С. 150]. При этом «почти во всех тюркских языках к слову *кузән* прибавляется слово *сасі(k)* ‘вонючий’, в туркменском – *алаја* ‘пестренький’, в узбекском – *ала* ‘пестрый» [200. С. 146]. В.Г. Егоров со ссылкой на З. Гомбоца [218. S. 72–73] отмечает, что «в древнее время и в чувашском языке для обозначения хорька, по-видимому, было слово *кӱрен*: по общему признанию венгерских лингвистов, венгры свое *görény* ‘хорёк’ заимствовали из древнечувашского языка» [49. С. 150].

Слово *пӑсара* «тот, кто постоянно выпускает ветры из живота; хорёк (зверёк)» представляет собой древнее причастие от глагола *пӑсар-* «испускать ветры из живота», которому соответствуют тар., чаг. *осар-* выпускать ветры; крым., тур. *осурак* человек, часто выпускающий ветры [124. Т. I. С. 1139–1140], данные формы ведут свое происхождение от др.-тюрк. *osur-* выпускать кишечные ветры, газы [43. С. 372; 184. Т. I. С. 404]. В.Г. Егоров отмечает, что *пӑсара*, как и *кӱрен*, возникло в языке давно: ср. удм. *бызара* (< чув.) «суслик» и мар. *пушара* «хорёк» [49. С. 150]. М.Р. Федотов также утверждает, что из чувашского языка зооним *пӑсара* «хорёк» проник в соседние финно-угорские языки: чув. > марЛ. *пушара* вонючка; марГ. *пышара* сурок/удм. *бызара* суслик [183. С. 209]. Г.Е. Корнилов предполагает, что производящий именной корень *пӑсар-* «пускать ветры, портить воздух» (букв. «пускать пары») совпадает с венгерским *бүүз* «зловоние, смрад, дурной запах». Отсюда чув. *пӑзара*, удм. *бызара* и мар. *пушара* «хорёк». Исследователь этот же производящий корень выделяет и у венг. *буус* (*бууш*) «изнурительная жара; удушливый воздух; пар; душный; подлый», а на ностратическом уровне – у индоевропейских параллелей рус. *пар* [76. С. 129–130].

В отдельных тюркских языках встречаются онимы, буквально указывающие на дурной запах, исходящий от этого зверька: азерб. *goxarча*, тур. *кокарча* из *кока*- «издавать дурной запах», ср. *кокар* «дурно пахнущий», «вонючий» [124. Т. II. С. 509], тат. *сасы көзен* «хорек» < *сасы* «вонючий, зловонный» + *көзен* «хорёк» [183. С. 209], а также рус. *выхухоль* от несохранившегося *хухать* «вонять» [49. С. 150]. В русских говорах хорька называют *бздюк*, а в западных наречиях русского языка бытует слово *бздюхъ* «хорекъ, хорь, вонючий звѣрокъ» [31. Т. I. С. 86], пск. *бздюхъ* «тухлый, вонючий» [31. Т. IV. С. 561]. М. Рясенен, в частности, сопоставляет семантику ср.-тюрк. *sarsal* «ласка», казах. *sas-küsön*, казан. *sasy-közän* с рус. *бздюх* «хорёк» < *бздеть*; чув. *pežara* «хорёк» < *pežar* «испускать ветры из живота» [237. S. 405a].

В одном рукописном источнике рядом с названием *пăсара* дано объяснение «*пёренесем айёнче пурăнать*» [283. Л. 154] (перевод: живёт под брёвнами). Помимо онима *пăсара* в чувашском языке для именованя хорька также используются описательные обороты «*пёчĕк çăткăн чĕр чун*» [159. Т. 2. С. 500] (перевод: маленький хищный зверь) или «*сăсар йышши мамык тирлĕ çăткăн чĕрчун*» [64. С. 27] (перевод: хищный пушной зверёк семейства кунных).

В чувашском языке встречается также фитоним с данным компонентом. Вероятно, трава получила свое название из-за внешнего сходства: *пăсара хури* «клевер пашенный (сорная трава)», букв. «хвост хорька» [193. С. 280].

Таким образом, оним *пăсара* представляет собой древнее причастие от глагола *пăсар*- «испускать ветры из живота», имеющего параллели в отдельных тюркских и в монгольских языках и совпадающего с венгерским *bűz* «зловоние, смрад, дурной запах». В большинстве языков, в том числе и в русском, употребляются названия хорька, имеющие буквальный перевод «вонючий зверёк».

Пурăш [púrăš] «барсук». Это название в сознании носителей языка ассоциируется прежде всего с затворническим образом жизни: *Çынсене ёненмесёр пурăш пек пурăнни – пурнăç-и вăл?* (перевод: Жить, не доверяя людям, как барсук, – жизнь ли это?). В отдельных случаях это название символизирует спокойную жизнь: *Пурăшла лăпкă пурнăçпа пурăнатăр эсир* [261. С. 75] (перевод: Вы живете спокойной жизнью, как барсуки).

Диалектный вариант: *пăрайш* [94. С. 206]. В памятниках старочувашской письменности зафиксированы: *пораши* [153. С. 30], *порыши* [56. С. 50]. Чувашское *пурăш* имеет соответствия в большинстве тюркских языков: тур., алт., тел., леб., шор., саг. *порсук*, кирг., тур. *борсук*, каз. *бурсык*, леб. *морсык* барсук, каз. *барсык* (< рус.) барсук [124. Т. IV. С. 1273, 1488, 1668, 1833], аз. *порсуқ*, турк. диал. *порсыг*, ккал. *порсық*, хак. *порсых*, алт. диал. *порсок*, тур. диал. *парсук*,

кбал., уйг., алт. диал., тоф. *борсуқ*, уз. *борсик*, алт. диал. *борсоқ*, баш. диал. *бурсык*, *бурсук*, баш. *бурхык*, тат. (казан.) *бурсык*, тув. *морзуқ*, хак., хак. диал. *морсых*, хак., хак. диал. *моршых*. Это слово имеет следующие значения: 1) барсук – во всех источниках, кроме тур. диал. *парсук* – «матка»; 2) ёж – хак. диал. *морсых*; 3) плесень – ккал.; 4) вялый, дряблый – тур.; сморщенный, морщинистый – тур.; дряхлый – тур. [205. С. 124].

Др.-тюрк. *borsuq*, *borsmuq* «барсук» [43. С. 113]. Выявлены соответствия и в отдельных монгольских языках: калм. *борсг* (*борсгэ*) барсук, ср. *борк* (*боркэ*) старый барсук [184. Т. I. С. 446–447]; п.-монг. *borsuγ* [233. S. 52a]. Следует также отметить, что в ЭСАЯ реконструирована единая праалтайская форма **borso(k'V)* барсук: прамонг. **borki* (старый барсук), пратюрк. **borsuk*, **borsmuk* (барсук), праяп. **b`asáki*, **ùsáki* (заяц), пракор. **ùsir̥k* (барсук) [240. Р. 374–375].

Г. Рамстедт предполагает происхождение *борсук* от **бор* «сытый», «жирный» [233. S. 52a]. В ЭСТЯ приводится точка зрения В. Банга, М. Рясенена о происхождении слова от **бор* «серый» ~ «мел» [205. С. 125–126]. Однако Г.Е. Корнилов отвергает связь корня *нур-* с пратюркским **бор* в значении «серый» при современном общетюркском *боз* «серый» и монгольском *бор*, тувинском *бора*, хакасском *пора* тоже, так как в этом случае в чувашском мы имели бы *пăвăрăш*, ср. современ. чуваш. *пăвăр* «бурый», «чалый», «цвета зерна восковой спелости» [78. С. 221–222].

Г.Е. Корнилов отмечает, что чуваш. *нурăш* является закономерным отражением пратюркской или праалтайской формы, а не представляет собой заимствование того или иного порядка, архетипом является **na^o: p(ä)сук*, при этом образованию *-ăш* < *-(ä)сук* способствовала аналогия к основам, образованным исконным суффиксом *-ăш* или имеющим соответствующее окончание любого иного происхождения, типа *кăрăш* «коростель» (Там же. С. 220–221).

Исследователь также поддерживает предположение С.С. Цельникера об этимологической связи общетюркского *борсуқ* с глаголом *борсу-*, *порса-* «вонять» [188]. Согласно Г.Е. Корнилову, древнечувашским прототипом (архетипом) является **na^o: p(ä)сук* [78. С. 221]. Так, близкая форма зафиксирована в говоре чувашского языка на территории Татарстана: *пăрусак* [283. Л. 177]. «Указанный корень **na^o:-*, может быть, отражен также в чувашских словах: *пăх* «кал и т.д.», *пăсар-* «испускать ветры», *пăс* «пар(овой)», *пăчă* «душный, спертый», *пăнтăх* «плесень», *пăшă* «полугнилой» и т.д.» [78. С. 221]. Таким образом, на основе семантики *нурăш* ставится в один ряд с чувашскими *пăсара* «хорек», *шăши* «мышь», *сăсар* «куница», *йăпар* «выхухоль», азербайджано-турецкими *гохарча*, *кокарча* «хорек», русск. *выхухоль* и т.д., имеющими столь же «благоухающую» терминологию (Там же. С. 223). В

СИГТЯ также допускается внутритюркская производность от глагола **b/porsy-* «вонять» [165. С. 164]. Р.Г. Ахметьянов, в свою очередь, связывает происхождение тат. *бурсык* «барсук» с общетюркским **бор-сы-г* «вонючка» [4. С. 54].

Вероятно, венгерское *borz* «барсук» заимствовано из болгарского языка: < др.-чув. **borz* [218. S. 52].

М. Фасмер предполагает заимствование рус. *барсук*, *борсук* из тур., казах., балкар., карач. *borsuk*, тат. *bursyk*, *barsyk*, чагат. *bursuk* – то же; первоначально означало «серый» [179. Т. I. С. 128]. Г. Рамстедт также отмечает заимствованный характер слова *барсук* в русском языке: кир. *borsuq* > рус. *борсукъ* [233. S. 52a]. Н.К. Дмитриев рассматривает рус. *барсук* в качестве тюркизма, подтвержденного фактами: казах. *борсук*, тат. *бурсык* и, с другой стороны, тур. и азерб. *порсук* [40. С. 526].

Таким образом, среди исследователей нет единой точки зрения о происхождении этого зоонима. На наш взгляд, этимологию общетюркского *борсуқ* следует связать с глаголом *борсу-*, *порса-* «вонять». В чувашском *пурйи* вычленяется корень **na^o-*. По признаку номинации наблюдается семантическая близость *пурйи* со словами *пйсара* «хорек», *иййи* «мышь», *сйсар* «куница», *ййпар* «выхухоль». Наличие параллелей в монгольских, японских, корейских языках указывает на возможность происхождения этого названия из единой праалтайской формы. Обращает также на себя внимание узколокальный характер распространения этого онима в монгольских языках. Из тюркских языков название было заимствовано русским языком.

Атйр [а́Дйр] «выдра». Оним *атйр* в сознании носителей чувашского языка проявляет ассоциативную связь с невысокой женщиной: *сёр атйр* «выдра; так обращаются к низеньким женщинам» [8. Вып. XIII. С. 90]. Также маммалионим символизирует медлительность, нерасторопность (хотя выдра передвигается по суше торопливыми шагами) и беременность: *Йывйр сын пулнй пирки атйр теçсё йна* [300. С. 174] (перевод: Из-за того что она в положении, ее называют выдрой). А выражение *тарйн ийтйкра ларакан атйрсем* [302. С. 336] (букв. «выдры, сидящие в глубокой норе») обозначает затаившихся в безопасном месте людей. Это название часто выступает в качестве ругательства: – *Ватсупнй! Сёр атйрё! – сыхйрса ячё вйл* [Хветуç] [274. С. 70] (перевод: Старый хрыч! Выдра! – закричал он). При этом шуба из меха выдры воспринимается как что-то значимое, ценное: *Борис... кама атйр тйлйпё, кама аляк хйлйпё тесйён мар-и?* [259. С. 211] (перевод: Борис, хочешь ли ты сказать, что кому-то шуба из выдры, а кому-то рукоятка двери?).

Зафиксированы диалектные фонетические варианты: *атйр* с пометкой «очень сомн. см. *атйр*» [8. Вып. II. С. 145], *хйтйр* [8. Вып. XVI. С. 371], *втйр* [101. С. 54]. В свою очередь,

Л.С. Левитская отмечает, что неэтимологический *h* в верховом диалекте чувашского языка (главным образом в сундырских говорах) встречается спорадически [94. С. 259]. В памятнике старочувашской письменности (в рукописи «Словаря чувашского языка») зафиксировано *хондор* в значении «выдра» [153. С. 49], обращает на себя внимание, что данная словоформа по фонетическому оформлению близка чувашскому *хӑнтӑр* «бобр».

В ЭСАЯ реконструированы единая праалтайская форма **ōṇdu* «мелкое дикое животное», пратюркская форма **utiŕ* «выдра», вывлены соответствия в современных тюркских языках: чув. *ь^wдъ^wr*, як. *itiŕ*; для форм сибирских языков пратюрк. **kam-tuŕ* «бобр, выдра» < **kama* + **utiŕ* «выдра», отмечено, что второй компонент получил рефлекс в чувашской форме *ӓтӑр* [240. Р. 688, 1054]. При этом в СИГТЯ для форм сибирских языков (хак. *хатнос*, кач. *qamnu:š*, шор. *qandus*) восстановлена праформа **qamluč*, т.е. диминутив *-č* от *qam-lu* [165. С. 162].

А.М. Щербак под знаком вопроса связывает происхождение чув. *ӓтӑр* с индоевропейскими формами (ср. русск. *выдра*, санскр. *udrá*, авест. *udra*, др.-в.-нем. *ottar*) [200. С. 146–147]. М.Р. Федотов отмечает индоевропейское происхождение чув. *ӓтӑр* и приводит для сравнения як. *кӱтӑр* «крот», монг. *küderi* «кабарча, мускусная крыса» [184. Т. I. С. 93]. В.Г. Егоров также предполагает, что в чувашский (булгарский) язык *ӓтӑр* проникло из индоевропейский языков, т.к. в других тюркских языках слово не встречается: др.-инд. *udráh*, авест. *udro*, перс. *вадрак*, лит. *údra*, нем. *Otter* «выдра», др. слав. *выдра*, греч. *υδρα* «водяной змей», «гидра», *υδωρ* «вода», лат. *lutra* из **udra* [49. С. 44], при этом в славянских языках наблюдается начальное *v*-наращение «др.-рус. *выдра*, блр. *выдра*, болг. *вѣдра*, с.-хорв. *вѣдра*, словен. *vídra*, чеш., слвц. *vydra*, польск. *wydra*; из **vydra*» [174. С. 128]. Н.М. Шанский объясняет, что общеславянское *выдра* имеет индоевропейский характер, образовано с помощью суф. *-ra* от той же основы, что и сущ. *вода*. *Выдра* буквально значит «водяная» [195. С. 71]. Слав. **vodā* восходит к **vod-ō(r)* или **vod-ō(n)*, образовано от и.-е. **ued-*, **ud-* с помощью суффикса *-r/-n-* [196. С. 123].

В марийском языке выявлена близкая форма *удыр* Л ~ *ыдыр* Г «крот», а также составные и сложные названия с данным компонентом: *мланде-удыр*, *сокырудыр*, *удырголя* «крот», марГ. *вӱдыдыр*, *вӱд ыдыр* «выхухоль; водяной крот» [90. С. 34–36], поэтому важным моментом при объяснении происхождения чувашского маммалионима *ӓтӑр* является связь с марийской формой. Так, М. Рясенен сопоставляет чув. *ędęr*, *võdõr*, *хӧдӧр* с черемисским *űdęr*, приводит для сравнения якут. *kütär* «суслик, крот», монг. *küderi* «ондатра, кабарга» и отмечает, что этимология не ясна [236. S. 240, 304]. Б. Мункачи чувашские, марийские названия возводит к и.-е. **udra* «выдра» [226]. М.Р. Федотов отмечает, что чувашское *ӓтӑр* проникло в марийский

язык: *xăťăr* – заимствование чувашским языком марийской формы. Исследователь также исходит из того, что *ăťăr* употребляется в верховом диалекте чувашского языка, как и в марийском языке, в значении «крот, землеройка» [97. С. 55], *ăťăr* > марГ. *ыдыр*, марЛ. *удыр* крот [183. С. 264]. В рукописном фонде Н.В. Никольского [283. Л. 148] и в «Словаре чувашского языка» зафиксировано распространение слова *ăťăr* в отдельных говорах чувашского языка (Бугульминский р-н ТАССР, д. Березовые Олгаши, Верхние Олгаши Сундырского района, с. Карачево Козловского ЧАССР) в значении «крот»: *Ăťăr; ори кайалла; она кайора теççĕ тата* [8. Вып. IV. С. 79] (перевод: Ђťăr; ноги назад; его также именуют кротом). В «Словаре чувашского языка» под знаком вопроса указано также *ăťăr* в значении «выхухоль»: *Ăťăr – выхухоль* (Там же). Таким образом, употребление *ăťăr* для именования крота характерно, в основном, для верхового диалекта чувашского языка, территория распространения которого находится по соседству с ареалом бытования марийского языка, конечно, чув. *ăťăr* связано с марГ. *ыдыр*, марЛ. *удыр* крот. М.Н. Кузнецова, в свою очередь, отмечает, что в финно-угорских языках название крота связано со значением «рыть, копать», удм. *мугрись* < *му гырись* «пашущий землю», т.е. в основе номинации зверька лежат его повадки и образ жизни, отсюда нельзя исключать, что марийский зооним *удыр* Л ~ *ыдыр* Г «крот» произошел от глагола *удыраш* «грести, выгребать» [90. С. 35–36].

Обращает на себя внимание, что согласно примерам, приведенным в «Словаре чувашского языка», у носителей языка нет конкретизации при восприятии онима *ăťăr*: *ăťăr – водяная крыса* [8. Вып. II. С. 145], *ăťăr – небольшой зверь: хорошо плавает в воде и питается водяными насекомыми и рыбой*, *ăťăr – животное, похожее на мышь*; *ăťăr – речная выдра*; *ăťăr – водяное животное, величиною с крысу*; *ăťăr – в роде мыши, черная, разрывает снасти; выхухоль (?)*; *личинка(?)*; крот. *Çĕр ăťăřĕ* «назв. какого-то животного» [8. Вып. IV. С. 78–79]. Выдра – дикий зверёк, обитающий в воде, живущий вдали от людей, также, как и крот (да и выхухоль), был мало знаком носителям языка, поэтому оним *ăťăr* ассоциируется с этими разными зверьками и в языке встречаются расплывчатые объяснения этого названия.

Вутăш [vuĐăš]/*вăťăr* [văĐăr] зафиксировано в рукописном источнике при перечислении чувашских названий животных, употребляющихся на территории Урмарского района [283. Л. 151]. В данном случае эти слова, вероятно, именуют зверя, обитающего в водоёме: *вăťăr – ăťăr – выдра*. В «Словаре чувашского языка» дано описание *вăťăr* «назв. животного (поменьше крысы, с коротким хвостом)». *Вăťăr – шывăра пурăнать* [8. Вып. V. С. 336] (перевод: Вăťăr обитает в воде). Слово *вутăш* в чувашском языке зафиксировано в значении «*миф*. 1. водяной, 2. русалка» [193. С. 85], «назв. водяного духа; название злого духа»

[8. Вып. V. С. 284]. Следует лишь предположить, что в сознании отдельных носителей чувашского языка зверёк и существо, обитающее в воде, были тесно связаны.

Таким образом, выявлены соответствия чув. *ăтăр* лишь в якутском языке тюркской группы, поэтому большинство исследователей предполагает индоевропейское происхождение чув. *ăтăр* (др.-слав. *выдра*, *вода* и т.д.). Близкая форма выявлена в марийском языке, поэтому нельзя исключать генетическую связь чув. *ăтăр* «выдра» и марЛ. *удыр*, марГ *ыдыр* «крот». Значение «крот» у онима *ăтăр*, вероятно, развилось под влиянием марийского названия. Встречается диалектное именование выдры – *хăма*.

§ 2.4.4. Семейство кошачьи

Кушак [*kušák*] «кошка». Кошка – животное, которое чувствует негативную энергию, поэтому оно обязательно должно обитать в доме. *Йытă-кушак килте тăманни сын асап курассине пĕлтерет* [8. Вып. IV. С. 304] (перевод: То, что собаки и кошки в доме не водятся, предвещает человеку страдания). У народа существует множество примет, связанных с этим домашним питомцем: *Çĕнĕ çурта кĕнĕ чух малтан кушака кўртеççĕ* [289. Т. 2. Л. 678] (перевод: Когда входят в новый дом, сначала пускают кошку).

По мнению Л.В. Борисовой, *кушак/кушак аси* «кошка/кот» в чувашской языковой картине мира ассоциативно связывается лишь с отрицательными качествами человеческого характера [16. С. 460]. В сознании носителей языка часто это домашнее животное действительно вызывает негативные эмоции. Так, пробежавшая между людьми кошка ассоциативно связана с обидой, непониманием, ссорой: *Прухха Саньккана хушинче хура кушак хăсан чупса иртнине ниеле те астăваймарĕ* [297. С. 123] (перевод: Прухха не мог вспомнить, когда между ним и Санькой пробежала черная кошка). О людях, которые не могут найти общий язык, говорят: *кушакпа йытă пекех пурăнаççĕ* (перевод: живут как кошка с собакой). Кошка – символ одиночества, а *кушак çури* «котёнок» – жалкое, несчастное, никому не нужное существо. В историческом предании, к примеру, объясняется происхождение названия *Кошкина улица* в д. Новое Ахпердино Канашского р-на Чувашии: топоним произошел от первого жителя улицы, которого сравнивали с котом за отшельнический образ жизни [315. С. 254]. Но в то же время сытая кошка вызывает положительные эмоции и символизирует удовлетворенность жизнью: *Микула ачисене тутă кушак пек кăмăллăн пăхать* [270. С. 93] (перевод: Микула, как сытый кот, ласково смотрит на детей).

Кошка – жертвенное животное. Щенок или кошка использовались в качестве жертвы при строительстве земляных ворот, зарывались под ними [104. С. 151]. В мифах также подчеркивается их связь с нечистой силой. Существует поверье, что шуйтаны произошли от кошек, а некоторые – от собак [316. С. 461].

Встречаются следующие диалектные фоноварианты маммалионима: *кошак* [8. Вып. VII. С. 58], *кушик* [284. Л. 143]. Старочувашские формы представляют собой заимствования из славянского (русского) языка, подвергшиеся фонетическим изменениям: *ачакужакъ*, *кочáкъаси* [166. С. 76].

Название *кушак* заимствовано из русского языка. Рус. *кошка* – вероятно, производное от **коша* – *кот*; из др.-русс., ст.-слав. *котъка* [179. Т. II. С. 360]; болг. *кот*, сербохорв. стар. *kôт*, чеш., польск., н.-луж. *kot*. В славянские языки, по-видимому, проникло народнолат. *cattus* «дикая кошка» (начиная с IV в. н.э.) (Там же. С. 350).

В отдельных тюркских языках для именовании кошки также употребляются: алт. *кискӀ*, хак. *хӱсха*, якут. *куоска*, *куошка*, *кӱча* < русск. *кошка*, *киска*, *киса*. В остальных тюркских языках наиболее общими, распространенными названиями являются *pişik*, *pîsi*, *măčî*, *kîdi* [200. С. 130]. К примеру, в татарском литературном языке используются два онима: *мәчә* и *песи* [131. С. 35].

В чувашских говорах зафиксированы именовании кошки, образованные от междометий: *пиçункка* – *пиçункка*, *пиçункка!* (гов., когда гладят кошку) [8. Вып. IX. С. 236]; *пăçи*, *пăçăкка* [8. Вып. X. С. 151], *пёсик* (Там же. С. 243), *пçакка*, *пçик* (Там же. С. 277) – *пёс*, *пёс* «сл., которым манят кошку» (Там же. С. 240), *пиç* «так манят кошку» [8. Вып. IX. С. 231], *пçукка* [8. Вып. X. С. 277] – *пçук* «так манят кошек» (Там же), *пăрăç* «брысь! Так гонят кошку; кошка (детск. сл.)» (Там же. С. 137). Эти слова эмоционально окрашены, характерны для детской речи. Данные формы по фонетическому оформлению близки общетюркским *печек//пешек*, *пишек//писэк* «киска, кошка», от которых, к примеру, ведет свое происхождение тат. *песи* «киска, кошка» [4. С. 162]. Р.Г. Ахметьянов отмечает этимологическую связь этого слова со звательным междометием: тат. *пес-пес*, рус. *кис-кис*, инд. *бис-бис*, англ. *puss-puss*, *bis-bis* (Там же). Татарский оним проник в марийский язык и его диалекты: *пси*, *псий*, *писий*, *пысий* «кошка» [90. С. 84]. И в славянских языках встречаются названия кошки, образованные от звательных слов: русск. *киска* от подзывания *кис-кис!*, н.-луж. *ajtkа*, *hajtkа* «кошечка», ср. междометное подзывание *ajt*, *ajt!* «кис-кис!», в.-луж. *hajtkа*, *hica* «киска», чеш. диал. *tanda* «кошка», *čičа*, *čаһа*, *cicka* то же, словц. *cica*, *cicka* [177. С. 371].

В детской речи употребляются также народные названия *кӑтьӑка* «кошка», *кӑтьӑки* «кошка (детск. сл.)», *кӑтьӑкки* «киска» [8. Вып. VII. С. 204–205], *кӑсӑкки* «кошка» (детск. сл.) (Там же. С. 189), *кӑсӑкки* «кошка, киска (детск. сл.)» (Там же. С. 307), образованные от междометий *кӑтьӑ* «так манят кошек», *кӑтьӑ-кӑтьӑ-ов* «так манят кошек» (Там же. С. 204), *кӑс-кӑс-кӑс* «так манят кошек», *кӑсса* «так говорят, когда гладят кошку (удвоение «с» мало слышно)», *кӑсса, кӑсса, кӑсса!* (удар. везде на «ӑ») (Там же. С. 191–192). Встречаются подражательные онимы *мийук* [8. Вып. VIII. С. 236], *мяук* (Янтиково) «киска, кошка» [149. С. 22].

В «Словаре чувашского языка» зафиксировано название *мӑркитански* «так иногда называют кошку», соответствия в родственных языках нами не выявлены, это слово, вероятно, носит подражательный характер: *мур-мур-мур*, *мӑр-мӑр-мӑр* – мурлыканье кошки. *Кай кунтан, мӑркитански, ытла тӑшӑк ҫинех хӑпарса ыртнӑ* [8. Вып. VIII. С. 318] (перевод: Иди отсюда, маркитански (кошка), легла прямо на перину). В рукописном фонде Н.В. Никольского приведена следующая загадка: *Мӑркин, мӑркин, мӑркин салтак, курас килмест курпул салтак (-кушак)* [280. Л. 358] (перевод: Мӑркин, мӑркин, мӑркин солдат, не хочешь видеть – посмотри, будь солдатом (кошка)).

Встречаются также чувашские фитонимы с компонентом *кушак*: *кушак ути* «валериана», *кушак кӑпҫи* диал. «анис, тмин», *кушак пӑрҫи* «просвирник», *кушак хӑри* «timoфеевка» [193. С. 199], *кушак чӑкӑчӑ* «назв. раст., просвирняк», *кушак-ҫырли-курӑкӑ* «назв. раст.», *кушак хӑри* «назв. раст.», «вероника длиннолистная» [8. Вып. VII. С. 60] и т.д.

Таким образом, в чувашском языке употребляется заимствованный из русского языка маммалионим *кушак* «кошка». Это название проникло также в отдельные тюркские языки киргизско-кыпчакской группы. В чувашском языке, как и в других языках, распространены именованья кошки, образованные от звательных междометий.

Ҫӑлевӗҫ [s'ʉlevəs'] «рысь». Рысь – это большая лесная кошка, вероятно, поэтому в сознании носителей чувашского языка оним *Ҫӑлевӗҫ* ассоциируется с быстрой реакцией, осторожностью, физической силой, а также опасностью. Существует миф, что рысь, не согласившись с прогнозом бурундука о приближающемся дожде, от злости провела когтями по его спине. С этих пор бурундук всегда ходит с четырьмя белыми полосками на спине и кричит перед дождем, не желая уступать лесной кошке [316. С. 141].

В КЧРС приведена форма *сьӑлявесь* (зверь) рысь и впервые рассмотрены соответствия в родственных языках: тат. *сиялусин*, алт. *шӑлӑзӑн*, монг. *шӑлегӑсӑн*, зафиксирован топоним – название села *Селаусья* [56. С. 76]. В «Словаре чувашского языка» под знаком вопроса записан

фоновариант «*сёлевёс* рысь. *Золотн.* Ошибка? См. *сёлевёс*» [8. Вып. XIII. С. 58], а слово *сёлевёс* на территории д. Чертаганы Шумерлинского района ЧАССР зафиксировано в значении «ленивец» [8. Вып. XI. С. 297], вероятно, в этом случае у онима развилось переносное значение: *Сёлевёс, хаван кёлетку пор, пёчек ачасампа вьльаса суретён* (Упрек взрослому парню) (Там же) (перевод: Сёлевёс (ленивец), сам в теле, а играешь с маленькими детьми).

Слово *сёлевёс* имеет соответствия в тюркских языках: кум. *силев'сүн*; уз. *сила'в'син*; каз. *сйлев'сйн*; тат. *сйлав'чан*; аз. диал. *сүлейсин*; уйг. *сүләйсин, сүләйсүн*; кирг. *сүлө:сүн*; бал. диал. *сүлесин*; лоб. *сүлөсін, сүлөсүн, сол'өсүн*; баш. *хйлев'хйн*; уйг. *шиләсүн*; тел., алт. *шүлүзүн*; алт. *шүлүзин*. Это слово во всех источниках зафиксировано в значении «рысь», в узбекском языке – «шкура, мех рыси» [205. С. 275]. В монгольских языках употребляются близкие формы: прамонг. **sileyü-sü* рысь: ср.-монг. *šile'usun*; монг. письм. *silegüsü(n)*, *silügüsü(n)*; халх. *šilüs*; бур. *šelühe(n)*; калм. *šilūsn, šülūsn*; орд. *šölūs*; даг. *šulūs*; монгол. *šele* [240. Р. 1266].

Следовательно, зооним *сёлевёс* объединяет чувашский язык с тюркскими языками северо-западной, северо-восточной и юго-восточной групп [94. С. 30], при этом возникает вопрос о взаимосвязи общетюркской формы, в том числе чувашского маммалионима, с соответствующими монгольскими названиями.

В наречиях марийского языка также встречается заимствованный из татарского языка оним *сылауысын* «рысь» [90. С. 202].

Исследователи высказывают предположение о проникновении монгольской формы в тюркские языки. В частности, А.М. Щербак отмечает заимствованный характер общетюркского *siläyün*: «придерживаясь той точки зрения, что предки тюрков были с древнейших времен степняками, кочевниками, но не жителями лесов, и учитывая структурное своеобразие рассматриваемого слова, мы считаем его заимствованием из монгольских языков» [200. С. 141]. К.А. Новикова также предполагает заимствование тюркских форм из монгольского языка и отмечает проникновение монгольских форм в маньчжурские языки: ма. *силун ~ шулун* «рысь» < мо., п.-монг. *šilügüsün* [< *šilü-gün + *-sün] [113. С. 130]. З. Гомбоц, в свою очередь, отмечает проникновение монгольской формы в венгерский язык: венг. *hiúz* рысь (< монг.) [218. S. 32].

В ЭСТЯ отмечено, что в то время, как большинство тюркских форм восходит к монг. *silegüsün*, чувашский маммалионим *сёлевёс* восходит к более ранней праформе **сулевич*, близкой к тат. *сйлав'чан*, где к монг. **силеву* присоединены встречающиеся в названиях животных аффы. *-ч* и *-чан* [205. С. 275]. К примеру, эти аффиксы в татарских говорах

подверглись фонетическим изменениям, произошёл переход $\check{s} > s$: тат. перм. *селәүсэн*, *селәүсен*, тат. злт. *селәүсен* [131. С. 53].

Г.Е. Корнилов предлагает следующую этимологию: *сӹлевӹс* из *сӹл* «верх; верховой» + *левӹс*/**ревӹс* «лиса» (ср. осет. *rūvas/robās* «лиса», алт. *ирбис*, тув. *ирбиш*, кирг. *илбирс* и т.д. «барс; тигр; пантера; леопард; ягуар; рысь; дьявол», монг. *ирбис/ирвэс* «пантера, леопард», пам. ишк. *urvēs, urvēsok*; пам. сгл. *vərves, wərves*; морд. *rives*’ и т.п.), букв. «лиса-высотница». Исследователь рассматривает в качестве первого компонента также *сӹл(лӹ)* «высокий», отсюда «высокая/долговязая лиса», обыкновенная лиса приземистая, а рысь – это четыре могучие лапы, непропорционально большие (толстые и длинные) по отношению к массе головы и туловища [80. С. 87].

В ЭСАЯ проводятся параллели прамонг. *silegüsün* «рысь» и форм современных монгольских языков, рассмотренных ранее, с пратюрк. **sialık* (вид белки, бурундук): тат. *şulğan* (< *чув.); шор. *sagyl* «белка»; ойр. *salıq* (диал. – леб.); чув. **şolxan*. В словаре реконструирована единая праформа **sialo(-kV)* «небольшой пушной зверёк». В качестве параллелей в тунгусо-маньчжурских языках с уточнением, что «некоторые формы, но не все, были заимствованы из монг. *solıŋga*» рассматриваются пратунг. **solüki* «колонок», «хорёк», эвенк. *solıyā* (диал.) «колонок»; маньч. *silixi/soloxi* «хорёк»; нан. *solı* «колонок»; уд. *solüö* «колонок»; сол. *sōligi*. Чув. **şolxan* > мар. *şulgan*, в современном чувашском языке это слово вышло из употребления [240. Р. 1266].

В чувашском языке употребляется и заимствованный из русского языка маммалионим *рыс* «рысь»: *Рысна арӑслан хӑйсемпе пӑр тӑслӑрскерсем, пач сисмен хушӑра парне ҫине пӑрахӑнса, ӑна пӑтерсе хураҫҫӗ* [8. Вып. IX. С. 112].

Регистрируется диалектное название рыси, основанное на местообитании зверя, – *вӑрман кушакӑ*, букв. «лесная кошка»; *хир кушакӑ* «рысь» [8. Вып. XVI. С. 125], букв. «дикая кошка», ср.: тат. заказ., тат. нукр. *қыр мәчесе*, букв. «дикая кошка», тат. перм. *қыр песийе*, *қыр мәчесе* «дикая кошка», *урман мәчесе* «лесная кошка», тат. карг., тат. абд. *қыр мәчесе*, тат. злт. *кыр песӑйе* [131. С. 53]. Встречается также оним *слешен кайӑк*, *слешин кайӑк* «назв. птицы (м.б. некогда означало рысь?)». Это слово, повидимому, искажено из какой-то не дошедшей до нас правильной формы, на что указывает и изобилие его вариантов» [8. Вып. XI. С. 329]. Семантика слова *слешен (слешин)* в современном чувашском языке утрачена.

Таким образом, чувашское *сӹлевӹс* имеет соответствия в отдельных тюркских языках, при этом тюркские формы ведут свое происхождение от монг. *silegüsün*. Чувашское название

носит народно-этимологический характер, представлено двусложной формой с частями *сӹл* «верх; верховой», *левёс*/**ревёс* «лиса».

Арӹслан [arəslán] «лев». В сознании носителей языка этот зверь символизирует смелость, храбрость, силу, проявляющуюся, главным образом, в борьбе: *Ирина таймана хирёс арӹслан пек паттӹр сапӹсма сёнет* [247. С. 33] (перевод: Ирина советует воевать против врага по-богатырски, как лев). *Йёкётён хӹюлӹхне Арӹсланё панӹ-мён, Йёкётен чеелӹхне Чее тилӹ чёртнӹ-мён* [275. С. 14] (перевод: Храбростью юношу наделил лев, Хитрость у юноши пробудила лиса). Эта сила не растрачивается по мелочам: *Арӹслан шӹшине сапӹсмасть* [314. С. 64] (перевод: Лев с мышью не воюет). В некоторых случаях это слово может символизировать страшную, разрушающую энергию: *Аишӹ иртен пусласа каschen арӹслан пек хӹрлатса ларать, амӹшӹ кунӹ-кунӹне хура сӹлен пек чаишӹрса сӹрет* [272. С. 61] (перевод: Отец с утра до вечера рычит как лев, мать целыми днями шипит как змея). *Зинаида Макаровна паян такама сӹхӹртать ёнтӹ, арӹслан кӹмӹлӹскер* [296] (перевод: Зинаида Макаровна с настроением льва сегодня кого-то заставит плакать уж).

В чувашских говорах употребляется также фоновариант *араслан* [283. Л. 151, Л. 153; 8. Вып. III. С. 303]. Слово *арӹслан* имеет соответствия в тюркских языках: турк., тур., ктат., кум. (в составе *арслан қаплан*), кар. г. т., кбал., ног., тат., алт. *арслан/arslan*, уз. *арслӹн/arslӹn*, уйг. *а(р)слан/а(r)slan*, кар. т., ккал. *арыслан/arislan*, башк. *арыслан/ari9lan*, каз. *арыстан/arıstan*, кир. *арстан/arstan*, сюг. *арсылан/apsilan*, тув. *арзылан/arzilan*; тур. разг., аз., гаг., ктат., кбал., уйг. диал. *аслан/aslan*, уз. диал. *аслӹн/äslӹn*, и употребляется в значении «лев»; в отдельных языках приобретает дополнительное значение: туркм., аз., кум., тув. – «львица», уйг. диал. – «котёнок». В некоторых языках развилось переносное значение «могучий, храбрый» (турк., тур., кум., кбал.) [140. С. 177], башк. диал. *арслан* «боевой» [161. С. 24]. В древнетюркских памятниках зафиксировано *arslan* «лев», «львица» [43. С. 55].

Из тюркских языков это слово было заимствовано монгольскими языками, из которых было усвоено тунгусо-маньчжурскими: сол. *арсалӹ* ~ *арчалӹ*, ма. *арсалан* «лев» < мо.: п.-мо. *arsalan*, монг. *арслан*, бур. *арсалаң* «лев» [113. С. 132], вероятно, от маньч. *арсалан* «лев» образовано маньч. *эрсэлэн* «львица; миф. лев (с желто-красной или желто-зеленой шерстью)» [167. Т. II. С. 465]. М. Рясенен предполагает также проникновение тюркской формы в славянский, монгольский, венгерский языки; слав. *слон*, монг. *arsalan*, венг. *oroszlán* [237. S. 27]. З. Гомбоц, в свою очередь, происхождение венг. *oroszlán* связывает с древнечувашским **aryslan* [218. S. 110].

Среди исследователей нет единой точки зрения о происхождении общетюрк. зоонима *арслан*. Основные точки зрения изложены С. Сыдыковым: др.-тюрк. *ар/ер* рыжий, бурый, красноватый + *-сыл/-сил* и *ан* зверь; *арсылан* < *ар-сыл* дикий; свирепый, лютый + *аң* зверь; *арстан* восходит к *арс* + *ыл* рычать; *ар* + *сай* оскалить зубы; торчать острием [169. С. 49].

В ЭСТЯ *арслан* также объясняется как название носителя процесса, образованное с помощью афф. *-лан* от *арс* – «подражание рычанию зверей». Общее происхождение с *арс* имеет также тур. диал. *ars/as* «ласка», «хорёк», отсюда другое объяснение этимологии *арслан* букв. «большая ласка»: *арс* «ласка» + *-лан* в увеличительном значении [140. С. 177–178]. Г. Рамстедт существительное *lan* «зверь, животное» относит к заимствованию из китайского языка, выделяет данный элемент у монг., тюрк. *arslan* «лев» (*ars-* > *arkira-* «рычать») [126. С. 202–203].

Г. Вамбери объясняет происхождение слова *арслан* сложением *aris* «сильный» + *lan* «зверь» [241. S. 184]. М. Рясенен предполагает происхождение от ойр. (в сказках) *arsyl* «дикий, бешеный», туба-тюрк. *arsyl aba*, тел. *arsyl aṅ* «лев», сой. *arzylan* [237. S. 27a]. Р.Г. Ахметьянов приводит похожее объяснение: *арыс-лан* «раздраженный (свирепый) зверь» (уйг. *арыс* «алчный, яростный, свирепый» и древнее общетюркское *лаң* «зверь») [4. С. 20].

В СИГТЯ этимология общетюркского *arslan* связывается с *arsal* «рыжий» [165. С. 158]. Р.Г. Ахметьянов также предполагает происхождение тат. *арыслан*, общетюрк. *арыслан* «лев» по цвету шерсти: *арсыл-аң*, т.е. «желтоватое животное» (общетюрк. *аң* «охота, зверь» и др.-тюрк., уйг. *ар-сыл* «желтоватый»); чаг., алт. *арсыл айу*, *арсыл аба* «лев» [4. С. 20]. Г. Рамстедт с долей сомнения сближает оним **arsylan* > *arsalan* «лев» с прилагательным на *-syl*, тюрк. *arsyl* «впадающий в желто-красный цвет» < тюрк. *ar* «желто-красный» [126. С. 133].

Г.Е. Корнилов отмечает существование вариантов типа *ar-sıl-an/as-tıl-an* «клыкан; зубан; лев» и *sıl-an/tıl-an* «клыкан; слон», контаминация которых на территории смежно проживавших тюрков и славян была просто неизбежна, при этом первые части *ар-*: *ар-сыл-ан*, *ас-*: *ас-тыл-ан*, *а-*: *а-сл-ан*, *о-*: *о-сл-ан*, *у-*: *у-сл-ан* и т.д. можно возвести к **ара-/аза-/аса-*: «тип зуба; дикий зуб; клык; пенис», исходные основы на базе *азы-/аза-*, якут. *асыы* и т.д. «коренной зуб, клык, зуб и т.д.», турец. диалектн. *аз-*: *аз-ан/аз-ган* «разновидности колючих растений», монг. *ар-*: *арага*, калм. *ар-*: *ар-а-ан* «коренной зуб; клык; зубец» [77. С. 159]. Н.И. Егоров, в свою очередь, рассматривает пратюрк. **ar(i)slan* «лев» как древнейшее индоевропейское лексическое заимствование: ← вост.-иран. **arsa-* «медведь» [51. С. 598].

Что касается происхождения названия *слон* в славянских языках, то предположение о проникновении слав. **slonъ* из тюркских языков (тур., тат. *arslan*, тур., азерб., карач., балкар.,

крым-тат. *aslan*, кыпч. *astlan*) М. Фасмером оценивается как фонетически приемлимое [179. Т. III. С. 674]. Н.И. Огиенко относит *слон* к древнейшим тюркизмам, вошедшим в русский язык из турецкого языка [116. С. 30, 31, 35].

Чувашский маммалионим *арӑслан*, вероятнее всего, является ранним заимствованием из татарского языка: кум., тат. *arslan*, башк. *aryθlan* (> чув. *arāslan*) [165. С. 158]. В.Г. Егоров также отмечает, что слово появилось «в последние три-четыре века под влиянием соседних татар» [49. С. 31]. На раннее усвоение чув. *арӑслан* указывает и сохранение неизменного *а* в анлауте: «в новейших татарских заимствованиях *а* первого слова остается неизменным, так как в системе чувашского вокализма к этому времени уже появился *а < ä*» [94. С. 59].

Более древнее название льва *услан кайӑк* сохранилось в чувашском фольклоре. В «Словаре чувашского языка» зафиксированы фонетические варианты *услам-кайӑк*, *услам-кайӑкӗ*, *услам-кайӑк*, *услан-кайӑк*, *услан-кайӑк*, *услан-кайӑкӗ* [8. Вып. III. С. 302–303], *сӑвӑслан кайӑк* «назв. неизв. зверя; повидимому, изменено из *услан кайӑк*; см. *суслан кайӑк*» [8. Вып. XI. С. 240], *суслан кайӑк* «название насекомого, род шмеля; слово это в загадках встречается в значении *услан-кайӑк*, такое смешение, повидимому объясняется непониманием значения обоих этих слов» (Там же. С. 206–207). Например, *Услам-кайӑк шыв ёсё, ук текерлӗ вӑйӑ вылӗс* (*лаша шыв ёсни*) (перевод: Лев будет воду пить, две пигалицы будут играть в игру (водопой лошади)) [8. Вып. III. С. 302]. В современном чувашском языке слова *услан*, *услам* для именования зверя не употребляются. Следует предположить, что эти онимы представляют собой фонетический вариант общетюркского *арслан*, так как формы, в которых выпал согласный *-р-*, распространены в тюркских языках юго-западной и северо-западной групп. Л.С. Левитская также заявляет о выпадении *г* в сочетаниях согласных: азер., балк., гаг., тур. *aslan* ~ чув. уст. *услам кайӑк*, *услан кайӑк* «лев» [94. С. 225]. М. Рясенен, в свою очередь, рассматривает чув. *uslam* «прибыль, барыш» и *uslan-kajek* в качестве гомогенных форм [237. S. 27a]. Именование льва в форме сочетаний *арӑслан кайӑк*, *араслан кайӑк*, *араслан кайӑкӗ* [8. Вып. I. С. 325]; *арӑслан-кайӑк*, *арӑслан-кайӑкӗ* нами выявлено только в чувашском языке: *Арӑслан-кайӑкӗ ӓмӓрт-кайӑкне тапӓнатӗ*. Лев нападает на орла (поговорка, приводимая в том случае, если бедный тягается с богатым) (Там же. С. 330). Вероятно, это название появилось в говорах по аналогии с *услан кайӑк*, так как компонент *кайӑк*, не несущий в данном случае смысловой нагрузки, не встречается в названиях других диких животных, как и лев, мало известных носителям чувашского языка.

В чувашских говорах для именования льва употребляется маммалионим *левӑх*, образованный от рус. *лев.* + афф. *-ӑх*: *Икӗ аслӑ кӗрӱшӗ патшан кайӑк тытма кайрӗс отта* (в

роцу) – *тикӑр тытма, левӑх* [8. Вып. VIII. С. 71] (перевод: Два старших зятя царя отправились в роцу ловить зверя – ловить тигра, льва).

Таким образом, название *арслан* (*арӑслан*) было заимствовано чувашским языком из татарского языка. Среди исследователей нет единой точки зрения о происхождении данного общетюркского зоонима. Наиболее убедительной, на наш взгляд, является этимология Г.Е. Корнилова о происхождении *ar-sıl-an/as-tıl-an* «клыкан; зубан; лев» от **apa-/aza-/asa-*: «тип зуба; дикий зуб; клык». В чувашском фольклоре сохранились названия *услам-кайӑк*, *услан-кайӑк*, первые компоненты которых представляют собой фонетические видоизменения общетюркского *арслан*.

§ 2.5. Отряд непарнокопытные

§ 2.5.1. Семейство лошади

Лаша [*lašá*] «лошадь». Тюркоязычными народами лошади и верблюды приручены позднее, чем козы, овцы и крупный рогатый скот, при этом «на протяжении всей письменной истории тюркоязычные народы предстают кочевыми скотоводами и лошадиниками» [165. С. 424]. Так, лошадь в сельском хозяйстве Среднего Поволжья на рубеже XIX–XX веков, в первой половине XX века занимала важное место, была основной тягловой силой. О животном заботились: *Лаша лайӑххи хуҫаран килет* [314. С. 80] (перевод: Качество лошади зависит от хозяина). Лошадь – «лицо» хозяина: *Ҫыннине пӑх та, лашиине пӑх теҫҫӗ* [319. Т. 5. С. 33] (перевод: Говорят, посмотри на хозяина и посмотри на лошадь). Это чувашское название, по мнению Л.В. Борисовой, символизирует выносливость, трудолюбие [16. С. 461]. В чувашском традиционном сознании *лаша*, *ут* «лошадь, конь» – очень смирное животное и друг человека. В мифах отмечается, что лошадь, обидевшись на человека, высказать обиду не может – боится ответить. А человек, услышавший лошадиную речь в ночь на Новый год, очень счастлив, он попадает в рай [316. С. 144]. Лошадь – близкое к Богу, священное животное. Бог передвигается как верхом на лошади, так и пешком (Там же. С. 55). В мифах лошади выступают в роли помощников для попавших в загробный мир богачей. В лошадей превращаются лишившие себя жизни через повешение. На этих лошадях потом катается нечисть (Там же. С. 492). Также описывается, что однажды лошадь ослушалась Иисуса Христа, не стала спасать его от врагов, иудеев, в наказание это животное вынуждено тяжело трудиться, а ее мясо употребляют лишь нехристиане (Там же. С. 144–146): *Лаша ашне тутар ҫех юратать* [314. С. 79] (перевод: Конину любит лишь татарин).

В говорах чувашского языка (на территории Красночетайского р-на Чувашии, Похвистневского р-на Куйбышевской обл.) употребляется фоновариант *лаза* [152. С. 52–53].

Н.И. Золотницкий впервые сопоставил чув. *лажа* «мерин, лошадь» с тат. чер. *алаша* [56. С. 40]. Слово *алаша* имеет соответствия в тюркских языках: турк., ктат., кум., кбал., тат., баш. *алаша/alaša* «мерин», ног. *аласа/alasa* «мерин», аз. *алаша/alaša* «кляча», уз. диал. *алача/ālača* «маленькая низкорослая лошадь», тур. диал. *алаша/alaša* «худая невзрачная лошадь», кар. к., кум., кбал., тат. диал. *алаша/alaša* «лошадь», кум. (поэт.), кбал. *алаша/alaša* «конь», баш. диал. *алаша/alaša* «высокая неуклюжая лошадь», тур. диал. *алаша/alaša* «животное, прирученное к вьючному седлу», «разбушевавшийся (пес, бык, конь и т.д.)», «овца, кормящая любого ягненка», кум., кбал., тат. диал. *алаша/alaša* «низкий, низкорослый», тат. диал. *алаша/alaša* «плохой, скверный», «некрасивый, дурной» [140. С. 136]. Особенностью функционирования этого онима является различие в семантике: «в татарском и башкирском в значении этого слова имеется та же особенность, что и в ногайском: в литературном языке в слове *алаша* преобладает узкое значение ‘мерин’, тогда как в диалектах имеется общее значение ‘лошадь, конь’» [107. С. 105]. Чувашское название *лаша* выражает равнозначные понятия: «лошадь», «мерин». При этом наиболее распространен оним *лаша* в значении «лошадь»: *Лаша лайăххи хуҫаран килет* [314. С. 80] (перевод: Будет ли лошадь хорошей – зависит от хозяина). *Лашаллă ҫын нушана та парăнмась* (Там же. С. 81) (перевод: Человек, у которого есть лошадь, не будет нуждаться (не уступает нужде)). Реже встречаются примеры, в которых слово *лаша* выражает конкретизирующее половое значение и обозначает мерина: *Ку лаша-и, кёсре-и?* Это мерин или кобыла? [8. Вып. VIII. С. 65].

В чувашском языке употребляется форма без начального *а*, при этом среди исследователей нет единого мнения о происхождении данного маммалионима. Так, Р.Г. Ахметьянов приводит для сравнения следующие формы: узб. диал. *лаша* «мерин», укр. *лоша* «жеребёнок», польск. *losza* «кобылица», восстанавливает праформу **lāšā*, от которой ведут происхождение узб. диал. *лаша*, чув. *лаша* [6. С. 75], а также др.-тюрк. *лоша*, *луша* «конь для верховой езды (изможденное животное); мул, лошак», тат. диал. *лаша* «лошадь, конь» [4. С. 14]. В свою очередь, исследователь предполагает возникновение др.-тюрк. **lašak*, *lāšāk* от др.-кит. *lo-dzak* «помесь осла (с лошастью)». А вариант *алаша* с протезой начального *а*- может вести свое происхождение от парного чагат. *at-loša* «лошадь-мул» [6. С. 75]. К.А. Новикова также относит тюркскую форму к ранним заимствованиям из китайского языка: др.-тюрк. *la* «мул» < кит. *лò*, *луа* < **ла* и тюрк. *аласа* ~ *алаша* ~ *лаша* «мерин» < кит. *лòцза* «мул» [< *лò* «мул» + афф. *-цза*] [113. С. 112]. И отмечает, что тунгусо-маньчжурские параллели носят

заимствованный характер из монгольского языка: маньч. *лоосэ* ~ *лоса*, *лоусэ* ~ *луси* ~ *лус* (сиб.) «мул», «лошак» < мо.: п.-монг. *lagusa* ~ *luusa*, монг. *луус*; **la* – или доисторический миграционный термин, или очень раннее китайское заимствование (Там же. С. 111).

В.Г. Егоров, отмечает, что «в чув. начальное *a* редуцировалось в *й*, а потом совсем выпало (как и в русском языке): *алаша* > *йлаша* > *лаша*» [49. С. 126]. Л.С. Левитская также предполагает отпадение анлаутного гласного в чувашском языке: чув. *laža* «лошадь, конь» – первон. чув. **ulaža*, **əlaža*, ср. удм. *улошо* < чув.) [94. С. 233]. В ЭСТЯ предполагается проникновение этого зоонима из татарского языка: чув. *лаша* < тат. *алаша* в результате элизии начального *a*- [140. С. 136].

К.М. Мусаев предполагает, что общетюркское *алаша*, вероятно, было заимствовано русским языком из западнокыпчакских языков [107. С. 54]. Н.К. Дмитриев предполагает, что слово *лошадь* произошло из сочетания *алаша* + *ат* «мерин + лошадь», где начальное безударное *a* отпало [40. С. 540]. Г.Ф. Одинцов, в свою очередь, сближает др.-рус. *лаша* по фонетическим, семантическим признакам с болгар. *лаша*, ср. чув. *лаша* «лошадь» [117. С. 124].

В чувашском языке в детской речи для именованья лошади используются онимы *пах*, *пахха*, *паххи* [8. Вып. IX. С. 143, 148], встречается также междометие *пox* «так кличут лошадей»; *пox*, *пox*, *пox* [8. Вып. X. С. 57]. При этом А.К. Салмин находит аналогичное чув. *пах/паха* в осетинском языке – *баех* [135. С. 22]. И.Г. Добродомов ранее высказал предположение, что чув. *пах* и осетин. *баех* были преобразованы из тюркизма *бахмат*, являющегося старым коневодческим термином, встречавшимся в языках Восточной Европы (*бақ* — «наблюдать, смотреть» + *ат* «лошадь, конь»; отсюда *бақма* «домашний, находящийся под надзором») [41].

Таким образом, происхождение чув. *лаша* связывают с проникновением татарской формы *алаша*, при этом в чувашском языке анлаутный *a*- отпал. Этот гласный звук отсутствует также в диалектах узбекского, татарского языков. Происхождение тюркского онима связывают с ранним заимствованием из китайского языка. Из тюркских языков это название проникло в славянские языки.

Ут/от [ut/ot] «конь, лошадь». Это название имеет ту же культурную коннотацию, что и имена *лаша*, *урхамах*. Так, в сознании носителей чувашского языка оним *ут* символизирует тяжелую работу: *Упйишки йна* [Устин аппана] *ут туртайми ёс ёслеттерсех сәпла ырханлатса-хәртса янй* [252. С. 258] (перевод: Муж тетю Устинью истощил, заставив выполнять работу, которую не может осилить лошадь). Это животное характеризует добропорядочный образ жизни. Встречается выражение *ырай ут* «добрый конь»: *Ыр ут юртать* – *йёр юлать*, *ыр сын*

вилет – ят юлать [319. Т. 4. С. 152] (перевод: Добрый конь бежит – остаётся след, умирает хороший человек – остаётся память). Помимо этого, в чувашском языке *ут* в некоторых случаях употребляется как слово возвышенного стиля: *Утсем нумай та, урхамахсем пит сахал* [314. С. 82] (перевод: Коней, конечно, много, но урхамахов очень мало). Так, в «Словаре чувашского языка» отмечено, что слово *ут* в значении «лошадь» употребляется «у низовых обыкн. только в поэзии»: *Курнй ута ан хансйн*. Не зарься на ту лошадь, которую ты увидишь [8. Вып. III. С. 316].

В КЧРС рассмотрены следующие соответствия: *ут* «конь» в тюркских языках: тат. кир. алт. якут. *ат* [56. С. 22]. В древнетюркском языке зафиксирована форма *at* в значении «лошадь, конь» [43. С. 65]. Слово *ат* носит общетюркский характер: турк., тур., аз., гаг., ктат., кар., кбал., кир., каз., ног., ккал., тат., баш., уйг., сюг., сал., лоб., кыз. *ат* «конь»; кум., алт., тув., хак., як. *ат* «конь», «мерин», як. *ат* «конь», «мерин», «осёл», «кладеный самец» [140. С. 197]. Таким образом, *ут* употребляется в чувашском языке, как и в тюркских языках западной, восточной, южной групп в значении «лошадь, конь». В отдельных тюркских языках (кум., алт., тув., хак., як.) словом *ат*, помимо этого, именуют также мерина, т.е. холощёного коня, а в якутском языке – осла и кастрированного самца (вообще). А.М. Щербак предполагает, что значение «мерин» предшествует видовому значению [200. С. 83]. Следует отметить, что М. Рясенен в качестве гомогенных рассматривает *at* «лошадь», туркм., як. *at*, чув. *ut* «лошадь», осм. *at-la-n* «оседлать лошадь»; чув. *utlari-kun, йtlari-kun* «вторник» [237. S. 30b].

Наличествоуют параллели этого названия также в алтайских языках. Монгольские формы: п.-монг. *aduγū, aduγūn* «лошадь», «табун», «стадо (лошадей)»; монг. *адгуусан ~ адуус(ан)* «животное», *адуу(н)* «лошадь», «табун (лошадей)»; бур. *адуу(н)* «табун (лошадей)», «лошади» [184. Т. II. С. 293]. Тунгусо-маньчжурские формы: эвенк. *абду* «скот», «стадо», «табун»; нег. *абдун* «стадо»; маньчж. *адун* «стадо», «табун». Эвенк. *авдуу* (< **adwu* < *aduγū*) [167. Т. I. С. 5–6; 184. Т. II. С. 293]. В ЭСАЯ восстановлена единая праалтайская форма **ātV* «лошадь»: пратунг. **abdu-* «скот, стадо; домашнее хозяйство, имущество; ткань»; прамонг. **aduγu-* «лошадь, домашнее животное; табун лошадей; пасти»; пратюрк. **āt* «лошадь» [240. Р. 317].

В чувашском языке широкое распространение получила притяжательная форма этого зоонима: *Утӑмҫи* «моя лошадка» (здесь – «ҫи» – с афф. 3-го л.?). *Утӑмҫи, кӑвак ут! Йӗвенсӗрех тытас ҫук* [8. Вып. V. С. 402]. *Утҫу* «твой конёк, твоя лошадка». *Утҫӑм лайӑх, тесе, каҫа ан йул: утҫу тӑра йулӗ ҫул ҫине* [8. Вып. III. С. 320]. *Чут чуп, каччӑм, чуп, каччӑм, чуптар ут ҫу нур чуне!* В одной песне написано (по ошибке?) *утӑ-ҫу* (Там же). *Утҫӑ* «лошадка», где -ҫӑ – уменьшит.-ласкат. суф., -ӑу > -у. *Ут-ҫӑ-у* «лошадка твоя», *ут-ҫӑ-ӑм* > *утҫӑм* «моя лошадка»,

ут-ăм-çă-и: *ут* 'конь' + *ăм* 'мой' + *çă* 'уменьшит.-ласкат. суф.' + *и* 'притяжат. поспозитив. артикль' (*-çăи > -çи*).

В чувашском языке употребляются названия растений с компонентом *ут*: *ут кăшкарĕ* «конский щавель», *ут куçĕ* «калужница болотница», название гриба: *ут тутти* «свинушка» [193. С. 519] и т.д.

Таким образом, чувашский маммалионим *ут/от* «конь, лошадь» носит общетюркский характер. Параллели в алтайских языках указывают на возможное существование единой праалтайской формы данного названия.

Урхамах [*urhamáh*] «аргамак; дикая, неприрученная лошадь». *Урхамах* (*орхамах*) употребляется в значении «отличная лошадь; очень красивая, сильная, рослая лошадь; неприрученная горячая лошадь» [8. Вып. III. С. 291–292]. *Асатте урхамахĕ çĕр кискретсе кĕçĕнет* [319. Т. 5. С. 155] (перевод: Аргамак деда ржет, сотрясая землю). Это название ассоциируется, прежде всего, с мужской силой, бесстрашием и красотой. *Урхамах* – это источник вдохновения поэтов и писателей, отсюда выражение *поэзи урхамахĕ* (в греческой мифологии – Пегас, крылатый конь). В чувашской литературе часто встречается образ ветрокрылого аргамака – *çил çунатлă урхамах*: *Çил çунатлă урхамах çине утланнă та кăвак тўпене çĕр хушинче вĕçсе пыратпăр* [278. С. 338] (перевод: Сели верхом на ветрокрылого аргамака и парим между синим небом и землей). Этот оним также символизирует время – быстрое, скоротечное: *Çур ĕмĕр иртрĕ, вăхăт урхамахĕ Çаплах, пуçне укса, юртать, юртать* [323. С. 26] (перевод: Полвека прошло, аргамак времени, мотая головой, бежит, бежит). *Урхамах* – персонаж чувашских мифов и сказок. По преданиям, в почитаемых народом озёрах обитают крылатые *Урхамахи* (белые и сивые), их хозяин – покровитель озера. *Урхамах* обладает разумом, сотворен Богом. Крылатый *Урхамах* в сказках выполняет роль помощника героя [191; дата обращения: 14.03.2017].

Слово *аргамак* носит общетюркский характер: каз., чаг. *аргамак* «аргамак», «кровная арабская лошадь туркменских заводов»; «вообще всякая хорошая лошадь»; кирг., к.-кирг., тел. *аргымак* «среднеазиатская лошадь арабской породы», «лошадь»; тар., чаг. *аргимак* = *аргымак* [124. Т. I. С. 299, 301, 302]; тат. *аргамак*, башк. *аргымак* «аргамак (порода рослых, быстрых и легких верховых лошадей)» [184. Т. II. С. 289]. Из тюркских языков этот оним проник в монгольские языки: тюрк.: кирг. *аргымак* «аргамак» → халх., бур. *аргамаг*, калм. *арһмг* «аргамак; лучшая верховая лошадь» [136. С. 55]. Э.В. Севортян считает, что *аргамақ ~ аргымақ ~ арқун ~ аргун...* – название носителя действия, образованное афф. *-мақ, -н* от глагола *арга-/аргы-/арғу-* «бежать крупным карьером» [140. С. 171]. А.М. Щербак, в свою

очередь, отмечает возможную этимологическую связь названия *аргамак* (наименование породы лошади) с уйг. *а(р)гі* «жеребец», уйг. *а(р)гун*, *а(р)гін* (называют помесь яка с коровой или вообще метиса крупного рогатого скота); где основа *арг-* выражает значение смешения, метизации [200. С. 88–89]. В.Г. Егоров предполагает, что это слово произошло от «*арга* (кирг.) ‘сила’, ‘ловкость’, ‘изворотливость’, ‘способ выйти из положения’?» [49. С. 277].

Слово *урхамах* употребляется также для именованья сделанных из теста фигурок животных, чаще всего лошадей, приносимых в жертву духам: *Урхамах* – это «пряничный конек, бросаемый бедными в киреметь взамен лошади» [8. Вып. III. С. 292]. *Орхамах* – *колач с̣я̣н̣а̣х̣ё̣н̣ч̣ен̣ т̣а̣ва̣с̣с̣ё̣, киреметсене м̣ён̣ тумашк̣ан̣* (Там же) (перевод: Орхамах – изготавливают из муки для калача для киреметей). Следует предположить, что в чувашском языке это значение развилось на основе метафорического переноса. В марийском языке также проявляется мифологическое значение этого слова: «мар. *аргамак*, *оргамак* ‘жертвенная лошадь’, ‘конь, которого приносили в жертву духам воды’» [5. С. 18]. М.Р. Федотов отмечает, что чуваш. название было усвоено марийским языком: марЛ. *оргамак*, марГ. *аргамак* «жертвенная лошадь» (< чув.) [183. С. 258].

Маммалионим *аргамак* из тюркских языков проник в славянские языки: «др.-русс. *аргамакъ*, русск. *аргама́к* ‘конь’, как и польск. *rutak* ‘породистый скакун’, заимствовано из тюркских, ср. казанско-тат. *арҗатак*, тур. *argımtak*» [177. С. 336]. В современном русском языке название *аргамак* зафиксировано в значении «в старину: верховая лошадь восточной породы» [174. С. 18].

Таким образом, чув. *урхамах* носит общетюркский характер. Среди исследователей окончательно не решен вопрос об этимологии этого названия, в большинстве случаев его происхождение связывают с основами: тюрк. *арга-/аргы-/аргу-* «бежать крупным карьером». Маммалионим *аргамак* – тюркизм в славянских языках.

Айӑр [äjär] «жеребец». *Айӑр* – видовое название животного по возрасту. В пословицах и поговорках отмечается трепетное отношение к этому животному, его «привилегированное положение»: *Айӑрне лӑпкасӑӑ, лаши́не с̣апа̣с̣с̣ё̣* [314. С. 79] (перевод: Жеребца ласкают, а лошадь бьют). *Айӑр – витере ташласа т̣а̣ма, к̣ё̣с̣ри – су́ха ту́ма* (Там же) (перевод: Жеребец – для того, чтобы плясать в конюшне, кобыла – для пахоты). Это название ассоциируется с силой, присущей молодости: *С̣ам̣ра̣к̣ айӑр в̣ай̣-хал̣ла̣, х̣ай̣ т̣ие̣вне в̣а̣л̣ с̣а̣м̣а̣л̣ла̣на̣х̣ тур̣та̣ть* [301. С. 47] (перевод: Молодой жеребец силён, свою ношу тянет легко). Однако данной силой нужно управлять: *С̣а̣ма̣ха̣ и̣т̣ле̣мен̣ айӑра̣ яла̣на̣х̣ с̣а̣вар̣ла̣х̣ пен̣ё̣* [263. С. 128] (перевод: Непослушного жеребца всегда взнуздывают). Название семантически связано с легкостью,

легкомысленностью, задором, также свойственным молодости: *Ахӑракан айӑр акара нусӑрайнать* [319. Т. 5. С. 27] (перевод: Жеребец, который громко ржёт, во время посевной успокаивается). Также этот оним ассоциируется с течением жизни: *Халь, ӑулсен айӑрӑ малаллах талпӑннӑсем, этемен юратӑвӑ пӑрре ӑеӑ пулӑ, тесе шухӑшласть Федор Кузмич* [262. С. 407] (перевод: Сейчас, по мере того как жеребец времени (время) устремляется вперед, у человека любовь будет лишь одна, думает Федор Кузмич). Иногда *айӑр* характеризует душевные порывы человека: *Чун айӑрӑ ӑрӑхсе урӑх ӑула сӑтӑрсе кӑрет мана* [261. С. 379] (перевод: Жеребец моей души, раззадоровшись, тянет меня на другую дорогу).

В чувашском языке встречаются следующие фоноварианты маммалионима: *ырьӑ, ӑрӑ, айӑрӑ* [101. С. 53], *айӑрӑ* [8. Вып. IV. С. 31], *ыйӑр, ыйӑрӑ* [8. Вып. III. С. 44], *ыра* (Там же. С. 69). В КЧРС отмечено слово *ыйыр* «жеребец» и приведены соответствия: тат. кир. алт. *айгыр*, якут. *атыр* [56. С. 11]. В «Словаре чувашского языка» зафиксировано также *айкӑр* – татарское слово, обозначающее жеребца [8. Вып. I. С. 29].

Чув. *айӑр* имеет параллели в тюркских языках: турк., аз., кар. т. г., ктат., кир., каз., ног., ккал., тат., баш., уз. диал., алт., хак. диал. *айгыр/ajyr*; тур. *айгыр/ajgir*; уз., уйг. *айгыр/ajyr*; тур. диал. *айкыр/ajkir*; лоб. *айгыр/ajyr*; тур. диал. *ӧйгүр/öjgür*; турк. диал. *хайгыр/hajyr*; сюг. *азгыр/azyr*; тув. *асқыр/asqir*; койб. *âskèr*, сальбин. гов. *âskyr*; караг. *âskar/âsker*; хак. *асхыр/asxir*; саг. *ахсыр/axsir*; кбал. *ажыр/agir*; як. *аты:p/ati:r*; жеребец – во всех указанных источниках; пятигодовалый жеребец – турк. диал.; табун, все лошади, которые ходят с одним жеребцом – як.; бык, пороз, олений бык, нехолощенный самец – як.; самец – чув. [140. С. 107]. М. Рясенен в качестве соответствий рассматривает и монг. *ažir-ga* «жеребец» (крч. *ažyr*, блк. *azur*) < **adgirga* [237. S. 6a]. Г. Рамстедт также проводит параллель между алтайскими формами: тунг. *adirga*, др.-тюрк. *adhyr*, койб. *asqyr*, казан. *aiyyr* [233. S. 2b]. А в «Этимологическом словаре монгольских языков» происхождение монг. *ažirγa* связывается с праязыковой формой **adiryγa*, в качестве параллелей рассматриваются др.-тюрк. *adyir*, сол. *адырга* «жеребец» [136. С. 43]. Таким образом, выявлены соответствия чув. *айӑр* в большинстве тюркских языков северо-западной, центрально-восточной, юго-восточной групп, отдельных языках юго-западной, северо-восточной групп; при этом во всех тюркских языках это слово обозначает жеребца, и это значение является первичным, а значение «самец», реализуемое в отдельных тюркских языках, является «перенесённым», причём возможно, что значение «самец» возникло на монгольской почве, а в северо-восточных тюркских языках оно сконденсировалось на тюркской форме под монгольским влиянием [165. С. 442]. Близость форм алтайских языков может свидетельствовать об их генетическом родстве: единая праалтайская

форма могла получить развитие в отдельной группе языков, могло произойти заимствование данного слова из отдельной группы алтайских языков, могло иметь место взаимное влияние форм; при этом в языкознании вопрос о происхождении этого термина не получил окончательного решения. Так, Н. Поппе восстанавливает общеалтайскую праязыковую форму **adgır̥ga* [231. S. 4–5]. Г. Дёрфер реконструирует до-тюрко-монгольскую форму **adiryā*, её происхождение связывает с глаголом: *ad-* ~ *ai* «отделять» [215. Band II. S. 187]. Н.И. Егоров восстанавливает прабулгарскую форму **adiyir* ~ *adijir* «жеребец», пратюрк. **adyir* «жеребец» и рассматривает данный термин в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках как тюркский по происхождению [51. С. 378].

В древнетюркском языке для названия жеребца употреблялись слова *adyir*, *adyir* [43. С. 10], *ajyir* (*адгыр*), *ajyir at* «жеребец» (Там же. С. 28). В ЭСТЯ *айгыр* ~ *adyir* ~ *adyir* рассматривается как название носителя процесса, образованное от *ай-* ~ **ad-* ~ **ad-* ~ **az-*, в состав значений которых входят «возбуждаться похотью», «покрывать (о животных)» с помощью афф. *-қыр* ~ *-гыр* [140. С. 108]. Следует отметить, что А.М. Щербак рассматривает *айгыр* как древнее причастие от глагола *ai-* < *ad-*, при этом отмечает, что **ad-* сам по себе не встречается, однако известен ряд форм и в древних, и современных языках, содержащих в основе комплекс *ai*, имеющих значение «делать», «созидать», ср. ст.-узб. *айла-* [200. С. 88].

Происхождение чув. *аййр* доподлинно не известно. Р.Г. Ахметьянов, к примеру, чув. *аййр* относит к древнему заимствованию (не из татарского языка), а происхождение тат. *айгыр* «жеребец» связывает с др.-тюрк. *адгырага* «самец скота, жеребец» (в древних письменных памятниках зафиксировано *адгыр*, *азгыр* «жеребец», *адгырак* «самец зверя») [4. С. 12]. В татарских говорах и диалектах *айгыр* подверглось фонетическим изменениям: тат. брб. д. *айгырак* «молодой жеребец», «жеребёнок», тат. сиб. *айгырцак* «молодой жеребец», «жеребёнок» [170. С. 27]. Следует отметить, что особенностью названия жеребца в чувашском языке является переход *-d- > -j-* (*-δ- > -j-*) вместо ожидаемого *-r-* (характерного для чувашского языка как среднебулгарского *r*-языка), поэтому Л.С. Левитская предполагает заимствование этого слова из *j*-диалекта и приводит следующие параллели чув. *аййр* из языков уйгурской, огузской, карлукской групп: як. *atır*, хак. *asxır*, туркм. *ajyir*, уйг. *ajyir* «жеребец» [94. С. 193]. Н.И. Егоров в качестве причины этого фонетического изменения рассматривает второй *-r* в слове [51. С. 378].

В.Г. Егоров отмечает неясную этимологию слова и сравнивает чув. *аййр* с др.-рус. *орь* «конь», тюрк. соответствиями, а также монг. *азрага(н)*, бур.-монг. *азарга* «жеребец» [49. С. 39], относит *аййр* к словам общетюркского фонда [50. С. 80]. М. Рясенен

происхождение чув. *айяр* связывает с проникновением в язык тюркской формы: *адугур* «жеребец», желтоуйг. *азугур* «жеребец», шор. осм. *askyr*, саг. *aksyr*, чаг., осм. *ажугур* (> чув. *ажер*) [237. С. 6а].

Следует отметить, что чуваш. *айяр* в составе сочетаний *айяр çĕлен*, *çĕлен айярĕ* «змея-самец» реализует конкретизирующее значение «самец» [193. С. 50].

В чувашском языке для именования жеребенка употребляются онимы, в которых выражается субъективная оценка (уменьшительно-ласкательное значение): *кенешке* «жеребенок (детск. сл.)», *кеньашкă* «так ласково называют жеребенка»: *Кеньашкă! Кеньашкă!* (говорят, когда гладят жеребенка) [8. Вып. VI. С. 189]. Ср.: *кенеш* «так манят жеребенка: *Кенеш! Кенеш!*» (Там же. С. 188). Эти слова следует отнести к детским лепетным словам. Вероятно, данные маммалионимы являются заимствованными. Так, в диалектах русского языка употребляется слово *коняшка* в значениях: «ряз. жеребя, жеребеночъ (не кобылка)» [31. Т. II. С. 156], «жеребенок по первому году» [162. Вып. 14. С. 280]. В говорах русского языка также зафиксированы междометия – слова, которыми подзывают жеребят: *коняш* (тул.), *коняшк* – (ряз.) (Там же), вероятно, образованные от названия жеребёнка.

Таким образом, *айяр* «жеребец» – общетюркский маммалионим, заимствованный чувашским языком в древности из *j*-диалекта. Среди исследователей окончательно не решён вопрос о происхождении тюркской формы. В большинстве случаев происхождение тюрк. *айгыр* ~ *адугир* ~ *адугир* связывают с глагольной основой *ай-* ~ **ад-* ~ **ad-* ~ **аз-* «возбуждаться похотью», «покрывать (о животных)». Предположение о существовании единой праалтайской формы, на наш взгляд, не получило убедительных доказательств. В чувашском языке также употребляется заимствованное из русского языка уменьшительно-ласкательное название *кенешке* «жеребенок».

Кёсре [k'əsɾé] «кобыла, кобылица, конематка». В сознании носителей чувашского языка оним *кёсре* символизирует силу, которую можно приручить: *Кёске майлă кёсрешĕн те хăмăт тупăнат* [289. Т. 2. Л. 328] (перевод: И для кобылы с короткой шеей найдется хомут). В большинстве примеров название *кёсре* ассоциативно связывается с ролью женщины в семье, а также с тяжёлым физическим трудом: *Айăра тăрантас кўлнĕ, кёсрине сухапуç кўлнĕ* [314. С. 79] (перевод: Жеребца запрягли в тарантас, кобылу запрягли в плуг). *Арсăр арăм – йĕвенсĕр кёсре теççĕ* [319. Т. 5. С. 64] (перевод: Жена без мужа – кобыла без уздечки). Взаимоотношения между *айяр* и *кёсре* характеризуют отношения между мужчиной и женщиной: *Кёсри кёçĕнмесен айри пымась* [314. С. 79] (перевод: Если кобыла не заржет, жеребец не подойдет). В сказках

Кёсре часто выступает в роли помощника главного героя. Так, в сказке «Девушка и кобыла» *Кёсре* ценой своей жизни спасает невесту от женихов-шуйттанов [317. С. 151–152].

Н.И. Золотницкий в качестве соответствий чув. *кисря* кобыла рассматривает тюрк. тур. *кысрак*, алт. *кузарак* [56. С. 35]. Соответствия в тюркских языках: турк., турк. диал. *кысрак*; аз. *кысрак*; тур. диал. *gisrak*; тур., тур. диал., кар. к., кир., ккал., сюг. *қысырақ*; тур. диал., гаг., кир., каз. *қысырақ*; баш. диал. *қысырақ*; тув. *қызырақ*; черн. татары *қузарақ*; тур. диал. *gisirak*; хак. *хызырах*; як. *қытарах*; чув. *кёсре*. В тюркских языках это слово употребляется в значениях: «яловая, нетельная, нежеребая» – як.; «яловая» – баш. диал.; «яловая кобыла» – турк. диал., сюг.; «молодая кобылица, только что пущенная в косяк и еще не жеребившаяся» – кир., каз., ккал.; «молодая кобыла (еще не жеребившаяся)» – тув.; «молодняк (о лошадах)» – баш. диал.; «годовалая кобыла» – турк.; «кобылица двух лет» – хак.; «кобыла» – турк. разг., тур., тур. диал., гаг., аз., кар. к., алт., чув. [207. С. 252–253]. Таким образом, параллели чувашского названия *кёсре* выявлены во всех группах тюркских языков, кроме языков юго-восточной группы.

В ДТС зафиксировано *qisraq* «молодая кобылица» [43. С. 448] – имя с афф. -к, производное от слов *кысыр* [206. С. 252], *кызыр* (алт., ойр., тув.), *хызыр* (хак.) «яловая» [49. С. 109]. В чувашском языке для именованья бесплодной кобылы употребляется сочетание *хёсёр кёсре*, чув. *хёсёр* «яловый, бесплодный; неплотородный», при этом обращает на себя внимание несоответствие начальных согласных слов *кёсре* – *хёсёр*. На основе этого в ЭСТЯ высказано предположение, что «возможно, *кёсре* попало в чув. язык из какого-то кыпч. источника» [206. С. 253]. Судя по ауслату, чув. *kasre* «кобыла» бытует в языке относительно давно. Правда, этому предположению противоречит анлаутный *k-*, т.к. следовало бы ожидать **xasre* [94. С. 127]. В.Г. Егоров отмечает близость чув. *хёсёр* с тюркскими словами: кирг., к. калп., узб., кумык., тат., башк. *кысыр*, уйг., узб. *кисир*, азерб., туркм. *гысыр*, хак. *хызыр*, тув. *кызыр* «яловая»; тур. *кысыр* «бесплодный», «неплотородный», «неплодоносный», но в то же время под знаком вопроса связывает происхождение чув. *хёсёр* со словом *хёрсёр* «не имеющая дочери, т.е. плода» (?), близкая форма существует в монгольском языке: монг. *кегүсер* (*күсер*) «бесплодная женщина» [49. С. 300]. А.М. Щербак общетюркское *kisir* возводит к монг. письм. *keüser* «бесплодная» (ср. маньч. *кисари*) из **kewüser*, *kewü(n)* «дитя» [200. С. 90].

М. Рясенен происхождение тюркских форм, в том числе и чувашского *кёсре*, связывает со словом *kysyr* «кастрированный»: ср.-тюрк., осм., казах., казан., кумык. *kysyr* «бесплодный», (казах., казан.) «кастрированный», чаг., тар. *kisir*, ойр., тел., осм. «не беременный, кастрированный», «пустой», хак. *хузыр* «яловый», чув. *хазар* [237. S. 267b–268a], при этом оставляет без внимания различие начальных согласных слов *кёсре* – *хёсёр*.

В ЭСАЯ, в свою очередь, чув. *хёсёр* «яловая (корова)» и *кёсре* «яловая кобыла» рассматриваются в качестве гомогенных форм, при этом в качестве праформы приводится **kisir* [240. Р. 653], но чув. *кёсре* не «яловая кобыла», а просто «кобыла», соответственно: *пётё кёсре* «жеребая кобыла», *хёсёр кёсре* «яловая кобыла». По мнению Г.Е. Корнилова, *кёсре* и *хёсёр* в чувашском языке не гомогенные основы, а близкие по звучанию, но имеющие явно разное происхождение. При объяснении этимологии слов *хёсёр*, *кёсре* исследователь обращается к чув. *хёвсёр* «бесплодная», производному от *хёв* «пазуха», «нагрудник (верхняя часть фартука)», «сумка (у животного)» [193. С. 551], при этом выделяет значение *хёв* «плод, зародыш, эмбрион». Таким образом, Г.Е. Корнилов рассматривает чув. *хёвсёр* и *хёсёр* в качестве гомогенных форм, в которых *-сёр* «без», закономерное соответствие тюрк. *-сиз*.

Следует отметить, что из чувашского языка это слово проникло в соседний марийский язык: *isər* «стерильный, бесплодный» < чув. *хəzər* [236. S. 129].

В чувашском языке употребляются парные слова с компонентом *кёсре*: *кёсре-выльăх*, *кёсре-лаша* в значении «матка (кобыла)»: *Лаша – кёсре-выльăх илтён-е?* (перевод: Ты купил кобылу?), *Кёсре-лашан сили, чёччисем аван-и?* (перевод: Хороши ли вымя, соски кобылы?). А слово *кёсре-хўри* является бранным: *Шывва (за водой) кайса кил-ха! – Кёсре-хўри мар-и!* (Сходи-ка за водой! – Нет (брань)). *Кёсре-тоти* – название гриба [8. Вып. VII. С. 303].

Таким образом, чув. *кёсре* – общетюркское слово. Этот оним в тюркских языках образован с помощью афф. *-к-*, от прилагательного, обозначающего бесплодную кобылу, общетюркская форма – *кыс(ы)рак*. Начальный согласный *к-* в чувашском слове указывает на возможность заимствования из кыпчакских языков, соответствия выявлены в башкирском, караимском, каракалпакском, казахском языках этой группы. При этом предположение об этимологической близости слов *кёсре* и *хёсёр* оказывается неверным, т.к. прилагательные *хёсёр* и *хёвсёр* в значении «бесплодная» являются гомогенными, не имеют этимологической связи с чув. *кёсре*.

Тиха [t'ihá] «жеребенок». Данный маммалионим также указывает на возраст животного. Это название выступает в качестве характеристики человеческих качеств: *Ут пуласси тихаран паллă* [319. Т. 5. С. 34] (перевод: Каким будет конь, видно по жеребенку). В большинстве случаев оним *тиха* ассоциируется с игривостью, беззаботностью, свойственным молодости: *Юпах тиха пек выляса сўремелли хусах пурнăсран камăн уйрăлас килтёр-ха* [276. С. 21] (перевод: Кому хочется расставаться с холостяцкой жизнью, когда резвишься как жеребёнок-стригун). Название *тиха* в отдельных случаях символизирует несбыточность пустых надежд: *Туман тихан пилёкне ан хуç* [314. С. 201] (перевод: Не ломай поясницу незачатого жеребенка).

Для именования детенышей животных употребляются сочетания с компонентом *тиха*: *амйш ай тиха* (Шоркасы, Н. Сережкино) «чѣчѣ ѣмекен тиха – жеребенок-сосун» [150. С. 8], *ашак тихи* «осленок», *тѣве тихи* «верблюжонок» [193. С. 486], *пйлан тьыхи* «оленок, лосенок» [8. Вып. X. С. 105]. Слово *тиха* имеет соответствия в тюркских языках: уйг. *тай*, *тайчак*, узб. *той*, *тойча*, *тойчик*, алт. В., кирг., казах., к.-калп., ног., тур., туркм., тат., башк. *тай*, якут. *тый*, азерб. *дайча* «жеребёнок», в одних языках употребляется в значении «жеребенок по первому году», в других – «по второму и третьему году». В монгольских языках употребляется форма *даага(н)* «годовалый жеребенок» [49. С. 254]; халх. *даага*, бур. *дааган*, калм. *дааһн*, даг. *дāга*, дунс. *даган* «годовалый жеребенок»; это слово было заимствовано: монг. > маньчж. *дахан* «жеребенок от двух до пяти лет» [136. С. 163]. Следует отметить, что в древнетюркских памятниках зафиксирована форма *taj* «жеребенок; молодой конь» [43. С. 527].

В языкознании вопрос о происхождении чувашского онима *тиха* не получил окончательного решения. Так, М. Рясенен в качестве гомогенных рассматривает тюркские формы: ср.-тюрк. *taj* «жеребёнок», чаг., осм. *taj* «молодая лошадь», як. *tuj* «двухлетний жеребенок», чув. *tī-ха*, *tejха*, *t'уха* «жеребенок», *tej-ха*, *tī-га*; ? чаг., вост.-тюрк. *taj-nča*, казах. *tajnša* «двухлетний верблюд» (< ? *taj-lök*), при этом не приводит соответствия из других алтайских языков [237. S. 455a]. Н.И. Егоров, в свою очередь, предполагает проникновение пратюркской ~ прабулгарской формы в прамонгольский язык: пратюрк. *taj* «жеребенок» ~ прабулг. *tajīqa* (чув. *тāйха/тиха/тьыха* < **tijya*) → прамонг. **tajki* > ср.-монг. *taki* «лошадь Пржевальского» → маньчж. *таху* «лошадь (дикая)» [51. С. 380].

В диалектах чувашского языка сохранилась древняя форма *тыйха* [49. С. 254]. В.Г. Егоров предлагает следующее объяснение происхождения маммалионима: чув. *тиха* < *тайха*. Исследователь отмечает, что *i(u)* в данном слове образовано в результате монофтонгизации дифтонга *ай*, чув. диал. *тыйха* [50. С. 154]. А.М. Щербак сближает чувашское название с монг. *тах* [200. С. 91]. Р.Г. Ахметьянов отмечает этимологическое родство тат. *тай* «годовалый жеребенок» с общетюркским *тай*, *тāй* «годовалый жеребёнок, жеребёнок», при этом рассматривает чув. *тиха* < *тāйха* «годовалый жеребенок, жеребёнок» в качестве заимствования из монгольского языка; монг. **дааган* < **дагаган*, **тарка-ган* (?) «двухлетняя лошадь; годовой жеребенок» [4. С. 188]. Следует также отметить, что в барабинском диалекте (Новосибирская обл.) и в тарском говоре (Омская обл.) татарского языка употребляется аффиксально производный оним *тайынча* «телёнок; жеребёнок самка» [170. С. 602].

Данное слово проникло в маньчжурский язык: ма. *тах* «дикая лошадь», «лошадь Пржевальского» < мо.: п.-мо. *taki*, монг. *тахь* «дикая лошадь» [113. С. 122].

В чувашском языке употреблялся также общетюркский маммалионим *хәм* (из *хәләм*) «жеребенок». Это название является устаревшим, оно сохранилось лишь в чувашских говорах в виде *хәнә* [151. С. 79]. Соответствия в тюркских языках: турк. диал., аз., аз. диал. *қулун*; тур., тур. диал., кир., уз. диал., уйг. диал., сюг., алт., тув., як. *кулун*; тур. диал., каз., ккал., ног. *қулын*; тур. диал. *kulin*; сюг. *қулум*; сюг. *қулым*, *хулум*; сюг. *қолун*; тат., бар. *құлын*; баш. *құлун*; тур. диал. *gulun*; тур. диал. *gulum*; тур. диал. *gölün*, *gölüm*; тур. диал. *gulin*; хак., хак. диал. *хулун*; тоф. *hulun*; жеребёнок – во всех источниках; кобыла 2–3 лет, племенная кобыла – тур. диал. В ЭСТЯ *хәм* «плод, зародыш» сравнивается с тур. диал. *kolon* «плод, жеребенок и осленок» [207. С. 131]. В.Г. Егоров *хәм* возводит к праформе **хулун(м)* [49. С. 291]. В ЭСАЯ в качестве пратюркской формы рассматривается **kulum* «жеребёнок» [240. Р. 735].

Маммалионим *хәм* в современном чувашском литературном языке вытеснен словом *тиха* и совершенно не употребителен. Это название встречается лишь в устойчивом выражении *кёсре хәм пәрахнә* – кобыла скинула жеребенка [193. С. 544]. Основу *хәм*- можно выделить также в словах, называющих лошадь: *кёсре хәмланә* «кобыла ожеребилась» [50. С. 80], *хәмламас* «неплодный (про кобылу)» – *хәмламас кёсре* «неплодная кобыла» [8. Вып. XVI. С. 325], *сәхәм* «старая лошадь, кляча; животное, предназначенное на колку» [8. Вып. XI. С. 290]. Примета, связанная с жеребьятами: *Лаша хәмласан тихине амәш сётне ёмиччен етем сётне парасçё. Çапла тусан вара çав тьыха сын әслә пулать; вәрласа кайсан та кайалла хәйех киле таврәнатъ* [286. Л. 121] (перевод: Как лошадь ожеребится, жеребенку прежде чем дать молоко матери дают молоко человека. Тогда у жеребёнка будет ум человека, и если даже украдут, сам вернется домой). *Чәхәмәç* «упрямый, норовистый, с норовом (о лошади)». *Чәхәмәç=чәхәмçә* [8. Вып. XV. С. 277].

Таким образом, чуваш. *тиха* имеет соответствия в кыпчакских языках (кыпчакско-булгарская, кыпчакско-ногайская подгруппы), в отдельных огузских языках, в тюркских языках юго-восточной, центрально-восточной групп, в якутском языке. При этом среди исследователей окончательно не решен вопрос о генезисе производящей основы общетюркского маммалионима, имеющего параллели в монгольских языках. Возможно, существовала единая праформа, общая для тюркских и монгольских языков, или же слово было заимствовано отдельной группой алтайских языков. Происхождение онима *тиха* связывают с формой *тайха*. Зооним *хәм* «жеребенок», имеющий соответствия в тюркских языках, в современном

чувашском литературном языке вышел из употребления, при этом встречаются производные слова с основой *хӓм-*.

В чувашских говорах распространены видовые названия жеребят, носящие народно-этимологический характер. По достижению жеребенком возраста одного года ему стригли хвост. Отсюда, вероятно, и произошло именование *картлук*: *Пёр сул иртсе тиха хӓрине, сӓлхине картласа яраççӓ, çавӓнна ик сулхи лаиана картлук теççӓ* [283. Л. 151] (перевод: По достижению одного года хвост, гриву жеребенка стригут (плохо, неровно), поэтому двухлетнюю лошадь называют картлук). *Картлук* – двухгодовалый жеребенок, с неровно стриженным хвостом. *Картӓ хӓре* (Синьялы) «тиха – жеребенок-стригун». *Картӓ хӓре* (Шоркасы) [150. С. 35–36]. Эти наименования следует отнести к собственно чувашским. Стригана (двухгодовалого жеребенка) также называют *хӓре картӓ тӓыха, хӓре касӓ тӓыха* [8. Вып. XVI. С. 284], *хӓре касӓртӓ тиха* [283. Л. 177], букв. «жеребёнок с обрезанным хвостом», *тӓтӓк хӓре*, букв. «обрезанный хвост» [151. С. 66]. Употребляется также оним, возникший под влиянием русского языка, *стрикан тиха* [151. С. 58], букв. «жеребёнок-стригун». Также жеребенка с обрезанным хвостом называют *накрас* [8. Вып. IX. С. 79], *пукрис* «куцый», «животное с обрезанным хвостом» (Там же. С. 261), *пукрас, пукрас тиха* в значении «годовалый жеребенок, стригун»; «стригунок» [193. С. 311], *пукрас* – «куцый, короткий» [8. Вып. IX. С. 261], ср. *пукрас хӓрелӓ анӓк* «куцехвостый щенок» [193. С. 311].

В некоторых местах двухлетнего-трехлетнего жеребёнка именуют *йупах (тиха)* «стригун» [283. Л. 153], *йопӓх тӓыха* («то же, что *йупах тӓиха*»), *йупах* – «двухлетний жеребёнок», *йупах тӓыха, йопӓх* «двухлетний жеребёнок, стригун», *йупах тӓыха – тӓиха* «жеребёнок по второму году или двух лет», *йопӓх тӓиха* – «годовалый жеребёнок», *йупах тиха – хӓре касӓ тиха* [8. Вып. IV. С. 347–348]. Примечательно, что в «Русско-чувашском словаре» Н.В. Никольского слово «жеребенкоӓ» переводится «*тӓыха, йупах тӓыха*» [112. С. 104].

В некоторых случаях жеребят-стриганов называют *йӓпор* (первоначально то же, что йӓпар?). *Ей йӓпор!* – *хӓре касӓ тӓихасене калаççӓ* (так называют жеребят-стриганов). *Таçта тӓрса йолчӓ ман йӓпор!..* Не знаю, где остался мой стриган! [8. Вып. V. С. 80].

Ашак [ašák] «осёл», «ишак». Название этого животного ассоциируется с тяжёлым трудом: *Ухмах ёçе юратать тенӓ пек, ёçле вара эс ашакла* [292. С. 22] (перевод: Как, говорят, дурак любит работу, тогда ты работай как осёл). Этот оним символизирует глупость: *Лаиша пек, ашак пек ан пуӓр, вӓсен йӓсем çук* [289. Т. 2. Л. 387] (перевод: Не будьте как лошадь, как осёл, у них ума нет). При этом осёл проявляет норов: *Кутӓн ашака хулӓ юсать* [319. Т. 5. С. 98] (перевод: Упрямого осла кнут исправляет). В целом, в сознании носителей чувашского языка

осёл воспринимается как очень полезное вьючное животное, которое, при сравнении с лошадью, очень сильно ей уступает: *Лаша сук чухне ашак та вьльях* [289. Т. 2. Л. 388] (перевод: Когда нет лошади, и осёл – скотина). В сознании носителей языка осёл воспринимается как близкое к Богу: *Поп: «Энӗ, турӑ ашакӗ нек, тӑр сукмакпа сӗран каятӑп»* [304. С. 110] (перевод: Поп: «Я, как ишак Бога, иду по прямой тропе»).

Зафиксирован вариант *ишек* (Васильевка, Большие Бикшихи) – *ашак* – осел. *Вӗсен ишекки нумай турӑнмарӗ* (Васильевка) [150. С. 27].

Соответствия этого названия наличествуют в тюркских языках: турк., тур., ктат., кар. к., кум., кбал., кир., каз., ног., ккал., лоб. *ешек/ешек*, кар. к. *еш'ек/еš'ek*, уз., уйг. *ешӕк/еšӕk*, кар. г., каз. *есек/есек*, гаг. *"ешек/ешек*, тат., баш., уйг. диал. *ишӕк/išӕk*, турк. диал. *еш:ек/еš:ek*, аз. *еш:ӕк/еš:ӕk*, уз. диал. *еш:ак/еš:ak*, алт. *ештек/ештек*, каз. диал. *естек/естек*, хорас. *eşey*. Слово употребляется во всех источниках в значении «осел», в отдельных языках: «глупец», «дурак», «невежда» – тур., аз., ктат.; бран. «осел» – уз.; «козлы» – тур., гаг. («мостовые козлы»), кум.; «спорт. козел, кобыла» – уз.; «скамейка» – уз.; «подставка («кобылка») на скрипке или сазе» – уз., «шпенек у «жуушан» (ножницы для стрижки овец)» – кир. [140. С. 317]. Таким образом, выявлены соответствия в тюркских языках огузской, кыпчакской, карлукской групп, а также в киргизском, алтайском языках киргизско-кыпчакской группы и в чувашском языке булгарской группы.

Этимология этого чувашского онима, носящего общетюркский характер, спорная. М.Р. Федотов приводит точку зрения Х. Эрена, что чув. *ашак* является татарским заимствованием [216. Р. 23], и восстанавливает исходную форму – древнетюркское *ешек* «осёл» [43. С. 185; 184. Т. I. С. 76]. В.Г. Егоров, в свою очередь, отмечает, что этимология этого слова не ясна, и предполагает, что слово состоит из двух частей: *еш* + *кӕк* (арм. *еш* = «осёл», *кӕк* = ?), также рассматривает объяснение А. Габэн [217. S. 62]: *еш* – «спутник», *кӕк* – аффикс уменьшительности [49. С. 38]. Данная этимология приведена также М. Рясененом [237. S. 51ab], Г. Дёрфером [215. Band II. S. 65]. Р.Г. Ахметьянов, в свою очередь, выделяет производный корень *эли-* у тат. *ишӕк* «ишак, осёл», др.-тюрк. *эшйӕк*, *эшигӕк* «ишак» [4. С. 80]. В ЭСТЯ происхождение онима *ешек* связывают с армянским *եփ* «осёл» [140. С. 317].

В ЭСАЯ в качестве единой праалтайской формы реконструируется *elʒu* «осёл», получившая следующие отражения в языках: пратунг. **eji-ken* осёл; прамонг. **elʒigen*; тюрк. **elgek*. Также отмечается, что фонетическое оформление слова не дает возможность рассматривать его как межъязыковое заимствование: тюрк. > монг. > тунг.-маньч. [240. Р. 503]. Ранее предположение о проникновении монгольской формы в тунгусо-маньчжурские языки

было высказано К.А. Новиковой: сол. *элжиг* «осёл» < монг., прамонг. *elžigen* [113. С. 111]. О заимствовании тюркской формы монгольским языком заявляет Г. Дёрфер, исследователь восстанавливает прототюркскую форму **el'd'ägēn* [215. Band II. S. 65].

М. Рясенен рассматривает *ešak* осел, *išak* в качестве татарского заимствования в черемисском языке: < каз.-тат. *išäk*, кир. *ešäk*, осм. *äšäk* [235. S. 26]. Данный тюркизм проник также в русский язык. Н.К. Дмитриев предполагает, что «русское заимствование могло произойти на той территории, где ишак – обычное животное (Кавказ, Средняя Азия) и где во втором слоге слышится широкое *ä(ä)*, откуда русское *a*. Всего вероятнее это произошло на Кавказе» [40. С. 534]. М. Фасмер также отмечает, что *ишак* «осел, мул» проникло в русский язык из тур., кыпч., азерб. *äšäk* «осел», тат. *išäk* – то же [179. Т. II. С. 146].

Таким образом, чувашское *ишак* – общетюркское название. Параллели в монгольских и в тунгусо-маньчжурских языках позволяют сделать вывод о существовании единой праалтайской формы. По мнению большинства исследователей, общетюркский оним состоит из частей *эш-* + *-кәк*, где *эш-* – производящая основа, а *-как* – аффикс уменьшительности. На основе семантической близости предположение о связи производящей основы с арм. *эш* «осёл» выглядит вполне убедительно.

§ 2.6. Отряд парнопалые

§ 2.6.1. Семейство свиньи

Сысна [sɨsná] «свинья». «Свинья, как домашнее животное, появилась у тюркских народов лишь недавно и через русских. В течение тысячелетнего господства ислама, запрещающего употреблять в пищу свинину, тюркские народы не разводили свиней. Да и свинья – животное, не приспособленное для кочевого образа жизни» [107. С. 58]. И с течением времени, получив распространение в хозяйствах, животное не стало пользоваться особой любовью. Это отношение получило отражение и в пословицах и поговорках: *Сысна әсә хәй сәмсинчен вәрәм мар* [314. С. 76] (перевод: Ум свиньи не длиннее ее носа). Свинья часто ассоциируется с некультурным, малообразованным человеком: *Вёсем [фашистсем] хәйсен культурәлләхәне тем пекех мухтанаççә пулин те, хәйсем сыснаран та сысна* [244. С. 57] (перевод: Они [фашисты] хотя своей культурностью как только не хвастаются, сами свиньи свиньями). А также плохим, ненадежным человеком: *Киревсёр çынна тўрех сыснапа танлаштарасçә* [269. С. 85] (перевод: Негодяя сразу сравнивают со свиньей). Свиньей также

часто называют очень толстого человека: *И-и, сысна, мӓнтӓрскер!* – *терӗс сынсем пуна* [327. С. 80] (перевод: И-и, свинья, жирная! – сказали люди попу). Название этого животного выступает в качестве ругательства: *Качака сухалӗ сӓмӗнчи куришанак! Пуссӓр сысна!.. Анчах ним тума та сук, мура* [264. С. 17] (перевод: Репейник у козлиной бороды. Свинья без головы!.. Но ничего с ним, дьяволом, не поделаешь). Отсюда глагол *сысналан*, *сысналла хӓтлан* «вести себя нагло, бесцеремонно, нахальничать» [193. С. 391]: *Ан астӓр нимӗс-рыцарь, Ан сысналантӓр путсӓр* [322. С. 40] (перевод: Пусть не бесчинствует немец-рыцарь, не нахальничает негодник). По мнению Л.В. Борисовой, это название ассоциативно связано лишь с отрицательными качествами: неряшливостью, глупостью, невоспитанностью, злостью, раздражительностью, неблагодарностью, подлостью, низостью, наглостью [16. С. 463]. На наш взгляд, из положительных качеств следует отметить аккуратность, «правильность» животного: *Сысна хӓй вырӓнӗ сине сысмасть* [314. С. 76] (перевод: Свинья на свое место не испражняется).

По преданию, Иисус Христос в благодарность за помощь в спасении от врагов (свиньи своими пятачками вырыли яму и в ней его спрятали) сделал так, что этому животному пища достается без труда, при этом свинина – самое ценное угощение для добрых людей [316. С. 145]. В другом источнике описывается, что свинья спасла Иисуса Христа от иудеев, поэтому Бог повелел всем, кто придерживается его веры, питаться свининой (Там же. С. 146). Существует также предание, что разозлившись на свинью за то, что она стала употреблять в пищу ежей, Турӓ наказал животное, разрешив видеть солнце лишь раз в три года, поэтому свинья не может открыть глаз, ест все без разбора (Там же. С. 143) и не отличает солнца от месяца [281. Л. 3].

Чувашское название *сысна* «свинья» имеет соответствия в отдельных тюркских языках: алт., кирг. *чочко*; башк. *суска*; казах., к.-калп. *шошка*; тат. *чучка*; узб. *чу^очка*; уйг. *чочка*; хак. *сосха* [200. С. 125], чаг. *чочук, чочуца* «детёныш свиньи; дитя» [4. С. 240]. Таким образом, выявлены соответствия онима *сысна* «свинья» в языках кыпчакско-булгарской подгруппы, а также в тюркских языках Средней (Центральной) Азии. Вероятно, в кыпчакские языки Поволжья и в чувашский язык название проникло из восточно-тюркских языков. Это предположение подтверждается историей развития языка: прародиной тюркской речи принято считать Центральную Азию. Следует также отметить, что «аборигенная чувашская свинья – невысокая, остромордая, с длинной щетиной – является потомком центральноазиатской свиньи» [190. Т. 1. С. 234].

В тюркских языках западно-кыпчакской группы (кбалк., ккум., арм.-кум. *тоңуз*, кум., кар. т. *доңуз*, ктат. *домуз*), юго-западных тюркских языках (туркм. *доңуз*, аз. *донуз*, тур.,

гаг. *домуз*) наиболее распространенным словом для именованя свиньи является *дуңгыз*. В отдельных случаях маммалоним *чочқа* употребляется в качестве второго слова: кар. к. *чочқа*, ктат. (у степных) *чучқа*; кбалк. *чочха* является редкоупотребительным, тат. *чучқа* встречается в разговорной речи и эпизодически [107. С. 91–92]: оним *чучка* «свинья, хрюшка» распространен, главным образом, в мамадышском, пермском говорах татарского языка [170. С. 764].

Среди исследователей нет единого мнения о генезисе тюркского названия *чочка* «свинья». Так, К.М. Мусаев предполагает звукоподражательное происхождение онима *чочқа/шошқа* и относит его к исконно тюркскому слову [107. С. 58]. При этом исследователь отмечает, что *чочка/сысна* отражает весьма древнюю связь между индоевропейскими и тюркскими языками (Там же. С. 96). На древнее происхождение зоонима указывает также зафиксированное Махмудом Кашгарским слово *čöŋiq* «поросёнок» [43. С. 151]. В.Г. Егоров отмечает, что этимология чув. *сысна* «свинья» не известна, с долей сомнения сравнивает тюркские формы с греч. *σὺς* «свинья» + ана (?) [49. С. 201]. Следует отметить, что слав. *svinьja* восходит к и.-е. **sū (*sūs)/*su-*; ср. лат. *sūs*, греч. *ῥῶς*, а также *σῶς*, др.-в.-нем. *sū*, нем. *Sau*, авест. *hū*, алб. *thi*, тохар. В *suwo* «свинья», ср. также др.-инд. *sūkarás* «свинья» [177. С. 339], при этом более вероятно образование и.-е. **sūs* из звукоподражательного **sū* [179. Т. III. С. 579]. О.Н. Трубаев, в свою очередь, отмечает, что и.-е. **sū-s*, к которому восходит слав. *svinьja*, трудно поддается этимологизации и отмечает, что наиболее убедительной является этимология от передающего крик животного звукоподражания *su* [177. С. 340]. Фонетически близкое междометие встречается и в чувашском языке. К примеру, в «Словаре чувашского языка» в говоре на территории с. Средние Тимерсяны Симбирского уезда зарегистрировано *сса* «так гонят свиней» [8. Вып. XI. С. 333]. Г.Е. Корнилов отмечает, что названия свиньи *чочка*, *чучка*, отражающие *ч*-инициальную, более древнюю, ступень анлаутного согласного, связаны с чув. *сыс-* «выделять экскременты», казах. *сас-* «испускать запах», уйг. *сеси*, узб. *саси* «вонять», тат. *сас-* «тухнуть», уйг. *сесик*, узб. *сассик*, тур., тат. *сасы* и т.д. «вонючий, зловонный, гнилостный запах». Родственником чув. *сысна* оказываются славянские параллели рус. *сосна* «смолистое, пахучее вечнозеленое хвойное дерево» [76. С. 53–54]. Р.Г. Ахметьянов проводит параллели между тат. *чучка* «свинья», тюркскими формами и туркм., тюрк. *çosик* «дитя» и выделяет общий корень *чоч-* «сосать причмокивая» [4. С. 240], являющийся имитативом: *чоч-* «соска, нечто соскообразное», к этому корню восходят зафиксированные в барабинском диалекте татарского языка *цоцык*, *цозук* «соска», *жожық* «вымя; сосцы». При этом исследователь относит значение «свинья» в тюркских языках к вторичным, первоначальное значение названия – «поросёнок, сосунок» [6. С. 74].

Близкие чувашскому названию формы выявлены и в марийском языке. Ещё Н.И. Золотницкий привел соответствия чув. *сысна* свинья: г. чер. *сасна*, л. чер. *сосна*, *сысна*. *Сысна-азы* боров (л. чер. *сосна узо*); *сысна сьӱри* «поросёнок»; *сысна шыръч* «щетина» (л. чер. *сосна шу*) [56. С. 65]. Ключевым моментом при объяснении происхождения чув. *сысна* «свинья» и связи этого слова с марийскими формами является вопрос о природе гласного *ы*. Так, в ЭСАЯ восстановлена пратюркская форма **sas-na* (свинья) и отмечено, что тюркский рефлекс встречается только в единичном чувашском слове, чув. *сысна* и рефлекс гласного кажутся неправильными, неясной является фонология венг. (<булг.) заимствования *disznó* (предполагающего **žisnaγ*). Пратюркское **sas-na* (свинья) в словаре приведено в качестве параллелей пратунг.-маньч. **sesi-n* «стадо (олений, диких животных)» [240. Р. 1237]. В этом сближении обращает на себя внимание существенное различие в семантике слов. В словаре не рассмотрены гомогенные чувашской словоформе названия тюркских языков. Л.С. Левитская, в свою очередь, рассматривая древнечувашский язык (VI–IX вв.) как систему вокализма, идентичную общетюркской [94. С. 276], предполагает наличие гласного неполного образования, существовавшего до перестройки системы чувашского вокализма в систему поволжского типа: в заимствованном венгерском языке «древнечувашском» слове *disznó* «свинья» ~ чув. *sīsna*, мар. *sōsna*, мар. гор. *sasna*, в котором *i* отражает какой-то гласный неполного образования (Там же. С. 118). З. Гомбоц под знаком вопроса объясняет происхождение венг. *disznó* следующим образом: < ? **tysnaγ*, чув. *sīsna*. Исследователь отмечает переход в некоторых случаях звука *s-*, *š-* в анлауте в *t-*, при этом судьба палатализованного звука в древневенгерской форме *gyisznau* (> *disznó*) по-прежнему остается без объяснений [218. S. 69, 170]. Исследуя природу чув. *ī*, М. Рясенен подчеркивает, что чув. *ī* восходит, в основном, к общетюрк. *a*. На время этого перехода указывают тюрко-булгарские заимствования в венгерском языке с *ī*. Возможно, в некоторых случаях *ī* возникло из других шумных [236. S. 92].

Н.И. Ашмарин предполагает заимствование горными и луговыми черемисами чувашской формы *сысна* [7. С. VIII, XI]. М.Р. Федотов также отмечает проникновение зоонима в марийский язык: марЛ. *сōсна*, марГ. *сасна* «свинья» [183. С. 229]. М. Рясенен ранее также указал на этимологическую близость онимов: л. чер. *s'ōs'nā*, г. чер. *sasna*, *sīsna* < чув. *sīsna* < **s'īsna* ~ ? каз. *чиč-ka* [236. S. 93]. М.Н. Кузнецова отвергает вероятность заимствования марийского названия свиньи из чувашского языка и сближает марийский оним с соответствующими названиями в индоевропейских языках, при этом не исключает семантическое родство финно-угорских слов с индоевропейскими корнями [90. С. 104–109].

Р.Г. Ахметьянов, в свою очередь, предполагает проникновение онима в марийский язык не из чувашского языка, а из древнекыпчакского. Из марийского языка, по мнению исследователя, может быть заимствовано само чувашское слово, так как в древнечувашском языке общетюрк. *o, ö* переходили в *y, y* и *ыwa, ewe* [6. С. 74].

В чувашских говорах употребляются также названия этого животного, образованные на основе звукоподражания. К примеру, манят и ласкают свиней и поросят словом *чушкă* (обращает на себя внимание фонетическая близость звательного слова с общетюркским *чучка*). На территории Байгеево Цивильского р-на зафиксирована форма *чучука* «сысна – свинья». *Чучука пахчана тухса тарчĕ те пĕтĕм йăрансене ватса тухрĕ* [150. С. 139] (перевод: Свинья убежала и разрушила все грядки). В детской речи встречаются онимы *чух-чух, чох-чих* «свинья (детск. сл.)», произошедшие от *чух-чух, чох-чих* «межд., которым манят свиней». *Сыснана чух-чух! тесе йăхăраççĕ* [8. Вып. XV. С. 258] (перевод: Свинью зовут чух-чух!). В речи употребляются также народные названия свиньи, имеющие подражательный характер *нăрик, нăрик-нăрик* [32. С. 174].

Маммалионим *тинĕс сысни* «дельфин» [107. С. 95], вероятно, образован на основе ассоциативной связи, так как это морское млекопитающее не было хорошо знакомо носителям языка. Встречаются также названия растений с компонентом *сысна*: *сысна курăкĕ* «подорожник; название мелколиственной травы, растущей на улицах» [193. С. 391], *сысна кĕпçи, сысна кĕпçи çулçи* «назв. растения», *сысна куршанак-куршанакĕ-куршанки* «назв. растения», *сысна çарăкĕ* «назв. свиной травы» [8. Вып. XI. С. 120–121].

Таким образом, остается до конца не выясненным вопрос о происхождении тюрк. *чочқа/шошқа*, чув. *сысна* «свинья». Эти названия, несомненно, имеют древнее происхождение. Чув. *сысна* имеет генетическое родство с формами тюркских языков Средней (Центральной) Азии. Вероятнее всего, этот тюркский маммалионим этимологически связан с индоевропейскими формами. Однако в языкознании нет окончательного ответа на вопрос, что лежит в основе номинации: звукоподражательное **sū*, основа *чоч-* «сосать причмокивая», или основа со значением «выделять», «испускать»: чув. *сыс-* «выделять экскременты», казах. *сас-* «испускать запах», уйг. *сеси*, узб. *саси* «вонять», тат. *сас-* «тухнуть». Последняя точка зрения, высказанная Г.Е. Корниловым, представляется наиболее убедительной.

Капан [*kaBán*] «кабан». Этот оним не получил широкого распространения в языке. Так, в чувашском языке маммалионим *капан* в значении «вепрь, кабан» отмечен в «Чувашско-русском словаре» Н.В. Никольского [111. С. 84]. В «Словаре чувашского языка» название *капан* «кабан» [8. Вып. VI. С. 73] зафиксировано на территории Янтиковского района Чувашии, его

соответствия в тюркских языках: турк., аз. *қабан* «кабан», кум. *қабан* «кабан; вепрь», каз., ккал., ног., тат. (и в составе *қабан дуңгызы* «кабан, вепрь»), баш. *қабан* «кабан», уз. *қабан* «кабан», уйг. *қаван* «кабан», алт. *қаман* «кабан, дикий боров», тув. *хав'ан* «кабан», тур. диал. *қабан* «самец дикой свиньи», уз. диал. *қабан* «самец дикой свиньи», уйг. диал. *қаван* «самец дикой свиньи», чаг., вост.-тюрк. *қапан* «самец свиньи», тур. диал. *датан* «дикая свинья», кар. к. *қабан*, сюг. *қаван*, тув. *хав'ан* «свинья», кум. *қабан* «здоровяк, сильный», ног. *қабан* «плохой, дурного нрава» [206. С. 164]. Следует особо отметить, что в отдельных тюркских языках (азерб., туркм. *габан*; башк., к.-калп., тат. *кабан*; кирг. *каман*, узб. *қабан*; уйг. *каван*) этот оним употребляется в значении «самец свиньи», свойственном также и русскому языку. Но наиболее древним, по мнению А.М. Щербака, в тюркских языках является значение «дикая свинья». Именно с этой семантикой слово *кабан* перешло в русский язык, вытеснило ст.-слав. *вепрь* и стало обозначать самца домашней свиньи [200. С. 125].

Выявлены соответствующие параллели и в алтайских языках. Н.И. Золотницкий, к примеру, в качестве соответствий чув. *кабан* «вепрь», помимо тат. *кабан-донгуз*, алт. *каман*, *кабан*, рассматривает также монг. *хабан* [56. С. 29]. М. Рясенен предполагает проникновение слова в тюркские языки из монгольского языка и приводит для сравнения монг. *gaban* «боров» [237. S. 216a]. Г. Рамстедт, в свою очередь, проводит параллель между калм. *хави* «хряк, кабан; (в сказках) герой» и тюрк. *qaban* «кабан» [233. S. 174a]. В СИГТЯ реконструируется алтайский прототип **k'iapa-*: тюрк. **ka:pan*; монг. **kabtaga* «дикий верблюд»; ТМ **xiafu-* «теленки оленя», и отмечается, что это слово поздно фиксируется в монгольских языках, и, скорее всего, является тюркизмом [165. С. 156]. Таким образом, среди исследователей нет единого мнения о взаимосвязи тюркских и монгольских форм. Исследователи предполагают позднее появление слова *қабан* в тюркских языках, т.к. слово не зафиксировано ни в ДТС, ни в словаре Дж. Клоусона [206. С. 164].

В ЭСТЯ происхождение онима *кабан* ~ **хабанг* связывается со следующими формами: тунг.-маньч. *қава* «клык», нан. *қава* «клык (кабана, медведя)» [167. Т. I. С. 357] и в подтверждение данной этимологии приводятся индоевропейские названия кабана, вепря [206. С. 164], также образованные от названия клыка: болг. *глиган*, *глиг* «кабан, вепрь» < *глиг* «клык кабана, вепря», русск. диал. *кляк'ач* «кабан» < *клык*, а также русск. диал. *кил'ун*, *киляк* «кабан, боров» < **кыль* «клык», ср. лит. *kuilys*, лтш. *kuilis*, др.-прусс. *cuylis* «кабан», вероятно, заимствованные из древнерусского; ср. еще нем. *hauer* «клык; кабан, вепрь» [177. С. 343].

Происхождение чувашского онима не рассмотрено ни В.Г. Егоровым, ни М.Р. Федотовым. Р.Г. Ахметьянов рассматривает *кабан* как общетюркское слово, вероятно, с

первоначальным значением «озеро, болото»; тат. *Кабан күле*, мар. *кубан* «болотистый» [4. С. 83]. М. Фасмер также отмечает этимологическую близость слова *кабан* с топонимом *Кабáн-озеро* около Казани [179. Т. II. С. 149], из тат. *Kaban küli*, где *kül* «озеро» [124. Т. II. С. 1465].

Русск. *каба́н*, укр. *каба́н*, блр. *каба́н*, а также польск. *kaбан* заимствованы из тюрк. *kaбан* «вебрь, дикая свинья» [179. Т. II. С. 149]. В русском языке слово *кабан* зафиксировано в значениях «свиной самец, нёрѣзь, порось или килунъ кладеный: боровъ, кнуръ, хрякъ, нохрѡкъ; || дикая свинья, вебрь» [31. Т. II. С. 69]. Из русского языка оним проник в чувашский, якутский и эвенкский языки [206. С. 164]: як. *кабан*, эвенк. *каван*. В чувашском языке на территории Буинского уезда Симбирской губернии зарегистрировано название *капан сысна* «кабан, вебрь» [8. Вып. VI. С. 73]. Именования в форме сочетаний встречаются и в родственных языках Поволжья: тат. *қабан дуңгызы*, башк. *қабан сусқа*, где *дуңгыз*, *сусқа* – названия свиньи, а *қабан* – определитель в словосочетаниях, поэтому не исключается, что тат. и башк. *қабан* также обратные заимствования из русского [206. С. 164].

Употребляются также сочетания с компонентом *сысна*, указывающие на место обитания животного: *уй сысни*, *хир сысни* «кабан», «дикая свинья». Существование этих вариативных равнозначных наименований следует объяснить диалектными различиями чувашского языка: у низовых чувашей поле называется словом *хир*, а у верховых – *ой*, *уй*. В рукописном фонде Н.В. Никольского, к примеру, название *уй сысни* зафиксировано на территории Урмарского р-на Чувашии [283. Л. 155], Ново-Польского поселка Казянского р-на Татарской Республики (Там же. Л. 149), *хир сысни* – Марпосадского р-на Чувашии [284. Л. 115]. Следует также отметить, что в «Словаре чувашского языка» приведено название *кайăк сысна* «кабан» [8. Вып. VI. С. 15], букв. «дикая свинья». Также встречается сочетание *кёршĕ сысна* – кабан [48. С. 243].

Таким образом, чув. *капан* имеет соответствия в современных тюркских языках огузской, кыпчакской, карлукской групп, а также в языках киргизско-кыпчакской группы, в тувинском языке уйгурской группы, при этом в большинстве тюркских языков, как и в русском языке, это слово употребляется для именования кабана (дикой свиньи), самца свиньи, реже – самца дикой свиньи. Русск. *каба́н* – тюркизм, в чувашский язык этот оним проник из русского языка. Тюркский маммалионим *кабан* не получил убедительной этимологии. Исследователями отмечается лишь его возможная связь с названием клыка (нан. *қава* «клык (кабана, медведя)). Параллели тюркского названия в монгольских и в тунгусо-маньчжурских языках позволяют допускать существование единой праалтайской формы.

§ 2.6.2. Семейство олени

Пйши/мйши [pəʒʹi/məʒʹi] «лось». Носителями языка этот лесной зверь воспринимается как красивый, сильный, опасный. Первая ассоциация, связанная с этим животным: «сильные, быстрые ноги»: *Пире улпут тытас сук Пйши ури пур чухне* [253. С. 206] (перевод: Нас барин не сможет удержать, когда у нас есть ноги лося). Таким образом, животное в сознании носителей языка связывается с физической силой. На этого зверя охотятся: употребляют мясо в пищу, а из шкуры шьют теплые тулупы. Однако охота сопряжена с опасностью: *Уна тытма кайнй чух вырйан сарса хавар, пйши тытма кайнй чух тупак туса хавар* [314. С. 78] (перевод: Когда собираешься на медведя, оставь расстеленной постель, когда собираешься на лося, приготовь гроб). Для сравнения, в финно-угорской культуре лось (олень) является одним из главных мифологических героев и выступает в качестве генетического воплощения верхнего мира [104. С. 230]. При этом чувашские мифологические сюжеты, связанные с этим животным, нам не известны.

В «Словаре чувашского языка» зафиксирован фонетический вариант названия – *пиши* «лось» [8. Вып. X. С. 278]. В отдельных районах словом *пйши* именуют оленя. Так, в «Материалах по чувашской диалектологии» *пйши, мйши* указаны в значениях «олень», «лось», зарегистрировано употребление онима *пйши* на территории Н. Изамбаево, А. Ахпердино, Ст. Янситово, Ухманы, Шибачево, Б. Карачкино, *мйши* – Кубово, Шербаша, Н. Карамалы [101. С. 96]. В «Словаре чувашского языка» оним *мйши* отмечен в значении «олень; название какого-то неведомого зверя» [8. Вып. VIII. С. 325]. Соответствия выявлены только в современных татарском и башкирском языках: тат. *поши, пышый*, башк. *мышы* лось [49. С. 152]. Ранее В. Радлов отметил этимологическую близость каз. *пышы* «олень»; «дичь»; тоб. *миши* «олень» [124. Т. IV. С. 1321, 2166]. При этом в соседних тюркских языках употребляются различные фоноварианты этого зоонима. В говорах татарского языка, к примеру, представлены: *пошый/мышы* (менз., н.-кам.-крш.), *мошый/мышый* (злт.), *пышы/моши/мышы* (чст.), *боши* (перм., нукр.), где *м~п, б; ы~о* [131. С. 55]. Ю. Вихман, при анализе чув. *реји* «лось», «олень» отмечает, что слово является заимствованием даже в татарском и в башкирском языках: тат. *röşöj, ruşu*, башк. *туşu* [243. С. 150–151]. В.Г. Егоров, в свою очередь, предполагает проникновение данного слова в тюркские языки из финно-угорских языков: мар. *пүчө, пучы*, удм. *пужей*, манс. *пааши* «олень», коми ижем. *пэж* «молодой олень». И сравнивает данные формы с др. русск. *пыжь* «молодой олень» [49. С. 152]. А.М. Щербак отмечает, что «*поши* известно только в Поволжье, и поэтому появление его в тюркских языках следует связать с

присутствием в этом районе финно-угорских народностей» [200. С. 142]. Р.Г. Ахметьянов также связывает происхождение тат. диал., башк. *мышы*, *мышый*, *пышый*, *пеше*, чув. *пйши* «лось, олень» с финно-угорскими формами [4. С. 164].

М.Н. Кузнецова реконструирует финно-угорскую праформу **ро̄а* и отмечает, что словами *мышый* и *пыши* в марийском языке называют лишь самку лося, т.е. зверя без рогов [90. С. 116–117]. Н.И. Исанбаев причину заимствования марийского слова соседними тюркскими языками видит в табу, которое было наложено на промыслового зверя [68. С. 120].

М. Рясянен ставит под сомнение близость тюркских и финно-угорских форм, в качестве параллелей тюркских названий рассматривает лишь тунгусские формы: тунг. *босса*, олч. *бӣса* [237. S. 385a]. М.Р. Федотов приводит параллели в тунгусо-маньчжурских и монгольских языках. Тунгусо-маньчжурские формы: эвенк. *бӯинэ/бӯу/бӯу/бӯуэ* «дикий олень»; «изюбр»; сол. *бо̄уо* «изюбр»; нег. *бочан* «изюбр»; ороц. *буча(н-)* «изюбр»; ульч. *боча(н-)* ~ *буча(н-)* «изюбр (самец)»; нан. *боча(н-)/буча̄* «изюбр»; маньчж. *бугу* ~ *бӯхо* ~ *бӯху* «олень (вообще)». Монгольские формы: п.-монг. *бӣуи* «изюбр»; монг. *буга* «олень»; «изюбр»; бур. *буга* «изюбр»; *бох* «олень» [167. Т. I. С. 101–102; 184. Т. I. С. 410].

Г.Е. Корнилов при анализе лексических параллелей венгерской основы *буша* задается вопросом о связи тюркских параллелей чув. *пйши*, *мйши* «лось» с корнями: **буш-*, **пуш-*, **вуш-*, **муш-* в значениях «крязистый», «сучкастый», «свилеватый» [76. С. 129]. Исследователь задаётся вопросом о возможности сопоставления чув. *пйши*, *пиши* «лось», *мйши* (*мыжи*) «олень» с кирг. *бауыш*, як. *бысасар*; однако видит источник указанного термина в др.-рус. *пыжь* «молодой олень», возводимом к *пузо*. И предполагает, что слово к чувашам могло проникнуть во время пребывания болгаро-чуваших племен на Северном Кавказе и в Причерноморье [75. С. 209]. Таким образом, *пйши* (*мйши*) в чувашском языке, как и соответствующие названия в татарском и в башкирском языках, носит заимствованный характер. На наш взгляд, косвенным доказательством невозможности проникновения онима из марийского языка (соседнего языка финно-угорской группы) является семантика названия: мар. *мышый*, *пыши* «самка лося». Наиболее вероятным источником заимствования является др.-рус. *пыжь* «молодой олень», данная форма могла проникнуть также и в финно-угорские, и в алтайские языки.

Заимствованные из рус. языка фонетические варианты: *ло̄с* [283. Л. 148], *лус* (Там же. Л. 135), *лӯс* (Там же. Л. 149) широко распространены, главным образом, в чувашских говорах на территории Татарстана, ср. в абдулин., каргалин., камышлин. говорах татарского языка: *луч* < рус. *лось* [131. С. 55].

Теки/тики [teki/tiki] «лось». *Вӑл вӑрманта текисем пурӑнӑ. Теки – вӑл вырӑсла лось* [8. Вып. XIII. С. 271] (перевод: В этом лесу жили лоси. Теки – это по-русски лось). *Тики* «лось, точное правоп. неизв.» [8. Вып. XIV. С. 33]. Культурная коннотация диалектного названия *теки* (*теки*) в чувашском языке отсутствует. Происхождение этого зоонима доподлинно не известно. Г.Е. Корнилов сравнивает чув. *тики* «лось» и древнеяпон. *така* «высокий» и отмечает этимологическое родство названия с древнечувашской диалектной формой **тико*, чув. *тиха* «жеребенок», диал. *тыйха* [76. С. 205–206]. Итак, чув. диал. *тики* – общее с тунгусо-маньчжурскими и монгольскими говорами название лося: маньч. *тохо*, ульч. *тоо*, нан. *тоо*, *токи*, нег. *токи*, эвенк. диал. *тӧкии*, монг. *токи* лось [75. С. 208], пратунг. **tōkī* «лось», прамонг. **tōgij* «взрослый лось» [240. Р. 1430]. При реконструкции единого алтайского прототипа в ЭСАЯ из тюркских указана только чув. параллель.

Пӑлан [pəlʌn] «олень». Согласно мифологическим воззрениям древних чувашей, олень, как и другие копытные животные (бык, конь), находится в среднем (земном) ярусе вселенной, там же расположены человек, мировая гора, мировое древо, космические опоры [104. С. 178]. В источниках также встречается образ двенадцатирогого оленя: *Џитмӗл сұхрӑм сесенхир урлӑ каçнӑ чух Вуникӗ майракаллӑ пӑлан кайӑк Пирӗн куҫа курӑнчӗ* [319. Т. 4. С. 11] (перевод: Когда проходили по степи семьдесят километров, Нам на глаза попался двенадцатирогий олень). А также оленя с серебрянными копытами: *Сарӑ уйӑх сұттинче Кӗмӗл чӗрнелӗ пӑлан Килсе тухрӗ, мӗкӗрчӗ* [306. С. 54] (перевод: В лунном свете вышел олень с серебрянными копытами, проревел). В частности, Н.И. Егоров рассматривает образ золоторогого оленя как космического демиурга, а также как вариант космической опоры – мирового древа [104. С. 99]. В целом, название этого животного в сознании носителей языка имеет положительную характеристику и ассоциативно связано с физически сильным, статным мужчиной: *Җав вӑхӑтра хаҗатсенче вёсене* [совет спортсменёсене] «*вырӑс пӑлансем*» *тесе ят панӑ* [268. С. 34] (перевод: В этот период их [советских спортсменов] в газетах окрестили «русскими оленями»). В отдельных случаях наличествует отрицательная коннотация онима. Так, в сказке «О ленивой кошке» олень символизирует доверчивость, глупость, страх [318. С. 159–160].

В чувашских говорах употребляются варианты: *план* «олень», «лось» [8. Вып. X. С. 263], *пӑлан* «лось» [151. С. 48], *план тьыхи* «олёненок» [8. Вып. X. С. 263].

Н.И. Золотницкий впервые привел соответствия чув. *пулан*, *план* «олень»: тат. *булан*, алт. *пулан* «лось сохатый» [56. С. 53]. В древнетюркских памятниках зафиксировано *bulan* «лось (?)» [43. С. 121]. Оним *пӑлан* имеет соответствия в тюркских языках: кир., ног., койб. *булан/bulan*; алт., тув. *булан/bulan*; алт., алт. диал., хак., сойот. *пулан/pulan*; чув. *пӑлан/рӑлан*; уз. *булӑн/bulan*;

каз., тат., башк. *бўлан/būlan*; алт. диал. *пылан/pilan*. Слово употребляется в значениях: «лось», «сохатый» – каз., тат., баш., алт., алт. диал., хак., койб., сойот., тув., чув.; «самка лося» – тув.; «олень» – тув., чув.; «вид газели» – кир., ног.; «дикая лошадь» – уз. ист. [141. С. 260].

Этимология этого маммалионима вызывает споры. Так, В. Банг предполагает, что тюркская форма *bulan* могла возникнуть под влиянием *qulan*, но признаёт, что это не проясняет этимологию [210]. А.М. Щербак выделяет в слове *булан* китайские компоненты: кит. *p'au* «однорогий олень» и др.-кит. *lǐēn* «единорог» (*b'au-lǐēn* > **baulän* > *bolän*), ср. уйг. *kälän, kilän* «единорог» [200. С. 141–142]. Этимологическую связь с данными китайскими словами отмечает также А. Йоки [220. S. 108–109]. М. Рясенен при анализе тюркских форм задается вопросом о влиянии на них ср.-тюрк. формы *kulan* «дикие лошади, дикие ослы», проникшей и в монгольские языки: монг. *qulan*, калм. *хулн* «дикие лошади, дикие ослы» [237. S. 87b–88a, 298ab]. Р.Г. Ахметьянов также объясняет происхождение тат. *болан* «олень» этимологическим родством с общетюрк. *булаң, булан* «олень, лось», при этом отмечает возможную связь с китайской формой. Чаг. *буга* (*булан* < *бугу-лан*?) [4. С. 47].

В ЭСАЯ реконструирован алтайский прототип **mula* «олень»: тунг. **mul-* «олень; детёныш лося, маленький олень, стадо оленей»; монг. **maral* «горный олень»; тюрк. **bulan* «лось» [240. Р. 951]. Предположение о существовании единой праалтайской формы высказано также и в СИГТЯ [165. С. 154]. Г.Е. Корнилов, в свою очередь, приводит существующую в болгарском языкознании точку зрения о происхождении диалектного *балан* «светлосерый вол или белый буйвол» из **бъланъ* (в результате регрессивной ассимиляции гласных и отвердения б-) от корня *бѣл-* «белый» [75. С. 210]. Отсюда, вероятно, должен следовать вывод об этимологической близости тюркских и славянских форм.

Близкое название выявлено и в венгерском языке. Согласно З. Гомбоцу, др.-чув. **bölän* > венг. *böleńy* «бизон», «первобытный бык», «лось» [218. S. 55]. При этом Г.Е. Корнилов предполагает, что на венгерскую форму могли повлиять как тюркские, так и славянские аллоформы др.-рус. *йелень* «олень» [76. С. 118].

Рус. *була́ный* «светло-желтая масть лошадей», укр. *була́ний* – то же, польск. *bulany* считается заимствованием из сев.-тюрк. *bulan* – то же [179. Т. I. С. 238]. Н.К. Дмитриев, рассматривая параллели в тюркских языках, в том числе кирг. *булан* «вид газели», «буланный», башк. *болан* «олень», «лось» и одновременно «соответствующая масть», предполагает проникновение слова *буланный* в русский язык из тюркских языков [40. С. 530].

Таким образом, этимология чув. *пйлан*, имеющего соответствия в тюркских языках кыпчакской, карлукской, уйгурской, киргизско-кыпчакской групп, в сойотском языке

самодийской группы, не ясна. С одной стороны, есть предположение о существовании алтайского прототипа **mula* и заимствовании тюркскими (алтайскими) языками китайских форм. С другой стороны, гипотеза об этимологической близости тюркских форм с болг. диал. *балан* «светлосерый вол» или «белый буйвол», *бѣл-* «белый». На наш взгляд, вторая точка выглядит наиболее убедительно.

Для именования лося в чувашских говорах употребляется также сочетание *хир ёни* [112. С. 190] (букв. «дикая корова»). В «Словаре чувашского языка» зафиксировано *хир ёни* в значении «олень»: *Хир ёни, рога крупные и ветвистые, побольше, чем у коровы* [8. Вып. XVI. С. 124]. При этом название *хир ёни* отнесено Г.Е. Корниловым к неудачным, т.к. сочетание *хир вăкăри* переводится не «олень-бык», как следовало бы логически, а «дикий бык» [75. С. 210]. В татарских говорах и диалектах, к примеру, для именования лося также употребляются онимы с компонентом *сыйыр* «корова»: *урман сыйры* (букв. «лесная корова»; миш. д., кас.), *қырсыйыр* (букв. «степная корова»; перм., ичк.); *болан сийыры* (букв. «оленья голова»; трх.) [131. С. 55].

§ 2.6.3. Семейство полорогие

Ёне [əné] «корова», занимает важное место в жизни крестьянина: *Ёне – сур пурнăç тет* [319. Т. 5. С. 28] (перевод: Говорят, что корова – полжизни). *Ёне пур – ёмёт пур* [314. С. 65] (перевод: Есть корова – есть мечта). Корова является кормилицей чувашской семьи: *Ёне пулмасан пёчĕк ачасене пит кансёр килет теççĕ* [8. Вып. III. С. 154] (перевод: Говорят, если не будет коровы, маленьким детям будет очень тяжело). В чувашской традиционной культуре корова – часть приданого невесты: *Анне мана юратать, Хёрлĕ ёне парас тет* [319. Т. 4. С. 125] (перевод: Мама меня любит, хочет отдать рыжую корову). Следует отметить, что в трудные времена (военные годы), когда не хватало лошадей и быков, коров использовали в качестве тягловой силы: *Ёне ака туртать – кичем, Хёрарăм çавăтнă, утать* [324. С. 56] (перевод: Корова тянет плуг – тоска, Женщина идет и ведёт). Это домашнее животное носителями языка воспринимается как своеобразное зеркало, отражающее трудолюбие, заботу и ответственность хозяина: *Ёне аякĕ тислĕк çинче ыртса хытса кайнă пулсан хуçинчен кулаççĕ, ăна наян теççĕ* [293. С. 56] (перевод: Если бок коровы в затвердевшем навозе, над хозяином смеются, называют его лентяем). Это животное ассоциируется с жизненными испытаниями, житейской мудростью: *Санăн уру çине ёне пусайман-ха* [319. Т. 5. С. 102] (перевод: На твою ногу корова пока не наступала). В чувашском языке употребляется также фразеологизм *ёне хўри тыттар*, букв. «дать в руки коровий хвост», т.е. обмануть. По мнению Л.В. Борисовой, *ёне* в чувашской, как и

корова в русской традиционной культуре, характеризуется женской символикой [16. С. 364]. Так, к примеру, в волшебной сказке «Хура ёне» («Чёрная корова») корова выступает спасительницей маленьких детей-сирот, выполняет материнские функции, оберегает, защищает их даже после своей гибели, наступившей по вине детей [317. С. 36–38]. Е.А. Лебедева, в свою очередь, выделяет «женские» коды названия: «мать», «молодая женщина», а также «демиург», «испытания», «богатство, достаток» [91. С. 133–134]. Согласно чувашской мифологии, корова была создана Богом из глины и послана на землю для улучшения жизни людей (у них появилось молоко) [316. С. 146].

В старочувашском языке зафиксированы формы: *эня*, *иня* [166. С. 58], ср. чув. диал. *ине* «корова» [8. Вып. III. С. 122] (Карамышево, Буинск [101. С. 63]), встречается сочетание *ине хырăмĕ* «живот коровы» [8. Вып. III. С. 122]. В КЧРС отмечена форма *инэ* «корова» и приведены следующие лексические параллели: якут. *ынах*, алт. *инек*, конд. *нек*, мон. *унген* (*ун'ен*), венг. *űnő* [56. С. 13]. Это слово имеет соответствия в большинстве тюркских языков и во всех языках, кроме диалекта татарского языка, в котором зафиксировано значение «самка», употребляется в значении «корова»: турк., тур., гаг., ктат., кум., кбал., кир., сюг., алт., койб., сойот., тув. сальбин. гов. *инек/inek*; аз., уз. диал., уйг., лоб. *инэк/inäk*; уз. диал. *инэй/inäj*; хак. *їнек/їnek*; тат. диал., уз. диал. *їнэк/їnäk*; кбал., алт. *ийнек/ijnek*; бал. *ийнег/ijneg*; кар. г. *йинек/jinek*; сюг. *енек/enek*; як. *ынах/inax*; як. *анах/apax* [140. С. 358–359]. В «Опыте словаря тюркских наречий» приведены следующие формы: к.-кирг., кюэрик, тел., тоб., шор., тар., уйг., чаг., тур. *инäk* корова, шор. *нäk*, саг., койб. *нек* [124. Т. I. С. 1442–1443; Т. III. С. 670]. Таким образом, чувашское *ёне* имеет соответствия в восточных тюркских языках, в тюркских языках юго-западной группы, в отдельных тюркских языках северо-западной группы, другими словами, оним *инек* «объединяет восточные тюркские языки с юго-западными огузскими, что говорит о длительных связях в далеком прошлом этих двух групп языков, а также других алтайских языков (монгольского и маньчжурского)», эта связь могла происходить независимо от западных тюркских языков [107. С. 85]. М. Рясененом также отмечены параллели этого названия в алтайских языках: ср.-тюрк. *inäk* (наверное, *in-gäk*) «корова», уйг. *inäk*, чаг., осм. *inäk*, балк., карач. *inek*, шор. *näk*, як. *унах*, *анах* «корова», чув. *эне* (> венг. *űnő*) ~ монг. *ünijen* «корова», х. *ünē*, бур. *нĕн* (> маньч. *uñen*) [237. S. 172a]. М.Р. Федотов полагает, что соответствия в тунгусо-маньчжурских языках носят характер заимствований из якутского, монгольского языков [184. Т. I. С. 151]: эвенк. *инак* (< як.), нег. *инак* (< як.), нег. *инак* (< як.) «корова»; сол. *унигэ* ~ *унэгэ* (< монг.) «корова»; маньчж. *ун* «логовище (с соломой в хлеве для

свиней)», *ун'эн* «корова»; параллели в монгольских языках: п.-монг. *ünigen* ~ *ünijen* «корова»; монг. *унээ(н)* «корова» [167. Т. I. С. 315; Т. II. С. 274], бурят. *үнээ(н)* [107. С. 56].

В древнетюркском языке зафиксированы *inäk*, *iñäk* «корова» [43. С. 211]. В ЭСАЯ в качестве тюркских праформ приводятся аффиксальные образования **in-gek* (/in-gak), **in-ken* «корова, верблюдица» [240. Р. 619], согласно М. Рясенену, *inäk* < **in-gäk* [237. S. 172a].

Среди исследователей нет единого мнения о происхождении данного онима. Г. Вамбери объясняет это слово как *инек* «стонущая» [242. S. 49–50]. В.Г. Егоров считает это предположение малоубедительным и приводит для сравнения санскр. *dhenā* [49. С. 64], скр. *dhenā* «корова, дающая молоко» [113. С. 110]. А.М. Щербак отмечает, что *иңәк* имеет одинаковое происхождение с такими словами, как *инен* «верблюдица», *инчек* «самка собаки», *әнәк* «самка», для которых основой могло послужить *инә*, *әнә* «матушка» [200. С. 97]. В ЭСТЯ высказано предположение, что в основе *еник* и гомогенных с ним производных форм лежит глагольная основа **ени-* или **ен-* в значении «рожать» или «зачать», *инек* ~ *ингек*: **ин-* и афф. *-(е)к* или *-гек* [140. С. 359]. В СИГТЯ эта этимология считается досадным просмотром и допускается существование гласного в праформе *inⁱgäk* ~ *inigäk*, отмечается связь названия коровы в тюркских языках с *enä* «мать» [165. С. 436]. А. Кононов также указывает на близость этого онима в тюркских и монгольских языках со словом, означающим «мать»: *inek* (< *ingek*) и монг. *ünigen* ~ *üniyen* < *inä*, *änä*, *ana* «мать» + тюрк. афф. *-(g)ak/-(g)ek* [222. S. 87].

Происхождение чувашского названия, вероятнее всего, связано с древнетюркской формой: чув. *ёне/ине* < др.-тюрк. *iñäk* в результате выпадения конечного *-k* и перехода *η* > *н* [184. Т. I. С. 151–152]. В.Л. Котвич, в свою очередь, отвергает возможность данного заимствования и отмечает, что наиболее древней является краткая, т.е. двусложная чувашская форма, а тюркские и монгольские формы расширены за счет согласного [85. С. 44].

Следует отметить, что монгольская праформа удлинённая: **ünigēn*. Согласно Б.Я. Владимирцову, впоследствии в монгольском письменном языке произошла утрата конечного согласного: *ünige(n)* > *üniye* «корова» [24. С. 323].

Древнечувашское (булгарское) слово проникло в венгерский язык: венг. *ünő* < др.-чув. **inäu* [218. S. 136].

В кыпчакских языках наиболее общим названием является *сыйыр*: каз., ккалп., ног. *сыйыр*, тат. *сыер*, башк. *хыйыр*; к этой же группе примыкают узбекский, уйгурский и туркменский языки: узб. *сигир*, уйг. *сийир*, туркм. *сыгыр*, гагауз. *сыыр* [107. С. 83]. В отдельных тюркских языках для именованья коровы употребляется оним *уй*: алт., кирг. *уй*; алт. *уй дьыл* «год коровы», *уйлу* «имеющий корову» (Там же. С. 86). К.М. Мусаев отсутствие

единого названия коровы в тюркских языках и наличие ареальных названий отчасти объясняет ограниченным количеством коров в условиях кочевого скотоводства по сравнению с лошадьми и мелким рогатым скотом (Там же. С. 55), хотя «по древности приручения только немногие животные, такие как собака и овца, соперничают с крупным рогатым скотом» [177. С. 293].

Компонент *ёне* входит в состав устойчивых сочетаний *ёне ырри* «молозиво», *ёне ху́ри* «коровяк» (растение) [193. С. 101], *ёне нйрри* «личинка овода» (Там же. С. 254) и употребляется для образования отдельных видовых названий по полу: *ёне буйвол* «буйволица» (Там же. С. 61); *пйлан ёни* «олень (самка), в некотор. говорах – лосиха» [8. Вып. X. С. 105], *пйши ами (ёни)* «лосиха» [193. С. 284]. Со временем семантика онима *ёне* расширилась, это слово стало обозначать самок охотничьих животных (лося, оленя), а сочетание *ёне буйвол*, на наш взгляд, следует отнести к искусственно созданному термину. В диалектах и говорах татарского языка, к примеру, для именования лосихи, оленихи употребляются близкие формы: забол. *инах* «ана поши яки болан (лосиха, олениха)» [170. С. 211], туб.-ирт.д. *энэк* «ана поши (лосиха)» (Там же. С. 805).

В говоре чувашского языка на территории Балабаш-Нурусово Батыревского р-на Чувашии зафиксировано *мушкaл* «корова». *Ялта пурё тйватй пысйк мушкaл кётёвё* [150. С. 70] (перевод: В деревне всего четыре больших стада коров). Это слово, вероятно, носит подражательный характер, как и название коровы в детской речи, в которой употребляются производные от подражательных и звательных слов: *мук* «корова» (детск. сл.), *мук-мук* «корова (детск. сл.)», *мукка* «корова (детск. сл.)», *мукки* «корова (детск. сл.)» – *мук* «подр. мычанию коровы», *му* (с протяжным «у») «подр. мычанию коровы», *му-му-мй* «подр. мычанию» [8. Вып. VIII. С. 256–258]; *тпрукка* «корова (детск. сл.)», *тпрусси* «корова (детск. сл.)» – *тпрука* «так гонят корову», *тпрукань* «так манят корову», *тпрукань* «зовут коров», *тпруньа* «так манят корову», *тпруньня* «так манят корову», *тпрусса* «так манят телят», *тпру-тпру* «так манят телят», *тпручй* «так гонят теленка» [8. Вып. XV. С. 109–115]; *панески* «корова (детск. сл.)» – *панес* «так манят корову» [8. Вып. IX. С. 91].

Таким образом, чувашское название *ёне* «корова» сближает восточные тюркские языки с юго-западными огузскими языками, а также с монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками алтайской группы. В языкознании нет единого мнения о происхождении производящей основы данного зоонима, при этом большинство исследователей сближает этот оним с общетюркским словом **инэ ~ *ене* «мать». В детской речи для именования коровы употребляются подражательные слова *мук*, *мук-мук*, *мукка*, *мукки*, *тпрукка*, *тпрусси*, *панески*. В чувашском диалектном языке известно название *мушкaл*.

Вăкăр/мăкăр [văGâr/măGâr] «бык, вол», символизирует физическую силу, крепкое здоровье: *Нимĕссем вĕлермерĕс мана, ку сын вăкăр нек ёсleme пултарать тесе шутларĕс пулмалла* [295. С. 14] (перевод: Немцы не убили меня, вероятно, подумали, что этот человек может работать как вол (бык)). Порой название животного ассоциируется с агрессией. Так, в языке встречаются сочетания *вăкăр сасси* «громкий голос, выражающий недовольство», *вăкăрла пăх* «смотреть холодно, угрюмо; нахмуриться», *вăкăр нек мĕкĕрсе яр* «зареветь, как бык». В отдельных случаях *вăкăр* символизирует житейский опыт и жизненную мудрость: *Вăкăр ура сине пусмасăр тăн кĕмест пире* [самрăксене] [261. С. 25] (перевод: Пока бык на ногу не наступит, мы [молодежь] не поумнеем). *Вăкăр та вăйне кура мĕкĕрет* [314. С. 65] (перевод: И бык мычит соответственно своей силе). По мнению Л.В. Борисовой, *вăкăр* «бык» в чувашской традиционной культуре характеризуется мужской символикой [16. С. 364], при этом в чувашской языковой картине мира ассоциируется с ленью и наглостью, в русской – с выносливостью, трудолюбием (Там же. С. 458). Образ быка занимает важное место в мифологическом мировоззрении чувашского народа. Так, Е.А. Лебедева выделяет следующие этнолингвистические значения этого названия: «опора мира, духовность, сила», «освоение новых земель, лидерство, вождь», «солнце-демиург, время от масленицы до Пасхи в годовом цикле и до завтрака – в суточном», «жертва», «гроза, свирепость» [91. С. 139]. Древние чувашки верили, что земля держится на роге быка, когда бык устает держать землю на одном роге, он перекидывает ее на другой, поэтому и возникают землетрясения [316. С. 36]. Согласно другим представлениям, на огромной рыбе, плавающей в мировом океане, стоит двенадцатирогий огромный бык, держащий на своих рогах Землю. В мифах также описывается, что Земля покоится на рогах семи быков [104. С. 109]. Бык предстает как носитель земли также и у киргизов, крымских татар, казанских татар, вотяков, среди прочего, возможно, из предшествующих представлений Ирана. По мнению некоторых тюркских народов, большой бык своим дыханием вызывает ветер [219. С. 221]. Среди монгольских народов существует идея, что бык, находящийся в озере, начинает реветь перед важным событием (Там же. С. 404).

В говорах чувашского языка на территории Сюрлатри, Моргауши, Хорной, Шептаки, Тораево, Кадикасы, Ст. Атаи, Таутово, Штанаши, Хирлукасы, Пизеры, Аликово зафиксирован фоновариант *мăкăр* [101. С. 56], в Сундыре Моргаушского р-на употребляется сочетание *вала мăкăр* «пестрый бык» [150. С. 15]. Бычка иногда именуют *пĕчĕк вăкăр* [112. С. 43]. В КЧРС зафиксирована форма *вугур* «вол, бык» и приведены соответствия: тур. *öğür*, тат. *өгез*, кир. *ögüs*, якут. *огус*, – нем. *ochs*, алт. *пуга, пука* бык племенной, тур., тат. *буга*, венг. *víka* [56. С. 28]. Г.Е. Корнилов предполагает отымитативное происхождение названия и отмечает, что в исходе

вӑкӑр/мӑкӑр «бык» могут быть понятия «специалист по вытью/шуму/шороху» и «творящий переполох/наводящий страх», *вӑ-/мӑ-* «имитация мычания, му-у, мы-ы-, бу-у, бы-ы» [77. С. 143], отсюда следует, что существование диалектных вариантов этого онима, скорее всего, можно объяснить различием звуков, лежащих в основе именования.

К соответствиям в тюркских языках следует отнести следующие формы: турк., тур., аз., уйг. *өкүз/öküz*; тур. диал., ктат. *окуз/oküz*; гаг. *йөкүз/jöküz*, уйг. *хөкүз/höküz*; уз. диал. *өкӱз/öküz*; уз. *хөкүз/höküz*; сюг. *күс/kus*; *күс/qus*; кар. к., кум., кбал., бал., кир. *өгүз/ögüz*; кар. т. *өг'үз'/ög'üz'*; тур. диал. *ögüz*; ктат. *огуз/ogüz*; лоб. *өгүс/ögüs*; ног., ккал. *өгүз/ögiz*; каз., уз. диал. *өгӱз/ogüz*; тат. *угӱз/ugüz*, баш. *угӱз/ugıđ*; кар. г. *егүз/egiz*; кум. диал. *огуз/oguz*; як. *өгүс/оyus*; тур. *оуз/ouuz*; чув. *вӑкӑр/văGăr*; «бык» – во всех источниках, кроме гаг., кар. т., каз., уз., уйг.; «вол» – турк., тур., аз., гаг., кум., кбал., кир., каз., ног., ккал., уз., уйг., сюг., як., «холощёный бык» – турк. диал., уйг.; «холощёный бычок» – тур. (*оуз*); «деревянное изображение быка, которое отдается шаманом враждебному духу взамен мучимого им больного» – як. (у долган); «рогатая скотина мужского пола» – як.; «рогатый скот» – кар. т.; «грубый, неотёсанный, тупой человек» – тур., аз., уз.; «перен. плохо соображающий человек» – ног.; «корова» – сюг.; «житель степей» – тур.; «хороший и правдивый человек», «человек с чистым сердцем» – тур. [140. С. 522]. В древнетюркских памятниках зафиксировано *ögüz (öküz)* «бык» [43. С. 382–383]. Таким образом, выявлены соответствия чув. *вӑкӑр* в преобладающем большинстве тюркских языков северо-западной, юго-восточной, юго-западной групп, а также в отдельных языках центрально-восточной, северо-восточной групп. Особенностью чувашского языка – тюркского языка болгарской группы является употребление ротацированной формы этого слова, т.е. общетюркскому конечному [z] в чувашском языке соответствует [r]. А.М. Щербак отмечает, что чувашская форма отражает разделение древних тюркских языков на диалектные группы, группу *P* и группу *З*, в качестве доказательства приводит монг. *йүхер* – результат взаимодействия общемонгольского языка с группой *P* [200. С. 98]. Действительно, в современных монгольских языках употребляются формы с конечным *r*–: монг. *йүхер* «крупный рогатый скот»; *йүхер жил* «год быка» (второй год животного цикла); калм. *йүкр*, бур.-монг., н. уд. *йүхэр* «корова» [49. С. 48], которые, вероятно, являются результатом взаимодействия монгольского языка с отдельными тюркскими языками, при этом праформа монгольского названия имеет вид **hüker* «бык» [240. Р. 1169]. Дж. Клоусон, в свою очередь, источником раннего проникновения в монгольские языки формы *hüker/üker* «бык», употребляющейся сейчас обычно в значении «кастрированный бык, вол», считает тохарский язык (*okso*) [214. Р. 120], тохарские языки (тохарский А,

тохарский Б) – мёртвые языки индоевропейской группы. Г. Дёрфер считает это предположение маловероятным, рассматривает *өкүз* как собственно тюркское слово [215. Band I. S. 539].

М. Рясенен рассматривает схожесть этого онима в алтайских языках как результат взаимосвязи между данными языками: **(h)öküz* (<*(h)ökür*) «бык», общетюрк. *öküz* «бык, вол», як. *oγus* (> тунг. *ogus*), чув. *vəGər*, *məGər* (> венг. *ökör*) ~ монг. *üker*, ср.-монг. *hüker*, монгол. *fuguor* «бык» (> тунг. *hukur* «корова») [237. S. 370b]. В ЭСАЯ предполагается возможность заимствований монг. < тюрк., тунг.-маньчж. < монг., но в то же время отмечается, что этому противоречат данные фонологии [240. Р. 1169].

Большинство лингвистов форму *өкүз* относит к древнейшему заимствованию из индоевропейских языков. Х. Педерсен, к примеру, отмечает, что «тюрк. *öküz* «бык» – безусловно, заимствование из какого-то индоевропейского языка». Исследователь реконструирует праязыковую форму **uqsō* (корень **uqsen-*) [230].

В языкознании получило широкое распространение предположение о подражательном происхождении чувашского онима. Так, Н.И. Золотницкий в КЧРС впервые отметил близость формы *мугур* с *мўғурь* «реветь», «мычать» (тат. *мўгра*, алт. *мөөрө*, л. чер. *мўгрэм*) [56. С. 44]. В.Г. Егоров предполагает, что *вәкәр*, диал. *мәкәр* «бык», «вол», возможно, носят звукоподражательный характер, и приводит для сравнения тур. *огүр*, башк., тат. *үкер*, казах., ног. *өкир*, кумык. *өкүр*, уйг. *höküри*, *бокүри* «реветь» [49. С. 48], ср. чув. *мёкёр*- [mõGõr] то же.

Особенностью чувашского названия быка также является то, что в языке зафиксирована форма с протетическим *v*, *v*-протеза наблюдалась в среднебулгарском языке, этот фонетический признак характерен и для современного чувашского языка. Таким образом, процесс фонетического видоизменения слова от древнечувашской **ökür* (пратюркской формы) до формы современного чувашского языка *võkõr* можно представить следующим образом: **okur* > **wokur* > *võkõr* «бык».

К слову, в СИГТЯ отмечается пересечение тюркских праформ **biqa* «название самцов крупного рогатого скота», **biyi* «лось, изюбр, олень», **biya/buyur* «верблюд» на уровне системы значений, а также фонетических форм, отсюда реконструируется единый корень ономатопоэтического характера **biy* – подражание реву лося, изюбра в период гона [165. С. 437]. В монгольских языках для именованья быка также употребляется оним *biqa* (халх., калм. *бух*, бур. *буха* «бык-производитель»), проникший из древнетюркского языка: др.-тюрк. *biqa* «бык-производитель»; это слово заимствовано также тунгусо-маньчжурскими языками: эвк. *бука* «олень-производитель», «буйвол» [136. С. 115].

Обращает на себя внимание близость в фонетическом отношении др.-тюрк. *buqa*, отсюда и монг. *buqa*, с рус. *бык*, а также славянскими формами: укр. *бик*, болг. *бик*, русск.-цслав. *быкъ*, сербохорв. *būk*, словен. *bīk*, чеш. *býk*, польск., в.-луж., н.-луж. *byk* [179. Т. I. С. 258]. О.Н. Трубачев отмечает подражательный характер этого онима: «слав. *быкъ* близко *būkas* «выпь», но вместе с тем оно тесно связано с глаголами настолько отчетливого звукоподражательного характера, что само представляется первоначальным звукоподражанием. Такое обозначение быка, самца-производителя (по мычанию) – в порядке вещей (ср. хорв. *bukati* «мычать», чеш. *býkati*, *búkati*, словен. *búkati*, а также лтш. *bucēt* «звучать, греметь», лит. *bukti* «мычать»)» [177. С. 322–323]. «Близкие формы в других языковых семьях скорее всего связаны со слав. **byкъ* отношениями элементарного родства (аналогичные звукоподражания), а не какой-либо другой связью (генетическое родство, заимствование)» [204. Вып. III. С. 148]. Отсюда следует сопоставление слав. *byk* и тюрк. *buka*, *buga* как слов с аналогичным происхождением [177. С. 323].

Следует также отметить, что Г. Вамбери в форме *окуз* выделяет такой же корень (с потерей начального *б-*), что и в форме *буга* [242. S. 208].

На основе гипотезы о подражательном происхождении названия быка в тюркских, а также славянских языках, предположение о звукоподражательном происхождении зоонима *вйкър/мйкър* выглядит наиболее убедительно.

В «Словаре чувашского языка» зафиксирован оним *ўкёс* «бык», вероятно от тат. *’ўгиз* «бык». Отсюда *Ўкёс-пўлек* по тат. *Ўгиз-куак* «назв. урочища». *Унта тутарсем пёр-пёринне вйкър вйрласа пуснй, савйнна вйрмана йат панй* [8. Вып. IV. С. 11] (перевод: Там татары друг у друга воровали и закалывали быков, поэтому дали название лесу).

Таким образом, чуваш. *вйкър* «бык» имеет соответствия в тюркских языках западной, восточной, южной групп, а также в якутском языке. В чувашском языке – языке булгарской группы – зафиксирована ротацированная форма этого маммалионима с протетическим *v-*. В языкознании вопрос о происхождении общетюркского названия *окуз* не получил окончательного решения, при этом чув. *вйкър/мйкър*, вероятнее всего, имеет подражательное происхождение.

Теленка по первому году называют *пйру*, при этом онимы *вйкър* «бык», *тына* «телка» указывают на пол новорожденного телёнка (*тына пйру* «тёлка», *мйкър пйру* «бычок» [8. Вып. X. С. 133]). *Пйлан пйруиё* «олёнёнок, лосёнок» (Там же. С. 105).

Пйру [pɛɾu] «телёнок». Название *пйру* ассоциируется, прежде всего, с умением приспосабливаться, лстивостью, гибкостью: *Ййпйлти пйру ик ёнене ёмет* [319. Т. 5. С. 28]

(перевод: Ласковый теленок двух маток сосёт). Или с хитростью: *Чее пӑру ук ёнене ёмет теççё* (Там же. С. 35) (перевод: Говорят, что хитрый телёнок двух маток сосёт). Этот оним символизирует также наследственность, преемственность: *Епле пысӑк у́тлӗ ёнерен пысӑк пӑру пулать, çапла шултӑра пӗрчӗрен шултӑра пӗрчех пулать* [314. С. 195] (перевод: Как от большой коровы получается большой телёнок, так из большого зёрнышка получается большое же зёрнышко). А также молодость и отсутствие жизненного опыта: *Пӑруран ёне ту, хӗртен арӑм ту* (Там же. С. 67) (перевод: Из телёнка сделай корову, из девушки – жену). В чувашском языке в качестве ругательств употребляются сочетания *çуламан пӑру* «недотёпа» (букв. «необлизанный телёнок»), *чунсӑр пӑру*, букв. «бездушный телёнок», *ураланайман пӑру* «сосунок» (букв. «телёнок, который не может встать на ноги»), *чӗчӗ пӑрушӗ* «сосунок» (букв. «грудной телёнок»). В легендах *пӑру*, как и *йытӑ* (*шурри*, *ылтӑн тӗсли*), *путек*, *кушак*, *хур*, *автан*, *качака*, *ёне* (*хӗрли*), *вӑкӑр*, *лаша* (*сӑрӑ*, *кӑвак*), *ӑйӑр*, *вӗçен кайӑк* символизирует богатство, в связи с тем, что древние чуваша верили, что деньги являются в образе того животного, в шкуру или шерсть которого они завернуты [104. С. 251].

В памятниках письменности XVIII в. зафиксированы формы *пуру*, *пру* «телёнок крупного рогатого скота» [76. С. 113], в КЧРС проводится параллель между чув. *пру* и тат. *бзау*, *бызау*, кир. *бузау*, алт. *пуза*, конд. *пыза*, чер. *презэ*, *прула* ягниться, телиться – тат. *бзаула*, кир. *бузаула*, алт. *позула* [56. С. 52]. *Пӑру* имеет соответствия в большинстве тюркских языков: тур. *бузагы*, Замахш., казах., к. калп. *бузау*, ног., кумык. *бузав* «телёнок», азерб. *бузов* «телёнок до шести месяцев», узб. *бузок*, башк. *бызау*, тат. *бозау*, кирг. *музоо*, уйг. *мозай*, алт. И *позу*, *пыза*, *пуза*, хак. *пызо*, тув. *бызаа*, якут. *боруоску*, *торбос* «телёнок» [49. С. 149].

Происхождение *бузагу* в тюркских языках связывают с корнем *буз* ~ *бур* «тёмный», «серый», др.-тюрк. *буз*, монг. письм. *bora*, *boru*, *бузагу* должно рассматриваться как слово, обозначавшее молодняк коровы в том возрасте, когда происходит линька и потемнение шерсти, ср. якут. *боруоску* «телёнок с потемневшей шерстью», «телёнок после четырех-пяти месяцев» [200. С. 100]. Общетюрк. *бузагу*, а также др.-тюрк. *buzay*, *buzayı*, чув. *пӑру* «телёнок», кирг. *музоо* «телёнок-сосун», «телёнок оленя» имеют соответствия в монгольских языках: монг. *biraγu* (монг. *бираху*, халх. *бяруу*, бур. *буруу*, калм. *бүрү* «годовалый телёнок» или «двухлетний телёнок-сосун»), но при этом из-за вокализма первого слога попытки сблизить монг. *biraγu* с тюрк. *boz* и монг. *bora* «серый», «тёмный» не являются удачными [136. С. 90]. А.М. Щербак, в свою очередь, предполагает заимствование монгольским языком древнечувашской формы: монг. письм. *biraγu* «телёнок в возрасте двух лет» < др.-чув. **бурагу* [200. С. 100].

В чувашском языке зафиксирован *p*-вариант этого общетюркского онима, поэтому чув. *пӑру* рассматривают в одной группе с вост.-тюрк. *burgu*, также следует отметить, что с «тюрк. основой в ее *p*-овой форме совпадает монг. *birayu(n)* / *бярүү* «теленок на втором году» и более близкое к чув. халхасское *birū* (*бӑрӯ*) в том же значении» [141. С. 242].

Г. Рамстедт под знаком вопроса проводит параллель между калм. *bürü* «теленок на втором году жизни», тюрк. *buzayu* и шум. *bir* «скот» [233. S. 69a]. Э.В. Севортян отмечает правомерность сближения *бузагу* ~ *бозагу* с тур. диал. *buza-* «рожать», а образование чув. *пӑру* связывает с *p*-формой глагола *буза-/боза-* [141. С. 242]. В СИГТЯ развивается идея В. Банга о происхождении *бузагу/бозагу* от подражательного глагола **buza-* «реветь», «кричать» [213] и отмечается, что «к мотивированности «рёвом» имеет отношение способ содержания стада у скотоводов Центральной Азии: дойные коровы отпускаются на пастьбу, но они сами возвращаются к удерживаемым в загонах телятам, которые непрерывно режут, требуя подпустить их к матерям». Глагольная основа **buza-*, лежащая в основе мотивации, сохранилась в башк. *budla-* «долго плакать в голос» [165. С. 439], подобную семантическую близость, отмеченную в башкирском языке, можно наблюдать и в чувашском языке: чув. *мӗкӗр* «реветь, издавать рев», и *макӑр* «плакать, реветь; мычать, блеять, мяукать, скулить» – общетюркские слова звукоподражательного происхождения, при этом понятие «рёв скота вообще» позднего происхождения и в тюркских языках отсутствует противопоставление понятий «реветь» и «мычать», чув. *мӗ-*: *мӗ-к-ӗр-*, узбек. *бу-*: *бу-к-ир-*, турец. *бӧ-*: *бӧ-г-ур-*, казах. *мӧ-*: *мӧ-н-ир-е-* и т.п., которые могут одновременно употребляться в значениях «мычать, реветь» и «рычать» [77. С. 101].

М. Рясенен праформу **buzayu* возводит к **buʾayu* [237. S. 74b], отсюда следует сделать вывод, что в чувашском языке сохранилась более древняя болгарская *p*-форма. О происхождении общетюркских форм *бузау*, *бузагу* от древней общетюркской формы **burʒagu* «теленок» заявляет также Р.Г. Ахметьянов: «тат. *бозау* «теленок», чув. *пӑру*, монг. *буруу*, др.-монг. *бурагу*, *бипрагу* «теленок», венг. *buru*, *borju* «теленок» – из древнетюркского языка. Взаимосвязь происхождения и корня не ясна» [4. С. 47].

З. Гомбоц рассматривает чув. *пӑру* в ряду венгерско-болгарских параллелей: венг. *borju*, осм. *buzayu*, каз.-тат. *bəzau*, чув. *pəru*, монг. халха *bīrū* и отмечает проникновение в венгерский язык болгарской (древнечувашской) формы **burayu* [218. S. 51, 178]. Н.И. Егоров определяет чув. *пӑру* как венгерский тюркизм болгаро-чувашского типа: *borjú* ← огуз. **burawī*, чув. *păru*, *părăv*, п.-монг. *birayu* ~ тюрк. *buzayu* «теленок» [51. С. 700]. Г.Е. Корнилов сближает венг. *борйуу*, монгольское *бипраху*, чувашское *пӑру* наличием сонорного *-p-* в позиции между

гласными, другие тюркские параллели в этом положении обнаруживают согласный -з-: *бузагу*, *бозав* и т.д. [77. С. 113].

В.Г. Егоров отмечает фонетический переход *пӑру* < *пӑрӑв*, при этом основа *пӑрӑв* проявляется в род. и дат.-вин. падежах [49. С. 149], в дат. п. в Юмашево Чекмагушевского р-на Башкирии это слово склоняется как *пӑруа* [150. С. 78], фоновариант *пӑрӑв* «теленка» зафиксирован на территории Шоркистры Урмарского р-на ЧАССР [101. С. 96]. Из чувашского языка это слово было заимствовано соседним марийским языком: мар. *презе* «теленка» < чув. *пӑру-шӗ*, в устной речи верховых чувашей звучит как *прошӗ* > мар. *презе* [184. Т. I. С. 403], в марийских говорах Татарстана и Удмуртии встречаются фоноварианты: *презе*, кукм. *през'е*, менз. *при'ж'е* «теленка, лосёнок» [23. С. 457].

Следует также отметить, что в чувашском говоре на территории М. Карачкино Ядринского р-на для именования телёнка употребляется оним *ишенӗк* [151. С. 20]. В марийском языке зафиксировано *ишаньык* «полутороговая телка». Это слово, вероятнее всего, проникло в чувашский язык из соседнего марийского языка, однако, по мнению М.Н. Кузнецовой, является тюркизмом по происхождению [90. С. 128].

Таким образом, чув. *пӑру* имеет соответствия в большинстве тюркских языков, при этом в чувашском языке, как и в монгольских языках, зафиксирована ротацированная форма этого слова, то есть оним *пӑру* проявляет фонетические особенности чувашского языка – тюркского языка болгарской группы. Среди исследователей нет единой точки зрения о происхождении этого названия. Наиболее убедительным, на наш взгляд, является предположение о происхождении общетюркского онима от глагола **buza-* «реветь», «кричать».

Тына [tĩná] «телка». Зафиксирован также диалектный фоновариант *тӑна* «телка» [7. С. XI], *тӑна* «то же, что тына» [8. Вып. XIV. С. 275].

Тына пӑру «телка» [112. С. 556], *тына-пӑру* «телушка (теленка женского п.)», *тынашка* «то же, что тына телка», *тынашка* «телка, перезимовавшая зиму», *тынашки* (первонач. «и» – суфф. 3-го л.) «телка» [8. Вып. XIII. С. 317–318]. Трехлетнюю телку именуют *чопас тына* (букв. «телка, готовая к огулу») (*виç çолта*, о телке) [8. Вып. XV. С. 243].

Название *тына* в сознании носителей чувашского языка ассоциируется с лёгкой, беззаботной жизнью: *Сисместӗн эсӗ* [хӗр], *вӑйӑри тынашкӑ* [256. С. 30] (перевод: Девушке: и не замечаешь ты, играющий (резвящийся) теленок). *Тына*, *тына пӑру* – это иносказательное наименование невесты во время сватовства и свадьбы: *Матви вӑй питти каччӑ пулса çитсен, евчӗ карчӑксем ӑна «тына пӑру» тупса парас тесе анӑрата пуçларӗç* [251. С. 115] (перевод: Как только Матвей начал превращаться в крепкого юношу, свахи начали ему надоедать с

предложением найти невесту (букв. «тёлушку»)). В чувашской традиционной культуре *тына* символизирует также надежду на будущее (ведь появившаяся в хозяйстве телка может улучшить материальное положение семьи: из неё можно вырастить корову или продать): *Манькка пӑруласса епле хумханса кӑтетчӗ Лисук: тына пулсан, савӑннипе ним тума пӗлместчӗ* [299. С. 35] (перевод: С каким волнением Лиза ждала, когда оттелится Манька, если была телка, от радости не знала куда себя деть). Как и русское название телёнок («телёнок – телёнком»), чувашское *тынашка* ассоциируется с глуповатым человеком: *Ан, намӑслан, тынашка! Пурӑн паянхи кунпа ҫеҫ, ыранхи ҫине сур!* [255. С. 9] (перевод: Не позорься, глупышка (букв. теленок)! Живи лишь сегодняшним днем, наплюй на завтрашний!)

Н.И. Золотницким в качестве соответствий чув. *тына́* «тёлка» приведены тур. *дана*, тат. *тана* [56. С. 87]. *Тына* является общетюркским словом: тат., кирг., узб. *тана* «тёлка по второму году»; башк. *тана ўгез* «бычок одного или двух годов»; азерб. *дана* «телёнок от шести месяцев до года»; тур. *дана*, туркм. *тана* «телёнок»; тув. *дӱнен* «молодая корова» [49. С. 268]. Как видно из приведенных примеров, этот оним в тюркских языках используется для именования телёнка, и в отдельных тюркских языках, также как и в чувашском, называет особь женского пола. Следует обратить внимание на небольшое несоответствие: В.Г. Егоров в качестве параллелей приводит тув. *дӱнен* «молодая корова», при этом К.А. Новиковой [113. С. 116], Э.В. Севортьяном [142. С. 278–279], М. Рясененом [237. S. 140a] это тувинское слово рассматривается в качестве параллели общетюркского *донен*, являющегося заимствованием из монгольского языка: < мо. *dönen*; общетюрк. *донен* имеет соответствия в большинстве тюркских языков и употребляется для именования самки или самца животного в возрасте трёх-четырёх лет [142. С. 278].

А.М. Щербак при объяснении происхождения тюркского онима *тана* основывается на предположении Д. Немета [227. S. 91] о близости с др.-инд. *dhenā* «дающая молоко корова» [200. С. 101]. Эту этимологию приводит также В.Г. Егоров [49. С. 268].

М. Рясенен под знаком вопроса связывает происхождение этого слова в тюркских языках с древнеиранским языком – авест. *daenu-* «корова» [237. S. 460b], это слово ранее рассмотрено Б. Мункачи [225]. Н.И. Егоров также предполагает проникновение этого слова в тюркские языки из иранского языка: чув. *tīna* ~ тюрк. *tāna* (← иран., ср. др.-инд. *dhaenā*) «телёнок» [51. С. 700]. М.Р. Федотов также отмечает, что это слово считается древнеиранским заимствованием, в качестве параллели рассматривает монг. *чиноо* (<**чинаа*) теленок [184. Т. II. С. 267]. Б.Я. Владимирцов восстанавливает происхождение монг.-письм. *ċinua* < **tīñiua* ~ *tīñāua* [24. С. 302]. Таким образом, обращает на себя внимание близость фонетического

оформления тюркских и монгольских форм. Следует отметить тесную связь предков чувашей с ираноязычными племенами: «прототюрки имели самые прямые и тесные контакты с западными восточноиранскими племенами, начиная, по крайней мере, с карасукской эпохи» [190. Т. 1. С. 33].

Булгарская форма была заимствована финно-угорскими языками: венг. *tinó* «молодой бык от 2 до 3 лет» < древнечув. **tyṇaγ* [218. S. 130], мар. *tuna* «тёлка» < чув. *tīna* «(двухлетка) тёлка» [236. S. 226].

Таким образом, чув. *тына* «тёлка» имеет общетюркский характер, происхождение тюрк. *тана* связано с заимствованием из древнего индоиранского языка, что объясняется историческими связями этих языков. Из чувашского языка этот оним проник в черемисский (марийский язык).

В чувашских говорах и диалектах существуют специальные названия для детёнышей животных, находящихся на определённой стадии развития (иногда даже кратковременной). Большинство этих маммалионимов носит собственно чувашский характер. Так, для именования жеребёнка, телёнка, ягнёнка, сосущих матку, употребляются слова *амайш-ай* «сосун (о жеребятках и телятах)», *амайш-айёнчи* «то же, что амайш-ай», *амайш-айё*, *амшай* (*амжай*), имеющие буквальный перевод «находящийся под маткой», также встречаются и сочетания с данными онимами: *амайш-ай пайру* «телёнок-сосун», *амайш-ай тиха* «жеребёнок-сосун», *амшай тиха*, *амшай тыха*, *амшай пайру*, *амайш айёнчи пайру* «телёнок по первому году», *амайш айёнчи тыха* «жеребёнок до первой осени», *амайш айёнчи пукет* «ягнёнок по первому году» [8. Вып. I. С. 201, 205]. Жеребёнка, еще сосущего матку, также называют *ёмекен тиха*, *чёчэ тыхи*, *сумен тыха* [8. Вып. XV. С. 119]. *Чёчэ пайравё*, *сёт пайрушэ* «телёнок-сосун, телёнок по первому году». В татарских говорах, к примеру, для именования телёнка-сосуна употребляется заимствование из рус. *сосун*: *сосан*, *сосон* [рус. *сосун*]: *сосон ит* перм. (телятина, мясо телёнка-сосунка), *сосым*: *сосун* мам., *сосын* мам. [170. С. 577–578].

На третий год теленок переходит в разряд коровы, называется *ёне*: *Пайру ик сул тултарсан ёне пулат* [283. Л. 157] (перевод: По достижению двухлетнего возраста теленок становится коровой). Молодую, еще ни разу не телившуюся корову или телёнка, достигшего возраста коровы, именуют *пайруламан шамрак ёне*; *ёне сулан тына* [112. С. 556], *ёне сулне кайна пайру* «телёнок по третьему году» [8. Вып. IV. С. 117].

Для именования тёлки, готовой к огулу, употребляются сочетания *чупмалли пайру*, *чопас тына* (букв. «тёлка, готовая к огулу») (*виç çолта*, о тёлке) [8. Вып. XV. С. 243]; *кусмалли пайру*, *йертмелли пайру* (для огула) [8. Вып. X. С. 133].

Пушмак [puřmák] «двухгодовалый телёнок», «двухгодовалая тёлка». *Пушмак ёне* «двухгодовалая тёлка», *пушмак пӑру* «двухгодовалый телёнок», *пушмак тына* «тёлка по второму году», *пушмак вӑкӑр* «двухгодовалый бычок». *Пушмак тынанӑн ҫилхи ҫук, йунах тиханӑн мӑйраки ҫук* (Там же. С. 69) (перевод: У двухгодовалой тёлки нет гривы, у жеребёнка-стригуна нет рогов). *Ёне пушмакӑ пӑруламарӑ-им?* (Там же. С. 68) (перевод: Двухгодовалая тёлка разве не оттелилась?). В сознании носителей языка название *пушмак пӑру*, как и оним *пӑру*, прежде всего, ассоциируется с большим животным: *Каишкӑрсем кунта пушмак пӑру пек шултӑра, ӑмрине пырса ҫапсан, лаиана ывӑтса ярӑ* [307. С. 83] (перевод: Волки здесь большие, как двухгодовалый телёнок, если ударит в грудь, опрокинет лошадь). В чувашском говоре зафиксирован также фоновариант *пошмак (пӑру)* [8. Вып. X. С. 133].

Слово *башмак* для именования телёнка употребляется во многих тюркских языках, однако это название не связано с конкретной возрастной категорией: казах. *баспак* «телёнок более пяти месяцев», *арда баспак* «годовалый телёнок», ног. *баспак*, *басвак* «тёлка до двух лет», к.-калп. *баспак*, *басвак* «годовалый телёнок» [200. С. 101]. К примеру, в татарском языке слово *башмак* обозначает «одногодовалого и двухгодовалого телёнка» (менз., бирск., стрл. говоры); а также «телёнка по второму году» (все остальные говоры), также встречаются сочетания *үгез башмақ* «телёнок-бык», *тана башмақ* «телёнок-самка» [131. С. 26], *башмак тана* «тёлка двухгодовалая; нетель» [184. Т. I. С. 459]. В башкирском языке *башмаком* называют телёнка в возрасте от полугода до года (*үгез башмак* «тёлка-самец или бычок»; *оргасы башмак* «тёлка-самка») [186. С. 58].

Среди исследователей нет единой точки зрения о происхождении этого онима, в указанном значении имеющего параллели лишь в современных кыпчакских языках (языки кыпчакско-булгарской, кыпчакско-ногайской подгрупп) и в чувашском языке булгарской группы. Вероятно, этот факт объясняется историей языка: «в XIII–XIV вв. в Волжскую Булгарию проник кыпчакский язык и «проглотил» болгарский. В результате возник язык поволжских татар» [134. С. 221]. М. Рясенен, к примеру, в качестве гомогенных рассматривает чаг. *bařmak* «годовалый телёнок», казах. *baspak*, чув. *puřmak* «двухгодовалая тёлка» [237. S. 65a]. Р.Г. Ахметьянов связывает происхождение тат. *башмак* «тёлка» с др.-кыпч. *башмак*, обозначавшим двухлетнюю скотину, главным образом, телёнка [4. С. 38]. При этом в чувашском языке произошло оглушение начального согласного: *б* > *п*, а тюрк. *а* соответствует чуваш. *у*.

Общетюркское название *башмақ* в различных фонетических вариантах употребляется в значениях «башмак» (турк., тур., аз., кум., кбалк., ног., тат., тат. диал., баш., алт., чув.), «обувь»

(тур. диал.), «валенки» (чув. диал.), «ступня» (казан.) [141. С. 93–94]. Так, Г. Рамстедт прослеживает связь этого тюркского слова с корейским словом: кор. *palmak* «вид кожаной обуви, которую носят джентри» (мелкопоместные дворяне), производное от *pal* «нога» > тюрк. **pal'mak* > тюрк. *bařmaq* «обувь» (> русск.) [234. S. 186]. А.А. Зайончковский отмечает этимологическую связь *bařmaq* с глаголом *ba-* «связывать» [55. С. 31]. Идея о происхождении слова *баишмак* от глагольной основы получила дальнейшее развитие у Э.В. Севортяна. При этом исследователь отмечает, что «глагол **баиш-*, от которого образовалось *баишмак*, а также приводимое М. Кашгарским другое название для «башмак» – *bař-ak*, употреблявшееся у огузов и кыпчаков, остаётся пока невыясненным как формально, так и семантически» [141. С. 94]. В «Сравнительном словаре турецко-татарских наречий» Л. Будагова дается следующее объяснение: «башмак – годовалый телёнок, у которого уже отросли копыта; от этого произошло первое значение башмак» [17. Т. I. С. 229], то есть значение «телёнок» является первичным, а «обувь» – вторичным.

Вероятно, рус. *баишмак* имеет этимологическое родство с тюркской формой. Согласно Н.К. Дмитриеву, рус. *баишмак* «обувь», скорее всего, заимствовано у татар, так как в других кыпчакских языках (например, в казахском), оно имеет другую фонетику: *баснак* [40. С. 528]. Следует также отметить относительно позднее заимствование этого слова славянскими языками (укр. *баишмак*). В частности, М. Фасмер указывает на частое употребление этого слова начиная лишь с XVI в.: «заимств. из тур., чагат. *bařmak* «башмак, подошва»» [179. Т. I. С. 139]. Е.Н. Шипова предполагает, что «*баишмак* в знач. обувь тесно связано со знач. кожа на ногах животных и телёнок, из шкуры которого изготавливались листы пергамента и *баишмаки*» [198. С. 72]. Д. Сетаров также отмечает тесную связь этих понятий, которую объясняет и семантическим переходом: *bařmaq* «годовалый телёнок» → *баишмак* «вид обуви» [156. С. 39]. При этом *баишмак* в значении «годовалый телёнок, бычок» зафиксировано в донском, астраханском, оренбургском говорах русского языка [31. Т. I. С. 56]. Также в русских говорах Казанской губернии употребляется *баишмак* «единица счета мелкого скота» [162. Вып. 2. С. 164].

Так как выявлены соответствия чув. *баишмак* «теленка» в тюркских языках кыпчакской группы, то следует предположить, что название проникло в поволжские тюркские языки из кыпчакских языков, что подтверждается также их историческими связями. Однако этимология слова *баишмак* остается не вполне ясной. На основе исходного значения *баишмак* «теленка» в отдельных тюркских языках развилось значение «обувь», «вид обуви» и т.д. Это слово проникло в ряд славянских языков (русский язык и его говоры, украинский язык).

Качака [kaD'Ž'aGá] «коза», у чувашей из-за непослушности и пугливости не пользуется особой любовью. «Предосудительным поведением козы считается то, что коза всегда залезает везде, куда не могут попасть овцы, и особенно бросается в глаза из жизни козы то, что она, как только почувствует дождь с грозой, убегает из стада в деревню, потому-то ее сближают с чертом» [288. Л. 268]. В народе бытуют поговорки: *Качака шуйтан вӑл* (Там же) (перевод: Коза – это черт). *Качакаран усал вьльӑх сук* [314. С. 317] (перевод: Нет скотины вреднее козы). Этот оним выступает в качестве ругательства, выражение *качака сасси* употребляется в значении «противный, визгливый голос», устойчивое сочетание *качака сухалӑ* «с козлиной бородой» символизирует некрасивую, неаккуратную, редкую бородку. В целом, в чувашской традиционной культуре оним *качака* «коза» имеет отрицательную коннотацию и ассоциативно связывается со следующими качествами: вздорность, строптивость, непокорность, упрямство, глупость, высокомерие, заносчивость, похотливость в пожилом возрасте [16. С. 460]. По мнению Е.А. Лебедевой, название *качака* реализует следующие мифологические значения: «судьба, управляемая женским началом, непредсказуемость, неуправляемость», «трусость», «похотливость», «ограниченность ума» [91. С. 129–130].

Согласно мифологическим представлениям чувашей, козу создал Шуйттан, увидев сотворение из глины коровы Богом (Турӑ) и захотев услышать похвалу от людей. Однако глины оказалось недостаточно, поэтому Шуйттан приделал слепленному животному бороду и спустил на землю. И сейчас иногда козу именуют *Шуйттан ёни*, букв. «корова Шуйттана» или *Шуйттан качаки*, букв. «коза Шуйттана». В другом мифе описывается, что именно Турӑ вдохнул жизнь в козу, поэтому её молоко можно пить [316. С. 146–147]. И часто Шуйттана представляют в образе, близком к козе: с козлиной бородой, живот, как у беременной козы (Там же. С. 462). В чувашских мифах Шуйттан и злые духи могут являться людям в образе козы, быка, телёнка (Там же. С. 460).

В чувашских говорах зафиксированы следующие фонетические варианты маммалионима: *качча* (Ермошкино Вурнарского р-на) [150. С. 39], *качаха* [283. Л. 133], *кача* «коза», *качак* «коза» [8. Вып. VI. С. 169–170], *качча* «коза» (диал.) [150. С. 39], *каччӑм* «коза?» (*Каччӑм уралӑ лаша, козинец*; лошадь, имеющая ноги, сходные с козлиными) [8. Вып. VI. С. 176].

Впервые сравнения чув. *качага* со словами других языков приведены в КЧРС: тур. *кечи*, тат. *кӑзӑ*, *каджа*, г. чер. *кӑсэ*, л. чер. *каза*, *казе*. *Казе-таги* «козёл» («козий баран»; тат. *кӑзӑ-тӑкӑсе*, вот. *кэчьесь*) [56. С. 33]. В древнетюркских памятниках зафиксировано *кеӑ* «коза» [43. С. 291]. Чувашское название *качака* «коза» имеет соответствия в современных тюркских

языках: турк., тур. диал. *гечи*, уз. диал. *гежи*, уз. диал. *геччи*, уз. диал. *гэчи*, турк. диал., тур., аз., аз. диал., гаг. *кечи*, тат. *кәжә*, баш. *кәзә* «коза» [142. С. 34–35], баш. диал. *эсек* [186. С. 51], казах., кирг., к. калп., ног. *теке*, тат. *кәжә тәкәсе* «козёл»; тув. *козага* «козлёнок горной козы» [49. С. 95]. Таким образом, наличествуют параллели в тюркских языках западной, восточной, южной групп, в языках огузской, кыпчакской групп, в узбекском языке карлукской группы, в киргизском языке киргизско-кыпчакской группы, при этом в языках и диалектах Алтая и прилегающих районов соответствия выявлены лишь в тувинском языке.

В тюркских языках употребляется также оним *ечки*. А.М. Щербак отмечает, что название козы *ечки* широко распространено, главным образом, в южных тюркских языках: алт., кар., кирг., кумык., узб. *ечки*, казах. *ешкі*, тат. (диал.) *ичкі*, тув. *өшкү*, уйг. *өшкә*, *өчкә*, *әчкү*, хак. *өскі*. И предполагает, что *ечки* и *кечи* восходят к общей основе [200. С. 117–118]. Согласно О.Н. Трубачеву, тип *käzä*, *käči* в тюркском языке представляет собой метатезу типа *äčhiü* (> **käči* > *käči*, *käzä*). Первичная форма слова, общетюркское название домашней козы, возможно с преобладающим мужским значением «козёл», ср. монг. *äšigä*, *äsigä* «козлёнок, молодой козёл» [177. С. 361].

Среди исследователей нет единой точки зрения о происхождении чуваш. *качака* «коза». А.М. Щербак утверждает о связи названия козы в поволжских языках (башк. *кәзә*; тат. *кәжә*, чув. *качака*) с соответствующим русским названием [200. С. 118]. И.И. Огиенко относит рус. *коза* к древнейшим тюркизмам [116. С. 30]. Ф.Е. Корш также указывает на возможность заимствования рус. *коза* из тюркских языков, пытается объяснить происхождение северно-турецкого *käčä*, южно-турецкого *käči* < **käč(ä)ki* (в пратурецкую или в общетурецкую эпоху) [82. С. 544–545]. А.М. Щербак, в свою очередь, отмечает, что в случае проникновения этого названия из тюркских языков башк. *кәзә*; тат. *кәжә* и чув. *качака* необходимо определить как обратные заимствования, т.е. тюркские слова, изначально преобразованные по нормам фонетики русского языка, а затем снова приближенные к первоначальному состоянию [200. С. 118]. З.А. Хабибуллина также рассматривает башк. *кәзә*, тат. *кәжә* в качестве возвратного заимствования из русского языка и предполагает тюркское происхождение лексемы «коза» [186. С. 67]. Р.Г. Ахметьянов отмечает, что рус. *коза*, латыш. *каза* (*kaza*) получили широкое распространение, вероятно, из скифского языка. Тат. диал. *кәзә* образовано под влиянием рус. *коза*. Называющие козу *кәжәжә* – *кәжә* имеют один древний фонетический вариант. Под влиянием русского языка в татарском языке образована диалектная форма *кәзә*, свойственная татарским говорам (менз., кмшл., злт., абдл., ичк., шрл., стрл.) приуральского региона [4. С. 97], в тепекеевском говоре употребляется слово *кәдә*, в касимовском – *’ижи*, в

кузнецком – *кэзэ/ичке*, в карсунском – *кэжэ/гэжэ* [131. С. 27], в барабинском диалекте (Новосибирская обл.) – *ицкэ*, в сибирских диалектах – *ицке*; в астраханском (Волгоградская и Астраханская обл.), тарском говорах (Омская обл.) – *ичке* [170. С. 221], зафиксированы сочетания *ицке вала* (тат. тбл.), *ицке пала* (тат. тюрм.) (Там же).

О.Н. Трубачев приходит к выводу о заимствовании восточной периферией индоевропейской языковой территории из древнетюркских диалектов названия козы, а также других терминов, связанных с разведением домашних коз; отмечает близость слав. *koza* и тюрк. *kāzā*, а также лит. *ožkà* и тюрк. *äčkü*, *öčkâ*, также допускает связь с тюркскими не только лит. *ožkà*, др.-инд. *ajikā*, перс. *azak* – индоевропейских форм с задненёбным элементом, но и форм без указанного элемента [177. С. 361–362].

М. Фасмер, в свою очередь, опровергает возможность усвоения славянских слов (*козá*, укр., блр. *козá*, ст.-слав. *коза*, болг. *козá*, сербохорв. *коза*, словен. *kóza*, чеш., слвц., польск., в.-луж., н.-луж. *koza*) из тюркских языков ввиду формы *козёл*, род. п. *-зла* с архаичным *-ьль* [179. Т. II. С. 277].

Среди исследователей нет единого мнения о происхождении этого маммалионима. Так, К.А. Новикова в монг. *gegün* «кобыла» вычленяет морфему **ge-*, восходящую к слову со значением «самка», и предполагает наличие этого корня в тюркском названии домашней козы (<**ке-* + <**-чи*) [113. С. 112]. М. Рясенен в чуваш. *качака* выделяет составные части: *кажа-га* [237. S. 246a]. К этому же мнению склоняется М.Р. Федотов [184. Т. I. С. 242]. В.Г. Егоров при объяснении происхождения *качака* приводит этимологию Ф.Е. Корша и рассматривает *качака* как сложное слово, состоящее из частей *кача* + *така*; от частого употребления слог *та* выпал; в современном языке *така* употребляется в значении «баран» [49. С. 95]. На наш взгляд, оним *качака* – сложное слово, образованное от слов *кач* «коза» и *ака* «самка», букв. «самка козы», в чувашском языке употребляется *ама* «самка», парное слово *кач-таки* состоит из *кач* «коза» и *така* «самец», в современном чувашском языке употребляется сочетание *качака таки*, букв. «самец козы». Следует также отметить, что для именованья косули, серны употребляется сочетание с компонентом *качака* – *хир качаки* [192. С. 144].

В «Этимологическом словаре славянских языков» происхождение индоевропейских названий козы объясняется заимствованием из алтайских языков. При этом алтайские слова объясняются как первоначальные ономотопеи (подзывания животных) [204. Вып. XII. С. 20]. Формы оклика в тюркских языках представляют собой название козы в полной (как в туркменском), усеченной (как в татарском и в чувашском языках) или стянутой формах: *či či či*, *čik čik*, *čige čige*, тат. *keč*, *keč*, туркм. *гечи гечи!*, чув. *кач* и *качи*, гагауз. *кец!* *кец!* [142. С. 35]. В

диалектах татарского языка также употребляются междометия *кәҗи* «возглас, при помощи которого отгоняют коз», *кәҗ-кәҗ-кәҗ* «возглас, которым скликают коз» [170. С. 284]. В чувашских говорах употребляются подзывания *кач* «межд., которым манят коз; то же слово употребл., когда вгоняют (или прогоняют) коз», *кач, кач, кач, кач!* «манят коз» [8. Вып. VI. С. 168], *качи* «так манят козлят» (Там же. С. 172), *качча* «слово, которым гонят коз» (Там же. С. 175), *к(ă)тi– к(ă)тi– к(ă)тi* «так манят коз» [8. Вып. VII. С. 197], *кайч* «так манят коз» (Там же. С. 206), *кайчаш* «так гонят ягнят», *кайчаш* «так гонят ягнят» (Там же. С. 211), *кет* «так манят козу». *Кет-кет-кет!* (манят козу) [8. Вып. VI. С. 192]. В детской речи встречается отмеждометийное *качи* «коза» (Там же. С. 172).

Слово *качака* проникло в марийский язык: мар.-волж. *качака/мордЭ. кацяга/венг. kecske/удм. көч* «коза»/коми *кӧч* «заяц»; – тат. *кәҗә* «коза» > марЛ. *каза* «коза» [183. С. 191].

Таким образом, выявлены соответствия чувашского зоонима *качака* «коза» в тюркских языках западной, восточной, южной групп, при этом среди исследователей нет единой точки зрения о происхождении общетюркской формы, а также чув. *качака*. На наш взгляд, заслуживает внимания предположение о происхождении данного зоонима в тюркских языках от междометия (звательного слова). Согласно мнению большинства исследователей, башк. *кәзә*, тат. *кәҗә*, чув. *качака* этимологически связаны с рус. *коза* и являются обратными заимствованиями. Итак, чув. *качака* – сложное слово, образованное от *кач* «коза» и *така* «самец».

Сурăх/сорăх [surəh/sorəh] «овца», ассоциируется с рассеянностью, которая характерна для больных овец: *Анра сурăх пек антраса сурен хысшан эп те Иван Иванович патне кайма иут тытрăм* [277] (перевод: Походив, как больная вертячкой овца, я решил направить путь к Ивану Ивановичу). В целом, носителями чувашского языка название *сурăх* «овца» связывается с глупостью. Так, неорганизованную толпу называют *сурăх кётёвё*, букв. «стадо овец»: *Э-э, халăх вăл, ертсе пыракан сук пулсан, сурăх кётёвё некех вёт* [274. С. 93] (перевод: Э-э, народ он, если нет лидера, то как стадо овец ведь). По мнению Е.А. Лебедевой, *сурăх* «овца» реализует следующие мифологические значения: «ведомый, зависимый», «молодая женщина», «женское плодородие», «глупость, болтливость» [91. С. 134].

Сурхури – праздник, который отмечают в период зимнего солнцеворота. Его название трактуется по-разному: и как «овечья нога», и как «дух-хозяин овец»; от *сурăх* «овца» и *ура* «нога» или *ырай* «дух», «хозяин» [190. Т. 2. С. 126].

Зафиксированы следующие фоноварианты онима: *сорăк* «овца», *сорăх* [8. Вып. XI. С. 195–196]. *Сорăксана* (овец) *кёслелес* – опутать одну переднюю и заднюю ногу наискось,

чтобы они не прыгали через прясло [8. Вып. VII. С. 302]. *Мана ҫак пёр сорӑха пачёс* [8. Вып. X. С. 207] (перевод: Мне отдали эту одну овцу).

В КЧРС приведены соответствия *сорых* «овца»: тат. кир. *сарык*, г. чер. *шарык*, л. чер. *шорык* [56. С. 62]. Это слово имеет соответствия в западной (кыпчакской) группе тюркских языков: каз., ккал. *сарық* «(обыкновенная) русская овца (без курдюка)», тат. *сарық*, баш. *харық*, баш. диал. *харқ*, чув. *сурӑх* «овца» [205. С. 223]; каз., кирг. *сарык* «овца» (каз.), «ягнёнок» (кр.-тат.), «русская овца» (кирг.) [184. Т. II. С. 66].

Этимология этого онима доподлинно не известна. Так, М. Рясенен предполагает происхождение тюрк. *сарық* от *сар* «обвивать» [237. S. 404a], но не проводит семантический анализ этого слова. А.М. Щербак обращает внимание на фонетическое сходство башкирского, татарского, чувашского слов с рус. *ярка*. В связи с этим считает показательным именование словом *сарык* овцы русской породы, овцы без курдюка в казахском, каракалпакском и татарском языках [200. С. 111]. У В.Г. Егорова эта этимология вызывает сомнения, исследователь лишь проводит параллель между чув. *сурӑх*, тат. *сарык*, башк. *һарык* «овца» [49. С. 197]. Р.Г. Ахметьянов, в свою очередь, восстанавливает для чув. *сурах*, *сорӑх*, как и для мар. *шорык*, *шарык*, башк. *һарык* «овца», тат. диал. *сарык* «ягнёнок», древнюю форму *сагрык* «дойная овца» с корнем *саг-* «доить» [4. С. 172]. Казах. *сары қой*, *мәлиш* «название овец с длинным тощим хвостом», уз. диал. *ьсаръ қой* «название породы овец». В ЭСТЯ высказано предположение, что на всех представителей животного было перенесено казахское название, где *сарық* обозначало отдельную породу бескурдючных овец [205. С. 223]. Н.И. Егоров, в свою очередь, происхождение поволжско-тюркского слова **sariq* «овца» объясняет проникновением из иранских языков: иран. **śraw-* / **śarw* «рог»: авест. *srvā*, *srū* «рог», *srvara* «с рогами», «рогатый», пехл. *srū* «рог», хот.-сак. *ssū-* «рог», н.-перс. *seru(n)*, *soru*, *surūn*, вахан. *ṣaw*, белудж. *srō* «рог» [51. С. 611].

Из чувашского языка это слово проникло в марийский язык: марЛ. *шорык*, марГ. *шарык* «овца» (чув.); марийским языком заимствовано также название праздника: марЛ. *шорыкйол*, марГ. *шарык ял*, *шартял* букв. «овечья нога»; «праздник рождества», что и чув. *сурхури/сорхори* [183. С. 228].

В русский язык проник татарский оним *сарык*, в диалектах русского языка зафиксированы *сарга* «овца» (казан. обл.) [31. Т. IV. С. 138], *шурка* «овца» (русс. диал.) [205. С. 223].

Следует отметить, что в большинстве тюркских языков в качестве основного названия овцы выступает форма *қой*: ног., каз., ккалп., кирг., уйг. *қой*, узб. *қўй*, хак., тув. *хой* [107. С. 87].

В татарских (карс., тмн., лмб., кузн., хвл., мел., срг.) [170. С. 334] и в башкирских (арг., ток-сор., сакмар., иргиз.) [36. С. 202] говорах оним *куй* также употребляется в значении «овца», при этом в современных татарском и башкирском литературных языках словом *куй* именуют курдючную овцу, т.е. «первичное значение данного слова несколько сужено» [186. С. 63]. Но в то же время в татарском языке в сочетаниях *куй койрыгы* «курдюк», *куй сарыгы* «курдючная овца», *куй тиресе* «овечья шкура» *куй* выступает как основной компонент в значении «овца» [107. С. 89].

В чувашском языке это общетюркское название встречается лишь как компонент парного слова *куй-сурӑх* «ордынская овца» [8. Вып. VI. С. 254]; ордынская овца – именование курдючных овец по местности разведения (Ордынское село Томской области).

Итак, в чувашском языке получил распространение маммалионим *сурӑх*, главным образом, имеющий соответствия в тюркских языках Поволжья и в отдельных кыпчакских языках (казахском, киргизском, каракалпакском). Среди исследователей нет единой точки зрения о происхождении тюркского онима. Общетюркское название овцы *куй* в чувашском языке встречается лишь в составе видового названия *куй-сурӑх*.

Така [taGá] «баран; самец». Название *така* в сознании носителей чувашского языка ассоциируется с вожаком, предводителем: *Пёр така ӑшта ертсе каять, пур кётёвё ун хысӑн пырать* [314. С. 191] (перевод: Куда один самец (баран, козёл) поведёт, туда все стадо пойдёт). При этом название козла *качака таки* семантически связано с упрямством: *Ытла кутӑнлашнӑшӑн, хёрсе кайса тавлашма юратнӑшӑн ачасем Кольӑна «качака таки» теҫҫё* [254. С. 19] (перевод: Из-за упрямства, любви к горячим спорам дети Колю называют козлом). Выражение *качака таки* часто выступает в качестве ругательства: *Сире, катӑк шӑлсене, качака такисене, хёр нама-и?..* [320. С. 30] (перевод: Вам, беззубым, козлам, отдать девушку?..). Следует также отметить, что часто в сказках *качака таки* и *сурӑх таки* (также, как и *качака* и *сурӑх*), выступают в качестве добрых приятелей, успешно преодолевающих различные препятствия и хитростью одерживающих победу над дикими зверями [318. С. 193–204].

А.М. Щербак отмечает, что слово *така*, как и *сарык*, употребляется только в поволжских языках: башк. *тәкә* (*һарык тәкәһе*), тат. *тәкә* (*сарык тәкәсе*), чув. *така* и обозначает барана-производителя и козла. Первое значение появилось недавно и представляет результат переосмысления первоначального значения «козёл» [200. С. 112], чув. *качака таки*, башк. *кәзә тәкәһә*, тат. *кәжә тәкәсә* «козёл». В древнетюркских памятниках зафиксировано *tekä* «козёл» [43. С. 550]. Соответствия выявлены во всех группах тюркских языков: др.-уйг., крх.-уйг.,

ср.-уйг., ср.-кыпч., ср.-огуз. *tākā*, чаг. *tākkā*; Ю.-З.: тур., турк. *teke*, гаг. *tekä*, аз. *tākā*; С.-З.: кар.Т. *t'eg'a*, Г. *täge*, К. *tākā*, кбалк., кум., ног., ккалп., тат., башк., каз. *tākā*; Ц.-В.: кирг. *teke*, алт. *tik*; Ю.-В.: узб. *taka*; С.-В.: тоф. *tä''hā*; Булг.: чув. *taka*. Это слово употребляется в значении «козёл, нехолощённый самец козы» во всех языках, кроме алт., тоф., чув., в алт., тоф. – «дикий горный козёл», чув. – «баран», «самец» [165. С. 428]. М. Рясенен в качестве гомогенных рассматривает формы алтайских языков: ср.-тюрк. *tākā* «козёл», (тел.) «горный козёл», (крч.) «козёл, самец козы», чув. *taGa* «баран», «козёл» ~ калм. *tāk*⁹ < *taki* «козёл, самец козы», «дикая лошадь» (> казах. *degän* «козёл», «самец косули»), монг. *teke* «козёл, самец козы» = маньч. *teхе* [237. S. 470ab]. Соответствия, выявленные в тунгусо-маньчжурских языках, проникли из монгольских языков: сол. *тэхэ*, маньч. *тэхэ* «дикий козел» < мо.: п.-мо. *teke*, монг. *тэх*, *т'еххэ* (Халх.) «дикий горный козёл», бур. *тэхэ*, калм. *тэк* «козёл» (некастрированный) [113. С. 128]. В СИГТЯ отмечается монгольское влияние на тюркские формы: «если монголо-халхаское значение отражает более древнее состояние, тогда можно думать, что монголы и тюрки (или кто-то из них) самостоятельно перенесли название дикого вида *tākā* на domesticiрованный» [165. С. 428]. О древности этого слова свидетельствует и зафиксированная О. Прицаком протобулгарская словоформа *текоучитемь* [232. S. 6].

Особо следует отметить точку зрения Н.И. Егорова, который рассматривает этот оним в ряду слов, служащих свидетельством ранних контактов прототюркского языка с соседними иносистемными языками: тюрк. **tākā* «дикий козёл» ~ чув. *taga* «баран; самец мелкого рогатого скота» ← иран., ср. и-е. **t'ig[h]* – коза, арм. *tik* «бурдюк» [51. С. 655–656].

В современном чувашском языке *така* реализует значения «баран»; «самец» (мелкого рогатого скота), при этом значение «козёл; самец козы» проявляется лишь в сочетании *качака таки*, *качтаки*, ср.: *качака* «коза». Для именованья барана употребляется также конструкция изафета: *сурăх таки* «баран; самец овцы», ср.: *сурăх* «овца».

К примеру, в среднем диалекте татарского языка и в говорах мишарского диалекта (мел., чст., дрож., шрл., стрл.) употребляются названия *тэкэ*, *сарык тэкэсе* «баран». Для различения обычно говорят *куй тэкэсе* – «баран», *кэзэ тэкэсе* (миш. д.; [102. С. 153]), *кэжэ тэкэсе* (сред. д.) – «козёл» [131. С. 29]. В башкирском языке бытуют онимы *тэкэ* «самец (мелкого рогатого скота)», *тэкэ бэрэс* «козлёнок-самец» [186. С. 68].

Слово *така*, а также сочетания с этим компонентом в чувашских говорах подверглись фонетическим видоизменениям: *кăчăкă таки* «молодой баран» [8. Вып. VII. С. 207], *такси* [150. С. 108], *каш-таки* [8. Вып. VI. С. 140], *каштаки* (Там же. С. 151), *кач-таки* (Там же. С. 168), *кача-таки* «козёл» (Там же. С. 169) (*кач-ака*, *кач-така* – *ака* «ама», *така* «аща»).

Чув. *така* «баран» проникло в соседние финно-угорские языки: марЛ. *тага*, марГ. *mäga*/удм. *така* «баран» [183. С. 240], мар. *шорык тага* «баран», *каза тага* «козёл». О проникновении чувашской формы в финно-угорские языки заявляет и М. Рясенен: чув. *taGa* «баран, козёл» (> чер. *taya, täyä*; вот. *taka, taga*) [237. S. 470b].

М.Н. Кузнецова, в свою очередь, полагает, что под влиянием соседних финно-угорских языков татарский и чувашский языки расширили семантику лексемы *taka ~ tākä*, а марийские формы *тага* Л ~ *mägä* Г «баран» были распространены еще до прихода на территорию Средней Волги тюркоязычных народов. В марийском языке оним может быть балтийским или индоиранским заимствованием, но относится к словам с ностратическими корнями ввиду широкого распространения (ср. *талгыде* «жеребёнок-стригунок», *презе* «телёнок») [90. С. 137]. Действительно, из-за узколокального характера распространения этого слова в значении «баран» можно допустить расширение семантики данного онима в тюркских языках Поволжья под влиянием соседнего марийского языка.

Таким образом, чув. *така* – общетюркское слово, но в большинстве тюркских языков употребляется для именованья козла, значение «баран, самец» реализуется лишь в чувашском, в татарском и в башкирском языках. Возможно заимствование этого слова тюркским (прототюркским) языком из восточноиранского языка. На основе данных семантики можно предположить расширение значения этого онима под влиянием марийской формы. Однако это, на наш взгляд, не является свидетельством проникновения названия в тюркские языки Поволжья из соседнего финно-угорского языка, так как еще в древнетюркском языке зафиксирована форма *täkä* «козел», протобулг. *текоучитемь*.

Путек [риД'эк] «ягнёнок; козлёнок»: *качака путекки* «козлёнок», *сурях путекки* «ягнёнок», в говорах зафиксированы: *пәт'к* [150. С. 79], *питек* (Карачуры Чебоксарского р-на) (Там же. С. 81), (Синьялы Вурнарского р-на), *потьяк* [8. Вып. X. С. 54], *п'тек* (Васильевка Ишимбаевского р-на, Юмашево Чекмагушевского р-на Башкортостана) [150. С. 89], *пытек* [8. Вып. IX. С. 197], *пытяк* (Кумаккасы Ядринского р-на, Ефремкасы Аликовского р-на, Русские Атаи Краснотетайского р-на) [150. С. 90], *пытяк* [8. Вып. IX. С. 197], при этом оним *пытяк* употребляется в значениях «ягнёнок вообще», «ягнёнок женского пола» (Там же). *Качака п'текки* «козлёнок» [283. Л. 169], *кача пытьак*, *качака пытьаки* «козлёнок» [8. Вып. IX. С. 197], *кача-пытяк-путякки* «козлёнок» [8. Вып. VI. С. 169]. Употребляются также «клички овечьи» (по определению Н.В. Никольского): *пыччи*, *пыч'к*, *путыи* [112. С. 350], *пуччи* (*пуц'ц'и*) «овечка (на детск. яз.)», *питыи* «овца» (детск. сл.) [8. Вып. IX. С. 197], близкие по фонетическому облику к словам-подзывают: *путыи* «так кличут ягнят и овец», *пуч* «так кличут

овец» [8. Вып. X. С. 45], *пучăк* «так манят ягнят», *пучча* «так манят овцу», *пуччă-пуччă* «так кличут овец» (Там же. С. 55–56), *пыти* «так кличут ягнят», *пычи* «так манят ягнят» [8. Вып. IX. С. 197–198].

Название *путек* ассоциируется с легкомысленностью и беззаботностью, свойственными детству: *Качака путеккисем пек сиккелесе сўреçсё ачасем вярманта* [266. С. 50] (перевод: Как козлята резвятся дети в лесу). И в сознании носителей языка часто проводится параллель между детёнышем животного и ребёнком: *Пуян сын путек усрать, апърша ача пăхать* [319. Т. 5. С. 79] (перевод: Богатый человек держит ягнёнка (козлёнка), а бедняга смотрит за ребенком). Название символизирует беззащитность и мягкость характера: *Тăлăх путек тăлăплăх, тăлăх ача салтаклăх* (Там же. С. 71) (перевод: Сиротливый ягнёнок (козлёнок) для тулупа, сиротливый ребёнок для солдатской службы). В языке по отношению к людям иногда употребляется устойчивое сочетание *йăваш путек*, букв. «тихий смирный ягнёнок (козлёнок)». *Урай тулли путек*, букв. «пол, полный ягнят (козлят)» – символ благополучия, благосостояния. Эта фраза распространена в молитвах и в пожеланиях. В целом, оним *путек* связан с религиозной символикой. Так, название *Ийе путекки*, *Айа потекки* в значении «детёныш бога Ийе» характеризует очень подвижных детей. Согласно чувашской мифологии, бог *Ийе* (*Айа*) ночью проникает в конюшню, седлает лошадей и без усталости очень быстро их гоняет [316. С. 226]. А *Турă Путекки* – жертвенное животное, библейский образ, символическое именование Иисуса Христа.

Н.И. Золотницкий в качестве соответствий чув. *подяк*, *пўдэк* приводит тат. *бяти*, кир. *бойдак*, чер. *патья*. *Ойры шора пўдэкь* «полевой белый ягнёнок», *качага подякки кардара* «козлята на заднем дворе» [56. С. 49]. Слово *путек* имеет параллели в тюркских языках: башк., тат. *бэрэн* «ягнёнок», «барашек», казах. *бойдак* «холостой», «холостяк», «валух в возрасте выше одного года», кирг. *бойдок*, к.-калп. *бойдак*, башк. *буйзак*, тат. *буйдак* «холостой», в чув. выпадение звука *й* вызвало смягчение последующего *т* [49. С. 169]. Что касается параллелей в татарском языке, то наиболее близки по фонетическому оформлению тат. дуб., мам. *бэти* [170. С. 112], тат. каз. ар., менз., кргл. *бэкэй* «ягнёнок, козлёнок», *бэки* (Там же. С. 109), тат. нрл. *бүти* (Там же. С. 143), а не форма литературного языка *бэрэн*, рассмотренная В.Г. Егоровым. Следует особо отметить этимологию Р.Г. Ахметьянова, который видит родственные слова тат. *бэрэн* «ягнёнок, барашек» во многих языках, но не рассматривает соответствующие названия в чувашском и в башкирском языках: тат. диал. *бэрэк* «ягнёнок, барашек, овца, детёныш овцы», перс. *барэк* «ягнёнок, детёныш овцы», рус. *баран*, лит. *boranas*, *boran* «самец овцы, баран», морд. *боран*, коми *бале* «ягнёнок, барашек», узб. *барра*, тадж. *барра*

«ягнёнок, детёныш овцы», ассир. *баррана* «самец овцы, баран», греч. *барион*, албан. *берр*, итал. *бера* «овца» [4. С. 41]. Согласно М.Р. Федотову тат. *бәти* «ягнёнок», «барашек» (=барән) [184. Т. I. С. 455]. Итак, в чувашском и в татарском языках семантика слова *путек* расширилась и оним стал также употребляться для именованя козлёнка. Этимологически близкие названия в кыпчакско-ногайских и киргизско-кыпчакских языках указывают на возможность проникновения этого слова в остальные тюркские языки Поволжья из кыпчакских языков.

А.М. Щербак отмечает своеобразие всей системы наименований овцы в поволжских языках: слова, обозначающие ягненка – *бәтә*, *бәрән* (*бәрәс*), *бикәч* (*бәкәч*), *чага*, *пүтэк* – употребляются лишь в башкирском, татарском и чувашском языках [200. С. 114].

Это слово из чувашского языка было заимствовано марийским языком: марЛ. *пача*, марГ. *патя* «ягнёнок» (< тюрк.) [183. С. 216]. Однако М. Рясенен лишь под знаком вопроса допускает это усвоение: *patša* «ягнёночек», *patša* «баран», «овечка», *pata* ««ягнёночек» < ? чув. *piDek* «ягнёнок», **poD'a*, **paD'a* [236. S. 175–176].

Онимы *пăрам*, *пăран*, *пурам*, *пуран*, фонетически близкие тат. *барән*, зафиксированы в чувашском языке в значении «ягнёнок», однако в речи семантика данных слов расширилась. Так, в отдельных чувашских говорах употребляется *пăрам* «телёнок в утробе», «телёнок-выкидыш». *Ёнёне тăвайккинчен чипер антар, ўксе пăрам ан пăрахтăр* [8. Вып. X. С. 127] (перевод: Корову аккуратно спусти с горы, упав, как бы не выкинула теленка). В других говорах сказали бы: *пăру или пăруине ан пăрахтăр* (Там же). *Сурăх пăрамлат* [8. Вып. VII. С. 303] (перевод: Овца ягнится). Любопытно, жеребёнок-выкидыш называется другим словом – *хăм*, ср. *кёсре хăм пăрахнă* «у кобылы выкидыш».

Пăран [*părán*] «ягнёнок». «Слово это в указан. значении отдельно теперь не употребительно, но встречается в скрещении: *путек-пăран*, *путек-пуран*, ягнята вообще. Теперешнее его значение больше: ягненок-выкидыш, ягненок в утробе» [8. Вып. X. С. 127]. Л.П. Сергеевым зафиксировано употребление фоноварианта *пăран* на территории села Байдеряково Яльчикского р-на ЧАССР [151. С. 48], отсюда глагол *пăранла*, *пăрăнла* (Октябрьское) – оягниться [150. С. 77].

Пурам [*purát*] «выкидыш»: *Сурăх пурам пăрахнă* (перевод: Овца выкинула ягненка. У овцы случился выкидыш). *Пурамла* «ягниться». *Сурăх пурамлат* (перевод: Овца ягнится) [8. Вып. IX. С. 299].

Пуран [*purán*] «то же, что пурам». *Путек-пуран* «ягнята», *пуран-выльăх* «молодая скотина, овца до одного года». *Пуранла*, *поранла* «объягниться». *Пуранланă* «объягнилась», *пуран пăрахнă* «выкинула (овца, коза)» [8. Вып. IX. С. 300].

Данные онимы были заимствованы чувашским языком, как и отдельными языками Поволжья, из русского языка. В частности, М.Р. Федотов приводит соответствия *пуран/пйран*: «каз., башк. *бәрән* (< рус. *баран*) ягнёнок» [184. Т. I. С. 399]. В.Г. Егоров также отмечает, что «*пуран* из русск. *баран*; чув. *пйранла*, *пуранла*, тат. *бәрәнлә* «ягниться»» [49. С. 169]. Для сравнения, в марийском сочетании *паран тага* «баран на втором году» (*паран* «ягнёнок», *тага* «баран») компонент *паран* подчеркивает молодой возраст барана [90. С. 137].

Таким образом, для именования ягнёнка, козлёнка в чувашском языке употребляются: *путек* (*качака путекки*, *сурӑх путекки*), проникший в чувашский, как и в остальные тюркские языки Поволжья, из кыпчакских языков, и *пйрам*, *пйран*, *пурам*, заимствованные чувашским языком, как и татарским, башкирским, марийским, из русского языка. В целом, данные маммалионимы отражают особенность называния ягнят и козлят в тюркских языках Поволжья.

§ 2.6.4. Семейство верблюдовые

Тёве [t'əvé] «верблюд». Название этого животного ассоциируется с чем-то неуместным, неприятным: *Чёнмен хӑна курпун тёверен те усал тесе ахаль каламан* [273. С. 73] (перевод: Не зря говорят, что незванный гость хуже одногорбого верблюда). При этом горб верблюда символизирует жизненный опыт, груз прожитых лет: *Кашнин шинчех кун-сул уртмахё тёве курпунё нек пырать* [311. С. 6] (перевод: Каждого человека сопровождает груз прожитых лет, как верблюда горб). В чувашской языковой картине мира оним *тёве* символизирует также выносливость, молчаливость [16. С. 458]. Следует отметить, что болгаро-сувары держали в качестве домашних животных лошадей, коров, овец, коз, верблюдов [271. С. 113]. И даже в начале XX в. в Казанской и Симбирской губерниях в единичных хозяйствах содержались эти животные, поэтому в чувашской традиционной культуре это животное воспринимается как домашнее: *Тёве вилет – тихи юлать* [289. Т. 3. Л. 819] (перевод: Верблюд умрёт – останется верблюжонок), ср.: *Вильӑх вилет – тир юлать, этем вилет – ят юлать* (перевод: Умрёт домашнее животное – останется шкура, умрёт человек – останется память).

Н.И. Золотницкий приводит следующие соответствия чув. *ту́вэ* верблюд: тур., азерб. *дэвэ*, тат. *дӧя*, кир. *ту́я*, *ту́ӧ*, алт. *тоӧ*, л. чер. *туэ*. По-араб. верблюд – *джэмэль* [56. С. 88]. В памятниках старочувашской письменности в значении «верблюд» зафиксированы *тюе*, *тюа*, *тювя*, *tua*, *tüä* [153. С. 40]. В одном источнике, возможно ошибочно, записано *тевё* [284. Л. 143].

Это название имеет соответствия в тюркских языках: сой. *tābā*, койб., саг., кач. *tebā* «верблюд»; карТ. *tāvā* «верблюд»; уйг., чаг., вт. *tāvā* «верблюд»; кирг. *tūö* «верблюд»; чаг. *tūyā* «верблюд»; тур., крым., аз. *dāvā* «верблюд»; тат. *dāvā*, *dāyā*, башк. *dāyā* «верблюд»; як. *tābiän* «верблюд» (< монг.); тар., вт. *tūgā* = *tūö* «верблюд» [124. Т. III. С. 1118, 1126–1127, 1528, 1534, 1546, 1692], др.-тюрк. *tāvā*, тур. *dāvā* и т.д. [233. S. 391a]. Выявлены также параллели в монгольских языках: монг. *тэмээ(н)*, *т'емē*, бур., калм. *тэмээ(н)* «верблюд»; п.-монг. *temegen* [113. С. 110]. Как видно из приведенных примеров, название верблюда в тюркских и монгольских языках совпадает. Наличествуют соответствия в отдельных тунгусо-маньчжурских языках: эвенк. *тэмэуээн*, сол. *тэмэгээ* «верблюд»; орооч., нан. *тэмэ* (< маньчж.) «верблюд»; «слон» [184. Т. II. С. 211], при этом маньчж. *тэмэн* < монг. *тэмээн* [113. С. 110].

А.М. Щербак предполагает, что название верблюда (как и многих домашних животных) может являться тюркским наименованием, так как монголам через тюрк стали известны многие домашние животные [200. С. 109].

Г.Е. Корнилов считает, что чув. *тёве* «верблюд» этимологически связано с чув. *тийе-* «грузить», «выючить», тунг.-маньч. *тэвэ* ~ *тэву* «груз», «кладь» [75. С. 210–211].

Из чувашского языка это слово проникло в отдельные финно-угорские языки: марВ. *tūe* / удм. *дуэ* / венг. *teve* < др.-чув. **tāwā* [218. S. 129; 183. С. 247].

Также зафиксированы собственно чувашские названия *корпунлă выльăх*, «верблюд», *икĕ курпунлă тёве* «двугорбый верблюд» [8. Вып. VII. С. 12]. В «Словаре чувашского языка» встречается оним *йерпăлутъ* (чит. *јэрблутъ*) «верблюд» [8. Вып. IV. С. 286] < рус. *верблюд*.

Следует отметить, что в говорах русского языка регистрируются заимствованные из алтайских языков названия верблюда: обл. (сиб.) *тымен*, *тымень* «двугорбый верблюд» из монг. *temegen* [179. Т. IV. С. 131]; обл. (оренб.) *тюэ*, *тюя* «двугорбый верблюд» [31. Т. IV. С. 447] < тюрк. «двугорбый верблюд».

Вопреки тому, что чувашский зооним *тёве* «верблюд» имеет широкие параллели в восточных языках, главным образом в тюркских и монгольских, и в качестве заимствования из них в некоторых тунгусо-маньчжурских и финно-угорских, тем не менее он не имеет исчерпывающей этимологии. Даже если признавать производящей основой корень тюркских параллелей чувашский *тийе-* «грузить, выючить», остается непонятным генезис самого производящего глагола.

§ 2.7. Отряд зайцеобразные

§ 2.7.1. Семейство зайцы

Мулкач/молкач [tulGáč/molGáč] «заяц», ассоциируется, прежде всего, с трусостью: *Унта-кунта мулкач-хăравçă, Юр сума сса пулас манса хăварнă йёр* [249. С. 15] (перевод: И тут, и там, заяц-трусишка, вероятно, забыв о том, что снег не будет идти, оставил след). Трусливого, слабого человека называют *мулкач чёреллĕ*, букв. «с заячьим сердцем»: *Анчах та сутăнсан тайшман хўттинче те мулкач чĕрпех кашкăра тухма пулать иккен* [294. С. 63] (перевод: Однако, продавшись, под прикрытием врага даже с заячьим сердцем можно стать волком). Маммалионим также символизирует беззащитность: *Чухăн сын пурнăçĕ – хирти мулкач пурнăçĕ* [319. Т. 5. С. 82] (перевод: Жизнь бедняка – жизнь лугового зайца). В отдельных примерах название этого животного семантически связано с глупостью: *Мулкачăн хўри кёске, айванăн турти кёске* [314. С. 75] (перевод: У зайца хвост короткий, глупый человек вспыльчив). Оним *мулкач* в чувашском языке также означает объект охоты, погони. Как и рус. *заяц*, чув. *мулкач* в переносном значении употребляется для именованя безбилетников, а также «солнечных зайчиков» (*çутă мулкач*), так как ассоциируется с быстродвигающимся предметом или живым существом, а также с резко меняющимся явлением. Так, в речи встречается выражение *мулкач сиккипе пыр*, букв. «передвигайся заячьими скачками». В чувашских мифах описывается происхождение отдельных физических особенностей животного: олень случайно вытянул ему уши. А куцым хвост стал после того, как на него наступил медведь. После этой встречи с медведем мулкач-хвастунишка стал «трусливым куяном». В источнике описывается, что Турă амăшĕ (Богоматерь), разозлившись, бросила в зверька горящую головешку, в результате часть хвоста зайца сгорела. В другом варианте – ударила кочергой. Затем, Турă амăшĕ, сжалившись, для защиты наградила зайца мехом, способным менять окраску в разные времена года [316. С. 133–140]. А в сказках *мулкач* предстает простодушным, слишком доверчивым и трудолюбивым героем, способным проявить хитрость (смог одолеть медведя, стал царем зверей) [318. С. 141–142].

В чувашских говорах зафиксированы разнообразные фоноварианты онима: *макаç* [284. Л. 143], *мăкаç* [283. Л. 149, 151], *мăлкач* [8. Вып. VIII. С. 305], *мокоç* (Ремплер, Мусирмы) [150. С. 68], *мукаç* [8. Вып. VIII. С. 257], *мукаç* (Тобурданово, Табар-Черки) [150. С. 69], *мукач* [8. Вып. VIII. С. 257], *мулкаç*, *молкаç* [8. Вып. VIII. С. 261], *мулкач*, *молкач* (Там же. С. 263), *мулкачă*, *молкачă* (Там же. С. 262), *мункач* [284. Л. 145], *мункаç* [8. Вып. VIII. С. 265]. В словаре

Н.И. Ашмарина приведено *мӑкаш* в значении «заяц», а также «порода зайцев» (Там же. С. 294). В одном рукописном источнике зафиксировано парное слово *кайӑк-мулкаш* [283. Л. 157]. В памятниках старочувашской письменности отмечены следующие варианты: *мулгачь*, *молгач*, *молгачь* [153. С. 76].

Этот оним отсутствует в других тюркских языках и его следует отнести к собственно чувашскому. В большинстве родственных языков для обозначения зайца параллельно употребляются слова *қойан* и *таушан* [107. С. 112]. Среди исследователей нет единой точки зрения о происхождении данного названия. В.Г. Егоров рассматривает зооним как удмуртское трехсоставное сложное слово: *му* + *луд* + *кеч* (*му* «земля», *луд* «поле», *кеч* «коза», «козочка») [49. С. 134–135]. К этому же мнению склоняется и М.Р. Федотов: удм. **мулдукеч* (*му* «земля» + *лудкеч* «заяц» < *луд* «поле; полевой»; «дикий»; южн. «серый» + *кеч*) (< тюрк.) «заяц»; «козёл», т.е. «полевой (дикий) козёл» или «серый полевой (дикий) козёл» [184. Т. I. С. 362]. По мнению В.Г. Егорова, происхождение этого онима следует объяснить таким образом: по первому впечатлению удмурты называли зайца «полевой козочкой»; позднее, вероятно, для тушканчика прибавили *му*, получилось «земляной заяц». Чуваше же так стали называть зайца. На чувашской почве слово претерпело ряд фонетических изменений: *му-луд-кеч* > *муӑткеч* > *мулкеч* и по требованию закона сингармонизма – *мулкач* [49. С. 134–135]. В ЭСАЯ чувашская форма объясняется как диминутив (уменьшительно-ласкательная форма) < **baŋi-l-kaš*. В качестве единой алтайской праформы реконструируется **mĩõnde* «заяц»: пратунг. **mundu-kān* «заяц», прамонг. **mõndele* «детёныш тарбагана», пратюрк. **baŋi-* «заяц, сурок». Семантические параллели чув. *molgaś/č* в тюркских языках: тат. *bajbaq* «сурок»; башк. *bajbaq* «сурок»; ойр. *tajčiq* «заяц» [240. Р. 927–928].

Слово *мулкач*, по-видимому, было заимствовано в нурлатский говор татарского языка, где *муркач* «заяц-ковыльник» [131. С. 56].

В чувашском языке *мулкач* употребляется в составе фитонимов: *мулкач хӑлхи* «ландыш», *мулкач сӗлли* «заячий овес» [193. С. 248] и т.д.

Куян [*kuján*] «заяц». Несмотря на то, что названия *куян* и *мулкач* являются синонимами, существует различие в их восприятии носителями языка. *Куян* – *кулянчӑк*, *мулкач* – *мухтанчӑк* [314. С. 74] (перевод: *Куян* – переживающий, *мулкач* – хвастливый). Но в то же время, как и маммалионим *мулкач*, название *куян* ассоциируется с трусостью, глупостью, быстротой, беззащитностью, доверчивостью. В отдельных примерах семантика данного онима связывается с тяжкими испытаниями: *Куян чупать хир тӑрӑх*, *нуша чупать ял тӑрӑх* (Там же) (перевод: Заяц бежит по полю, нужда бежит по деревне). В чувашском языке употребляется выражение

куян кулли пул, букв. «стань посмешищем зайца», т.е. стань объектом всеобщей насмешки. Согласно чувашской мифологии, рассеченная губа и куций хвост куяна – это следы ударов *Турă* (Бога) [319. Т. 6. С. 62–63] или человека [316. С. 133–136]. В источнике описывается, что рассеченная губа появилась после падения *куяна*, испугавшегося звука выстрела. А перед этим зверёк высказывался с хвастовством о себе перед лисой. После падения *куян* и хвастаться перестал (Там же. С. 134). *Куян*, как и *мулкач*, в сказках проявляет хитрость [318. С. 93].

Это слово является диалектизмом и распространено главным образом в низовом диалекте чувашского языка и в чувашских говорах на территории Татарстана и Башкирии. Оним *куян* носит общетюркский характер: алт., кирг. *којон*; башк., тат., чув. *кујан*; казах., к.-калп., кумык., ног., туркм., уйг. *којан*; тув. *коігун*, *кодан*; узб. *кујан*; хак. *ҳозан* [200. С. 136], як. диал. *xotonox*, *xotunax* [165. С. 164]. В СИГТЯ в качестве вероятной внешней параллели рассматривается также монг. **küderi* «кабарга» (Там же), приведенная Г. Рамstedтом [233. S. 244b].

По мнению А.М. Щербака, в чувашский язык зооним *куян* проник из татарского языка: др.-чув. **хоран* перешло в этой форме в марийский язык и заменено в чувашском языке татарским *кујан* [200. С. 136]. М.Р. Федотов также отмечает заимствованный характер этого слова: «тат., башк. *куян* заяц > чув. *куян*» [184. Т. I. С. 319]. Заимствование названия из башкирского, татарского языка предполагает также Н.И. Егоров [51. С. 313]. В.Г. Егоров, в свою очередь, отмечает позднее проникновение слова *куян* в чувашский язык [49. С. 122].

Среди исследователей нет единой точки зрения о происхождении этого онима. Так, А.М. Щербак восстанавливает праформы **кодган*, **кодгун*, из которых все существующие разновидности образовались вследствие неодинакового отражения межзубного *δ* и утраты заднеязычного *г* [200. С. 136]. В СИГТЯ реконструируется пратюрк. **кодан* [165. С. 164]. «Следует предположить происхождение *қойан* ~ *қодан* как название зайца, появившееся в результате табуистических требований: ср. общетюрк. *товшан* ‘заяц’ < *табышган* ‘прыгающий’, чув. *мулкач* ‘заяц’ < *му+луд* + *кеч* ‘полевая коза’ (ср. удм. *лудкеч* ‘заяц’). Возможно, *қойан* < *қодан* родственно монг. имитативной основе **год*, представленной в бур. *годо харайха* ‘выскочить, бежать длинными шагами’, тув. *ходуш дээр* ‘юркнуть’ или монг. *годой-* ‘торчать (напр. о коротком хвосте)’, т.е. *қодон* *‘бегущий длинными шагами’ или ‘короткохвостый, куций’, ср. шутивное русское название зайца куций» [207. С. 28]. Г.Е. Корнилов в рамках теории имитативов при анализе производящего корня *куй-/кой-/кйй-/хуй-/хой-/хйй-* «пугаться/пугать, устрашать; шарахаться, поднимать шум» предполагает подражательное происхождение онима *куйан/койан* «заяц, трусишка, трус» [77. С. 143]. Близкая

точка зрения высказана Р.Г. Ахметьяновым, который связывает этимологию этого слова в отдельных тюркских формах со значением корня *кой-* «бояться, трусить», тув. *koigun*, *qor-* «бояться, трусить», древнеобщетюрк. *корган* // *qor-гун* «куян» [4. С. 125]. Г. Рамстедт с долей сомнения сравнивает *койан* с монг. *godu* «заячья лапка, мягкая лапка, шкура с лапы» [233. S. 149a].

Из тюркских языков это слово проникло в русский язык: «*куэнь* ряз., *куян* – то же, томск., оренб. заимств. (возм. по мотивам табу) из тюрк.» [179. Т. II. С. 401]. В «Русско-чувашском словаре», вышедшем в свет в 1909 г., рус. *куень* переводится на чувашский язык словом *мулкач* и парным словом *куянь-каййак* [112. С. 176], при этом последняя форма в языке, вероятно, активно не употреблялась, так как не зафиксирована в «Словаре чувашского языка» Н.И. Ашмарина.

Таким образом, название *куян* «заяц» проникло в чувашский язык из тюркских языков Поволжья. Это заимствование носит поздний характер. При этом, вероятнее всего, тюркский оним имеет отымитативное происхождение.

Морен [*morén*] «заяц-русак». Встречаются также фоноварианты *морен* «заяц-русак», *морян*, *мыр'ын* (Б.Олг.) «заяц», *мәрен*, *мәрик*, *мәрин* «заяц» [8. Вып. VIII. С. 273, 275, 317], *морын* «заяц», *моран* «заяц» (Там же. С. 275). Оним *морин* зафиксирован в значении «тушканчик» (Там же. С. 273). *Мәрин хёлле пахчасене кёрсе улма йывăççисене кышласа пăхать* (Там же. С. 317) (перевод: Заяц-русак зимой забегает в сады и пробует обгрызать яблони). Это название получило распространение, главным образом, в верховом диалекте чувашского языка. В чувашский язык проникли марийские формы: марГ. *морен*, марЛ. *меран* «заяц» [183. С. 310], при этом мар. *морен*, *меран* ведут свое происхождение от др.-чув. **хорян/хурян* [184. Т. I. С. 319]. Эта этимология была ранее предложена В.Г. Егоровым [49. С. 122]. Согласно М. Рясенену, *moren*, *meraŋ*, *meŋaŋ* < чер. **mü* «земля, поле» + *xoran*, *hoŋan*; чер. > чув. [237. S. 275a]. М.Н. Кузнецова предполагает, что название *морен* ~ *меран*, характерное лишь для марийского языка, имеет табуистический характер, и приводит два возможных объяснения происхождения этого маммалионима: проникновение монг. *mörin*, *morin* «лошадь»; образование от общетюрк. *мере* «цель, мишень, бита в игре» с помощью суффикса *-ан* (тюрк. *ан/аң* «зверь»); мар. *марган* «меткий (стрелок), метко стрелять», *мерген* «меткий при стрельбе, метании». Исследователь отмечает, что мар. *йонгез* «лук для метания стрел» – одно из подставных названий зайца, т.е. не исключено, что в основу *морен* ~ *меран* положено слово со значением орудия охоты [90. С. 146–148]. Это слово-табу было заимствовано также татарским языком: тат. дуб. *миран* «куян» (заяц – одно из табуистических названий зайца, т.к.,

если дома живет молодняк, то слово «куян» не должно было произноситься) [170. С. 479]. Итак, вероятно, форма *морен* «заяц» проникла в чувашский язык из марийского языка. Название получило распространение в чувашском языке (как и в марийском, и в татарском языках) в качестве табу, вытеснив др.-чув. **хуран*.

Чувашские народные названия зайца основаны на метафоре и указывают на внешние признаки грызуна. Так, в русском языке зайца именуют *косым*, а в чувашском языке в значении «косой», «заяц (косой)» употребляется словосочетание *чалăш коç* [8. Вып. XVI. С. 136], букв. «косые глаза». В чуваш. говоре на территории Шумерлин. р-на заяц особой породы именуется *катăк тотă* [8. Вып. VI. С. 154], букв. «губа с изъязном».

Карсак [*karsák*] «заяц-русак». *Карсак* – *ка́вак кайăк*; *шурă кайăкран пысăкрах, сăмси вёслё, качака пек; пурăнма çёр айёнче пурăнать* (Там же. С. 104) (перевод: Карсак – серый зверь, больше зайца-беляка, нос с концом, как у козы, обитать обитает под землёй).

Слово *карсак* имеет соответствия в большинстве тюркских языков: туркм. *қарсақ* «степная лисица (корсак)»; каз., ккал., ног., тат., уз. диал. *қарсақ* «степная лисица (корсак)»; кир. *қарсақ* «степная лисица (корсак)»; «общее название рыскающих зверей: волка, лисицы и т.д.»; «общее название мух и гнуса»; тат. диал. *карсак* «низкий», баш. *қархақ* «низкорослый», баш. диал. *қархақ* «песец» [206. С. 313]. Таким образом, наиболее распространенным значением онима *карсак* является «степная лисица (корсак)», лишь в чувашских говорах это название употребляется в значении «заяц-русак». Встречаются сочетания с компонентом *карсак*: *куян карсакё* (Мусирмы Урмарского р-на ЧАССР) [151. С. 36], *карсак куян* (чуваш. говоры на территории Башкирии) [154. С. 327]. В марийском языке также встречаются онимы *карсак*, *корсак* «серый заяц», «заяц-русак», а также сочетание *карсак меран* «заяц-русак» [90. С. 153].

В ЭСТЯ *қарсақ* рассматривается как «отглагольное имя с афф. -қ, восходящее к **қарса-*, омоморфному **қарса*, т.е. *қарсақ* нечто вроде **«торопливый, спешащий»*. Возможно, это значение отражено в утраченном тат. **қарсақ* «заяц-русак», дошедшем до нас в виде чув. *карсак* то же и мар. *карсак* то же» [206. С. 314]. Н.И. Егоров также происхождение чув. *карсак* «заяц-русак» связывает с проникновением тат. *карсак* «степная лисица, корсак» [51. С. 309].

Следует отметить, что тюрк. *карсак* имеет соответствия в монгольских и в тунгусо-маньчжурских языках. Так, Дж. Клоусон [214. Р. 663b] монг. *kirsa* рассматривает в качестве раннего заимствования из тюркского языка. По мнению К.А. Новиковой, тунгусо-маньчжурские формы усвоены из монгольских языков: ороch. *хаса* [*<*харса*] «корсак», уд. *kaһи* ~ *kaһа* [*<*каса <*карса*], нан. *харсă* (Нх), *харса* (Бк), ма. *харса* «куница», нан. *харса* (К-У)

«росомаха» [<**ħarсан*]; ма. *кирса* ~ *хирса* ~ *хирхо* «серая степная лиса», «корсак» < мо.: п.-мо. *kirsa* [<* *kirsay*], монг. *хярс*, бур. *хэрсэ* «корсак» [113. С. 129]. Исследователь со ссылкой на Г. Рамстедта [233. S. 232b], М. Рясенена [237. S. 238b–239a] приходит к выводу о гомогенности форм алтайских языков: «общим элементом в мо. **kirsa*-у, тюрк. *qarsaq* и т.-ма. **ħарса-н* является основа **kirsa*~**qarsa*~**ħарса-*, этимология которой пока для нас не ясна. Многообразие значений тюрк. **qarsaq* и т.-ма. **ħарсан* объясняется, по-видимому тем, что они служат наименованием всех зверьков семейства куньих» [113. С. 129–130]. Близкая точка зрения высказана и в ЭСАЯ. При этом в качестве алтайского прототипа восстанавливается **kārsi* «куница, лисица»: пратунг. **karsi* (куница), прамонг. **kirsa* (степная лиса), пратюрк. **KArsak* (степная лиса) [240. Р. 651]. Учитывая выявленные параллели в алтайских языках, предположение о существовании единой праалтайской формы кажется вполне убедительным.

Следует отметить, что это слово проникло из тюркских языков в диалекты русского языка: «*корсáк* «степная лисица», диал.; также *корсáка* – то же, донск., *корсáк* «крестьянская меховая шапка» [вятск.]» [179. Т. II. С. 338].

Для именования зайца-русака в говоре на территории Башкирии употребляется сочетание *ўр куян* – карсак – заяц-русак. *Ўр куян хирте пурáнать* [151. С. 77] (перевод: Заяц-русак живет в поле). Этот маммалионим, вероятнее всего, носит заимствованный характер, ср.: башк. *ўр куяны* (*ургуян*), тат. *ўр куяны* «заяц-русак», башк., тат. *ўр* «подъём (местности)», соответ. чув. *вир* «гора; горный», «верх, верховой» [193. С. 80]. В чувашских говорах на территории Татарстана встречается название *хир-куйанё* [283. Л. 141]. *Хир куйанё* «заяц (степняк)» зафиксировано в с. Микушкино Самарской губ. [8. Вып. XVI. С. 125]. Известны видовые наименования этого грызуна по месту обитания: *вáрман мулкачё* «заяц-беляк» [64. С. 24], букв. «лесной заяц»; *хир мулкачё* «заяц-русак» (Там же), букв. «луговой заяц». Для именования зайца-беляка в некоторых верховых говорах (Урмар.) употребляются сочетания с компонентом *кайáк* «заяц» и *шурá* «белый»: *шурá кайáк*, *шорá кайáк*, *шор кайáк* «заяц» [8. Вып. XVII. С. 235]. Встречается также сочетание *шурá мункаç* «заяц-беляк» [8. Вып. VIII. С. 265].

Прусак [*prusák*] «заяц-русак». В «Русско-чувашском словаре» Н.В. Никольского рус. *русак* переводится на чувашский язык словом *прусак* (*хёлле те шуралман пысáк мулкачá*), букв. «большой заяц, не белеющий даже зимой». Русакъ лежитъ въ степи, белякъ въ лесу – *прусак* (*ка́вак мулкачá*) *хирте выртать*, *шур мулкачá вáрманта* [112. С. 486]. На территории Карк-Сирмы Красночетай. р-на Чувашии зафиксирован также фоновариант *прысак* – *карсак* –

заяц-русак [151. С. 52], на территории д. Якейкино употребляется оним *пруссак* «русак (заяц особой породы)» [8. Вып. X. С. 276]. Это слово, на наш взгляд, было заимствовано из русского языка. Так, в русских говорах *прусак* употребляется в значении «малый или бурый избной таракан» [31. Т. III. С. 529], ср. знач. чеш. *šváb* «рыжий таракан», букв. «шваб» [179. Т. III. С. 390], т.е. зооним *прусак* в чувашском и в других языках указывает на рыжеватый оттенок окраски зайца. Маммалионим также проник в соседние языки Поволжья: татарский (*бурсақ қуйан*, *пурсақ қуйан*, *ырусак қуйан* «заяц-русак» [131. С. 56]), марийский (*русак меран*, *русак морен*, *русак* (диал.), *вурсак меран*, *бурсак*, *пурсак меран*, *пурсак*, *прусак*, *просак* «русак, заяц-русак» [90. С. 152–153]), удмуртский (*пурсак* диал. «заяц-русак») языки.

Кролик [*królik*] «кролик». Это прямое заимствование из русского языка: < рус. *кролик*. В рукописных источниках зафиксирован также фоновариант *кролёк* [283. Л. 171; 284. Л. 115].

Сайка [*sájka*] «кролик». *Сайка (-га)* «кролик», *сайкка* «кролик», *сайкка-куйан* «кролик» [8. Вып. XI. С. 4] < рус. *зайка*, уменьшит. от *заяц*. *Тилё тёрлё каййак тытатъ: мулкачсем, сайкасем тытатъ* (Там же) (перевод: Лиса ловит разных зверей: ловит зайцев, кроликов). Это название проникло из русского языка, при этом в чувашском языке произошло оглушение звонкого анлаута, изменилось значение слова: оним начал употребляться по отношению к кроликам – «домашним зайцам». А.М. Щербак объясняет это тем, что «при наличии в некоторых тюркских языках своих и заимствованных слов, обозначающих зайца, происходит разграничение их по значению, ср. тув. *тōлай* (монг. *тūлай*) и чув. *саикка* (< русск. *зайка*) «кролик»» [200. С. 137]. Зафиксированы чувашские народные названия кролика в форме сочетаний: *килти куйан* [283. Л. 133], букв. «домашний заяц», *кил мулкачё* [46. С. 162]. Так, в «Русско-чувашском словаре» Н.В. Никольского, рус. *кролик* переводится словами «*сайка*; *килте пурйанакан мулкач*» [112. С. 170], букв. «зайка; заяц, живущий дома».

§ 2.8. Отряд грызуны

§ 2.8.1. Семейство беличьи

Пакша [*pakšá*] «белка». Принято считать, что белка с ценным мехом занимает первое место среди полезных грызунов [325. С. 161]. Так, зооним *пакша* семантически связывается с чем-то ценным и труднодоступным: *Тытман пакша – вёрман патии* [319. Т. 5. С. 33] (перевод: Непойманная белка – царица леса). Реже название этого зверька ассоциируется с незначимым, ненужным предметом или явлением: *Лаша вырйанне пакша тыттарса хаварнй тет* [314. С. 79] (перевод: Вместо лошади, говорят, всучили белку). Оним символизирует также связь между

явлениями, преемственность поколений: *Пакшана* – *пакша*, *патшаран* – *патша* [289. Т. 2. Л. 445] (перевод: Белке – белка, от царя – царь).

В «Русско-чувашском словаре» начала XX в. название «белка» переводится словами *пакша*, *вакша* [112. С. 43], ср. также устойчивое сочетание *хора вакша* «черная белка». *Хура вакша* (*сонатлă*) [8. Вып. XVI. С. 200] (перевод: Чёрная белка (крылатая)).

В современном чувашском литературном языке употребляется форма *пакша* [159. Т. 1. С. 58], в говорах встречается фоновариант *покша* [8. Вып. IX. С. 261], *вакша*, последнее употребляется на территории Моргауш. [101. С. 93], Урмар. [283. Л. 151] и Марпосад. [284. Л. 115] районов Чувашии, при этом в «Лингвистическом атласе Европы» отмечено распространение фоноварианта *вакша* лишь на территории с. Моргауши [290. Карта № 100]. Следовательно, вариант *вакша* получил распространение в среднем и в верховом диалектах чувашского языка.

М. Рясянен утверждает, что чув. *vakša* «белка», *rakša* > др.-рус. *vekъša*, др.-рус. *вѣкъша* «денежная единица» [237. S. 525b.]. В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» действительно отмечено *вѣкъша* в значениях: «1. белка; 2. мех белки; 3. податная (натуральная и денежная) единица» [163. С. 55]. Как известно, на Руси в качестве денег использовались шкуры животных – песца, белки, соболя, куницы, поэтому «древнейшие русские названия денег связаны с разного рода названиями животных: *скоть*, *куны*, *баль* (последние два от названий пушных зверьков). Подобный перенос значения отмечается в тюркских языках, где слово *тин* в татар., казах. и уйгур. языках имеет значение «белка» и «копейка», ср. также удмурт. *коньы* «белка» и «копейка». Такой переход значений, вероятно, был вызван сходными условиями экономической жизни, при которых в качестве денег выступали шкурки пушных зверей» [42; дата обращения 21.12.2015]. Следует предположить, что и в случае со словом *векша* «белка» произошел перенос значения с названия животного на название денежной единицы. С течением времени, с исчезновением этого способа расчета, слово *векша* в значении «денежная единица» в русском языке вышло из употребления. В «Толковом словаре живого великорусского языка» *векша* объясняется «*вѣкъша* *ниж.* лесной зверек *Sciurus vulgaris*, бела, белка; мышь? *пск.* урма? *кстр.* *Векша* в город забегает к войне» [31. Т. I. С. 175]. В «Словаре русских народных говоров» зафиксировано *вѣкъша* и *векшѧ* в значениях «1. белка; белка летом с рыжей шерстью; 2. о человеке (по отношению к лицам мужского и женского пола)» [162. Вып. 4. С. 104–105]. О.Н. Трубочев словарную статью о слове *вѣкъша*, приведенную в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера, дополняет замечанием, что слово *вѣкъша* «несомненно связано с *вѧшка* молодая белка, вместе с которым *вѣкъша* могло быть заимствовано из ф.-у. или чув.» [179.

Т. I. С. 287]. При этом в ряду тюркизмов русского языка слова *вакша*, *пакша* не рассмотрены ни Н.К. Дмитриевым, ни Е.Н. Шиповой. В.Г. Егоров, в свою очередь, предполагает заимствование верховыми чувашами слова *пакша* в древнее время из русского языка: *векиша* «белка». По мнению исследователя, низовые чуваша губно-зубной звук *в* заменили зубно-губным *п*, ср. перс. *vāšāg* «рысь» [49. С. 142]. Примечательно, что в памятниках старочувашской письменности зафиксированы формы только с начальными *п*-, *б*-: *бакша*, *baksza*, *bakscha*, *пакша* [153. С. 31] и диалектные формы с начальным *в*-, носящие узколокальный характер, не указаны. Г.Е. Корнилов в рамках теории имитативов, рассматривая «внешнее» звукоподражание (шорох, шелест), проводит параллели между рус. *векиша* «белка» и рус. холмогорск. *векиша* «сорока»; чуваш. *пакша/вакша* «белка», хинди *панк* «крыло», *панкхи* «птица»; санскрит. *пакша* «крыло (птицы и перен.)», *пакшии* «крылатый, птица». И отмечает, что последняя параллель подвергает сомнению все ранее опубликованные интерпретации русск. *векиша* и чуваш. *пакша* [77. С. 143].

Наиболее распространенное название белки в тюркских языках: алт. *tiĵiŋ*; казах., к.-калп., ног., узб., уйг. *tiĵin*; кирг. *tiĵin*; тат. *tiĵen*, тув. *diĵiŋ*; якут. *tiŋ*. В древнетюркских памятниках зафиксирована форма *tejiŋ* [43. С. 549]. А.М. Щербак предполагает относительно позднее использование слова *tiĵin* в качестве наименования белки. Большое же разнообразие обозначений белки в современных тюркских языках указывает на нетипичность белки для того ареала, в котором размещались древние тюрки, ср. азерб. *dälä* и *mīšovuł* (ср. *mīšik* «кошка»), туркм. *avīsiĵdik*, тур. *sinĵan*, узб. *ālmaħān*, чув. *пакша*, *вакша* [200. С. 143].

Следует отметить, что для именования бурундука, помимо заимствованного названия *пърăнтăк* (< рус. *бурундук*) в чувашском языке используется сочетание *Сибирти пакша*, *вакша* «бурундукъ» [112. С. 42].

Таким образом, чувашский зооним *пакша*, *вакша* не имеет параллелей в тюркских языках. Фонетически близкая форма встречается лишь в персидском языке: перс. *vāšāg* «рысь». При этом соответствия выявлены в марийском и в русском языках, поэтому возникает вопрос о родстве этих слов, при этом среди исследователей окончательно не решен вопрос об источнике и характере заимствования этого названия.

Сăвăр [*sävâr*] «сурок». Согласно чувашской мифологии, если окажется в руках человека, *сăвăр* сильно плачет, вытирает слезы, поэтому говорят, что этот зверёк произошел от людей [316. С. 141]. В мифе также описывается, что сурок произошёл от детей богача, с помощью которых отец обманул бедного соседа и присвоил его богатый урожай участка. В наказание Турă превратил спрятавшихся в яме детей, говоривших якобы голосом Бога, в сурков (Там же.

С. 142). *Сăвăр* – сурок, живет на горах, свистит [8. Вып. XI. С. 239]. Это животное ассоциируется с вором или скрывающимся преступником. Данная характеристика, вероятно, связана с особенностью животного собирать в норе запасы травы, листьев, семян, зёрен: *Пурнăç юсансах пычĕ, Нина йна кура, сăвăр пек, мĕн алла кĕнине йăлтах килелле тултарма пуçларĕ* [260. С. 100] (перевод: Жизнь налаживалась. Нина, видя это, как сурок, заполняла дом всем, что попадало в руки). Сурок символизирует также одинокую жизнь: *Ниушлĕ пирĕн ĕмĕрех сăвăрсем пек пĕччен пурăнмалла вара?* [298. С. 163] (перевод: Неужели нам век одним жить как сурки?).

Чув. *сăвăр* «сурок» имеет соответствия в отдельных тюркских языках кыпчакской, карлукской, киргизско-кыпчакской групп: кирг. *суур* сурок [124. Т. IV. С. 764]; уйг., узб. *сугур*, уйг. Син. (диал.) *сувур*, казах., тат. *суыр*, башк. *һыуыр* «сурок»; желт. уйг. *сугур* [49. С. 180]. К.-калп. *сурок* – заимствование тюркского слова из русского языка в соответствующем оформлении [200. С. 148]. В КЧРС чув. *сывыр* зафиксировано в значении «суслик», и приведены соответствия: алт. *сүзелик, йыду ас* [56. С. 64], в чувашско-русском словаре начала XX в. *сăвăр* переводится «сурок, суслик» [111. С. 165]. В современном чувашском литературном языке словом *сăвăр* именуют сурка, байбака [193. С. 349]. Использование слова *сăвăр* для именования и сурка, и суслика объясняется, вероятно, тем, что в сознании носителей языка эти грызуны были не различимы из-за внешней схожести.

В ЭСАЯ реконструирована единая праалтайская форма **segi* «вид грызуна», прамонгольская форма **sowsar* «куница», отмечено, что в тюркские языки проникла монгольская форма: монг. > тюрк. *sawsar*; тюркская праформа имеет вид **sogur*(~ -a-) «вид грызуна (сурок)»: карах. *soyur*, тат. *suwir*; башк. *hiwir*; ойр. *siyiryan* «маленький грызун»; чув. *sъ^wvъ^wr*. В качестве соответствия в тунгусских языках приводится праформа **seger(ke)* соболь [240. Р. 1223]. М. Рясенен проводит параллели ср.-тюрк. *sykyrlan, sakyrlan* с др.-булг. **səmər* < **suḡur*; чув. *săvăr*, казах. *sūr*, приводит тунгусские: *siḡere-kēn* и финно-угорские соответствия: *hiiri* < **šiḡire* [237. S. 416a]. Р.Г. Ахметьянов, в свою очередь, при анализе тат. *суыр* «сурок» и общетюрк. *суур, сугур* «сурок, хомяк», др.-тюрк. *согур* «заяц» отмечает, что происхождение корня не ясно, и связывает этимологию рус. *сурок* с заимствованием из татарского языка (др.-рус. *сур*) [4. С. 183]. В «Этимологическом словаре русского языка» предполагается, что рус. *сурок* «небольшой степной грызун; обл. (новорос.) свистун, (оренб.) байбак, (сиб.) тарбаган» является заимствованием из тюркских языков, источником выступает тат. *serkə* «сурок», допускается также звукоподражательное происхождение слова – от характерного свиста сурка [179. Т. III. С. 808].

Следует также отметить, что Г.Е. Корнилов относит тюркское *сарсал* «ласка», чувашское *шă(р)ши* «мышь», также русское *суслик*, польское, чешское *сусел*, чувашское диалектное *сўслёк* «суслик», русское *сурок*, тюркские *сур*, чувашское *сăвăр* «сурок» и т.д. к зоонимам, образованным на базе *с*-инициальных алломорфов **суз-* (*сус-*), **сур-* и т.д. [76. С. 51].

Компонент *сăвăр* входит в состав устойчивых сочетаний *сăвăр кăмпи* «гриб-дождевик», *сăвăр чулĕ* диал. «булыжник» [193. С. 349], *сăвăр сырли* «название растения», *сăвăр кăмпи* «название особого рода гриба, употребляемого для лечения ран», *сăвăр тўпи* «название холма» [8. Вып. XI. С. 239–240].

Итак, если даже допустить существование единой праалтайской формы для именования сурка и проникновение онима в тюркские языки из монгольских языков, происхождение монгольского названия остаётся доподлинно не известным. При этом нельзя оставлять без внимания праформу, восстановленную М. Рясененом, др.-булг. **səməθ < *suṡur*.

Йăмран [*jəmran*] «суслик». *Йăмран* (*йымран*) – *тырă сийет, пурлă, тилĕ тĕслĕ* (животное) [8. Вып. V. С. 73] (перевод: Суслик (йымран) – ест зерно, сероватый, лисиной окраски). Слово зафиксировано в чувашских говорах на территории Башкирии (Н. Карамалы Миякин. р-на, Три Ключа Бакалин. р-на, Зириклы Бижбуляк. р-на) [151. С. 21]. Культурная коннотация этого названия нами не выявлена. Наличествуют соответствия в отдельных тюркских языках: чаг. *йумран* «крот», тел. *йымран* «маленькое животное, живущее в степи», тел. *йубуран* «юмранка», леб. *йыбыран* «небольшой степной зверёк» [124. Т. III. С. 499]; Замашх., уйг. *йумран*, башк., тат. *йомран*, узб. *юмронкозик* «суслик», чаг. *юмран* «крот», «крыса», «мышь» [49. С. 75]. Примечательно, что для говоров мишарского диалекта татарского языка характерен фонетический вариант с начальным *ш*-: тат. мел., тат. дрож. *шомран*, тат. чст. *шымран*, *шырман* (метатизированный вариант) [131. С. 57]. Вероятно, в диалектах татарского языка сохранились заимствования из старочувашского языка: ст.-чув. **šumran*, **šămran* [165. С. 165].

В старочувашском языке для именования суслика употреблялось название **šolkan*, имеющее соответствия в отдельных тюркских языках (алт., леб. *salyq*, шор. *sagul*), чув. **šolkan >* тат. *šu:lyukan* «суслик»; мар. *šulyan*, *шурган* «крот» (Там же). В современном чувашском языке этот оним вышел из употребления.

Оним *йăмран* «суслик» проник в чувашский язык из тюркских языков, однако этимология этого слова не ясна. Так, М. Рясенен в качестве гомогенных рассматривает: чаг. *jumran*, каз.-тат. *jəmran* (> чув. *jəmran*), тел. *juburan*, *jymran*, леб. *jybyran*, крч. *žumran*, ? як. *žabara*, *žäbärä* «суслик» и в качестве параллелей к тюркским формам приводит монг. *žumran*,

žurman «суслик» [237. S. 210b]. А.М. Щербак, в свою очередь, предполагает существование единой праформы **ḍ'umbaraγan* для тюрк. *йумран*, монг. *зурам* и бур-монг. *зумбарāн*, первоначальное значение которой в тюркских или монгольских языках не известно [200. С. 148]. К.А. Новикова на основании тюркского материала единую монгольскую и тюркскую праформу **žumbaraγan* < **žum-bara* + **-γan* связывает по происхождению с туркм. *жимры*, тат. *жомры* < **jumbara* < **žumbara* «круглый, округлый, шарообразный», «пухлый» и отмечает заимствование тунгусо-маньчжурскими языками монгольского слова: сол. *жумбур* ~ *жумбрā* «суслик», маньчж. *жумарбан* ~ *жумархан* ~ *жумарха* «полевая мышь», *жумара* «крот», «ласка» < монг.: п.-монг. *žumran* ~ *žurman* [113. С. 125]. В ЭСАЯ предполагается проникновение тюркской формы в монгольские языки: тюрк. > монг. *žurum*, *žurama* [240. Р. 881].

М.Р. Федотов отмечает, что «чув. *йăмран* < тюрк. происхождения, собств. чув. *тыркас* суслик» [184. Т. I. С. 183]. Р.Г. Ахметьянов проводит параллели между тат. *йомран* «суслик» – чув. *йăмран*, мар., удм. *юмыран* – общекрыш. *йумран*, *йомран*, *жумран*, алт. *йубуран*, *йувуран* (рус. *еврашка*) [4. С. 81]. Л.С. Левитская ставит вопрос о заимствовании чув. *йăмран* из татарского языка [94. С. 29]. Вероятнее всего, из татарского языка это слово проникло и в отдельные финно-угорские языки Поволжья: мар. *юмран*, *юмыран*, удм. *jumiran* < тат. *jomran* [90. С. 162].

Таким образом, выявлены соответствия чув. *йăмран* «суслик» в тюркских языках карлукско-хорезмийской, кыпчакско-булгарской подгрупп, киргизско-кыпчакской группы (в диалектах алтайского языка). Выявлены также параллели и в монгольских, и в тунгусо-маньчжурских языках, при этом наиболее вероятным является существование единой праформы для тюркских и монгольских языков. В чувашский язык маммалионим *йăмран*, вероятнее всего, проник из соседних языков кыпчакско-булгарской подгруппы.

Тыркас [tirkás] «суслик». Фоноварианты: *тирка* [154. С. 245], *тиркас* «суслик» [283. Л. 145], *чирккас* (Там же. Л. 141), *чыркас* (*тыркас*) [48. С. 642]. В рукописных источниках этот маммалионим зафиксирован в виде словосочетаний: *тир кас* [283. Л. 135], *тир касă* (Там же. Л. 137). *Тыр-кас*, суслик. *Тыр-кас-ола*, *малти орисем кёске*, *карисем – вăрăм*, *хирте порнать* [8. Вып. XIV. С. 3] (перевод: Суслик – пегий, передние лапы короткие, задние – длинные, живет в поле). В сознании носителей языка этот грызун ассоциируется с целью, для достижения которой надо приложить усилия: *Каркаланса тăнипех тыркас чейпи те тыттармасть* [289. Т. 6. Л. 1333] (перевод: Если просто стоять с важным видом, детёныш суслика не позволит себя поймать). Часто в сознании носителей языка этот зверёк символизирует свободу: *Тыркас тытма памарёс мана, ик-виç кунтан ял совет кантурне «конвойпа» илсе кайрёс* [267. С. 40]

(перевод: Мне не дали возможности половить сусликов, через два-три дня доставили конвоем в контору деревенского совета). Слово *тыркас* собственно чувашское, оно образовано из «*тырă* ‘хлеба в зерне’, ‘хлеба на корню’, ‘посевы’ + *кас* ‘резать’, ‘уничтожать’; назван так потому, что приносит большой вред посевам» [49. С. 268].

Çĕр мӑлкаçĕ [sʰər mālkaśʰə] «суслик». В рукописном источнике Н.В. Никольского на территории Урмарского р-на Чувашии приведено сочетание *çĕр мӑлкаçĕ* [283. Л. 171], употребляющееся для именованя грызуна, вероятно, суслика, т.к. в чувашских говорах также встречается название *çĕр мӑкаç* «суслик» (Там же. Л. 149, 151). Это наименование возникло в чувашском языке на основе метафорического переноса: *çĕр мӑлкаçĕ*, букв. «земляной заяц».

Чӑпаркка [čəBarká] «суслик». В говоре с. Неверкино Пензен. обл. зафиксировано *чӑпаркка* «суслик» [151. С. 85], указывающее на окраску животного, чув. *чӑпар* «пестрый, рябой; серый», отсюда *чӑпар тыр кас* «суслик крапчатый» [64. С. 43]. Следует также отметить, что словом *чӑпаркка* в разговорном чувашском языке называют также рябую, пеструю курицу, пеструшку [193. С. 584].

Пичук [piDʹŽʹúk] «суслик». В Словаре Н.И. Ашмарина зафиксировано: *пичук* «суслик», *пичук* «тыркас» [8. Вып. IX. С. 248]. *Пичук* (Большое Микушкино) – тыркас – суслик. *Пичук тытма кайнӑ* [150. С. 82] (перевод: Отправился ловить сусликов). *Пичу* (Базлык, Слакбаш) – тыркас – суслик. *Пичу* (Кош-Елга) то же, что *пичу* [151. С. 50]. А.М. Щербак отмечает, что происхождение этого слова в чувашском языке не известно [200. С. 148]. В русском языке употребляется звукоподражательное *пичуга* «птичка», от *пикать*, *пикнуть* [179. Т. III. С. 270]. Вероятно, чув. *пичук* также носит звукоподражательный характер, т.к. суслики известны своей привычкой при опасности вставать на задние лапы и издавать характерные свистящие звуки.

Мӑйкӑта [mājGātá] «суслик» [111. С. 114], ср. близкое по звуковому оформлению *мӑйкӑчӑ*, обозначающее приспособление для стеснения движений животных (в т.ч. сусликов), аркан: *Мӑйкӑчӑ – кантӑраран тунӑ йӑпала, ункӑ пек туса (шуса?) хӗстермелле тӑваççĕ; унна йӑмрансем тытаççĕ, арлансем* [8. Вып. VIII. С. 292] (перевод: Мӑйкӑчӑ – приспособление, сделанное из веревок, делают как петлю для сдавливания, им ловят сусликов, хомяков). Соответствия этого маммалионима в родственных языках нами не выявлены.

Для именованя суслика в говоре дер. Н. Абакасы Ибресин. р-на Чувашии используется название *сӱслӗк* [151. С. 59] < рус. *суслик*. В мишарском диалекте татарского языка, к примеру, употребляется фоновариант *суслык* [131. С. 57].

Таким образом, для именования суслика в чувашском языке употребляются синонимичные названия: общетюркское слово *йăмран*, заимствованный из русского языка оним *суслѣк*, собственно чувашские: *тыркас*, *çĕр мăлкаçĕ*, *чăпаркка*, *пичук*, *мăйкăта*.

§ 2.8.2. Семейство бобровые

Хăма [hə́má] «выдра», «бобр», «соболь». Культурная коннотация онима *хăма* в чувашском языке нами не выявлена. В тюркских языках для именования выдры употребляется оним *қама*: каз., каз. диал., ккал., тат., башк., уйг., уйг. диал. *қама* «выдра», чув. *хăма* «бобр, соболь» [206. С. 242], тоб., тара, каз. *кама* «выдра» [124. Т. II. С. 479], тат. *кама* «выдра» [17. Т. I. С. 25]. Таким образом, диалектное значение «бобр, соболь» выявлено только в чувашском языке, при этом в большинстве случаев указано общетюркское значение, ср.: *хома* «выдра» [8. Вып. XVI. С. 157], *хума* «выдра» (сундырский говор чувашского языка) [183. С. 262], *хумă* «соболь» [8. Вып. XVI. С. 157]. В КЧРС отмечены следующие формы: *хома* «выдра» (тат., кир. *кама*, алт. *камду*) [56. С. 95], *хумы* «соболь» (л. чер. *лумушь*) (Там же. С. 98). Л.С. Левитская предполагает, что общетюркский *а* перешел в *й* через ступень *о ~ и*, отмечает диалектное чередование *о ~ и ~ й* [94. С. 59], а *х-* в анлауте чувашского слова, вероятно, восходит к более сильному согласному, представленному в пратюркской форме **qата* [165. С. 161]. В рукописи «Словаря языка чувашского», датируемой XVIII в., зафиксирована форма *хома* в значении «бобр» [153. С. 33], при этом значения «бобр», «соболь» являются устаревшими [193. С. 544].

В ЭСТЯ зафиксированы также общетюркские формы: *қамнағы*, *хамнос*, употребляющиеся для именования выдры и имеющие параллели в отдельных тюркских языках [206. С. 242]. Так как слова *қама* нет ни в ДТС, ни в Словаре Дж. Клоусона, это слово как будто не засвидетельствовано в др.-тюрк. и ср.-тюрк. памятниках, следовательно, можно предположить его иноязычное происхождение (Там же). Р.Г. Ахметьянов отмечает древнее происхождение тат. *кама* «выдра, мех выдры или бобра», в качестве параллелей приводит удм. *кама*, мар. *ома*, *кома*, чув. *хăма* «выдра», основа слова – общетюрк. *кам* «шаман, священник у тюрков», ср. употребляющиеся в диалекте сибирских татар *камнауыц* (*камлавыч*) > хак. *хамнос*, шор. *камнағыс* «выдра» [4. С. 89]. В качестве надежных алтайских параллелей в СИГТЯ рассматриваются ПА **kiата* «водяной зверь», ТМ **kита* «нерпа» [167. Т. I. С. 430], кор. **kōt* «медведь», яп. **kита* «медведь» [165. С. 162]. М. Рясенен проводит параллели

тюркских форм (каз.-тат., тоб., тара. *kata* «выдра», чув. *хита*, чув. *хета* «бобр, соболь» и т.д.) с монг. *qaligun* «бобр, выдра», маньчж. *xajlun* [237. S. 228 ab].

М.Р. Федотов предполагает заимствование чув. *хӓма* марийским языком: *хӓма*, сунд. *хума* «выдра» > марГ. *ама* «бобр», марЛ. *кома* «выдра» [183. С. 262], в то же время в «Этимологическом словаре чувашского языка» исследователь отмечает проникновение чувашской формы в горномарийский язык, и тюркской – в луговой марийский: марГ. *ама* «бобр» (< чув.), марЛ. *кома* «выдра» (< тюрк.) [184. Т. II. С. 324]. М. Рясенен также отмечает заимствование черемисским языком чувашской формы: чув. *huma* (> чер. *ата*, *кота*) [237. S. 228ab]; *кота* «какой-то зверь», «выдра», *ата* «выдра» < чув. *hota* «выдра»; в луговом черемисском языке ожидалось *х-* в анлауте; чер. *kotak* «суслик» не принадлежит к этому, ср. чув. *hutu* «соболь», рус. *хомяк* [236. S. 147]. У. Байчура, в свою очередь, предполагает заимствование мар. *ама* не из чуваш. *khama*, а из тат. *qama* [209. S. 178]. М.Н. Кузнецова отмечает сложность установления точного источника заимствования марийского слова именно из-за анлаутного согласного и гласного, но предполагает, что марийская форма представляет собой кыпчакское заимствование (а не собственно татарское или болгарское), о чем свидетельствует *х* в чувашском зоониме [90. С. 81].

Таким образом, вопрос о происхождении чув. *хӓма*, общетюрк. *кама* не нашел однозначного ответа. Так как исследователями выявлены соответствия в тюркских языках, а также проведены параллели с монгольскими, тунгусо-маньчжурскими формами, то следует предположить существование единой праалтайской формы, но в этом случае следует обратить внимание на то, что *кама* «выдра» не зафиксировано в др.-тюрк. и ср.-тюрк. памятниках, при этом ряд исследователей предполагает древнее происхождение тюркского названия. В чувашском языке, в отличие от тюркских языков, употребляется форма с начальным *х-*, устарелое чуваш. *хӓма* употреблялось в отдельных говорах в значениях «бобр», «соболь», не известных в других тюркских языках.

Хӓнтӓр [hӓ́nДӓ́r] «бобр». *Вак касрӓм, шыв ёсрӓм, хӓнтӓр пур иккенне пӓлмерӓм* [8. Вып. XVI. С. 340] (перевод: Сделал прорубь, испил воды, но не заметил, что, оказывается, есть бобры). Бобёр – самый крупный грызун. Носители чувашского языка часто сравнивают густые и шелковистые брови с бобриными: *Пичё-кусё ӓӓлтӓр нек, Кус харишийӓ хӓнтӓр нек* [319. Т. 4. С. 17] (перевод: Лицо, как у звезды, брови, как у бобра), в данном примере *хӓнтӓр* перен. « меховая оторочка на концах рукавов, на обшлагах и др. краях одежды в качестве украшения». Так, в русском языке употребляется устойчивое выражение *соболиные брови*.

Встречается также название *хәнтәй кайәк*, то же, что *хәнтәй* [8. Вып. XVI. С. 341]. Слово *кайәк* в этом примере указывает на принадлежность бобра к диким животным.

Выявлены следующие параллели онима *хәнтәй* в тюркских языках: турк., аз. *қундуз*; тур., гаг., кир., уз., уйг. *қундуз*; каз., ккал., ног., тув. *қундыз*; лоб., алт. *қумдус*; уйг. диал. *қумдос*; лоб. *қулдус*; тат. *құндыз*; баш. *құндұз*, тув. тодж., тоф. *хундус* [207. С. 145–146], тат. сред. д. *қондоз*; тат. миш. *кондыз*; «бобёр» – во всех источниках, кроме турк., кир., тоф.; «выдра» – турк., кир., ног.; «соболь» (?) – лоб. [131. С. 53]. Таким образом, название животного употребляется повсеместно, при этом в чувашском языке – языке болгарской группы – зафиксирован ротацированный вариант онима, в то время как у тюркских форм наблюдается зетаизм: общетюрк. *қундуз* < др.-тюрк. **қунгур* [4. С. 112]. Н.Н. Поппе при анализе фонетических соответствий чувашского и тюркско-татарских языков отмечает, что праязыковой гласный **u* в чувашском языке отражается в неударенном положении как *ă(ě)*: чув. *хәнтәй* «оторочка из меха» = тюрк. османск. *qunduz* «бобр» [122. С. 16].

Этимология этого общетюркского слова доподлинно не известна. М. Рясенен проводит параллель тюрк. *kunduz* (**kuntuz* < **kuntuŕ*) с финно-угорскими формами: хант. *χundil* «крот», манси. *χontel* «бобр», венг. *hód* [237. S. 301a]. Однако существуют фонетические и семантические трудности подобного сопоставления, которые со ссылкой на Г. Дёрфера [215. Band III] и на Е. Моора [224] указаны в ЭСТЯ [207. С. 146]. Р.Г. Ахметьянов также проводит параллель между тат. *кондыз*, чув. *хәнтәй* и финно-угорскими формами: мар., удм. *қундыр*, мар. *умдыр*, *ындыр*, манси. *хонтел* < болгар. *кѡндѡр*; название реки в Татарстане *Кондырча*: *Кондыр* + *ча* «река бобра» ~ тат. *кѡны*, общетюрк. *қуну* «куница, росомаха» однокоренные слова [4. С. 112]. В СИГТЯ отмечается возможное образование праформы **qunduz* путем сложения **kuni* + *utyŕ* «выдра», при восстановлении первой части приводятся следующие формы: шор. *kuni*, *kuni-жак*, хак. *χuni*, тат. тоб. *kuni* «росомаха», башк. *көпө*, кар. *kun* «куница» [237. S. 300b], если эти последние формы не восходят к индоевропейскому (славянскому?) заимствованию, также не исключается заимствование из угорских языков [165. С. 162].

В древнетюркских памятниках зафиксированы *qunduz*, *quntuz* зоол. «бобр», *qunduz qajiri* (~ *qajri*) «бобровая струя, секрет мускусной железы бобра» [43. С. 466]. Следует отметить связь тюрк. *kunduz* со ср.-тюрк. *kayir*, отмеченную Дж. Клоусоном. В Словаре Клоусона при анализе слова *kayir* «кастореум, пахучее выделение бобра» приведены уйг. *kunduz*, хак. *kunduz*, чаг. *kunduz* [214. P. 678b–679a], в которых выделяется суффикс *-z*, как и у некоторых названий животных и насекомых: *uyaz*, *torjuz*, *kunduz* и т.д. (Там же. P. XVIII). В ЭСАЯ реконструирована

единая праалтайская форма **kǵájo* «сильный запах», «дым», получившая развитие в отдельных группах языков в виде пратунг. **koja* «струя кабарги», прамонг. **kej* «1. воздух, атмосфера; 2. ветер», пратюрк. **KAjir* «мускус, пахучие выделения бобра», праяпон. **kaiN-púri* (~*kiá-*) «дым»; выявлены параллели в тюркских языках: др.-тюрк. (др.-уйг.) *qajir*, карах. *qunduz qajiri*, средневеков.-тюрк. *qajir*; тат. сиб. *qajir*; хак. *xajir*; шр. *qajir* [240. Р. 685].

В.Г. Егоров предполагает происхождение слова из араб. «бобр»; ср. перс. *قندوز* (фондоз) «соболь» [49. С. 293].

Для именования бобра в марийском литературном языке употребляются онимы *умдыр* [99. С. 629], *вѣдумдыр* (Там же. С. 86). На этимологически близкую форму в черемисском языке указал ещё Н.И. Золотницкий, который привел соответствия чув. *хундур* «бобёр» (тур. *кундуз*, тат. *кондоз*, алт. *кумдус*, л. чер. *ундур*) [56. С. 99], *хондыр* «опушка шубы и пр.» (Там же. С. 95). М. Рясенен предполагает проникновение в черемисский язык форм *имдѣр*, *имдѣр* из тюркского языка – чув. *хѣндѣр* [237. С. 301a]. О заимствовании чувашского слова марийским языком заявляет также М.Р. Федотов: *хӓнтӓр* > марГ. *ындыр*, марЛ. *умдыр* / удм. *кудыр* – тат. *кондыз* бобр [183. С. 263].

В алтайских языках для именования бобра используются: монг. *минж*; маньч. *уки* «самка выдры и бобра»; тунг. *тарга*, *хатала*, *чэлбэн* [200. С. 146], т.е. фонетически близкие названия не выявлены.

Таким образом, этимология чувашского зоонима *хӓнтӓр* не известна. При сближении этого общетюркского слова с финно-угорскими формами возникают сложности. На наш взгляд, предположение о существовании единой праалтайской формы выглядит вполне убедительно. Соответствия выявлены во всех группах тюркских языков и в чувашском языке используется ротацированный вариант этого общетюркского слова, ср. др.-тюрк. **куңДур*.

§ 2.8.3. Семейство тушканчиковые

Йалма(н) [*jalmá/jalmán*] «тушканчик» [8. Вып. IV. С. 181]. Оним *ялма* «тушканчик» зафиксирован в говорах чувашского языка на территории Буинского уезда Симбирской губернии и нынешней территории Татарстана [154. С. 245]. В «Словаре чувашского языка» указан оним *йалман* «назв. какого-то дикого животного» [8. Вып. IV. С. 181] и приведено описание этого грызуна, вероятно, тушканчика или суслика: *Йалман – кайӓк; сӗр шӓтӓкӗнче пурӓнать, (шурӓ) пӓтӓ шеп пулатӓ; ӓна нӓкам та тытаймасть, ал туйине персе, амантса анчах тытаççӗ... Йалман тирне сӓсе сутаççӗ. Хура, кушак пек, хирте шӓтӓкра пурӓнать*

(Там же) (перевод: Йалман – дикое животное, живет в земляной норе, (белый) живет очень прекрасно, его никто не может поймать, ловят только выстрелив из ружья, ранив... Шкуру, сняв, продают. Черный, как кошка, живет в поле в норе). В чувашском языке встречается также сочетание *йалман куйан* «тушканчик большой» [87. С. 279]. Культурная коннотация маммалионима *йалма* в чувашском языке не отмечена.

В древнетюркском языке зафиксировано *jamlan* в значении «разновидность крысы» [43. С. 231]. Слово *йалман* имеет соответствия в отдельных тюркских языках огузской, кыпчакской, карлукской, а также киргизско-кыпчакской групп: турк. *йалман* «проныра», баш. *йалман* «тушканчик», уз. диал. *йалман* «вид полевой мыши», уз. *йал'ма'н* «крыса», кир. диал. *жсалман* «расторопный; язык», тат. *йалмақ* «тушканчик; мифическое существо, пожирающее все, что попало» [143. С. 97], тат. абд., тат. кргл., тат. кмшл. *йалман* «горностай» [131. С. 52], к.-калп. *јаламан*, казах. *(ат)јалман* «хомяк» (< ?) [200. С. 151].

М.Р. Федотовым, В.Г. Егоровым, Р.Г. Ахметьяновым слово *йалма(н)* не рассмотрено. При этом среди исследователей нет единой точки зрения о происхождении этого онима в тюркских языках. Так, Э.В. Севортян развивает предположение М. Рясенена [237. S. 183ab], что *йалман* – производное от глагола *йалма-* «пожирать, есть с жадностью». Оно образовано с помощью афф. отглагольных имен *-н* в значении носителя процесса. Подтверждением достоверности этой этимологии является тат. *йалмақ*, у которого исходным является 2-е значение «пожирающий все, что попало», это слово хорошо сохраняет значение производящей основы – глагола *йалма-* – «пожирать» [143. С. 97]. Дж. Клоусон рассматривает в качестве исходной форму *yamla:n* «тушканчик (?)», это одно из нескольких названий животных, оканчивающихся на *-la:n*: казах. *at jalman* «хомяк», башк. *yalman*, ккалп. (? туркм.) *yalaman*, туркм. *yalman*, хак. *yamlan* «вид большой крысы», но не объясняет основу **yam*. В форме *jalman* исследователь усматривает метатезу [214. Р. 936b]. Э.В. Севортян также отмечает переход сочетаний сонантов: «в тюркских языках наблюдаются как случай *мл > лм*, так и обратное явление» [143. С. 97].

Среди исследователей нет единого мнения и о взаимосвязи тюркских и монгольских форм. Так, Г. Рамстедт предполагает проникновение монг. *жал-та* «тушканчик» в тюркские языки [233. S. 214a]. М. Рясенен, напротив, высказывает предположение о проникновении тюркской формы в монгольские языки [237. S. 183b]. В ЭСАЯ также отмечается проникновение тюркской формы в монгольский язык: **jamlan/*jalman > монг. jalman* [240. Р. 881].

Таким образом, чув. диал. *йалма(н)* имеет соответствия в тюркских языках огузской, кыпчакской, карлукской, а также киргизско-кыпчакской групп. Принимая во внимание

территориальную близость, следует предположить, что это слово проникло в чувашский язык из кыпчакско-булгарских языков (татарского, башкирского). Среди исследователей нет единой точки зрения о происхождении этого зоонима в тюркских языках, однако наиболее убедительным, на наш взгляд, является предположение о происхождении этого онима от глагольной основы *йалма-* «пожирать, есть с жадностью».

Морин [morín] «тушканчик». Для именования тушканчика в говоре на территории Йакаткасси Моргауш. р-на используется заимствованный из марийского языка (ср. марГ. *морен*, марЛ. *меран* ‘заяц’) зооним *морин* «тушканчик»: *Тата хйи-хйи чох, утсампа пынй ёртех, ёр молкачи (морин) тёл полаёё те, она вара тахёанченех, коёран ёохатачченех хёвалаёё (на кормёжке)* [8. Вып. VIII. С. 273] (перевод: И иногда, будучи верхом на лошадях, встречаются тушканчика и преследуют его очень долго, пока не скроется с глаз (на кормёжке)).

Ёр мулкаё «тушканчик». Для именования тушканчика, земляного зайца в иных говорах используют словосочетания с компонентами *ёр* «земля, земляной» и *мулкач* «заяц»: *ёер макаё* [283. Л. 141], *ёер мёкаё*, *ёер мёлкачи* [8. Вып. XIII. С. 94], *ёер мёлкаё* [283. Л. 171], *ёер молкач*, *ёер молкачи* [8. Вып. XIII. С. 94], *ёер мукаё* [8. Вып. VIII. С. 257], *ёер мулкаё*, *ёер мулкачи*, *ёер мулкаё* «тушканчик» [8. Вып. XIII. С. 94]. Реже встречаются названия со словом *кайёк* «зверь, дикое животное»: *ёер кайёкё* (передние ноги короткие, задние – длинные) (Там же. С. 92). Зафиксированы также онимы с определением *хир* «поле, полевой»: *хир мулкаё* «тушканчик» [283. Л. 155], *хир мулкачи*, *хир молкачи* «тушканчик» [8. Вып. XVI. С. 125]. Данные названия – собственно чувашские образования. Компоненты *ёер* «земля», *хир* «поле» указывают на место обитания зверька – норы на степных и остепнённых участках, по склонам балок, на пастбищах.

Также тушканчика в редких случаях, как мы уже отметили ранее, ошибочно именуют *кайура* – «тушканчик, земляной заяц» [8. Вып. VI. С. 8].

§ 2.8.4. Семейство мышеобразные

Шёи [šəŽ'í] «мышь». Оним *шёи*, прежде всего, ассоциативно связан с вредительством: *Шёи михё касма, Гитлер пуё касма ёста* [319. Т. 5. С. 121] (перевод: Мышь – мастерица дырять мешки, Гитлер – мастер рубить головы). В сознании носителей чувашского языка символизирует что-то незначительное, неважное: *Арёслан шёише ёапёсмасть* [314. С. 64] (перевод: Лев с мышью не воюет). Но в то же время опасное: *Кушака ёёнсе шёи айне пулнй* (Там же. С. 73) (перевод: Одержав победу над кошкой, оказался под

мышью). В отдельных случаях название *шйши* ассоциируется с хитростью. Так, в мифе описывается, что мышь, пойманная кошкой, проявив смекалку (спросив, умывалась ли кошка перед тем, как начать трапезу), смогла убежать [316. С. 147]. А в сказке «Обманщица мышь» описывается как мышонок *Мик*, решив обхитрить старых мышей, пообещавших научить его премудростям жизни, сам полакомившись отравленной рыбой, погиб [318. С. 245–246]. Также рассказывается, что вражда между кошкой и мышкой началась из-за непорядочности кошки, которая нарушила условия договора совместного проживания с мышкой: не стала трудиться и готовить запасы еды, а съела все добытое сожительницей (Там же. С. 245). Следует отметить, что в языке это название иногда выступает в качестве ругательства: *Икё ураллй шйши вёт эс!* (перевод: Двуногая мышь ведь ты!). Встречается также устойчивое сочетание *шйши кус*, букв. «мышинный глаз», переносно «лампа-мигушка, без стекла и без 'хълха'» [8. Вып. XVII. С. 365].

В говорах фиксируются также фоноварианты: *шйршй*, *шйши*. В древнетюркских формах *sičyan/sičqan* [43. С. 502], как и в слове *sičyaq* «человек, имеющий часто стул» [184. Т. II. С. 452], можно выделить корень *sič-* «испражняться»; *sičyan* – причастие с аффиксом *-yan(-гэн)*, которое перешло в разряд имени [181. С. 56]. Таким образом, чув. *шйши* образовано от общетюрк. **сыч-* > **сыс'-* > чув. **шйш-* + *ай* [205. С. 457], в словоформе наблюдается фонетическое видоизменение древнего глагольно-именного корня, встречающегося в других тюркских аллоформах: *тыч-*, *чыч-*, *сыс-*, *сич-*, *шыш-* и т.д. [76. С. 149]. По мнению В.Г. Егорова, тюркские соответствия (тур. *сыч*, кирг. *чыч* «испражняться») служат доказательством происхождения чув. *шйши* «мышь» от глагола: *шйшй* (*p* – вставной звук) «запах», «вонь» > чув. *шйши* [49. С. 336]. Употребляется диалектный фоновариант *шйрши*, в котором можно наблюдать появление *-p-* перед шипящим, как и в тур. диал. *sirçançil* «хищная птица – пожиратель мышей» [205. С. 457]. *Шйрши* – кошок *каййакё*. *Шйрши*, то же, что *шйши*, мышь [8. Вып. XVII. С. 346]. Также в чувашских говорах встречаются формы *шйших* (Там же. С. 366), *шйщи* (Там же. С. 240), *шйши* (на территории Моргаушского р-на). Древнечувашская форма по фонетическому оформлению близка к форме современного чувашского литературного языка *шыши* «мышь» [166. С. 79]. Н.И. Золотницким в качестве соответствий чув. *шыжы* «мышь» рассмотрены алт. *чычкан*, тат. *сичкан*, кирг. *шйшкан* [56. С. 109]. Слово *шйши* имеет параллели в большинстве тюркских языков: азерб., гаг. *сйчан*, казах. *тйшкан*, балк. *чйчхан*, ног. *шйшкан*, кирг. *чйчкан*, тур. *сйчан* (*фйндйк сйчанй*), туркм. *сйчан*, уйг. *чачкан*, узб. *сйчкән*, башк. *сйскан*, тат. *тйчкан* [200. С. 148]; тат. хвл., мел. *сычкан* [170. С. 596], тат. злт. *тысқан*, тат. кас. *тыс'ан*, тат. хвл. *тыс'кан* (Там же. С. 674), тат. т. кам.-крш. *чықан*,

чыкан (Там же. С. 770), тат. тоб. *чычкан*, тат. перм. *чичқан* [131. С. 57], тат. т. кам.-крш. *чиқан* [170. С. 749], тат. мел. *чышкан* (Там же. С. 775). В тюркских языках аффиксы *-ан(-эн)*, *-ын(-ин)*, *-ан(-ен)* и *уан(-ган)*, *-кан(-кэн)*, *-кан(-кен)* могут заменять друг друга, т.к. они тесно связаны с точки зрения семантики и формы: туркм. *сычан* = кыпч. *сычуан* «мышь» [181. С. 56].

В исследованиях допускается существование единой общеалтайской праформы, пратунг.-маньч. **šolčixi* «хорек», кор. **sàskì*, при этом высказывается предположение о происхождении этого слова от глагола **suč-* «гадить» [165. С. 168]. В ЭСАЯ, невзирая на отдельные фонетические несоответствия, проводятся параллели между тюрк. **sıçğan* «крыса», «мышь», монг. **čičaguli* «крот», «суслик», тунгус. **sužakī* «кошка» формами [240. Р. 1300–1301].

Р.Г. Ахметьянов связывает этимологию тат. *тычкан*, чув. *шйшй*, *шйши* «мышь» с праформой **чычкай*, якут. *чынгырткан*, *сынгырычкан*, уйг. *чачкан* и т.д., общетюрк. *чыңыр* «пищать» [4. С. 217].

Для именованя мыши в зоне среднего диалекта чувашского языка (на территории Урмарского р-на), в чувашских говорах на территории Татарстана, наряду с чуваш. литерат. *шйши*, употребляется народное название *кушак каййкё* [8. Вып. VII. С. 59] в различном фонетическом оформлении: *кошак каййк*, *кошакакаййк* [151. С. 34], *кушак каййк*, *кушакакаййк* (Там же. С. 36). Так, в «Диалектологическом словаре чувашского языка» зафиксировано название *кушак каййк* в верховом диалекте (Синьялы, Шорчекасы Чебоксар. р-на Чувашии), а также в говоре на территории Башкортостана (Юмашево Чекамагушев. р-на) [150. С. 55]. Равнозначность *кушак-каййкё* и *шйши* подкрепляется также тем, что в газете «Хыпар», вышедшей в свет в начале XX в., приведены оба названия: *Малтан вёрскаласа тйнь чухне пуханнь чйвашем шйши (кушак каййк) кушакран тарса пытаннь пек саланнь пётнё, пёри те сук* (Хыпар, 1906) (перевод: Чуваша, которые собрались в начале ссоры, разбежались, как прячется мышь от кошки, ни одного нет). Маммалионим *кушак-каййкё* букв. «кошкин зверь», на наш взгляд, образован на почве чувашского языка на основе переноса названия по смежности. Таким образом, *кушак-каййк/кушак каййкё* «мышь» – производное от *кушак/кошак*, от рус. *кошка* [184. Т. I. С. 318], второй компонент *каййк* – общетюркское слово.

В чувашском языке употребляются видовые названия *хир шйшийё*, *уй шйшийё*, *вёрман шйшийё*, где компоненты *хир*, *уй*, *вёрман* указывают на место обитания зверька. Для сравнения, в татарском языке встречаются близкие названия: тат. злт. *қыр тысқаны* «мышь», *қыр чичқаны* «мышь полевая» [131. С. 58]. Народные чувашские названия: *аван шйши*, *сёмел каййк(ё)*

«полевая мышь, полёвка», букв. «зверёк, обитающий в укладках снопов», *аван* «овин, снопы для сушки» [193. С. 20], *сёмел* «копна стогов (на один воз)» (Там же. С. 409).

Компонент *шайши* входит также в состав названий других грызунов. Так, крысу в чувашском языке именуют *йёке хўре* (букв. «веретено-хвост»). В состав этого названия входят общетюркские компоненты: *йёке* (тар. *йиг* «веретено», алт., тел., шор., леб., к.-кирг., тур., кюэрик., чаг. *ик* «веретено»; «гвоздь», «стержень», «втулка») [124. Т. I. С. 1415; Т. III. С. 509], *хўре* (тел., алт., кюэрик., леб., кирг., к.-кирг., ком., сарт., тар., аз., тур., вт. *куйрук* «хвост»; «задняя часть»; сой. *кудурук* «хвост»; шор., саг., койб., кач. *кузурук*; шор., саг. *кузрук* «хвост») [124. Т. II. С. 890, 1004, 1020, 1022]; башк. *койрок* «хвост»; тат. *койрык*, як. *кутурук* «хвост»; «хвостовой»; «корма, руль» [184. Т. II. С. 377]. Этот маммалионим возник на почве чувашского языка и указывает на длинный голый хвост зверька. В отдельных тюркских языках встречаются онимы, образованные по этому же принципу: казах. *сабау кўірік* (тат. диал. *igäy koirik* «хвост – подпильник», букв. «хвост – палочка для трепания шерсти») [200. С. 150]. В чувашских говорах для именования крысы известны сочетания с компонентом *шайши*: *пысак шайши*, *мәйнә шайши* «крыса» [283. Л. 149] (букв. «большая мышь»). В этих названиях прослеживается сравнение с мышью: *мәйнә шайши*, крыса; *ахаль шайши*, простая мышь [8. Вып. VIII. С. 311]. В тюркских языках также зафиксированы маммалионимы, образованные на основе этого сравнения: *бүйүк сычан* (здесь же: *улуғ сычқан*), *гёмер сычан*, *при сычан* [205. С. 461], тат. перм. *олы чичқан/зур чичқан*, тат. злт. *олы тысқан* [131. С. 58], тат. перм. *оло тысқан* [170. С. 503] «крыса», букв. «большая мышь». В чувашских говорах зафиксированы заимствованные из рус.: *кёрис* [151. С. 31], *крисса*, *крысса* (Там же. С. 34).

Таким образом, большинство исследователей утверждает, что чуваш. *шайши*, как и соответствующие тюркские онимы, результат перехода причастия, образованного от общетюрк. **сыч-* с помощью алломорфа аффикса *-кан/-кен*, в разряд имени. О собственно чувашских описательных: *кушак кайăкĕ* «домовая мышь», *аван кайăкĕ*, *сёмел кайăкĕ* «полевая мышь (полёвка)», как и о названиях крысы: *йёке хўре*, *мәйнә шайши*, *пысак шайши* упоминалось выше.

§ 2.8.5. Семейство хомякообразные

Арлан [*arlán*] «хомяк». Чуваши не любят этого грызуна-вредителя: *Арлан вăл пăрçа ани (заgone) сиче пулат, пите нумай пăрçа хайĕн шăтăкне тултат, йна пите йуратмăççĕ* [283. Л. 154] (перевод: Хомяк встречается на гороховых посевах (на загоне), очень много гороха собирает в свою нору, его очень не любят). Часто этот зверёк символизирует разрушающую,

губительную силу: *Урӑм-сурӑм вирт ярасчӑ, Ҫулӑм-тӑтӑмне Пёттерсе кӑларттарасчӑ Арлан-сӑвӑр нек* [313. С. 200] (перевод: Напустить бы страшный пожар с огнём и дымом, всё бы разрушить как хомяки-сурки). Это животное также ассоциируется с чем-то недостойным, не заслуживающим внимания: *Ар хыҫҫӑн арлан шӑтӑкне кӑнӑ тет; ача-пӑча хыҫҫӑн кӑмака айне кӑнӑ тет* [319. Т. 5. С. 64] (перевод: За мужчиной, говорят, проникли в норку хомяка, за детьми, говорят, залезли под печь). Название этого запасливого зверька семантически связано с воров и воровством: *Хӑй [бригадир] вара арлан нек мӑн кирлине сӑтӑрет* [258. С. 112] (перевод: Сам (бригадир) как хомяк тащит всё, что ему нужно). В связи с издаваемыми звуками хомяк иногда выступает в качестве характеристики кричащего, ругающегося человека: – *Сӑмах чӑнме ҫук, арлан нек хӑрлататӑн, – лӑпкӑн калаҫма тӑрӑшрӑ Кӑтерин* [265. С. 35] (перевод: – Невозможно слово промолвить, хрипишь как хорёк, – постаралась спокойно сказать Катерина). Чуваши разграничивают хомяков на основе внешних признаков, окраски, при этом отмечают агрессивность зверька: *Хура арлан пулат, хӑрлӑ арлан пулат. Хура арлан хайартарах* (злее) [8. Вып. II. С. 4] (перевод: Встречается чёрный хомяк, встречается рыжий хомяк. Чёрный хомяк злее). В рукописном фонде Н.В. Никольского зафиксирован оним *арлан* в значении «крот» [283. Л. 137]. А в «Словаре чувашского языка» отмечено, что «некоторые называют этим им. крота, но это, повидимому, ошибка» [8. Вып. II. С. 4].

Слово *арлан* имеет соответствия в отдельных тюркских языках: тел., алт., шор., леб., каз. *арлән* «хомяк» (алт., тел.), «крот» (каз.); тоб. *ирлән* «крот», «хомяк» [124. Т. I. С. 788, 1469; 184. Т. I. С. 58], тат. *арлән*, башк. *ирлән* «хомяк», ойр. *эрлен* «крыса» [49. С. 32], башк. *алыйрзан*, казах. *арлан* «крот», туркм. *арлаңныт* «суслик» [200. С. 147]. Г.Е. Корнилов относит *арлан* «хомяк», как и слова со вторым слогом *-лан*: *арӑслан* «лев», *сӑвӑслан* «шершень», к «отглагольному» зоониму [76. С. 193]. В.Г. Егоров, в свою очередь, объясняет происхождение этого слова «от *ер* ‘земля’ и *лан* ‘животное’; следов., *эрлен* = ‘подземное животное’» [49. С. 32]. Р.Г. Ахметьянов в качестве параллелей тат. *арлән* «хомяк» рассматривает мар., удм., чув. *арлан*, *арлан*, алт. *эрлән*, др.-тат. *арлан*, тат. диал., башк. *ирлән* «хомяк, крот»; *йомран* «суслик» – корень не ясен; вост.-тюрк. *үрге*, *örgö* ~ венг. *ürqe* «хомяк» [4. С. 30]. А в более ранней работе исследователь отмечает, что древнечувашский, горномарийский и татаро-башкирский *ä* восходят к единому источнику **e*: тат. *irlän* ~ башк. *ärlän* ~ чув. *arlan* ~ марГ *ärlän* < **erlen* «суслик», при этом татарский и горномарийский *ä* по сравнению с чувашским и лугомарийским *a* является первичным [3. С. 216–219, 223–225]. На основании выводов Р.Г. Ахметьянова М.Н. Кузнецова отмечает, что чув. *арлан* и мар. *арлан* ~ *ärlän* являются заимствованиями из татарского языка [90. С. 176]. По мнению М.Р. Федотова, в марийский, удмуртский языки слово

проникло из чувашского языка: чув. *арлан* > мар. *арлан*, марГ. *эрлан* «хомяк» / удм. *арлан* «хомяк»; «крот» [183. С. 169]. К этому же мнению склоняется и Ю. Вихман [243. С. 42]. Ф.И. Гордеев, в свою очередь, полагает, что в марийский язык *арлан* «хомяк» проникло из татарского языка: *әрлән* > удм. *арлан*, морд. *арлян* «крот» [29. С. 146].

В «Русско-чувашском словаре» Н.В. Никольского русское слово *хомяк* переводится сочетаниями *хир шйишйё*; *хир кушак-каййкё* [112. С. 606], букв. «полевая мышь». В «Словаре чувашского языка» отмечено *йус* в значении «хомяк», может быть и ошибочно, т.к. в других источниках этот оним в данном значении не зафиксирован: *Хирте пурйанать. Час вилмес; пуçне тимёр кёреçe сумне çапса çёмёрсен те, час вилмес. Шйришлй. Хомяк пуль, теççё* [8. Вып. V. С. 10] (перевод: Живёт в поле. Быстро не умирает; даже если голову ударить железной лопатой, быстро не умирает. Вонючий. Говорят, наверное, хомяк).

Таким образом, оним *арлан* (как и другие чувашских зоонимы: *арйслан*, *йймран*, *сйвйслан* и т.д.) следует отнести к глагольному имени на *-лан*, *-ан/-ен*, обозначающему носителя процесса, однако остаётся не выясненным значение, происхождение производящей основы *ар(л)-*. Следует обратить внимание на узколокальный характер распространения этого названия в тюркских языках: отдельные языки огузской, кыпчакской, киргизско-кыпчакской групп.

Шу шйиш [ʃu ʃəʒʹi] «водяная мышь (водится около рек)». *Шу шйиш мйн шйиш некех, шура порйнат, полй çисе порйнат* [8. Вып. XVII. С. 208] (перевод: Водяная мышь похожа на крысу (большую мышь), живёт в воде, питается рыбой). Следует отметить, что водяная мышь – растениеядный вид, питается лишь остатками моллюсков, насекомых, мелкой рыбы, поэтому, судя по описанию особенностей поведения, чувашское название *шу шйиш* может быть применено по отношению и к выдре, и к ондатре. Сочетание *шу шйиш* имеет соответствия в тюркских языках: тур. (?) *су сычканы* [17. Т. I. С. 621] «крот»; тур. *susiçani*, баш. диал. *хуу сысқаны*, алт. диал. *суг чычхан*, баш. диал. *сыу тысқаны*, алт. *су шышқан*, бал. *su:θəθqan* с общим значением «водяная крыса». Это название грызуна образовано по следующей схеме: определение, указывающее на место обитания + *сычқан/сычан*. По данной схеме, образованы названия этого грызуна и в других языках: рус. *водяная крыса*, мар. *выд крис* «водяная крыса», вуд *комак* «водяная полёвка» [205. С. 461].

Для именования ондатры в чувашском языке употребляется заимствование из русского языка: чув. *ондатра* < рус. *ондатра*. Это название проникло в чувашский язык сравнительно недавно. В говорах татарского языка, к примеру, употребляется фоновариант *андатра* [131. С. 59]. В рукописном источнике приведено следующее объяснение: *ондатра* – *пёчёк хйнтйр*, букв. «маленький бобёр» [289. Т. 2. Л. 443]. В «Русско-чувашском словаре» М.И. Скворцова

приведен описательный оборот *ондатра – паха тирлӗ шыв чӗрчунӗ* (перевод: водяное животное с ценным мехом) [159. Т. 1. С. 597].

§ 2.9. Отряд приматы

§ 2.9.1. Подотряд обезьяны

Упӑте/опӑте [uBḗDé/oBḗDé] «обезьяна», ср. по говорам: *опте, опӑтя, опӑтья* [8. Вып. III. С. 254–255, 258]. Это название, на наш взгляд, символизирует несдержанного человека, склонного к кривлянию, гримасничанью: *Упине тытмасӑр упӑте пек ан савӑн* [289. Т. 4. Л. 916] (перевод: Не поймав медведя, не радуйся, как обезьяна). Также характеризует индивида, потерявшего человеческий облик: *Этемрен упӑтене куҫма ҫӑмӑл вара, халь пирӗн ялта ӗҫе-ӗҫе упӑтене тухакансем сахал мар* [261. С. 419] (перевод: Из человека легко перейти в обезьяну, сейчас в нашей деревне, выпивая-выпивая, превратившихся в обезьян немало). *Путлӗ ҫынсемпех ҫыхланман иккен Рафаил. Хӑй те, ав, упӑтене тухӑ!* [321. С. 69] (перевод: Не с хорошими людьми, оказывается, Рафаил спутался. И сам, вон, превратился в обезьяну!). Это название иногда используется в качестве ругательства: *Пӑрӑн эсӗ, ватӑ упӑте* [263. С. 45] (перевод: Отойди ты, старая обезьяна). В чувашской языковой картине мира маммалионим *упӑте* семантически связан со сверхъестественными силами: *Упӑте – потешный дух, довольно миролюбивый, очень любит играть и ездить верхом на лошади* [8. Вып. III. С. 255]. Вероятно, поэтому в народе бытует поверье: *Упӑте вӗлернӗ ялта йыш ӗрчемест* [314. С. 78] (перевод: В деревне, в которой убили обезьяну, нет прибавления численности населения).

Н.И. Золотницкий впервые сравнил чув. *обыде* «обезьяна» с л. чер. *обада* [56. С. 18]. М.Р. Федотов со ссылкой на М. Рясенена [236. С. 157] чувашские, марийские, удмуртские формы возводит к рус. *обезьяна* < перс. *абузине, бузине* [184. Т. II. С. 282]. Ранее исследователь высказал предположение о проникновении этого онима в чувашский язык из арабского языка: *упӑте* «обезьяна» < араб. *أبدة* «нечто удивительное, необыкновенное; дикое животное», ср. мар. *овда* «легендарное существо женского пола, любившее кататься на лошади», удм. *обыда* «леший» [180. С. 108]. Эта этимология была предложена также В.Г. Егоровым [49. С. 274].

Этот маммалионим проник в марийский язык из чувашского (булгарского) языка: марГ. *овыда*, марЛ. *овда* «обезьяна» (марГ.); удм. *обда* «обезьяна» [183. С. 257]. Ф.И. Гордеев, в свою очередь, проводит параллели между мар. *овда* и осет. *ävdiiw, ävdew* «демон», «колдун» < *av «вода» (< др.-иран. *aap) + *dew* «демон», «водяной дух» (< др.-иран. *daiva*) и предполагает проникновение этого слова в чувашский язык через марийский язык [28. С. 200–201]. Однако

это противоречит закону фонетики: переход чувашского смычного *-п/-б-* в марийском языке в губно-зубное *-в-* [184. Т. II. С. 282].

А.М. Щербак также предполагает заимствование: чув. *упӑте* < рус. *обезьяна* [200. С. 140]. Принимая во внимание этимологию рус. *обезьяна* из тур., перс. *abuzine* «обезьяна» [179. Т. III. С. 98] и учитывая фонетический облик, семантику чув. *упӑте*, следует предположить заимствование этого слова из персидского языка через русский язык. В чувашском языке встречаются также фоноварианты, близкие к рус. *обезьяна*: *упиçан* [8. Вып. III. С. 362], *упиççан* (Там же. С. 253), *пиçан* (М. Хомутерь) «обезьяна» [150. С. 81], *апиçан* (Сявалкасы) – упӑте – обезьяна [151. С. 11].

Маймӑл [*májmtəl*] «обезьяна», «мартышка» [8. Вып. VIII. С. 165]. *Маймӑл нек çӓмӑл унӑн алли-ури* (Там же) (перевод: У него руки-ноги ловки, как у обезьяны). Соответствия в тюркских языках: азерб. *мәймун*; башк., казах., кирг., к.-калп., ног., тат. *маймӓл*; гаг., тур., узб., уйг. *маймун*; туркм. *маймӓн*; тюрк. *маймун* < перс. *мәймун* [200. С. 140]. Чувашский маммалионним *маймӑл* близок по фонетическому оформлению названию обезьяны в отдельных подгруппах кыпчакских языков, отсюда следует предположение о проникновении этого названия в чувашский язык из языков кыпчакско-булгарской подгруппы. В говорах марийского языка также употребляется название *маймыл* «обезьяна», которое, судя по фонетическому облику, проникло в марийский из татарского языка [23. С. 318].

§ 2.10. Отряд хоботные

§ 2.10.1. Семейство слоновые

Пӓл [*p'əl*] «слон», в говорах: *пӓл* [151. С. 49], *пил* [49. 160], *пин* [8. Вып. IX. С. 215]. Это название является устаревшим. Оним зафиксирован в говоре на территории с. Слакбаш Белебеевского р-на Башкирии [151. С. 49]. Н.И. Ашмарин предполагает арабское происхождение названия [8. Вып. X. С. 192]. В.Г. Егоров в качестве соответствий чув. *пил* приводит уйг., кирг., казах., к. калп., ног., туркм. *пил*; азерб., тур., узб., башк., тат. *фил* «слон». Этимологию связывает с арабским языком; в перс. *пил* и *фил* «слон» [49. С. 160]. М.Р. Федотов предполагает проникновение в тюркские языки персидской формы [184. Т. I. С. 418]. А.М. Щербак отмечает заимствование названия *pil* из древних иранских языков (ср. согд. *руд*), но в то же время считает маловероятным его принадлежность к лексическому фонду иранских языков, отмечает оправданность сопоставления *pil* с санскр. *pîlú* и ассир. *pîru* [200. С. 139–140].

Этот маммалионим был усвоен верховым диалектом марийского языка: марВ. *пѣл* «слон» [184. Т. I. С. 418], в других говорах: *пл'*, *пыл*, *пѣл*, *пѣл* «слон» [90. С. 186].

Таким образом, чув. *пѣл* (*пил*) этимологически связано с арабскими и персидскими формами. Вероятнее всего, заимствование этого слова, как и других арабизмов и фарсизмов, произошло в период, когда «предки современных чувашей входили в состав болгарского союза племен» [180. С. 89].

В некоторых рукописных источниках отмечено употребление русизмов: *сѣлан* [283. Л. 148], *слун* [284. Л. 144].

Выводы по главе 2

Большинство чувашских названий животных обладает ярко выраженным этнолингвистическим и культурологическим значением. Маммалионимы не только способствуют познанию чувашского языка, но и влияют на мировосприятие носителей языка, что отражается в устном народном творчестве, в художественной литературе, сказывается на истории и культуре. Значительная часть онимов ассоциируется с качествами человека, причём как с положительными, так и с отрицательными. Ещё названия млекопитающих обозначают признаки в отвлечении от их носителей (например, *џара џерџи* «летучая мышь» – нищета, бедность; *пурѣш* «барсук», *упа* «медведь» – затворничество, отшельничество).

В целом, маммалионимы отражают историю развития чувашского языка – языка тюркской группы (взаимосвязь между тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками, проникновение онимов из древнечувашского (болгарского) в венгерский язык, заимствование слов из неродственных языков и т.д.), а также позволяют выявить мотивы, лежащие в основе словообразования (метафора и метонимия, подражание, табуирование).

Этимология значительного числа маммалионимов в языкознании не получила окончательного объяснения. Следует выделить следующие генетические пласты онимов: 1) общетюркские (11 названий), 2) общеалтайские (38 названий), 3) заимствованные и обнаруживающие иноязычные элементы (32 названия; при этом значительная часть подобных названий имеет также параллели в тюркских и алтайских языках, поэтому, на наш взгляд, и их следует рассматривать как общетюркские или общеалтайские формы, более 70 русских онимов проникло в чувашский язык и его говоры с начала XX в.), 4) собственно чувашские (более 130 названий с учетом видовых названий и «детской лексики»).

Большинство чувашских названий животных имеет параллели в тюркских языках. Значительная часть общетюркских наименований имеет алтайские параллели, причем близость форм может объясняться не только существованием единой праалтайской формы, но и взаимопроникновением онимов в границах отдельных групп алтайских языков.

Встречаются также названия млекопитающих, включающие иноязычные элементы. Чувашские маммалионимы обнаруживают этимологическое родство с персидскими, арабскими, древнеиндоиранскими, китайскими, самодийскими, индоевропейскими, финно-угорскими производными и производящими корнями или основами. Отдельные онимы проникли в чувашский язык из соседних (русского, марийского, татарского) языков. К примеру, через татарский язык в чувашский язык или его говоры проникли: *кашкӑр* «волк», *сӑсар* «куница», *йечче*, *йечче йус* «ласка», *арӑслан* «лев», *лаша* «лошадь», *куян* «заяц».

В современном чувашском языке (в основном в его диалектах или в отдельных говорах) бытует большое число маммалионимов, заимствованных из русского языка, активное усвоение данного лексического богатства происходит с 20-х годов XX века.

Видовые названия животных по возрасту, табуистические именованья хищников чаще носят собственно чувашский характер. В детской лексике встречаются названия млекопитающих, имеющие подражательный характер и образованные на почве чувашского языка. Маммалионимы *вӑкӑр* (*мӑкӑр*) «бык, вол», *качака* «коза», *куян* «заяц» имеют отымитативное происхождение.

Для названий животных характерна междиалектная и межстилевая синонимия (*сӑвӑр*, *йӑмран*, *тыркас* (*чыркас*), *пичук*, *мӑйкӑта*, *сӑслӑк*, *чӑпаркка*, *сӑр мӑлкасӑ* «суслик», *каюра*, *суккӑр шӑши*, *сӑр-сӑран* «крот», *йӑлма(н)*, *морин*, *сӑр мулкачӑ*, *хир мулкачӑ*, *кайура* «тушканчик» и т.д.) и междиалектная омонимия (*юс* «горностай», «ласка», *хӑма* «бобр», «соболь», «выдра», *кайура* (*каюра*) «крот», «землеройка», «тушканчик», «земляной заяц» и т.д.). В основном, данные явления характерны для названий грызунов, в том числе и пушных зверьков. При этом часто маммалионимы, представленные лексическими диалектизмами, выступают в качестве синонимов (чув. диал. *анчӑк* – чув. литер. *йытӑ* «собака», чув. диал. *теки/тики*, чув. диал. *пӑлан/план* – чув. литер. *пӑши* «лось», чув. диал. *маймӑл* «обезьяна, мартышка» – чув. литер. *упӑте* «обезьяна») или омонимов (чув. диал. *пӑши* «олень» – чув. литер. *пӑши* «лось», чув. диал. *пӑлан* «лось» – чув. литер. *пӑлан* «олень») по отношению к литературным эквивалентам.

ГЛАВА 3. СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАЗВАНИЙ ЖИВОТНЫХ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

§ 3.1. Словообразовательная и семантическая характеристика чувашских названий диких и домашних животных

Словообразовательный и лексико-семантический анализ маммалионимов невозможен без данных этимологии, при этом не всегда просто выявить структурно-семантические особенности онимов, так как происхождение некоторых названий животных в языкознании не получило однозначного объяснения и представляется тёмным или спорным.

В чувашском языке отмечены названия животных, возникшие на основе лексико-семантического способа словообразования, то есть в результате изменения значения уже существующих слов: *йăх* «назв. болезни, по одному объяснению, гноящийся чирей» → *йăх* «чирястый, или тощая скотина, или тощий цыплёнок» [8. Вып. V. С. 104], *катăк тота* букв. «губа с изъяном» → *катăк тутта* «заяц» [193. С. 152], *кушак кайăкĕ* букв. «кошкин зверь» → *кушак кайăкĕ* «мышь» [8. Вып. VII. С. 217] и т.д. Семантический перенос наблюдается также при образовании отмеждометийных «детских» слов: *тпру* «возглас, которым останавливают лошадей» → *тпру* «лошадь (детск. сл.)» [8. Вып. XV. С. 109], *пыччи* «так манят овец» → *пыччи* «овца (детск. сл.)» [8. Вып. IX. С. 198], *ихах* «подражание ржанию» → *ихах* «детское название лошади» [8. Вып. III. С. 157].

В структуре маммалионимов чувашского языка встречается значительное количество морфологически нечленимых слов: *айăр* «жеребец», *айăр* «выдра», *тёве* «верблюд», *тилĕ* «лиса», *тына* «тёлка», *упа* «медведь», *упăте* «обезьяна», *ут* «конь, лошадь» и т.д.

Среди названий животных чувашского языка распространены аффиксально-производные названия, именные определительные сочетания, парные слова, сложные и редупликативные слова. Рассмотрим их подробнее.

§ 3.1.1. Аффиксально-производные названия

В чувашском языке наличествуют названия животных, образованные с помощью аффиксов как продуктивных, так и непродуктивных для современного языка. В целом, «прибавление аффикса словообразовательного характера ведёт к взаимодействию значений

аффикса и основы, причем семантическое видоизменение последней может выражаться либо в создании лексемы с новым значением, либо в переходе основы в новый класс слов» [95. С. 60].

Аффикс *-чӑк(-чӕк)*. От глагольных основ с помощью данного аффикса образованы онимы со значением результата действия, другими словами, «результативные имена существительные» или «имена существительные, обозначающие имя действия» [59. С. 81]: *потланчӑк* «задохлец, зародыш заячий» < *потлан* (*путлан*) «задохнуться» [8. Вып. X. С. 48]. Аффикс *-чӑк* образует от именных основ деминутивы, имена с уменьшительно-ласкательным значением: чув. *анчӑк* < тюрк. **аң* (*ан*)_г «зверь, животное, хищник»; др. тюрк. *канчык* «сука (собака)» [43. С. 418] < **кан* «кобель» [181. С. 6]; тат. *қанчык/әнчек* «самка собаки» [131. С. 112]. По мнению М.Р. Федотова, общетюркский аффикс *-чак/ -чек, -шак/-шек, -сак/-сек, -чык/-чик, -чук/-чӱк*, чув. *-чак/-чех, -чӑк/-чӕк* состоит из двух частей: *-ч-* + *-ак/-эк...* [181. С. 40].

Аффикс *-лӑх/-лӕх*. Древнетюркский аффикс имени прилагательного, передававший семантику обладания, наделённости; а также принадлежности *-l̥ıγ* (*-lig; -luγ; -l̥üg; -laγ; -l̥äg*) [43. С. 656], в чувашском языке представлен как *-лӑх/-лӕх*. Так, с помощью этого аффикса от именных основ образованы названия животных, указывающие на их предназначение: *амалӑх* «свинья, оставленная на племя» [8. Вып. I. С. 188] < *ама* «самка»; *вӑрлӑх* «порода, скотина на-племя; семя, семена» [8. Вып. V. С. 320] < *вӑрӑ* «семя»; *йӑхлӑх* «на племя» (о животном) (Там же. С. 104) < *йӑх* «порода, сорт (животных и растений)»; *кӗрлӑх* «предназначенный на откорм (о скоте), скотина» [8. Вып. VII. С. 292] < *кӗр* «осень»; *токмаклӑх* «обреченный на съедение волков» [8. Вып. XIV. С. 109] < *токмак, тукмак* «волк»; *выльӑх* «скот, скотина» < *вӑйлӑх* (< *вӑй* «сила»), в значении «то, что может доставить силу» [184. Т. I. С. 136]. К примеру, в тюркских языках встречаются также названия животных, указывающие на назначение и функцию: тел. *собымтык* (*собым* + *-лык*), бар. *собымнык* (*собым* + *-лык*) «животное для убоя» [124. Т. IV. С. 522, 530–531], тат. *сугымлык* «животное, откормленное для убоя» [184. Т. II. С. 36], ср. чув. *сӑхӑмлӑх* «предназначенное на колку» [8. Вып. XI. С. 290] < *сӑхӑм* «старая лошадь, лошаденка, кляча, одер; животное, предназначенное к забою».

Аффикс *-мӑш/-мӕш*. М.Р. Федотов рассматривает *-мӑш/-мӕш, -мӕш* в качестве аффикса древнего тюрк. причастия [181. С. 68]; др.-тюрк. *-m̥iř* (*-miř, -tuř, -m̥üř*): *-mař, -m̥äř* [43. С. 658]. Маммалионимы, образованные от глагольных основ с помощью этого аффикса, обозначают действующее лицо или носителя признака, а также результат действия [93. С. 161]. К примеру, *кӑртмӑш* «плохонький жеребёнок – стриган» [8. Вып. VII. С. 178, 186–187] (так именуют годовалого жеребёнка, которому подстригают гриву) < *кӑрт* «стричь»; чув. *кӑрт-мӑш*

< *кырк-майи резаный, ср. мар. кыркымы кладеный [237. S. 266b]. Таким образом, кайтмайи – причастие прошедшего времени, перешедшее в разряд имени существительного.

Аффикс -лан, -ан/-ен. По мнению Э.В. Севортяна, в тюркских языках часто встречаются названия животных и растений на основе действия, характерного для них, при этом глагольное имя на -кан, -аган, -ан, обозначает носителя процесса [139. С. 7]. К примеру, общетюрк. название змеи йылан ~ жылан ~ чылан, образовано от глаголов в значении «ползать»: жыл- (кир. и др.), чыл- (хак.), сыл- (як.) и т.д. (Там же). На наш взгляд, этот ряд следует дополнить и чув. ёлен, чув. диал. ёслен. Таян «скотина, получаемая молодой от свекра в подарок по прибытии в его дом (лошадь, корова, пара овец)» [8. Вып. XIII. С. 129]. Таян – субстантивированное причастие, которое было образовано в эпоху общетюркского языка от основы глагола путем присоединения аффикса -ан. Параллели в тюркских языках: алт., леб., тел., саг., шор., кач., койб. тай = монг. taji «жертвовать, принимать жертву» [124. Т. III. С. 766, 820].

В чувашском названии арслан «лев» также можно выделить аффикс -лан. Так, общетюрк. арслан, по мнению Э.В. Севортяна, образовано с помощью аффикса -лан от арс – «подр. рычанью диких зверей, лаю» и представляет собой название носителя процесса по его признаку [139. С. 71]. Ср.: др.-тюрк. arslan, алт., кумык., каракалп., ног., уйг., туркм., тат. арслан, каракалп., ног., туркм., башк. арыслан, казах. арыстан, кирг. арстан, тур. arslan ~ aslan [113. С. 132]. В отдельных случаях аффикс -ан можно выделить и в словах куян «заяц» (если допустить отымитативное происхождение этого слова от куй-/кой-/кйй-/хуй-/хой-/ хйй- «пугаться/пугать, устрещать; шарахаться, поднимать шум»), палан «олень» (если связать происхождение онима с болг. диал. балан «светлосерый вол или белый буйвол», корнем бъл- «белый»), кабан «кабан» (если допустить этимологическое родство со словом қава «клык», нан. қава «клык (кабана, медведя)»), йамран «суслик» (тюркское *jım-bara + *-γan).

Аффикс -мас/-мес. В чувашском языке с помощью этого аффикса от именных основ образованы маммалионимы, а также имена прилагательные, указывающие на отличительные признаки и особенности животных: пакартамас «так называют человека или животного с большим животом» [8. Вып. IX. С. 76] < пакарта «мускулисто-железистый желудок у птиц; вообще внутренности животных» (Там же. С. 75); пакалчамас «так называется лошадь с широкими копытами и длинными щетками» (Там же. С. 75) < пакалчак, пакылчак «щиколотка»; хёрлемес «назв. рыжей собаки» [8. Вып. XVII. С. 47] < хёрлэ «рыжий». Аффикс -мас/-мес не имеет соответствий в других тюркских языках.

Аффикс *-лла*. С помощью аффикса *-лла* образованы от именной основы наречия со значением уподобления: *лашалла* «по-лошадиному, как лошадь, как конь» [193. С. 210] < *лаша* «лошадь»; *тихалла* «по-жеребьячи, как жеребёнок» (Там же. С. 486) < *тиха* «жеребёнок»; *ёнелле* «как корова, подобно корове» (Там же. С. 101) < *ёне* «корова». Так, в чувашском языке употребляется название *лашалласкер* «некоторое подобие лошади, т.е. лошадёнка» [8. Вып. VIII. С. 67]. Вероятно, словообразовательный аффикс *-скер* ведёт свое происхождение от устаревшего слова *ўскер* «вещь; подобие» и выражает значение сходства: *Пасарта пёр лашалласкер тупса илеймён-ши* (куплю ли на базаре какую-нибудь лошадёнку) (Там же). В данном случае оним *лашалласкер* именует животное, которое может выполнять функции лошади, а не обязательно хорошую, сильную скотину.

Аффикс *-шка/-шке*. С помощью данного аффикса от именных основ образованы маммалионимы, выражающие субъективную оценку, а точнее – уменьшительно-ласкательное значение. По мнению М.Р. Федотова, аффикс *-шка/-шке* встречается лишь в чувашском языке, этот аффикс состоит из двух частей: *-ш-* (родственно аффиксу деминутива, встречающего в остальных тюркских языках) и *-ка* [181. С. 53]. К примеру, *тынашка* «тёлка» < *тына* «тёлка» [8. Вып. XIII. С. 318]. Следует отметить, что в речи оним употребляется и в узком смысле «тёлка, перезимовавшая зиму» (Там же). Многие «детские» названия животных также образованы при помощи уменьшительно-ласкательного аффикса *-шка/-шке* от междометий – возгласов, подзваний: *кенияшкă* «так ласково называют жеребёнка» [8. Вып. VI. С. 188], *кенешке* «жеребёнок (детск. сл.)» (Там же) < *кенеш* «так манят жеребенка», *пăрушка* «телёночек» (< *пăру* «телёнок»), *тихашка* «жеребёнок» (< *тиха* «жеребёнок годовалый»). По М.Р. Федотову, *тихашка*, *тынашка*, *пăрушка* употребляются в основном в речи верховых чувашей [182. С. 17].

Аффикс *-и* (изначально притяжат. аффикс 3-го лица). Зафиксированы следующие уменьшительно-ласкательные названия животных на *-и*: *амми* «собака на детском языке» [8. Вып. I. С. 203] < *ама* «самка»; *кăчи*, *кăти* «кошка» [149. С. 18] < *кăтьă* «так манят кошек» [8. Вып. VII. С. 204]; *упи* «ласкательное назв. медведя в сказке» [8. Вып. III. С. 253] < *упа* «медведь»; *шăши* «мышь» < *шăшă/шăршă* «запах», «вонь».

Аффиксы *-ха/-хе*, *-ка/-ке*. Этимология не известна. М.Р. Федотов со ссылкой на Г.И. Рамstedта [126. С. 46] под знаком вопроса сближает аффикс с монг. *-гай*, *-кай*, тунгус. *-га*, *-ка* [181. С. 46]. *Тиха* «жеребёнок» < *тайха* [49. С. 254]. Соответствующие формы часто осложняются притяжат. аффиксом 3-го л. *-и*, ср. образованные от слов-подзвон и имитативов: *кăтьăка* «кошка», *кăтьăки* «кошка (детск. сл.)» [8. Вып. VII. С. 204] < *кăтьă* «так манят

кошек» (Там же), *маххи* «собака (детск. сл.)» [8. Вып. VIII. С. 217] < *мах* «так кличут (манят) собаку» (Там же. С. 216); *мукка* «корова (детск. сл.)» (Там же. С. 257) – *мукки* «корова (детск. сл.)» (Там же. С. 258) < *му*, *мук* «подр. мычанию коровы» (Там же. С. 257); *няхха* «собака (детск. сл.)» [8. Вып. IX. С. 64] < *нях-нях* «так манят собаку» (Там же); *панешки* «корова (детск. сл.)» < *панеş* «так манят корову» (Там же. С. 91). Аффикс активно употребляется и при образовании зоонимов в родственных языках. К примеру, с помощью данного аффикса образованы названия татарского языка: *йэйләүке* «козлёнок, родившийся летом», *кисәркә* «ящерица» [131. С. 111]. Ср. рус. *кот* > **котка* > *кошка*, *коровка*, *тёлка* и мн. др. образований на *-ка*.

§ 3.1.2. Парные слова

Под парными словами в языкознании понимают сложные лексические единицы, компоненты которых находятся в тесной семантической связи и в фонетическом (ритмико-интонационном), морфологическом, лексико-семантическом отношении являются парными [106. С. 61]. Как правило, парные слова состоят из двух, реже – трёх компонентов. Н.И. Ашмарин определяет их как «слова с приговорками», и уточняет, что вторая часть подобных конструкций представляет собой «звукоподражание или дополнение первой» [7. С. 114].

Большой интерес к парным словам в составе маммалионимов чувашского языка связан с тем, что данными конструкциями представлены собирательные имена. При этом в качестве компонентов, как правило, выступают названия отдельных животных. В языке парные слова зачастую приобретают собирательное значение и выступают в качестве общего названия животных на основе какого-либо признака (среды обитания, близости к человеку, особенностей поведения и т.д.). Части конструкции могут быть связаны ассоциативными корреляциями. Так, оним *йытă-кушак* «общее название собак и кошек» [8. Вып. IV. С. 304] включает компоненты: *йытă* «собака, пес», *кушак* «кошка», несущие равную смысловую нагрузку в составе парного образования. Собирательное существительное *шйши-шйрчăк* «общее название полевых вредителей-грызунов» [8. Вып. XVII. С. 365] образовано на основе ассоциации из компонентов: *шйши* «мышь» [193. С. 615], *шйрчăк* «прост. саранча» (Там же. С. 613). В чувашском языке значение собирательности, множественности или обобщённости может передаваться сочетанием со словом *таврашĕ*: *лаша таврашĕ* «лошади вообще», «всё, касающееся лошадей», «конская сбруя» [8. Вып. VIII. С. 67].

В качестве одной из частей парного слова может выступать название детёныша животного. К примеру, *путек-сурӑх* «ягнята и овцы» [144. С. 168], «общее название ягнят» [8. Вып. IX. С. 197; Вып. X. С. 44, 47, 54], «общее назв. овец; ярка, не пришедшая в возраст овцы и не обьягнившаяся» [8. Вып. X. С. 44]. При этом отдельные парные слова с компонентом – названием детёныша не имеют значения собирательности: *пӑру-выльӑх* «тёлка» (Там же. С. 133), *пӑру-ёне* «тёлка», *тына-пӑру* «тёлушка (телёнок женского п.)» [8. Вып. XIII. С. 317]. На самом деле, *-сурӑх* «овца» в составе *путек-сурӑх*, *-ёне* «корова» в составе *пӑру-ёне* и т.д. нужны для уточнения вида животного, т.к. *путек* «ягнёнок» может относиться и к детёнышу козы (*качака путекки*), *пӑру* «телёнок» может относиться и к детёнышу оленя, лося (*пӑлан пӑруиё*, *пӑиши пӑруиё*).

У большинства онимов проявляется «принцип превосходства понятия, выраженного первым компонентом» [125. С. 104], другими словами, доминирующее положение в значении производного слова занимает первый компонент, а второй играет лишь второстепенную роль. Особая смыслообразующая роль первого компонента парного слова в современном чувашском языке в некоторых случаях обусловлена тем, что второй компонент представлен устаревшим словом, который не несет смысловой нагрузки, а выражает лишь значение собирательности. К примеру, это наблюдается у маммалионима *путек-çатак* «общее назв. ягнят» [8. Вып. X. С. 44], *пытяк-çатак* «ягнята вообще» [8. Вып. IX. С. 197]. В современном чувашском языке слово *çатак* отдельно не употребляется. Ранее словом *çатак* именовали ласкательно ребят [8. Вып. XII. С. 69]. При этом компонент *çат-* имеет отымитативное происхождение, обозначает звук, треск, издающийся «при раскалывании дерева, разламывании веток под ногами, ударе по щеке и т.д.» [77. С. 130], то есть *çат-* обозначает громкий звук, связанный с различными действиями, отсюда и *патак-çатак* «побои и все, что с ними связано», «побои и все, что им сопутствует». А ягнята «шумные», очень подвижные, поэтому следует предположить, что ассоциативное парное слово *путек-çатак* возникло в связи с издаваемым ягнятами шумом.

Лаша-масар «лошади вообще» [8. Вып. VIII. С. 68]. Слово *масар* в современном чувашском языке отдельно не употребляется. Вероятнее всего, это слово восходит к «др.-тюрк. *madar* демон, чудовище»; параллели в тюркских языках: тат. *мазар*, башк. *мазар*, выражающие значение неопределённости или приблизительности, ср. тат. *кеше-мазар* «какой-то человек, кто-нибудь» [184. Т. I. С. 344], башк. *at madar* «разные кони» (башк. *at* «лошадь» + *madar*) [40. С. 147].

Слово *шӑиши-мӑиши* обозначает грызунов, обнюхивающих предметы в поисках съестного. *Шӑиши-мӑишлe* – детская игра, во время которой нужно угадать, сколько предметов (к

примеру, орехов) зажато в кулаке. На первый взгляд, компоненты этого названия связаны лишь фонетическим уподоблением. *Майши* – «олень; название какого-то неведомого зверя» [8. Вып. VIII. С. 325], фоновариант онима *пайши* «лось». При этом в «Кратком чувашско-русском словаре» зафиксировано вряд ли однокоренное слово *майшайти* в значении «мешковатый; тюлень» [111. С. 115], последнее образовано на базе имитатива *майш/мёш*, символизирующего сопение при затруднённых действиях, а также вынюхивание, принюхивание. Словом *шайши-майши* называют грызунов, обнюхивающих предметы в поисках съестного. Следует предположить, что это название образовано на основе ассоциативных отношений, а компонент *майши* имеет отымитативное происхождение.

В современном чувашском языке встречаются также онимы-парные слова, в которых второй компонент не несёт смысловую нагрузку: *путек-пайран*, *путек-паран* «ягнята вообще», *путек-пуран* «ягнята, козлята в собирательном смысле», где «*пуран* из русск. *баран*» [184. Т. I. С. 399]; *путек-пыран* [8. Вып. X. С. 95].

Каййак-кёшёк «звери и птицы», слово *кёш-ёк* образовано с помощью аффикса *-ёк* по аналогии с *каййак* [184. Т. I. С. 289], ср.: *каййак-кайш* «птицы и звери (вообще)» [120. С. 14], *каййак-кёш* «птицы и звери, насекомые вообще» [8. Вып. VII. С. 323]. Так, сочетанием *сёр каййак-кёшёсем* именуют грызунов: мышь (*мыша*), крысу (*крисса*, *кысса*) [283. Л. 133]. Это слово образовано от междометия, употребляющегося для отгона птиц, и носит звукоподражательный характер. «В чувашском языке слово *кёшёк* отдельно не употребляется. Тюркские соответствия: алт., крым., ком., тел., шор., кач., кюзерик., саг., к.-кирг., койб., аз., вт., уйг., чаг., сарт., тур., карТЛ. *куш* «птица», «вообще „крылатое существо“» [124. Т. II. С. 1022], башк. *кош*, тат. *кош* «птица, птичка» [184. Т. I. С. 289]. Фоноварианты междометия *кайш*: *кша*, *каша*, *кишуй*, *ки* [120. С. 12].

Название *каййак-хуца* (*хоца*) «хищные звери» встречается в молениях: *Пиханпар... каййакран-хуцаран*, *вйрйран-хурахран*, *вутран-кавартан*, *шывран-шуртан*, *тёрлё асапран – хйтар тире* [8. Вып. VIII. С. 325] (перевод: Пиханбар, от хищных зверей, разбойников, пожаров, воды, разных страданий – спаси нас). Компонент *хуца* в данном слове, на наш взгляд, обозначает «то, что может погубить; что-то устрашающее». В современном чувашском языке слово *хуца*, *хоца* обозначает «хозяина, владельца; купца». Люди, вероятнее всего, испытывали страх перед неприрученными, неодомашенными зверями. Не случайно диких зверей именуют *тискер каййак*. В этом случае слово *тискер* выражает эмоциональную оценку и выражает не только значения «дикий; хищный», но и «страшный; ужасный; мрачный» [193. С. 485]. Но -

хуҫа: *каййак*- ~ может выражать и исходное значение «хозяин», т.е. «зверь-хозяин», как в русском языке: *закон – тайга, медведь – хозяин* (фразеологизм).

В чувашском языке распространены онимы с компонентом *-качка*: *йыт-качка* «собир. собаки» (Там же. С. 133), «бродячие собаки» [49. С. 95], *лаша-качка* «лошади вообще» [8. Вып. VIII. С. 68]. При этом часть *-качка* не имеет самостоятельного значения и употребляется как присловье [8. Вып. VI. С. 174]. Вероятнее всего, *качка* ведет свое происхождение от *кач* (алт., уйг., кирг. и др.) «бегать», «убегать», отсюда алт. *В качкын* «беглец», «бродяга», «разбойник», узб. *кочок* «беженец», «перебежчик»; тат. *качкын* «беглец» [49. С. 95]. В целом, слово *качка* употребляется в качестве частицы, придающей предшествующему слову обобщающее значение: *ача-качка* «дети вообще», *пйшал-качка* «ружья вообще», *тйла качка* «любое сукно, всякие сукна», *шймми-качкипе* «с костями и тому подобным».

В чувашских говорах зафиксированы: *качйа* «то же, что качка» [8. Вып. VI. С. 173], *йыт-качйа* «вообще собаки» [7. С. 115]. Подобные «слова с приговорками», по мнению Н.И. Ашмарина, «употребляются обыкновенно в ед. ч. и выражают разнообразие и множество» (Там же. С. 114). Чув. диал. *качйа* «обобщающая приговорка (присловье)»: *ача-качйа*; *лаша-качйа* [8. Вып. VI. С. 173].

Онимы с компонентом *выльйх* «скот, скотина» в большинстве случаев содержат в структуре компоненты, как правило, вторые, с затемнённой семантикой. К примеру, *выльйх-тйварсем* «скотина вообще». В современном чувашском языке *тйвар* употребляется в значении «соль», в то же время *tabar* «имущество» [43. С. 526], *tavar* «добро, имущество, богатство», «товар» (Там же. С. 542) встречается в древнетюркских памятниках; в кумыкском, крымско-татарском, караимском языках употребляется *тувар* в значении «скот», а в каракалпакском *тувар* – «молодняк скота» [131. С. 10]; тур. *davar* «стадо», «скот», туркм. *тавар* (последнее значение сопоставляют с арабским *даббйр* «мелкий скот») [40. С. 546]. В диалектах и говорах татарского языка встречаются следующие фоноварианты названия: *туар* «домашний скот» (каз. ар.) [131. С. 10], *тувар* «скот, скотина» (каз. ар., пар., тбл., том., кузн., срг., глз., лмб.) [170. С. 650], *тывар* (тбл.), *тывар* (тмн., кузн., курш., карс., кас., тбл.) (Там же. С. 669). На наш взгляд, аффикс *-сем* в компоненте *тйварсем* указывает на множественность; морфемы *-сам/-сем*, *-сан/ -сен*, *-сём*, *-сён* этимологически близки тюркской форме *сан* «число, счет» (*са*- «считать» + *-н*-) [181. С. 9]; башк. *тувар* «скот»; «товар» по преимуществу [40. С. 145]. Н.И. Золотницкий предполагает, что данное название (в тур. *тавар* «скот», «животное домашнее, вьючное») в значении «товар» перешло в русский язык от кочующих народов, у которых скот главным образом составляет предмет торговли [56. С. 85]. М. Фасмер также

отстаивает точку зрения о проникновении тюркской формы в славянские языки [179. Т. IV. С. 67]. Н.К. Дмитриев, в свою очередь, рассматривает слово *товар* как «тюркизм, подтвержденный фактами», предполагает, что *товар* восходит к «чуваш. *тăвар* // тюрк. *тўз* «соль» и указывает на старые (еще дотатарские) торговые связи русских с булгарами и чувашами [40. С. 546]. Близкие формы выявлены и в монгольском языке: монг. *tawar*, калм. *tawr*, «товары, собственность» [233. S. 385b].

Название *выльăх-чĕрлĕх* употребляется в собирательном значении «домашние животные и птица, домашняя живность, скот». *Выльăх-чĕрлĕх алла пăхат* [314. С. 63] (перевод: Скот зависит от ухода). Н.И. Золотницкий в качестве соответствий словоформы *чирĕ* «живой» рассматривает алт. *тўрў*, кир. *тери*, тур., азерб. *дири*, тат. *тере*; чув. *чирлĕх* «животное» (тат. *терлик*) [56. С. 104]. К.М. Мусаев выделяет общую основу у чув. *чĕрлĕх* (в составе *выльăх-чĕрлĕх* «домашние животные») и тат. *терлек* «скот», «скотина» [107. С. 72] и отмечает, что слово *терлек* в современном татарском языке является моносемантическим и в других тюркских языках не зафиксировано (Там же. С. 74). Р.Г. Ахметьянов, в свою очередь, предполагает происхождение тат. *терлек* «домашний скот» на почве татарского языка: связывает его со словом *терелек*, как и чаг. *кешлек* < *кешелек* [4. С. 198]. Таким образом, компоненты парного слова *выльăх-чĕрлĕх*, как и слова *выльăх-тăварсем*, связаны синонимичными отношениями. Для сравнения, в тюркских языках употребляются названия скота в форме парных слов, также связанные синонимическими корреляциями: азерб. *мал-давар* «крупный рогатый скот – мелкий рогатый скот» [125. С. 107], башк. *мал-тыуар* «собир. скот и птица (домашние)» [184. Т. II. С. 162], башк. *мал тувар* «скот» (вообще) [40. С. 145]; тат. *терлек-туар* «собир. скот (вообще)», тат. *мал-туар* «собир. скот и птица (домашние)», где общетюрк. *мал* (~ чув. *мул*) «скот, скотина; имущество, состояние, богатство; добро» [184. Т. II. С. 162].

В чувашском языке встречаются также названия животных, в которых *выльăх* выступает в качестве второй части парного слова: *ёне выльăх* «крупный рогатый скот» [193. С. 101]; *лаша-выльăх* «1. собир. лошади, кони, конское поголовье 2. мерин» (Там же. С. 210), «вообще лошади» [8. Вып. VIII. С. 66]; *ут выльăх* «кони, лошади» [193. С. 519], встречается также *ут-выльăх* в значении «конь» [8. Вып. III. С. 317]. Данные конструкции образованы на основе ассоциативных отношений.

Менее распространены конструкции, у которых не известно лексическое значение первого компонента. К примеру, *куй-сурăх* «ордынская овца» [8. Вып. VI. С. 254]. Слово *куй* в современном чувашском языке отдельно не употребляется, при этом, как мы уже отметили ранее, *кой/койун* в большинстве тюркских языков выступает в качестве основного названия овцы.

Встречаются также парные слова с данным компонентом: азерб. *мал-гојун* «крупный рогатый скот-овцы», азерб. *гојун-гузу* «овца и ягнята» [125. С. 111], кумык. *кьой-мал* («овца-скот») «мелкий рогатый скот» [39. С. 47], башк. *куй-һарык* «овцы» [38. С. 75], тат. стрл. *куй-сарык* – обобщающее значение для мелкого скота [131. С. 28].

В чувашском языке не встречаются парные слова, называющие животных, образованные лишь на основе рифмы, такие как кумык. *ат-мат* «кони и прочее», «всякие там кони» [39. С. 47], башк. *ат һат* «разные лошади», «лошади и прочее» [40. С. 147], башк. *һарык-марык* «овцы вообще, разные овцы» (*һарык* – овца, баран + *марык*). При этом у отдельных парных слов семантика одного из компонентов утрачена, поэтому сложно определить принцип, который лежал в основе номинации: *лаша-тёмре* «лошади» [8. Вып. VIII. С. 68], *тиха-тёрне*, *тиха-тёрке* «молодые жеребята» [8. Вып. XV. С. 119], *тиха-тёрке* «общее назв. жеребят» [8. Вып. XIV. С. 82], *йәтәлә-мачәлә* «как кошка с собакой» [8. Вып. V. С. 101], *ўре-әйәра* «старый жеребец, который пасёт маток (обыкновенно в привольных местах, напр. в степях Уфим. губ.)», где *ўре* – «неизв. слово» [8. Вып. IV. С. 19].

В качестве частей парных слов, кроме имен существительных, выступают и слова других частей речи. К примеру, *кусан-сўрен* «животный мир, фауна», «животные (общ. обознач.)» [193. С. 196] – субстантивное причастие на *-ан/-ен*; образовано от глаголов *кус* «катиться, вращаться; бежать» (Там же), *сўре* «двигаться, ходить» (Там же. С. 430).

В чувашском языке в редких случаях употребляются также онимы, состоящие из трёх компонентов. К примеру, собирательное название домашних хозяйственных животных *лаши-ёни-сурәхё*, букв. «лошади-коровы-овцы» [145. С. 383], представляет терминизированное простое перечисление видов.

§ 3.1.3. Именные определительные сочетания

Видовые названия животных чувашского языка представлены определительными сочетаниями (именными композитами). Следует отметить, что Г.Н. Семенова подобные конструкции именует термином «детерминативные сложные существительные», при этом рассматривает понятие «сложное слово» в качестве синонима понятий «определительный именной композит», «детерминативный именной композит», «атрибутивный именной композит» [146. С. 250].

В видовых названиях животных чувашского языка, представленных именными сочетаниями, в качестве определения часто выступает имя прилагательное: *хәмәр вильәх*

«бурый скот» [291. Л. 9], *хура тилё* «чернобурая лиса» [8. Вып. XVI. С. 207], *хёрлё шайши* «рыжая мышь» [8. Вып. XVII. С. 364], *хямър уна* «бурый медведь», *шууръ уна* «белый медведь», *съръ кашкър* «серый волк» [8. Вып. XIV. С. 332], *ула кёсре* «пегая кобыла», *суккър шайши* «крот» [8. Вып. XI. С. 165], *хёсёр выльях* «бесплодное» (животное) [291. Л. 8], *маттор лаша* «красивая лошадь» [8. Вып. VIII. С. 213], *пёчэк вайкър* «бычок» [112. С. 43].

Встречаются также конструкции, в том числе и распространенные словосочетания, с причастными формами в роли определения. Следует отметить, что А.М. Иванова определяет подобные образования как именные словосочетания с вербоидами (неличными формами глагола) в роли компонента-определения [60. С. 56]. Так, конструкции с причастиями на *нй-/нё-* именуют животное на основе его состояния или отличительного признака: *урнй йытй* «бешеная собака» [8. Вып. VII. С. 18], *кастарнй айър*, *кастарнй лаша*, *каснй лаша* «мерин», *ёне сулне кайнй нъру* «теленка по третьему году» [8. Вып. IV. С. 117], *хўре кастарнй тиха* «жеребенок-стриган» [283. Л. 177].

Употребляются также сочетания с причастием на *-ан/-ен*, в большинстве случаев указывающие на отличительное (характеризующее) качество животного: *пуç çавърнакан сурях* «больная овца, пораженная вертежом» [8. Вып. I. С. 252], *кашлакан чърчун* «грызун» [159. Т. 1. С. 190], *çйткән кайак* «хищный зверь; хищная птица» [193. С. 405], *кўлекен вайкър* «вол» [112. С. 55], *ёмекен тиха* «жеребёнок-сосун», *савакан ёне* «дойная корова» (Там же. С. 92), *сиксе чупакан лаша* «скакливый конь» (Там же. С. 506), *алла вёренмен ашак*, *ишек* «осляк» (Там же. С. 371).

Встречаются также отдельные конструкции с причастием будущего времени на *-ас/-ес*: *чопас тына* «трёхлетняя тёлка» (букв. «тёлка, готовая к огулу»), причастием долженствования на *-малла(-мелле)* в притяжательной форме с аффиксом *-и*: *чопмалли нъру* (случн.); *кусмалли нъру*, *йертмелли нъру* [8. Вып. X. С. 133].

Изафет I типа. Под «изафетом» следует понимать «именные определительные сочетания, оба члена которых выражены существительными» [95. С. 172]. В тюркологии отмечается, что для изафета I типа «характерно отсутствие морфологических показателей связи компонентов» (Там же), другими словами, под первым типом изафета, или первым изафетом следует понимать «простые детерминированные определительные словосочетания, грамматически оформленные примыканием» [11. С. 15]: *йёке хўре* «крыса», *айър çёлен* «змея-самец», *ёне буйвол* «буйволица». Среди названий животных, образованных по схеме I изафета, встречаются также табуистические названия – описательные выражения: *тукмак хўре* «волк»

[8. Вып. XIV. С. 109], *шйӑр хӑре* «волк» [8. Вып. XVIII. С. 309]. В целом, в чувашском языке названия животных, образованные по схеме изафета I, немногочисленны.

Изафет II типа. В названиях, образованных по схеме II изафета, форму основного падежа имеет определение, а аффикс принадлежности содержит определяемое слово. «Эти определительные словосочетания выражают категориальные родовые понятия и указывают на отношения между предметами» [11. С. 15]. Г.Н. Семенова отмечает, что второй компонент в сложных существительных чувашского языка, образованных по данной схеме, оформлен аффиксами притяжательности 3-го лица единственного числа *-ӗ* и *-и* [146. С. 253].

Названия животных, образованные по структурной схеме изафета II с аффиксом *-ӗ*. В названиях животных, образованных по данному типу, присутствует обозначение следующих признаков, лежащих в основе номинации:

1. Место обитания животного: *вӑрман кайӑкӗ* «птица; дикий зверь», *вӑрман мулкачӗ* «заяц-беляк», *вӑрман шӑшӑйӗ* «лесная мышь», *хир мулкачӗ* «заяц-русак», «тушканчик» [283. Л. 155], *кил-сӑрт шӑшӑйӗ* «домовая мышь» [64. С. 52], *хир ашакӗ* «дикий осел» [8. Вып. XVI. С. 124], *хир кушакӗ* «рысь» (Там же. С. 125).

2. Ассоциативная связь с другим животным: *кушак кайӑкӗ* «мышь», *кушак-кайӑк йусӗ* «ласка (зверек)», *шӑшӑй йусӗ* «ласка» [8. Вып. XVII. С. 364].

3. Предназначение или практическое применение животного: *парне выльӑхӗ* «жертвенные животные» [8. Вып. IX. С. 112], *Турӑ пӑрушӗ* «теленка, посвященный богу в жертву» [8. Вып. XIV. С. 159].

Притяжательные определительные словосочетания второго типа изафета образованы также с помощью аффикса *-и*. Маммалионимы, образованные по структурной схеме изафета II с аффиксом *-и*, представлены видовыми названиями, содержащими указание на следующие признаки:

1. Порода животного: *араб лаши* «арабская лошадь» [291. Л. 5], *ангор качаки* «ангорская коза» (Там же), *бельги лаши* «бельгийская лошадь» (Там же. Л. 7).

2. Место обитания животного: *вӑрман лаши* «лесная лошадь», *тӑррем сӑрт лаши* «лошадь плоскогорий» (Там же. Л. 40), *хир мулкачи* «тушканчик», *хир сысни* «дикая свинья, кабан» [8. Вып. IX. С. 125–126], *хир качаки* «горная антилопа» [64. С. 51], *хир качаки* «косуля» (Там же. С. 47), *хир качаки* «дикая коза», «серна» [8. Вып. XVI. С. 124], *хир ёни* «олень» (Там же), *хир ёни* «лось» [112. С. 190], *хир пӑсари* «хорёк степной» [64. С. 27], *сӑрӑр тилли* «песец» (Там же. С. 41), *сӑр мулкачи* «тушкан, тушканчик» [112. С. 573], *тинӑс мулкачи* «тюлень» (Там же. С. 575). Следует также отметить, что разграничение на основе породы и места обитания

является в некоторой степени условным, так как порода животных (главным образом, лошадей) могла получить свое название по территории, на которой были выведены и обитали животные: *Хёвелтуха́сри лаша* «восточная лошадь» [291. Л. 13], *Дон лаши* «Донская лошадь», *Европа лаши* «европейская лошадь» (Там же. Л. 22), *кабарда лаши* «кабардинская лошадь» (Там же. Л. 30), *ка́ркәс лаши* «киргизская лошадь» (Там же. Л. 31), *пушкәрт лаши* «башкирская лошадь (особая порода)» [8. Вып. X. С. 67].

3. Практическое значение или функции животного (главным образом, лошади): *тупа́ лаши* «артиллерийская лошадь» [291. Л. 5], *чупу лаши* (хытӑ каякан лаша) «беговая лошадь» (Там же. Л. 7), *са́к лаши*, *лав лаши* «возовая лошадь» (Там же. Л. 12), *су́ре тьыхи* «двухгодовалый жеребенок, которого впервые впрягают в борону» [8. Вып. XI. С. 226], *хе́р лаши* «лошадь, которая возит на свадьбе невесту» [8. Вып. XVII. С. 35].

4. Ассоциативная связь с другим животным: *ка́ткӑ упи* (*ка́ткупи*) «медведь – муравьятник» [8. Вып. VII. С. 97], *ка́вакал йытти* «охотничья собака» (Там же. С. 201).

5. В редких случаях называют имя ученого, открывшего данный вид: *Пржевальски лаши* «лошадь Пржевальского» (Там же. Л. 40).

Следует также отметить, что чувашские названия половозрастных видов животных также образованы по схемам изафета I и II. Так, видовые названия по полу содержат «слова-детерминанты, обозначающие биологический род»: *ама* «самка» – *аса* «самец» [181. С. 5], ср.: *ама вьльӑх* «животные женского пола», *вьльӑх ами* «самка животного» – *аса вьльӑх* «животные муж. пола», *вьльӑх аси* «самец (домашнего животного)»; *ама кашка́р* «волчица», *кашка́р ами* «самка волка» – *аса кашка́р* «волк», *кашка́р аси* «волк-самец»; *ама йытӑ* «собака женского пола», *йытӑ ами* «самка собаки, сука» – *аса йытӑ* «собака мужского пола», *йытӑ аси* «самец собаки, кобель, пес»; *ама кро́лик* «крольчиха», *кро́лик ами* «самка кролика» – *аса кро́лик* «кролик», *кро́лик аси* «самец кролика»; *ама куша́к* «кошка», *куша́к ами* «кошка-самка» – *аса куша́к* «кот», *куша́к аси* «кот-самец»; *ама сысна́* «свинья жен. пола», *сысна́ ами* «самка свиньи, свиноматка» – *аса сысна́* «свинья муж. пола», *сысна́ аси* «самец свиньи, хряк, боров»; *ама у́па* «медведица», *у́па ами* «самка медведя» – *аса у́па* «медведь», *у́па аси* «самец медведя», *ама тилё́* «лиса женского пола, лисица», *тилё́ ами* «самка лисы» – *аса тилё́* «лиса муж. пола, лис», *тилё́ аси* «самец лисы», *ама тигр́* «тигрица», *тигр́ ами* «самка тигра» – *аса тигр́* «тигр», *тигр́ аси* «самец тигра», *ама а́рӑслан* «львица», *а́рӑслан ами* «самка льва» – *аса а́рӑслан* «лев», *а́рӑслан аси* «самец льва», *ама те́ве* «верблюдница», *те́ве ами* «самка верблюда» – *аса те́ве* «верблюд», *те́ве аси* «самец верблюда», *ама сло́н* «слониха», *сло́н ами* «самка слона» – *аса сло́н* «слон», *сло́н аси* «самец слона», *ама се́лен* «змея/змеи жен. пола», *се́лен ами* «самка змея» – *аса се́лен*

«змея/змеи муж. пола», *çĕлен аси* «самец змеи», *çĕлевĕç ами* «самка рыси» – *çĕлевĕç аси* «самец рыси», при этом сочетания *ама çĕлевĕç* «рысиха», *аça çĕлевĕç* «рысь мужского пола» не получили распространения в языке, вероятно, из-за неудобства произношения. Как видно из приведенных примеров, существует большая стилистическая разница данных названий: конструкции в форме первого изафета имеют обобщённое значение, конструкции в форме второго изафета выражают конкретизирующее значение.

При этом в языке наибольшее распространение получили отдельные видовые названия животных по полу. Рассмотрим это на примере названий собаки и кошки. Согласно данным Лингвистического атласа Европы, онимы *йытă аси*, *йытă ами* зафиксированы на территории следующих населенных пунктов: Малое Карачкино Ядринского р-на ЧАССР, Алманчикуво Батыревского р-на ЧАССР, Якушкино Октябрьского р-на ТАССР, Кош-Елга Бижбулякского р-на Башкирской АССР, Елаур Сенгилеевского р-на Ульяновской обл., Среднее Аверкино Похвистневского р-на Куйбышевской обл., Шняево Базарно-Карабулакского р-на Саратовской обл.; *итă аси*, *итă ами* – Моргауши Моргаушского р-на ЧАССР; *йăтă аси*, *йăтă ами* – Красные Четаи Красночетайского р-на ЧАССР; *аça йыт*, *ама йыт* – Старая Тюрлема Козловского р-на ЧАССР [290. Карты № 90–91]. Таким образом, онимы *аça йыт*, *ама йыт* получили распространение лишь на территории Козловского р-на ЧАССР, тогда как в большинстве говоров и диалектов чувашского языка для именованья самца собаки в различных фонетических оформлениях употребляется сочетание *йытă аси*, самки – *йытă ами*.

Кушак аси зафиксировано на территории Алманчикуво Батыревского р-на ЧАССР, Якушкино Октябрьского р-на ТАССР, Кош-Елга Бижбулякского р-на Башкирской АССР, Шняево Базарно-Карабулакского р-на Саратовской обл.; *кошак аси* – Малое Карачкино Ядринского р-на ЧАССР, Красные Четаи Красночетайского р-на ЧАССР, Моргауши Моргаушского р-на ЧАССР; *аça кушак* – Старая Тюрлема Козловского р-на ЧАССР, Елаур Сенгилеевского р-на Ульяновской обл., Среднее Аверкино Похвистневского р-на Куйбышевской обл. *Кушак ами* употребляется на территории Алманчикуво Батыревского р-на ЧАССР, Якушкино Октябрьского р-на ТАССР, Кош-Елга Бижбулякского р-на Башкирской АССР, Шняево Базарно-Карабулакского р-на Саратовской обл.; *кошак ами* – Малое Карачкино Ядринского р-на ЧАССР, Красные Четаи Красночетайского р-на ЧАССР, Моргауши Моргаушского р-на ЧАССР; *ама кушак* – Старая Тюрлема Козловского р-на ЧАССР, Елаур Сенгилеевского р-на Ульяновской обл., Среднее Аверкино Похвистневского р-на Куйбышевской обл. (Там же. Карты № 95–96). Таким образом, для носителей языка смысловая разница сочетаний *ама йытă* «собака женского пола», *йытă ами* «самка собаки, сука» – *аça*

йытă «собака мужского пола», *йытă аҫи* «самец собаки, кобель, пес»; *ама кушак* «кошка», *кушак ами* «кошка-самка» – *аҫа кушак* «кот», *кушак аҫи* «кот-самец» размывается, становится неявной, и в чувашских диалектах и говорах для именования животных по полу зачастую употребляются лишь отдельные сочетания из рассмотренных ранее пар.

Видовые названия животных по возрасту представлены конструкциями изафета II со словом *ҫури*, где *-и* – афф. принадлежности 3-го лица (*ҫăвăр* «детёныш, зверёныш; молодой, нового выводка» [193. С. 401], *ҫура* «общее название детёнышей некоторых животных» (Там же. С. 426)). Диалектные фоноварианты: *ҫурă*, *ҫӳрӗ*, *ҫӳр* [8. Вып. XII. С. 262], *ҫӳре* «детёныш» (Там же. С. 300), *ҫур* (Там же. С. 250). К примеру, *пăлан ҫури* «олёнок, лосёнок», *арăслан ҫури* «львёнок», *упа ҫури* «медвежонок»; *йытă ҫури* «щенок», *мулкач ҫури* «зайчонок», *слон ҫури* «слонёнок», *тикăр ҫури* «тигрёнок», *слон ҫури* «слонёнок», *тилӗ ҫури* «лисёнок», *кушак ҫури* «котёнок», *хир сыснийӗн ҫури* «кабанёнок». Реже встречаются именования детёнышей, образованные от народных (отымитативных) названий животных: *нăрик-нăрик ҫури* «поросёнок» [32. С. 174]. Для выражения презрительного отношения к человеку употребляется выражение *этем ҫури* «детёныш человека, т.е. человек» [8. Вып. III. С. 37]. Как видно из приведённых примеров, в большинстве случаев конструкции со словом *ҫăвăр* применяются по отношению к крупным, большим по размеру животным.

В чувашском языке встречаются также сочетания с онимом *чӗпӗ*. Слово *чӗпӗ* употребляется в значениях: «птенец (вообще), птенчик»; «цыплёнок»; «диал. детёныш, зверёныш» [193. С. 590–591]: *кайăк чӗппи* «птенец», *пулă чӗппи* «малёк». Название *чӗпӗ* применяется по отношению к небольшим по размеру животным, при этом в названиях млекопитающих, пресмыкающихся, земноводных *ҫура*, *чӗпӗ* часто выступают в качестве синонимов: *ҫӗлен ҫури* – *ҫӗлен чӗппи* «детёныш змеи, змеёныш», *шапа ҫури* – *шапа чӗппи* «лягушонок», *хăнтăр ҫури* – *хăнтăр чӗппи* «бобрёнок», *куйан ҫури* – *куйан чӗппи* «зайчонок», *сысна ҫури* (*ҫӳри*) – *сысна чӗппи* «поросёнок», *шăши чӗппи* – *шăши ҫӳри* «мышонок», *кушак чӗппи* – *кушак ҫури* «котёнок». Вариативность употребления компонентов *ҫура–чӗпӗ* зачастую наблюдается в диалектах и говорах чувашского языка, и, как правило, характерна для возрастных названий «близких» (хорошо известных, обитающих рядом) носителям языка животных. Рассмотрим это на примере названия щенка – детёныша собаки. Сочетание *йытă ҫури* в конце 70-х годов XX в. записано на территории Малое Карачкино Ядринского р-на ЧАССР, Алманчиково Батыревского р-на ЧАССР, Якушкино Октябрьского р-на ТАССР, Кош-Елга Бижбулякского р-на Башкирской АССР, Елаур Сенгилеевского р-на Ульяновской обл., Шняево Базарно-Карабулакского р-на Саратовской обл.; *ит ҫури* – Моргауши Моргаушского р-

на ЧАССР; *йăтă çури* – Красные Четаи Красночетайского р-на ЧАССР, Среднее Аверкино Похвистневского р-на Куйбышевской обл. Параллельное употребление сочетаний *йыт чĕппи*, *йыт çури* зафиксировано лишь на территории Старой Тюрлемы Козловского р-на ЧАССР [290. Карта № 92], т.е. можно утверждать, что в языке произошел семантический перенос, и словом *чĕпĕ* на узколокальной территории именуют относительно небольшого по размеру детёныша собаки.

Примечательно, что в отдельных говорах на территории Моргаушского района встречаются выражения: *чĕп çури* – *чăх-чĕппи* «цыплёнок», *корак çури* – *курак чĕппи* «грачѐнок» [151. С. 63–64]. Употребление подобных сочетаний всегда связано с диалектными особенностями. К примеру, Л.П. Сергеев отмечает, что словосочетание *сысна чĕппи* распространено в деревнях (граничащих с Ульяновской областью), расположенных на юге Дрожжановского района Республики Татарстан, встречается и на территории Урмарского района. Таким образом, можно утверждать, что часть чувашей перебралась на территорию Дрожжановского района с территории Урмарского района три века тому назад [154. С. 264]. Для именования поросѐнка в чувашских говорах на территории Татарстана наряду с сочетаниями *сысна чĕппи*, *сысна çури*, употребляется название *пăрçунка* (Там же. С. 245) < рус. поросѐнок. *Сысна çур проçинки, улăм йăйăнче ыртасран хамăр илсе карăмăр, арам туса йатăмăр* (Свад. п.) [8. Вып. X. С. 276] (перевод: Поросѐнок, чтобы не лежал в соломе, сами забрали, сделали женой). Этот зооним был заимствован также и татарским языком: тат. каз. ар.-крш. *пырчинка* [170. С. 548], диал. *пурчинки* (Там же. С. 543).

Таким образом, в чувашском языке используются аналитические способы образования видовых названий по полу и возрасту, употребляются конструкции со словами-детерминантами: *ама*, *аça*, *чĕпĕ*, *çавăр* (*çура*). Данные приемы половозрастных разграничений используются, как правило, для животных «второго ранга». При этом главным и древнейшим способом различения всего живого по полу и возрасту является супплетивация. Образование видовых названий по полу от разных основ характерно для «полезных» домашних животных [177. С. 291]: *вăкăр* (*мăкăр*) «бык» – *ёне* «корова», *вăкăр* «бык, вол» – *тына* «тѐлка», *йăйăр* «жеребец» – *кĕсре* «кобыла», *така* «баран» – *сурăх* «овца», *така* «козѐл» – *качака* «коза»; названия по возрасту: *пăру* «телѐнок», *тиха* «жеребѐнок», *путек* «ягнѐнок, козлѐнок». Следует также отметить, что названия детёнышей отдельных животных (*пăру*, *путек*, *тиха*) входят в состав аналитических конструкций и указывают на конкретный возраст животного или принадлежность к определенному виду. К примеру, *пăру* «телѐнок»: *Амăш-ай пăру* «телѐнок-сосун» [8. Вып. I. С. 201], *тына пăру* «тѐлка», *мăкăр пăру* «бычок» [8. Вып. X. С. 133], *пăлан*

пӑрушӗ «олёненок, лосёнок» (Там же. С. 105), *пушмак пӑру* «двухгодовалый телёнок» (Там же. С. 69). *Путек* «ягнёнок; козлёнок»: *качака путекки* «козлёнок», *сурӑх путекки* «ягнёнок». В чувашских говорах встречаются фоноварианты: *пӑтӑк* [150. С. 79], *путек* (Карачуры Чебоксарского р-на) (Там же. С. 81) (Синьялы Вурнарского р-на), *пӑтек* (Васильевка Ишимбаевского р-на, Юмашево Чекмагушевского р-на Башкорстостана) (Там же. С. 89), *пытяк* (Кумаккасы Ядринского р-на, Ефремкасы Аликовского р-на, Русские Атаи Красночетайского р-на) (Там же. С. 90). *Тиха* «жеребёнок»: *амӑш ай тиха* (Шоркасы, Н. Сережкино) «чѣчѣ ѣмекен тиха – жеребёнок-сосун» (Там же. С. 8), *ашак тихи* «ослёнок», *тӗве тихи* «верблюжонок», *пӑлан тихи* «олёненок, лосёнок».

Изафет IV типа. Среди видовых названий животных чувашского языка встречаются также именные композиты, в которых определение оформлено аффиксом *-лӑ(-лӗ)*, подобные конструкции не включены в классификацию притяжательных определительных словосочетаний в тюркских языках. В.И. Сергеев [147. С. 143–144], А.М. Иванова [60. С. 49] рассматривают слова, образованные по данной схеме, как форму обладания с аффиксом *-лӑ(-лӗ)*. Этим способом образованы маммалионимы, в которых содержится указание на важный, отличительный признак, лежащий в основе номинации: *курпунлӑ выльӑх* «верблюды» [8. Вып. VII. С. 12], *картлӑ хӗре* «жеребёнок с неровно постриженным хвостом», *ӳтлӗ ёне* «упитанная корова», *сӗтлӗ ёне* «молочная корова», *йосталлӑ лаша* «ходкая лошадь» [8. Вып. V. С. 15].

Изафет IV типа представлен также распространенными словосочетаниями: *тӑватӑ оралӑ выльӑх* «четвероногое домашнее животное» (Там же. С. 202), *илемсӗр сӑнлӑ кайӑк* «дикообраз» [8. Вып. III. С. 103], *икӗ курпунлӑ тӗве* «двугорбый верблюд» [8. Вып. VII. С. 12], *майӑхлӑ ҫара ҫерҫи* «усатая ночница» (разновидность летучей мыши) [64. С. 36], *пысӑк хӑлхаллӑ ҫара ҫерҫи* «ушан» (Там же), *сакӑл ураллӑ лаша* «лошадь, у которой на ногах пежины» [8. Вып. XI. С. 18], *шултра ӧратлӑ ёне* «корова крупной породы», *йӗлтӗр-оралӑ сурӑх* «овца с продолговатыми копытами» [8. Вып. V. С. 123], *пукрас хӗреллӗ анчӑк* «куцехвостый щенок», *ҫил ҫунатлӑ урхамах* «ветрокрылый аргамак».

К схеме IV изафета А.М. Ивановой отнесена также уподобительная форма на *-ла(-ле)* [60. С. 50]. Названия животных в форме распространенных словосочетаний с компонентами: *йышиши*, *тӗслӗ*, *майлӑ*, *евӗрлӗ* в значении «похожий, подобный», выражающими значение уподобления, представляют собой сравнительные конструкции: *шӑши тӗслӗ лаша* «мышастая лошадь», *мӑн йышиши йытӑ* «собака крупной породы» [8. Вып. VIII. С. 307], *сӑсар майлӑ Сибирти кайӑк* «соболь» (букв. «зверь, похожий на куницу, обитающий в

Сибири») [112. С. 520], *сын майлă пысăк упăте* «орангутанг» (Там же. С. 367) (букв. «большая обезьяна, похожая на человека»), *лаша евёрлĕ выльăх* «зѣбрь» (Там же. С. 124) (букв. «животное, похожее на лошадь»).

При именовании животных в чувашском языке используются также определительные сочетания с аффиксом *-сăр(-сёр)*, указывающие на отсутствие значимого признака: макака, маго – *хуресёр упăте* (Там же. С. 194), бессловесное, жалкое животное – *чĕлхесёр янавар* [8. Вып. IV. С. 190].

§ 3.1.4. Сложные и редупликативные слова

Под сложными словом или композитом следует понимать «слово, образованное соединением двух или нескольких основ в процессе морфологического словопроизводства» [127. С. 314]. Сложными словами представлены маммалионимы, образованные сложением основ мотивирующих слов, при этом названия некоторых животных в языке сохраняются и в форме сочетаний: *чĕрчун* [8. Вып. XV. С. 289] – *чĕрĕ чун* «живое существо» (Там же. С. 288), *тыркас* – *тир касă* «суслик» [283. Л. 137]; *каюра, кайура* – *кайри ура* «крот», «землеройка», «тушканчик», «земляной заяц» [8. Вып. VI. С. 8].

При редупликации происходит удвоение, повторение основы слова. Редупликативный способ словообразования характерен для онимов, употребляющихся в детской речи: *ам* «подражание лаю собак» – *амам, амамми* «собака» [149. С. 12], *му, мук* «подр. мычанию коровы» [8. Вып. VIII. С. 257] – *мумук* [149. С. 18], *мук-мук* [8. Вып. VIII. С. 257] «корова», *нăрик* «подражание хрюканью поросят» – *нăрик-нăрик* «свинья» [149. С. 23], есть вариант *нăрик-нóрик*.

§ 3.1.5. Кальки

Среди чувашских названий животных встречаются также калькированные онимы, представляющие собой буквальный перевод соответствующих русских названий. К примеру, *иур шăл* «белозубка» [64. С. 54], *пĕчĕкĕшĕ ийиши* «мышь-малютка» (Там же. С. 52), *Европа шаши* «европейская норка» (Там же. С. 51), *хутаçлă кашкăр* «сумчатый волк» (Там же. С. 48), *мĕкĕрекен упăте* «ревун» (Там же. С. 44), *мăк ураллă çĕр мулкачĕ* «мохноногий тушканчик»

(Там же. С. 38), *сывравçă* «соня» (Там же. С. 39). Большинство подобных названий носит узкоспециальный характер.

§ 3.2. Маммалионимы-ассоциаты в этнолингвистическом аспекте

Определить национально-культурный компонент семантики названий животных чувашского языка невозможно без изучения взаимоотношения языка, мышления и сознания, получившего отражение в онимах, а также в мыслительных моделях носителей языка. Выявление субъективных семантических полей и связей внутри них, на наш взгляд, возможно лишь экспериментальным путем. В частности, ассоциативный эксперимент позволяет провести психолингвистический анализ семантики маммалионимов.

В чувашском языкознании методика социолингвистического ассоциативного эксперимента была опробована в работах А.В. Кузнецова [89], В.И. Сергеева [148]. Ассоциативный эксперимент как исследовательский приём был успешно применен Ю.Н. Исаевым при выявлении национально-культурного компонента семантики чувашских фитонимов. В работе также подробно описана методика данного эксперимента [67].

При рассмотрении маммалионимов-ассоциатов в этнолингвистическом аспекте эксперименты были проведены с жителями Аликовского, Батыревского, Козловского, Моргаушского, Шемуршинского, Чебоксарского, Янтиковского районов Чувашии. Также в анкетировании приняли участие студенты факультета русской и чувашской филологии и журналистики. Всего в опросе приняли участие 580 человек, свободно владеющих русским и чувашскими языками. Для удобства задания эксперимента были разделены на два варианта.

Свободный и направленный ассоциативный эксперименты.

Свободный ассоциативный эксперимент: участники должны указать первое слово на русском языке, которое ассоциируется с рус. *лиса*, и первое слово на чувашском языке, которое ассоциируется с чуваш. *тилĕ*.

Ассоциативное поле стимула «лиса»: *хитрая* (60), *рыжая* (26), *лес* (13), *животное* (10), *красивая* (6), *шуба* (6), *хвост* (6), *хищник (хищница)* (6), *оранжевая* (5), *коса* (5), *хитрость* (4), *волк* (4), *дикое животное* (4), *Колобок* (2), *краса* (2), *с большим хвостом* (2), *лисица* (2), *опасная* (2), *очень хитрая* (1), *хитрый человек* (1), *рыжая плутовка* (1), *рыжий зверь* (1), *оранжевый цвет* (1), *умная* (1), *быстрая* (1), *маленькая* (1), *кумушка* (1), *плутовка* (1), *жёлтая* (1), *зверь* (1), *лесная лисичка* (1), *поле* (1), *лисичка-сестричка* (1), *хищное животное* (1), *Алиса* (1), *Лиса Патрикеевна* (1), *курица* (1), *заяц* (1), *петух* (1), *враньё* (1), *ложь* (1),

красота (1), *пушистый хвост* (1), *острый нос* (1), *мех* (1), *ухо* (1), *воротник* (1), *нора* (1), *ловит* (1).

Ассоциативное поле стимула «тилё»: *чее* (74) «хитрая», *чёрчун* (17) «животное», *тус* (15) «друг», *вэрман* (13) «лес», *хитре* (11) «красивая», *чэх* (6) «курица», *челёх* (4) «хитрость», *хёрлэ* (4) «рыжая», *вут тёслэ* (3) «огненного цвета», *кашкяр* (3) «волк», *сарэ* (3) «жёлтая», *хўре* (2) «хвост», *вэрэм хўре* (2) «длинный хвост», *тискер кайак* (2) «дикий зверь», *чее тус* (1) «хитрый друг», *чее чун* (1) «хитрая душа», *илем* (1) «красота», *илемлёх* (1) «красота», *ййпэлти* (1) «подлиза», *ачаиш* (1) «избалованная», «ласковая», *пысак* (1) «большая», *пёчэк* (1) «маленькая», *тискер* (1) «дикая», *шупка сарэ* (1) «палевая», *чэх вэрлани* (1) «воровство кур», *иуйттан* (1) «чёрт», *вэрман чёрчунё* (1) «лесной зверь», *сутэ хёрлэ* (1) «светло-рыжая», *хитре тёслэ* (1) «красивого цвета», *вэр-вар* (1) «проворная», *вэрттэн* (1) «скрытная», *хэлха* (1) «ухо», *ийтэк* (1) «нора», *тулуп* (1), *алсиш* (1) «рукавица», *сёлэк* (1) «шапка», *милэк* (1) «веник», *ййва* (1) «нора», *фермэран чэх вэрлакан* (1) «ворующая кур с фермы», *автан* (1) «петух», *тытатэ* (1) «ловит».

Направленный ассоциативный эксперимент: респонденты должны были указать первое имя прилагательное на русском языке, которое приходит на ум, как реакция на стимул «лиса», и первое имя прилагательное (паллэ ячэ), которое приходит на ум, как реакция на стимул «тилё».

Ассоциативное поле стимула «лиса»: *рыжая* (61), *хитрая* (92), *красивая* (11), *умная* (8), *дикая* (5), *пушистая* (3), *коварная* (2), *милая* (2), *оранжевая* (2), *чее* (2) «хитрая», *маленькая* (1), *прожорливая* (1), *быстрая* (1), *большая* (1), *лисий* (1), *лисья шапка* (1), *лисья шерсть* (1), *краса* (1), *животное* (1), *выдра* (1), *хищница* (1).

Ассоциативное поле стимула «тилё»: *чее* (92) «хитрая», *хитре* (24) «красивая», *сарэ* (9) «жёлтая», *йслэ* (4) «умная», *хёрлэ* (4) «рыжая», *хёрлэ-сарэ* (4) «рыже-жёлтая», *вэрттэн* (3) «скрытная», *усал* (3) «злая», *илемлё* (3) «красивая», *пысак* (2) «большая», *вёскён* (2) «хвастливая», *суяс* (2) «обманщица», *шупка сарэ* (2) «палевая», *ухмах* (2) «глупая», *чёрчун* (2) «животное», *ачаиш* (1) «избалованная», «ласковая», *хаяр* (1) «злая», *урнэ* (1) «бешеная», *лайэх* (1) «хорошая», *пёчэк* (1) «маленькая», *сэмлэ* (1) «пушистая», *пэсак* (1) «испорченная», *сарэ-хёрлэ* (1) «жёлто-рыжая», *сутэ хёрлэ* (1) «светло-рыжая, алая», *высэ* (1) «голодная», *тискер* (1) «дикая», *хищник* (1), *чупатэ* (1) «бежит», *хэрушэ* (1) «опасная», *вэрмантэ чёрчун* (1) «лесное животное», *улталама пултаракан чёрчун* (1) «животное, которое может обмануть», *хитре хўре* (1) «красивый хвост».

Слово *лиса* в русском языке определяется следующим образом: 1. То же, что лисица (хищное млекопитающее семейства псовых с длинным пушистым хвостом, а также мех его).

2. *перен.* Хитрый, лстивый человек (разг.). 3. Замаскированный в лесу радиопередатчик, периодически подающий кратковременные сигналы (спец.) [174. С. 409]. Вполне объяснимо, что в ходе эксперимента значение «радиопередатчик», носящее узкоспециальный характер, не было отмечено респондентами.

Итак, респондентами указана принадлежность лисы к диким животным: *лиса: животное, дикое животное, хищное животное, зверь, рыжий зверь, хищник, хищница; тилё: чёрчун, тискер каййк*. Смежностью понятий вызваны реакции на стимул «лиса»: *воротник, мех, ухо, шуба, хвост, пушистый хвост, с большим хвостом, острый нос, нора, лес, поле, волк, заяц, ср.: чуваш. тилё: хўре, хълха, шътйк, върман, кашкър*.

Реакции *лиса – коса, лиса – краса*, вероятно, основаны на рифме. Ассоциации *Лиса Патрикеевна, Колобок, Алиса, кумушка, петух* связаны с русскими народными сказками и мультфильмами. Стимул «тилё», в свою очередь, вызывает реакции, связанные с чувашским фольклором: *тилё – тус (Тилё-тус – сказочный персонаж), тилё – чăх, тилё – кашкър, тилё – автан*.

Примечательно, что ассоциация *лиса – хитрый человек*, то есть переносное значение слова *лиса*, приведена лишь одним респондентом, при этом в отдельных анкетах зафиксировано: *тилё – чеелёх (хитрость)*. В целом, реакции, указывающие на признак в отвлечении от конкретного лица, отмечены лишь в редких случаях: *лиса – враньё, ложь, красота, тилё – илем, илемлёх*. Только в единичных случаях в ходе эксперимента названы ассоциаты-предикаты: *лиса – ловит, тилё – тытать, чупать*.

Во втором варианте анкеты в ходе проведения эксперимента участники должны назвать ассоциации, связанные с рус. *кошка*, чув. *кушак*. Итак, в качестве первых реакций, связанных с данными онимами, респондентами указаны:

Ассоциативное поле стимула «кошка»: *пушистая (22), животное (20), мышь (мышка) (15), кот (12), красивая (10), ласковая (9), домашнее животное (8), милая (8), чёрная (7), молоко (6), мошка (6), мурлыкает (мурлычет) (6), дом (5), шерсть (5), собака (5), котёнок (5), (домашний) питомец (5), тигр (4), усы (усики) (4), ложка (3), оранжевая (3), когти (2), мясо (2), лапа (лапка) (2), ушко (уши) (2), рисунок (2), хвост (2), ласка (2), кушак (2), рыжий кот (2), рыжая (2), белая (2), домашняя (2), мягкая (2), любимая (2), большая (2), моя (2), мяу! (3), комок шерсти (2), царапает (2), Мурка (2), киса (1), хищник (1), силуэт (1), неженка (1), аллергия (1), чеелёх (1) «хитрость», хитрость (1), шаурма (1), вискас (1), няшка (1), видео (1), мягко (1), котяра (1), грация (1), щенок (1), кошечка (1), мурлыканье (1), нежность (1), рисунок (1), мех (1), лес (1), мышеловка (1), миска (1), китекет (1), женищина-*

кошка (1), тепло (1), мурчание (1), мягкость (1), охота (1), крыса (1), рысь (1), ленивая (1), игривая (1), быстрая (1), бездомная (1), грациозная (1), гибкая (1), ласкающаяся (1), маленькая (1), злая (1), нехорошая (1), серая (1), хитрая (1), дикая (1), тискер (1) «дикая», умная (1), хура (1) «чёрная», милое создание (1), маленькая девочка (1), спать (1), кушать (1), ласкается (1), ловит мышей (1), белая с чёрным носом (1), беззащитное животное (1), кошка, проживающая у меня дома (1), четырёхногая кошка стоит (1), с хвостом и ушами (1), беги (1), ловит мышей (1), ходит на четырёх лапах (1), серого цвета с зелёными глазами (1), кис-кис (1), Жорик (1), Шустрик (1), Джер (1), Мурзик (1), Пушок (1).

Ассоциативное поле стимула «кушак»: чѣрчун (23) «животное», шйши (23) «мышь», ачаи (16) «избалованная», класковая, хитре (12) «красивая», сѣт (11) «молоко», йытй (9) «собака», (кушак) сури (7) «котёнок», килти чѣрчун (кил чѣрчунѣ) (7) «домашнее животное», сѣмсе (6) «мягкая», чее (6) «хитрая», хура (6) «чёрная», мър-мър (6) «мур-мур», сѣм (5) «шерсть», илемлѣ (5) «красивая», кил (4) «дом», хййма (4) «сметана», какай (3) «мясо», кашйк (3) «ложка», наян (3) «ленивая», шурй (3) «белая», ачаиланать (2) «ластится», сѣлевѣс (2) «рысь», шйши тытать (2) «ловит мышей», курак (2) «грач», маттур (2) «ловкая», сѣмламас (2) «пушистая», усал (2) «злая», пиц-пиц (2) «кис-кис», йслй чѣрчун (2) «умное животное», хйлха(сем) (2) «ухо, уши», хйре (2) «хвост», нйрт (2) «дом», апат (2) «еда, корм», сьртать (2) «кусает», сьвйрать (2) «спит», чавать (2) «царапает», пицук (пѣсук) (2) «кошка», пѣчѣк(кѣ) (2) «маленькая», арйслан (1) «лев», кашкър (1) «волк», тилѣ (1) «лиса», итлекен (1) «слушающая», шйши тытакан (1) «ловящая мышей», мяу (1), тискер чѣрчун (1) «дикое животное», анне (1) «мама», ачаика (1) «неженка», мърлатни (1) «мурлыканье», савйт (1) «миска», пысйк (1) «большая», самър (1) «толстая», пицса (1) «кошка», кус (1) «глаз», ййваи (1) «нежная», шак-шак (1) «подр. постукиванию», курать (1) «видит», илем (1) «красота», пушмак (1) «ботинки», йпре (1) «мошка, комар», кушак аси (1) «кот-самец», кймака (1) «печь», вырйн (1) «постель», ухмах (1) «дурак», сунарсй (1) «охотник», высй (1) «голодная», большая хулиганка (1), вйрй (1) «вор», кушак чѣппи (1) «котёнок», йкерчѣк (1) «рисунок», симѣс куссем (1) «зелёные глаза», юлтаи (1) «друг», мърлатни (1) «мурлыканье», манйн (1) «моя», айй (1) «ласковая», тйнлй (1) «умная», лаййх (1) «хорошая», юратнй (1) «любимая», ырй (1) «хорошая», вылять (1) «играет», савйрйнса выртать (1) «лежит, свернувшись клубком», пѣчѣк чѣрчун (1) «маленькое животное», кушак ячѣ (1) «кличка кошки», анчйк (1) «щенок», хытй чупакан (1) «быстро бегущая», шйшине хйвалани (1) «погоня за мышью», Яика (1) «кличка», Мурзик (1) «кличка», Марус (1) «кличка».

Также респонденты должны были указать первые имена прилагательные на русском и чувашском языках, ассоциирующиеся с названиями кошки.

Ассоциативное поле стимула «кошка»: *пушистая* (49), *красивая* (44), *милая* (24), *ласковая* (21), *чёрная* (18), *белая* (11), *рыжая* (10), *умная* (9), *маленькая* (7), *серая* (6), *нежная* (5), *мягкая* (5), *домашняя* (4), *хитрая* (4), *ленивая* (3), *игривая* (3), *добрая* (2), *быстрая* (2), *хищник* (1), *кушак* (1), *тепло* (1), *теплота* (1), *черепаховая* (1), *гладкая* (1), *гибкая* (1), *огненная* (1), *мудрая* (1), *хищная* (1), *лёгкая* (1), *трёхцветная* (1), *хорошая* (1), *чёрно-белая* (1), *смирная* (1), *тихая* (1), *ловкая* (1), *цветная* (1), *чувствительная* (1), *независимая* (1), *сердитая* (1), *некрасивая* (1), *забавная* (1), *оранжевая* (1), *хорошая* (1), *вредная* (1), *грациозная* (1), *мурлыкающая* (1), *приятная* (1), *мягкая шерсть* (1), *ласковый человек* (1), *мяу-мяу* (1), *Борис* (1).

Ассоциативное поле стимула «кушак»: *хитре* (56) «красивая», *ачаши* (20) «избалованная», «ласковая», *семсе* (18) «мягкая», *хура* (18) «чёрная», *илемлё* (14) «красивая», *сӓмлӓ* (11) «пушистая», *сӓмламас* (11) «пушистая», *пысӓк* (8) «большая», *ӓслӓ* (7) «умная», *лайӓх* (6) «хорошая», *шурӓ* (6) «белая», *чее* (5) «хитрая», *усал* (5) «злая», *пӓчӓк(кӓ)* (4) «маленькая», *хурапа шурӓ (шурӓ-хура)* (2) «чёрно-белая (чёрно-белая)», *мӓнтӓр* (3) «упитанная», *лӓпкӓ* (3) «спокойная», *хӓрлӓ-сарӓ* (2) «красно-жёлтая», *килти* (2) «домашняя», *телейлӓ* (2) «счастливая», *ӓшӓ* (2) «ласковая», *наян* (2) «ленивая», *тӓрлӓ тӓслӓ* (2) «разноцветная», *шуйттан* (1) «чёрт», *вылянчӓк* (1) «игривая», *мӓрӓлти* (1) «киска, мурлыка», *хӓмӓр* (1) «коричневая», *капӓр* (1) «красивая», *ирӓклӓ* (1) «свободолюбивая», *хитре мар* (1) «некрасивая», *тӓнлӓ* (1) «умная», *начар* (1) «плохая», «худая», *шап-шурӓ* (1) «белоснежная», *япӓх* (1) «плохая», *кахал* (1) «ленивая», *ырӓ* (1) «хорошая», *чечен* (1) «красивая», *вӓйлӓ* (1) «сильная», *тирпейлӓ* (1) «аккуратная», *качака* (1) «коза», *маттур* (1) «ловкая», *сепӓс* (1) «нежная, ласковая», *чипер* (1) «красивая», *касхи чӓрчун* (1) «ночное животное».

Наиболее частотными первыми ассоциациями являются: *кошка* – *пушистая*, *кушак* – *чӓрчун*. Также указаны реакции, основанные на созвучии: *кушак* – *шак-шак*, *кушак* – *курак*, *кушак* – *пушмак*, *кушак* – *кашӓк*, ср.: *кошка* – *мошка*, *кошка* – *ложка*. Названы и «детские» диалектные названия кошки: *пиççа*, *пиçук*, *пӓçук*. Распространены реакции – клички: *Мурка*, *Жорик*, *Пушок*, *Маруç* и т.д. Также встречаются реакции – названия животных семейства кошачьих: *кошка* – *рысь*, *кошка* – *тигр*; *кушак* – *сӓлӓвӓс*, *кушак* – *арӓслан*; ассоциации, вызванные смежностью понятий: *кошка* – *мышка*, *кошка* – *крыса*, *кушак* – *шӓши*.

В качестве реакций – имен прилагательных в большинстве анкет указаны: субъективная оценка этого домашнего животного: *кошка* – *красивая*, *милая*, *ласковая*; *кушак* – *усал*, *чее*; его

внешние особенности: *кошка* – *пушистая, рыжая, маленькая*; *кушак* – *щамла, хура, пысай*; особенности поведения: *кошка* – *извивая, мурлыкающая, быстрая*; *кушак* – *ачаш, наян, вайла*.

Следует отметить, что слово *кошка* в русском языке определяется следующим образом: «1. Хищное млекопитающее сем. кошачьих. 2. Домашний вид такого животного, а также мех его. 3. Самка домашнего кота. 4. *мн.* Род железных шипов (или иных приспособлений), надеваемых на обувь для лазанья на столбы, по отвесным склонам. 5. Небольшой якорь (*спец.*) 6. *мн.* Ременная плетель с несколькими хвостами» [174. С. 374]. Согласно результатам эксперимента, респондентами рус. *кошка* воспринимается как животное (дикое или домашнее), в том числе и как самка домашнего кота (ср.: стимулы: «кошка» – «кот», «кошка» – «котёнок»), что соответствует значениям 1–3.

При проведении следующего этапа ассоциативного эксперимента реципиентам нужно было указать имена существительные, имена прилагательные, словосочетания и метафоры на слова-стимулы – названия животных.

Выльах «скот, скотина».

Ёне (93) «корова», *сурах* (39) «овца», *сысна* (33) «свинья», *лаша* (28) «лошадь», *качака* (24) «коза», *вакар* (19) «бык», *вите* (14) «хлев», *ута* (12) «сено», *пару* (11) «телёнок», *выльах-чёрлех* (10) «скот», *кету* (10) «стадо», *кушак* (8) «кошка», *какай* (6) «мясо», *аш* (6) «мясо», *сет* (5) «молоко», *йута* (3) «собака», *хур* (3) «гусь», *аш-какай* (3) «мясо», *касу* (3) «стадо», *тислех* (3) «навоз», *кашкар* (2) «волк», *чепе* (2) «птенец, цыплёнок», *улах* (2) «луг», *ещ* (2) «работа, труд», *улам* (1) «солома», *навус* (1) «навоз», *сывлех* (1) «здоровье», *шам* (1) «шерсть», *сысна сур* «поросёнок» (1), *кайак-кейшек* (1) «птицы и звери», *чых* (1) «курица».

Пысай (39) «большой», *хитре* (17) «красивый», *ушала* (17) «полезный», *кирти* (16) «домашний», *вайла* (14) «сильный», *мантар* (14) «тучный, упитанный», *майракалла* (11) «рогатый», *хура* (11) «чёрный», *асла* (9) «умный», *печек* (*пчикке*) (9) «маленький», *шур* (5) «белый», *катра(шка)* (5) «кудрявый», *шаршала* (4) «пахучий», *таса мар* (4) «нечистоплотный», *шултра* (4) «крупный», *выца* (3) «голодный», *лайлах* (3) «хороший», *усал* (3) «злой», *ухмах* (2) «глупый», *тирнейсер* (2) «неаккуратный», *ман* (2) «большой», *сыва* (2) «здоровый», *шамрак* (2) «молодой», *вата* (2) «старый», *сетле* (2) «молочный», *таса* (1) «чистоплотный».

Сет парать (7) «даёт молоко», *сурах шам* (5) «овечья шерсть», *выльах нек шет* (4) «ест, как скотина», *выльах апаче* (3) «корм для скота», *выльах нек пуранать* (3) «живёт, как скотина», *сетле ёне* (3) «высокоудойная корова», *вакар нек урса кайре* (2) «взбесился, как бык», *какай парать* (2) «даёт мясо», *выльаха тух* (2) «превратись в скотину», *выльах нек тыткалат* (1) «ведёт себя, как скотина», *выльах ёрчетни* (1) «разведение скота».

Вăкăр «бык».

Мăйрака (56) «рог», *выльăх* (31) «скотина», *ёне* (18) «корова», *какай* (13) «мясо», *мăкăр* (11) «бык», *чĕрчун* (8) «животное», *вите* (5) «хлев», *вăй* (5) «сила», *укăа* (4) «деньги», *аиш* (3) «мясо», *хўре* (3) «хвост», *хăрушлăх* (2) «опасность», *символ* (2), *Мишук* (2) «кличка», *пăру* (2) «телёнок», *арçын* (1) «мужчина», *спортсмен* (1), *кашкăр* (1) «волк».

Вăйлă (выйлă) (108) «сильный», *усал* (48) «злой», *пысăк* (47) «большой», *мăйракаллă* (20) «рогатый», *хаяр* (6) «свирепый», *паттăр* (6) «храбрый», *хăрушă* (5) «опасный», *хура* (5) «чёрный», *мăнтăр* (4) «упитанный», *усăллă* (3) «полезный», *мăнаçлă* (3) «величественный», *мăнттай* (3) «большой», *хёрлĕ* (3) «рыжий», *ăратлă* (2) «породистый», *ясар* (1) «блудливый».

Вăкăр пек вăйлă (выйлă) (29) «сильный, как бык», *вăкăр пек усал* (14) «злой, как бык», *вăкăр пек пăх* (6) «набычиться», *вăйăран вăкăр тухать* (5) «баловство до добра не доведёт», *вăкăр пек урса кайрĕ* (3) «взбесился, как бык», *вăкăр пек мĕкĕрет* (3) «мычит, как бык», *ăратлă вăкăр* (2) «породистый бык», *пысăк Шайттан* (1) «большой Шуйттан», *ухмах чĕрчун* (1) «глупое животное», *вăкăр пек сывлăхлă* (1) «здоровый, как бык».

Качака «коза».

Сĕт (64) «молоко», *мăйрака (мыряка)* (31) «рога», *выльăх* (28) «скотина», *сухал (сохал)* (26) «борода», *купăста* (13) «капуста», *çăм* (8) «шерсть», *путек* (7) «козлёнок», *какай (аиш-какай)* (6) «мясо», *сурăх* (4) «овца», *вите* (3) «хлев», *утă* (3) «сено», *курăк* (3) «трава», *хĕрарăм* (1) «женщина», *пычча* (1) «диал. коза», *мулкач* (1) «заяц», *кĕтĕ* (1) «стадо», *чĕрне* (1) «копыто», *хёр* (1) «девушка, вертихвостка», *така* (1) «самец», *кашкăр* (1) «волк», *кишĕр* (1) «морковь», *Белочка* (1) «кличка», *Фрося* (1) «кличка».

Мăйракаллă (69) «рогатая», *шурă* (42) «белая», *сухаллă* (27) «бородатая» (в том числе *вăрăм сухаллă* (2) «с длинной бородой»), *пĕчĕк(кĕ)* (26) «маленькая», *усăллă* (13) «полезная», *çăмлă* (10) «шерстистая», *сĕтлĕ* (9) «высокоудойная», *шă(р)илă* (8) «пахучая», *усал* (5) «плохая, злая», *хитре* (4) «красивая», *ухмах* (4) «глупая», *чарусăр* (4) «неукротимая», *илемлĕ* (3) «красивая», *лайăх* (3) «хорошая», *кутăн* (2) «упрямая», *хура (кăра)* (2) «чёрная», *çамрăк* (2) «молодая», *ватă* (2) «старая», *хаяр* (2) «плохая, злая», *мăнтăр* (2) «упитанная», *сикекен* (2) «прыгающая», *хитре куçлă* (1) «с красивыми глазами».

Кутăн выльăх (7) «упрямое животное», *качака пек кутăн* (5) «упрямая, как коза», *усăллă сĕт* (3) «полезное молоко», *качака кашкăр пĕр картишире пурăнаймăççĕ* (1) «коза и волк не смогут ужиться в одном дворе», *Шуйттан выльăхе* (1) «скотина Шуйттана», *качакан сухалĕ вăрăм та, асĕ кĕске* (1) «у козы борода длинная, да ум короткий», *шăкăл-шăкăл пушмакпа качака килет* (1) «идет коза в башмаках (со звуком) шакал-шакал», *çамрăк качака таки* (1)

«молодой козлик», *ёнене Турă тунă, качакана – Шуйттан* (1) «корову сотворил Бог, а козу – Шуйттан», *качака сёчĕ шăлсене сирĕпрех тăвать* (1) «козлиное молоко делает зубы крепче», *качакаланса ан лар* (1) «не води себя как коза», *чаплă красотка* (1) «великолепная красotka», *пĕчĕк ёне* (1) «маленькая корова», *качака нек сухалă старик* (1) «старик с козлиной бородой».

Кушак «кошка».

Шăши (26) «мышь», *сĕт* (23) «молоко», *(кушак) сурĕ* (15) «котёнок», *сăм* (11) «шерсть», *хўре* (7) «хвост», *мăр-мăр* (6) «мур-мур», *сухал* (6) «усы», *кил* (5) «дом», *арăслан* (3) «лев», *пĕс-пĕс* (3) «псь-псь», *вăрă* (3) «вор», *тигр* (2), *юрату* (2) «любовь», *чĕрне* (2) «когти», *пўрт* (2) «дом», *эмел* (2) «лекарство», *Ваška* (2) «личка», *мяу* (1), *хăйма* (1) «сметана», *туслăх* (1) «дружба», *йăпану* (1) «нежность», *сунарсă* (1) «охотник», *аллерги* (1) «аллергия», *юлташ* (1) «друг», *йытă* (1) «собака», *мăйăх* (1) «мешок», *Мурка* (1) «личка», *Муся* (1) «личка», *Соломон* (1) «личка», *Сима* (1) «личка», *Ванька* (1) «личка», *Кися* (1) «личка», *Рыжик* (1) «личка», *Тешка* (1) «личка».

Ачаиш (65) «ласковая», *хитре* (57) «красивая», *сăмламас (сăмлă)* (37) «шерстистая», *пĕчĕк* (22) «маленькая», *семсе* (7) «мягкая», *хура* (7) «чёрная», *чее* (7) «хитрая», *илемлĕ* (7) «красивая», *лайăх* (6) «хорошая», *выляма юратакан* (5) «любящая играть», *кăпăшка* (5) «пушистая», *йăпăлти* (4) «ласковая», *шурă* (4) «белая», *ырă* (3) «хорошая», *мăнтăр* (3) «упитанная», *лăпкă* (2) «спокойная», *сивĕч* (2) «ловкая», *ăслă* (1) «умная», *чарусăр* (1) «неукротимая», *кахал* (1) «ленивая», *черченкĕ* (1) «нежная», *хĕрлĕ-сарă* (1) «рыже-жёлтая».

Кушак нек ачашланать (7) «ластится, как кошка», *кушак нек чее* (7) «хитрая, как кошка», *килти чĕрчун* (6) «домашнее животное», *кушак нек чĕрет* (4) «царапает, как кошка», *кушакпа йытă нек пурăнаçсĕ* (2) «живут как кошка с собакой», *куçĕсем кушакăн нек сивĕч* (2) «глаза зоркие, как у кошки», *вырăн сĕнче мăрлатать* (1) «мурлычет на кровати», *чипер Шайттан* (1) «красивый Шуйттан», *пĕчĕк тигр* (1) «маленький тигр», *пĕчĕк тус* (1) «маленький друг», *йёне сăмса* (1) «влажный нос», *килти хуша* (1) «хозяин дома», *выçă пит* (1) «голодная морда».

Уна «медведь».

Пыл (40) «мёд», *вăрман* (31) «лес», *утаман* (23) «атаман; медведь», *(уна) сурĕ* (6) «медвежонок», *шăтăк* (6) «берлога», *тир* (6) «шкура», *какай* (4) «мясо», *сăм* (4) «мех», *пыл хурчĕ* (3) «пчела», *хăрушлăх* (2) «опасность», *аиш-какай* (2) «мясо», *юлхав* (2) «лентяй», *наян* (2) «лентяй», *Раçсей* (2) «Россия», *вăйă* (2) «игра», *чĕрне* (2) «когти», *(уна) йĕнни* (1) «берлога», *хĕрача* (1) «девочка», *хĕлле* (1) «зима», *хуша* (1) «хозяин», *вăкăр* (1) «бык», *хурăн* (1) «берёза»,

паттър (1) «богатырь», *утар* (1) «пасека», *хәмла җырли* (1) «малина», *патиша* (1) «царь», *упа ами* (1) «медведица», *Миша* (1), *Михаил Потапыч* (1), *Винни-Пух* (1).

Пысак (97) «большой», *вәйлә (вөйлә)* (63) «сильный», *хәмәр* (42) «бурый», *усал* (16) «злой», *хәрушә* (11) «опасный», *тискер* (10) «дикий», *хаяр* (10) «злой», *җәмламас (җәмлә)* (10) «шерстистый», *мәнтәр* (7) «упитанный», *хура* (7) «чёрный», *паттәр* (6) «храбрый», *мәнаҗлә* (6) «величественный», *шурә* (6) «белый», *хитре* (4) «красивый», *мәран* (4) «медлительный», *чапрас ураллә* (3) «косопалый», *харсәр* (2) «бесстрашный», *мәшәлти* (2) «неповоротливый», *пәчәк(кә)* (2) «маленький», *патвар* (2) «крепкий», «сильный», *әслә* (2) «умный», *сывракан* (2) «спящий», *лайәх* (2) «хороший», *йәраланчәк* (2) «неуклюжий», *сирәп* (1) «крепкий», *пыл юратакан* (1) «любящий мёд», *тәреклә* (1) «коренастый», *самәр* (1) «упитанный», *тем пысакәш* (1) «очень большой», *хәватлә* (1) «мощный», «сильный», *ләпкә* (1) «смирный», *чипер* (1) «красивый», «хороший», *выҗә* (1) «голодный».

Упа пек вәйлә (10) «сильный, как медведь», *упа-утамаң* (8) «медведь-атаман», *упа пек утан* (7) «ходишь как медведь», *упа пек усал* (5) «злой, как медведь», *упа пек пысак* (4) «большой, как медведь», *вәрман хуҗи* (4) «хозяин леса», *шөвәр чөрне* (2) «острый коготь», *вәрман патиши* (2) «царь леса», *упа-утамаң – ик урапа утакан* (1) «медведь-атаман, ходит на двух лапах», *пыл хуҗи* (1) «хозяин мёда», *ташә вөрәнет* (1) «учит танец», *пыл вәрлать* (1) «ворует мёд», *упа хәлха җине пуснә* (1) «медведь на ухо наступил», *упа таиши таила* (1) «сильно шуметь», *упа җырли* (1) «толокнянка обыкновенная», *хир сысни пек пысак* (1) «большой, как кабан».

Каишкәр «волк».

Вәрман (21) «лес», *тукмак* (16) «диал. волк», *кашаман* (15) «кажаман; волк», *шәл(сем)* (12) «зуб(ы)», «клык(и)», *мулкач* (10) «заяц», *йытә* (10) «собака», *сурәх* (6) «овца», *апат* (5) «пища», «корм», *тилә* (4) «лиса», *хәрәвҗә* (3) «трус», *шәмә* (3) «кость», *аи* (2) «мясо», *каишкәр җури* (2) «волчонок», *хүре* (2) «хвост», *таркән* (2) «беглец», *вәрә (вурә)* (2) «вор», *кәтү* (2) «стадо», *җәткән* (2) «хищник», *хәрушләх* (2) «опасность», *какай* (2) «мясо», *качака* (1) «коза», *купәста* (1) «капуста», *хәлха* (1) «ухо», *хаярләх* (1) «жестокость», *кәвакал* (1) «утка», *ипана* (1), *ушкән* (1) «стая», *санитар* (1), *тир* (1) «шкура», *шак-шак* (1) «подр. постукиванию», *упа* (1) «медведь», *җәм* (1) «шерсть», *куҗ* (1) «глаз», *чөрне* (1) «коготь».

Усал (76) «злой», *сәрә* (39) «серый», *выҗә* (36) «голодный», *хаяр* (32) «злой», *тискер* (20) «дикий», *вәйлә* (19) «сильный», *җәткән* (11) «хищный», *хәрушә* (11) «опасный», *хәвәрт* (6) «быстрый», *чупкән* (5) «праздношатающийся», *чәе* (5) «хитрый», *мәнаҗлә* (4) «величественный», *(сивёч) шәллә* (4) «(с острыми) зубами», *харсәр* (4) «бесстрашный»,

ухмах (4) «глупый», *выслăх* (*выскăн*) (3) «ненасытный», *сивёч* (3) «резвый», *чирлĕ* (2) «больной», *кĕл тĕслĕ* (2) «пепельно-серый», *пысăк* (2) «большой», *ватă* (2) «старый», *паттăр* (2) «храбрый», *сĕмсĕр* (1) «ненасытный», *ялăх* (1) «плохой», *çăмлă* (1) «шерстистый», *ўлекен* (1) «воющий», *тăнлă* (1) «умный», *хитре* (1) «красивый», *типшĕм* (1) «тощий», *ишкĕлĕ* (1) «боязливый», *хытă чупакан* (1) «быстро бегающий», *ăслă* (1) «умный», *шăши тĕслĕ* (1) «мышинного цвета».

Тукмак хўре (9) «хвост колотушкой», *кашкăр-кашаман* (8) «волк-кажаман», *кашкăр – вăрман тухтăрĕ* (*санитарĕ*) (7) «волк – доктор (санитар) леса», *кашкăр нек выçă* (7) «голодный, как волк», *кашкăра ури тăрантарать* (5) «волка ноги кормят», *кашкăр нек аслă* (3) «умный, как волк», *вăрман хуçи* (2) «хозяин леса», *кашкăр шăтăкĕ* (2) «волчья нора», *кашкăрăн пĕр юрă* (2) «у волка одна песня», *йытă пичĕ* (1) «собачья морда», *чун или* (1) «душегуб», *пысăк шăлсем* (1) «большие клыки», *кĕске хўре* (1) «короткий хвост», *Хĕрлĕ Калтак* (1) «Красная Шапочка», *кашкăр çырли* (1) «волчья ягода».

Арлан «хомяк».

Шăши (16) «мышь», *тырă* (12) «зерно», *клетка* (12), *пит çăмарти* (7) «щека», *çăм* (5) «шерсть», *хĕвел çаврăнăш* (5) «семечки», *урапа* (5) «колесо», *апат* (5) «корм», *мечĕк* (4) «мячик», (*арлан*) *çури* (4) «детёныш (хомяка)», *мăйăр* (4) «орех», *кушак* (3) «кошка», *кил* (2) «дом», *пўрт* (2) «дом», *вăрă* (2) «вор», *шăлсем* (2) «зубы», *купăста* (2) «капуста», *юрату* (1) «любовь», *хăравçă* (1) «трус», *тулă* (1) «пшеница», *читлĕх* (1) «клетка», *кишĕр* (1) «морковь», *сăмса* (1) «нос», *муклашка* (1) «комочек», *мулкач* (1) «заяц», *телей* (1) «счастье», *пăрçа* (1) «горох».

Пĕчĕк(кĕ) (*пчикке*) (107) «маленький», *мăнтăр(кка)* (46) «упитанный», *хитре* (27) «красивый», *çăмлă* (*çăмламас*) (16) «шерстистый», *семсе* (12) «мягкий», «ласковый», *кăпăшка* (11) «мягкий», *ачаш* (6) «ласковый», *хăмăр* (6) «коричневый», *ёшчен* (4) «трудолюбивый», *чее* (4) «хитрый», *самăр* (3) «упитанный», «пушистый», *сăрă* (3) «серый», *ырă* (3) «хороший», «добрый», *кăмăла кайман* (2) «противный», *сивёч* (2) «шустрый», *пысăк* (2) «большой», *айван* (1) «слабый», «глупый», *шăршă* (1) «вонючий», *çутă хăмăр* (1) «светло-коричневый», *мамăк евĕрлĕ* (1) «как пух; пушистый», *выçă* (1) «голодный», *сиен кўрекен* (1) «приносящий вред», *алла хăнăхтарнă* (1) «ручной», *икĕ шăллă* (1) «двузубый».

Арлан нек сĕтĕрет (15) «тащит как хомяк», *кăшлакан чĕрчун* (7) «грызун», *тулли пит çăмартисем* (5) «полные щёки», *арлан нек самăр* (3) «упитанный, как хомяк», *апат пытарать* (3) «прячет еду», *пĕчĕк çăткăн* (3) «маленький хищник», *арлан пичĕ нек* (2) «(лицо) как морда хомяка», *арлан нек çиет* (2) «ест, как хомяк», *арланăн нек пит çăмартисем* (2)

«щёки, как у хомяка», *пурте юраташсё* (1) «все любят», *уй чёрчунё* (1) «полевой зверёк», *юр нек кәпәйшика* (1) «пушистый, как снег».

Упәте «обезьяна».

Банан (43), *йываҫ* (17) «дерево», *сын* (11) «человек», *зоопарк* (10), *хўре* (10) «хвост», *куләш* (7) «смех», *джунгли* (6), *(упәте) сүри* (5) «детёныш (обезьяны)», *мәкәте* (4) «вероятно, диал. обезьяна», *Африка* (3), *упишан* (2) «обезьяна», *2016 сүл* (2) «2016 год», *вәрман* (2) «лес», *юлташ* (2) «друг», *макака* (1), *шимпанзе* (1), *мартышка* (1), *цирк* (2), *Барак Обама* (1), *пыйтә* (1) «вошь», *вәрә* (1) «вор», *лиана* (1), *упа* (1) «медведь».

Ухмах (27) «глупая», *хәмәр* (19) «коричневая», *әслә* (18) «умная», *куләшила* (17) «смешная», *пёчәк(кё)* (15) «маленькая», *чее* (12) «хитрая», *хәвәрт* (11) «быстрая», *интереслө* (7) «интересная», «любопытная», *хура* (7) «чёрная», *сәмлә* (6) «шерстистая», *выляканскер (вылявсә)* (6) «играющая», *пысәк* (6) «большая», *вәрәм хўреллө* (5) «длиннохвостая», *айван* (5) «глупая», *хитре* (5) «красивая», *саванәслә* (4) «весёлая», *сүтәк* (4) «бестолковая», *йәрә* (4) «проворная», *тәнлә* (4) «умная», *сивәч* (3) «резвая», *сәнсәр* (3) «безобразная», *йәпәр-япәр* (2) «быстрая», «ловкая», *сәмсе* (2) «мягкая», «пушистая», *чөрө* (2) «подвижная», *тирнейсәр* (2) «неаккуратная», *вәйлә* (2) «сильная», *ёләкхи* (1) «древняя», *намәссәр* (1) «бесстыжая», *сәмәлттай* (1) «легкомысленная», *вәр-вар* (1) «ловкая», *активлә* (1) «активная», *илемлө* (1) «красивая», *анра пуш* (1) «бестолковая», *чарусәр* (1) «неукротимая», *иләртүллө* (1) «привлекательная», *таса мар* (1) «нечистая», *хитре мар* (1) «некрасивая».

Упәте нек сикет (16) «скачет, как обезьяна», *ёләкхи сын* (3) «древний человек», *джунгли чөрчунё* (2) «зверь джунглей», *упәте нек кармашать* (2) «карабкается, как обезьяна», *ухмах хәраххи* (1) «подобный дураку», *упәте пыйти* (1) «вошь обезьяны», *цирк упәти* (1) «цирковая обезьяна», *сарә банан* (1) «жёлтый банан», *вәрәм ал* (1) «длинная рука», *сәнә-ничә (алли-ури)* *упәтенни нек* (1) «лицо (руки-ноги), как у обезьяны», *упәте нек ан пул* (1) «не будь как обезьяна», *Барак Обама* (1).

Кайәк «дикое животное, зверь вообще».

Чёкеш (14) «ласточка», *кайәк-кёшөк* (10) «птицы», *тилө* (9) «лиса», *курак* (8) «грач», *ёне* (8) «корова», *кашкәр* (7) «волк», *серәши* (7) «воробей», *сурәх* (6) «овца», *лаша* (6) «лошадь», *улатакка* (6) «дятел», *качака* (6) «коза», *кайәк-хур* (6) «дикие гуси», *упа* (6) «медведь», *йәва* (5) «гнездо», *түпә* (5) «небо», *сырәш* (5) «кормушка», *кушак* (5) «кошка», *чөпө* (5) «птенец», «детёныш», *сысна* (5) «свинья», *вәрман* (5) «лес», *кайәк-кәвакал* (4) «дикие утки», *сунат* (4) «крыло», *мулкач* (4) «заяц», *арәслан* (4) «лев», *төк* (3) «перо», *йываҫ* (3) «дерево», *чәх* (3) «журица», *чөрчун* (3) «животное», *йытә* (3) «собака», *пәшал* (3) «ружьё», *апат* (3) «корм»,

пёлёт (3) «облако», *тырă* (2) «зерно», *вăкăр* (2) «бык», *тăри* (2) «жаворонок», *путек* (2) «ягненок, козленок», *шăнкăрч* (2) «скворец», *хўре* (2) «хвост», *сўлевёс* (2) «рысь», *кăвакал* (2) «утка», *кушак кайăк* (2) «мышь», *сунар* (2) «охота», *хурт-кăпшанкă* (1) «насекомые», *улăм* (1) «сено», *кăвакарчăн* (1) «голубь», *тинёс* (1) «море», *какай* (1) «мясо», *сăмарта* (1) «яйцо», *юрă* (1) «песня», *вёсев* (1) «полёт», *кайăк* (1) «сокол», *пăши* (1) «лось», *аи* (1) «мясо», *тăрна* (1) «журавль», *вёршён* (1) «стриж», *шăпчăк* (1) «соловей», *хур* (1) «гусь», *колибри* (1), *курăк* (1) «трава», *чечек* (1) «цветок», *юлташ* (1) «друг», *пакша* (1) «белка», *выльăх* (1) «скот», *ăмăрт кайăк* (1) «орёл», *хир сысни* (1) «кабан», *шăл* (1) «зуб», *йёке хўре* (1) «крыса», *илем* (1) «красота», *юрату* (1) «любовь», *пурнăс* (1) «жизнь», *кăсăя* (1) «синица», *ирёк* (1) «свобода».

Тискер (*кайăк*) (37) «дикий (зверь)», *хитре* (30) «красивый», *пёчĕк* (26) «маленький», *илемлĕ* (16) «красивый», *пысăк* (15) «большой», *хура* (13) «чёрный», *хаяр* (12) «злой», (*хăвăрт*) *вёсĕкен* (11) «(быстро)летающий», *хăвăрт* (10) «быстрый», *чĕе* (6) «хитрый», *ăслă* (5) «умный», *усал* (5) «злой», *сунатлă* (4) «крылатый», *шурă* (4) «белый», *ачаш* (3) «ласковый», *янăравлă саслă* (3) «звонкоголосый», *высă* (3) «голодный», *ёсчен* (3) «трудолюбивый», *маттур* (3) «сильный», «здоровый», *сăмăл* (2) «лёгкий», *мăнаслă* (2) «величественный», *сăткăн* (2) «хищный», *вăйлă* (2) «сильный», *симёс* (2) «зелёный», *хăрушă* (2) «опасный», *усăллă* (2) «полезный», *лайăх* (2) «хороший», *мăйракаллă* (1) «рогатый», *мăнтăр* (1) «упитанный», *сăмрăк* (1) «молодой», *туслă* (1) «дружелюбный», *вăтанчăк* (1) «стеснительный», *шултра* (1) «крупный», *шыракан* (1) «ищущий», *асăрханулă* (1) «осторожный», *юрлакан* (1) «поющий», *хаваслă* (1) «весёлый», *шиклĕ* (1) «боязливый», *хăракан* (1) «боязливый», *сăнсăр* (1) «безобразный», *вăрăм* (1) «длинный».

Вёсен кайăк (26) «птица», *кайăк сысна* (2) «кабан», *сиçĕм пек хăвăрт* (1) «быстрый, как молния», *шултра выльăх* (1) «крупная скотина», *чĕрчунсен патши* (1) «царь зверей», *тукмак хўре* (1) «хвост колотушкой», *чĕе этем* (1) «хитрый человек», *чĕе тилĕ* (1) «хитрая лиса», *кăвакал пек утать* (1) «ходит как утка», *кайăк вёсет* (1) «птица летит», *тырă вăрлат* (1) «ворует зерно», *юрату кайăкĕ* (1) «птица любви», *ăмăрт кайăк* (1) «орёл», *сунатсăр кайăк* (1) «бескрылая птица», *сала кайăк* (1) «воробей», *тискер кашкăр* (1) «свирепый волк», *хаяр кашкăр* (1) «свирепый волк», *тăри* (1) «жаворонок», *кайăк юрри* (1) «пенье птицы», *хур пек сўрет* (1) «ходит как гусь», *кайăк вăкăр* (1) «дикий бык», *кайăк чунлă* (1) «со звериной душой».

Ёне «корова».

Сĕт «молоко» (63), *вăкăр* (15) «бык», *пăру* (15) «теленок», *мăйрака* (13) «рог, рога», *выльăх* (11) «скотина», *вите* (10) «хлев», *какай* (8) «мясо», *утă (вутă)* (7) «сено», *чăкăт* (6) «домашний сырок», *турăх* (5) «кефир», *хăйма* (5) «сметана», *су* (4) «масло», *аи* (4) «мясо»,

сыр (4), *сёт-турăх* (3) «молоко, молочные блюда», *тăпăрч* (3) «творог», *курăк* (3) «трава», *пурнăç* (3) «жизнь», *куçе(сем)* (3) «глаз(а)», *кётў* (3) «стадо», *Красуля* (2) «кличка», *улам* (2) «солома», *пăх* (2) «помёт», *тупăш* (2) «прибыль», *хўре* (2) «хвост», *чёрчун* (1) «животное», *анне* (1) «мама», *пăлан* (1) «олень», *сурăх* (1) «овца», *ура* (1) «нога», *кётўçе* (1) «пастух», *апат* (1) «корм», *тир* (1) «шкура, мех, кожа», *Маня* (1) «кличка», *Бурёнка* (1) «кличка», *Ромашка* (1) «кличка», *Машика* (1) «кличка», *Марта* (1) «кличка».

Пысăк (53) «большая», *мăйракаллă* (20) «рогатая», *килти* (17) «домашняя», *сётлĕ* (16) «высокоудойная», *ула* (15) «пегая», *хитре* (14) «красивая», *хура* (13) «чёрная», *усал* (11) «вредная», «негодная», *лайăх* (10) «хорошая», *усăллă* (8) «полезная», *илемлĕ* (7) «красивая», *вайлă* (7) «сильная», *шурă* (7) «белая», *хёрлĕ* (7) «рыжая», *ырă* (5) «хорошая», *ăслă* (5) «умная», *çемьене тăрантаракан* (5) «кормилица семьи», *тёкекен (сёкекен)* (4) «бодливая», *хура-шурă* (3) «чёрно-белая», *çамрăк* (3) «молодая», *мăнтăр* (3) «упитанная», *ăратлă* (2) «породистая», *пёчĕк* (2) «маленькая», *кўришĕсен* (1) «соседская», *кирлĕ* (1) «нужная», *сёт паракан* (1) «дающая молоко», *хўреллĕ* (1) «с хвостом», *таса* (1) «чистоплотная», *таса мар* (1) «нечистоплотная», *сăрă* (1) «серая», *вашават* (1) «ласковая», *мăнаçлă* (1) «величественная», *хёсĕр* (1) «яловая», *сăвакан* (1) «дойная», *ватă* (1) «старая», *ырă чунлă* (1) «добродушная», *лăпкă* (1) «спокойная», *тăнлă* (1) «умная», *ачаш* (1) «ласковая», *мăран* (1) «медлительная».

Сёт парать (4) «даёт молоко», *ёне ырри* (3) «молозиво», *килти выльăх* (2) «домашняя скотина», *хырăмĕ пичке нек* (1) «живот, как бочка», *тутлă сёт* (1) «вкусное молоко», *ăшш сёт* (1) «парное молоко», *ёне нек ёне самър* (1) «тучный, как корова», *ёне кётёвĕ* (1) «стадо коров», *ёне су* (1) «доить корову», *тутлă сёт* (1) «вкусное молоко», *хёрарăм выльăхĕ* (1) «женская скотина», *ёне пулсан вĕсех пулат* (1) «если будет корова, всё будет», *ялан кавлет* (1) «все время жуёт», *ёне нек кавлет* (1) «жуёт, как корова», *ёне мурĕ* (1) «повальная болезнь коров», *сарай пуçĕ* (1) «хозяйка сарая», *пысăк карап нек* (1) «как большой корабль», *мăкър нек вайлă* (1) «сильная, как бык».

Лаша «лошадь».

Тиха (25) «жеребёнок», *выльăх* (12) «скотина», *ёç* (10) «работа», *çилхе* (10) «грива», *уй* (8) «поле», *çuна* (7) «сани», *хуçалăх* (6) «хозяйство», *хўре* (5) «хвост», *урапа* (5) «телега», *вай* (4) «сила», *курăк* (3) «трава», *çĕр* (3) «земля», *какай* (2) «мясо», *суха(пуç)* (3) «соха», *(лаша)* *чёрни* (2) «копыто», *çăварни* (2) «масленица», *ут* (2) «лошадь», *тус* (2) «друг», *ферма* (2), *рысак* (2), *кăмăс* (2) «кумыс», *чёрчун* (2) «животное», *ăйăр* (1) «жеребец», *пахча* (1) «сад», *кёсре* (1) «кобыла», *апат* (1) «пища», *вите* (1) «хлев», *пăх* (1) «помёт», *ура* (1) «нога», *(лаша)* *куçĕ* (1) «(лошадиный) глаз», *хăлха* (1) «ухо», *ёне* (1) «корова», *йёнер* (1) «седло», *йёр* (1) «след»,

аиш (1) «мясо», *юлтаиш* (1) «друг», *пйлан* (1) «олень», *ямишйк* (1) «ямщик», *Ѕйлтйр* (1) «Звёздочка (кличка)», *сил евёр* (1) «как ветер», *пони* (1), *шйл* (1) «зуб», *шыв* (1) «вода», *улах* (1) «луг», *пулайшу* (1) «помощь».

Вййлй (выйлй) (38) «сильная», *хйвйрт* (вййлй, хйтй) *чупакан* (30) «быстробегающая», *ёсчен* (24) «трудолюбивая», *хитре* (21) «красивая», *пысйк* (16) «большая», *хура* (10) «чёрная», *шурй* (10) «белая», *хймйр* (8) «кауряя», *йслй* (7) «умная», *илемлй* (6) «красивая», *килти* (4) «домашняя», *паттйр* (4) «храбрая», «сильная», *лайх* (4) «хорошая», *турй лаиша* (3) «гнедая лошадь», *ачаиш* (3) «ласковая», *сйрен* (2) «рыжая», *сирён* (2) «крепкая», *тискер* (2) «дикая», *мйнаслй* (2) «гордая», «величественная», *сисёмлй* (2) «чуткая», *ырй* (2) «хорошая», *хуйнй* (2) «разгорячившаяся», *йратлй* (2) «породистая», *тйнлй* (1) «умная», *высй* (1) «голодная», *хёрлй* (1) «рыжая», *яка* (1) «гладкая», «холёная», *кирлй* (1) «нужная», *юратнй* (1) «любимая», *усйллй* (1) «полезная», *хйюллй* (1) «смелая», *хйреллй* (1) «с хвостом», *активлй* (1) «активная», *пулайшакан* (1) «помогающая», *пултаруллй* (1) «способная», *мйн кймйллй* (1) «высокомерная», *капйр* (1) «красивая», *сухалакан* (1) «пашущая», *пулайшакан* (1) «помогающая», *ула* (1) «пегая», *сйрй* (1) «серая», *шйнйрлй* (1) «жилистая», *ййваиш* (1) «смирная», *чуман* (1) «ленивая», *сивёч* (1) «резвая», *йнланакан* (1) «понимающая», *самрайк* (1) «молодая», *маттур* (1) «сильная», *каййк* (1) «дикая».

Ййвйр ёс (4) «тяжёлая работа», *килти чёрчун* (2) «домашняя скотина», *сил сунат* (*сунатлй*) *лаиша* (2) «ветрокрылый конь», *хйвйрт* (вййлй) *чупать* (2) «быстро бегают», *ймйртса чупни* (2) «бег наперегонки», *лаиша нек ёслет* (2) «работает, как лошадь», *лаиша таканё* (2) «конская подкова», *машина нек сивёч* (1) «резвая, как машина», *ёсчен юлтаиш* (1) «трудолюбивый друг», *хитре хйре* (1) «красивый хвост», *пушй уй* (1) «пустое поле», *лаиша пуласси тихаран паллй* (1) «какой будет лошадь, видно по жеребёнку», *лаиша кул* (1) «запрячь лошадь», *лаиша кётёвё* (1) «табун лошадей», *пысйк улпут* (1) «большой господин», *ирён-касйн ёслекен сын* (1) «человек, работающий и днём и ночью», *лашалла выля* (1) «играть в лошадки», *лаиша нек ёсчен пул* (1) «будь трудолюбивым, как лошадь», *ут кйшкар* (1) «конский щавель», *ёс лаиши* (1) «рабочая лошадка».

Йййтй «собака».

Тус (22) «друг», *юлтаиш* (17) «друг», (*ййит*) *сйри* (14) «щенок», *хуралсй* (13) «сторож», *шймй* (8) «кость», (*йййтй*) *ййви* (4) «(собачья) конура», *пйрт* (3) «дом», *мййкйч* (3) «ошейник», *кил* (3) «дом», *овчарка* (3), *шйршй* (2) «запах», *будка* (2), *сыхлавсй* (2) «сторож», *апат* (2) «пища», *хйлха* (2) «ухо», *йпле* (2) «конура», (*йййтй*) *ами* (2) «сука», *туслах* (1) «дружба», *сйм* (1) «шерсть», *шйл* (1) «зуб», *кус* (1) «глаз», *шанчйк* (1) «надежда», *мйй сйххи* (1) «ошейник»,

ура (1) «нога», кил-сұрт (1) «дом», каикӑр (1) «волк», хӱтӑлевсӑ (1) «защитник», тир (1) «шкура», хуса (1) «хозяин», чӑрчун (1) «животное», янкӑлти (1) «лентяй», сунарсӑ (1) «охотник», лайка (1), такса (1), сунар (1) «охота», кушак (1) «кошка», сӑнчӑр (1) «цепь», сыхӑ (1) «охрана», Тузик (1) «кликча», Кампур (1) «кликча», Ванда (1) «кликча», Шарик (1) «кликча», Дружок (1) «кликча».

Усал (37) «злая», йслӑ (18) «умная», хаяр (17) «злая», хитре (12) «красивая», шанчӑклӑ (12) «надёжная», пӑчӑк(кӑ) (11) «маленькая», пысӑк (9) «большая», хура (8) «чёрная», лайӑх (7) «хорошая», илемлӑ (6) «красивая», хӑвӑрт (6) «быстрая», ачаи (6) «ласковая», сыхлакан (5) «охраняющая», высӑ (5) «голодная», хӑмӑр (5) «коричневая», вӑйлӑ (5) «сильная», тӑнлӑ (4) «умная», ырӑ (4) «хорошая», юратнӑ (юратакан) (4) «любимая (любящая)», шурӑ (4) «белая», килти (3) «домашняя», туслӑ (3) «дружелюбная», вылянчӑк (3) «игривая», хӑюллӑ (2) «смелая», сирӑн (2) «здоровая», «крепкая», сунар (йӑтти) (2) «охотничья (собака)», урнӑ (2) «бешеная», ӑратлӑ (2) «породистая», ёсчен (2) «трудолюбивая», сӑмламас (1) «с густой шерстью», ула (1) «пегая», хастар (1) «храбрая», усӑллӑ (1) «полезная», чӑтӑмлӑ (1) «терпеливая», хаваслӑ (1) «весёлая», пысӑк мар (1) «небольшая», тӑват ураллӑ (1) «четырёхногая», чее (1) «хитрая», тирнейлӑ (1) «аккуратная», йӑваи (1) «беззлобная», таса чунлӑ (1) «с чистой душой», килсӑр (1) «бездомная», мӑнтӑр (1) «упитанная», хытӑ чупакан (1) «быстробегающая», сӑткӑн (1) «прожорливая», сёмсе (1) «ласковая», лутра (1) «низкая», улакан (1) «воющая», сӑмрӑк (1) «молодая», итлекен (1) «послушная», сӑртакан (1) «кусающаяся», кавказ (йӑтти) (1) «кавказская», сӑмлӑ (1) «с густой шерстью», ватӑ (1) «старая».

Сыннӑн тусӑ (юлташӑ) (19) «друг человека», йытӑ пӑрчӑ (7) «собачья конура», чи шанчӑклӑ юлтаи (тус) (5) «самый надёжный друг», кил хуралси (5) «сторож дома», кил хуси (3) «хозяин дома», килти чӑрчун (3) «домашнее животное», йытӑ нек вӑрет (3) «лает, как собака», йытӑ пурнӑсӑ (3) «собачья жизнь», йыттӑн хӑри кукӑр (2) «у собаки хвост кривой», сӑра нек пӑрте кӑртмест (1) «как замок, не пускает в дом», сынна сунарта пулӑшать (1) «помогает человеку на охоте», лайӑх тус (1) «хороший друг», йытӑ нек хӑвӑрт чупать (1) «бежит быстро, как собака», йытӑ нек хытӑ чун (1) «чёрствая душа, как у собаки», пӑрте сыхлакан йытӑ (1) «собака, охраняющая дом», сынна юратакан чӑрчун (1) «животное, любящее человека», алӑ парать (1) «даёт лапу», чунсӑр сын (1) «безддушный человек», йытта хывнӑ (1) «взял пример с собаки», вӑрттӑн йытӑ (1) «скрытная собака», йытӑран та начар сын (1) «человек, который хуже собаки».

Шайи «мышь».

Вярă (19) «вор», *хўре* (15) «хвост», *кушак* (10) «кошка», *тырă* (9) «зерно», (*шайи*) *юс* (9) «ласка», *чăкăт* (9) «домашний сырок», *шăтăк* (7) «нора», *сыр* (6), *капкăн* (4) «капкан», (*шайи*) *сури* (3) «мышонок», *йёке хўре* (3) «крыса», *хăлха* (2) «ухо», *йăва* (2) «нора», *пўрт* (2) «дом», *уй* (2) «поле», *кил* (2) «дом», (*шайи*) *хўри* (2) «(мышиный) хвост», *сăтăрçă* (2) «вредитель», *тăпăрч* (1) «творог», *хир* (1) «поле», *пăши* (1) «лось», *наркăмăш* (1) «яд», *юмах* (1) «сказка», *сарай* (1), *кушак кайăк* (1) «мышь», *пулăшуçă* (1) «помощник», *путвал* (1) «подвал», *нухреп* (1) «погреб», (*шайи*) *шăлĕ* (1) «(мышиный) зуб», *çырла* (1) «ягода».

Пёчĕк(кĕ) (98) «маленькая», *сăрă* (22) «серая», *хăравçă* (18) «трусливая», *вăрăм хўрелĕ* (7) «с длинным хвостом», *че* (7) «хитрая», *кăшлакан* (4) «грызущая», *тискер* (4) «дикая», *хура* (3) «чёрная», *шурă* (3) «белая», *хирти* (3) «полевая», *вăрттăн* (3) «скрытная», *хитре* (3) «красивая», *кĕл тĕслĕ* (3) «пепельно-серая», *вăрăм шăллă* (3) «с длинными зубами», *вăрлакан* (2) «ворующая», *усал* (2) «злая», *кăвак* (2) «серая», *хастар* (2) «энергичная», *хăвăрт* (2) «быстрая», *хăмăр* (2) «коричневая», *шăрилă* (1) «вонючая», *тăнлă* (1) «умная», *япăх* (1) «плохая», *кўрентерекен* (1) «обижающая», *шăпăрт* (1) «тихая», *аптранă* (1) «растерявшаяся», *хăюллă* (1) «смелая», *сиенлĕ* (1) «наносщая вред», *хёрлĕ куçлă* (1) «с красными глазами», *вăр-вар* (1) «проворная», *хăвăрт чулăкан* (1) «быстробегающая», *ăслă* (1) «умная», *ирсĕр* (1) «отвратительная», *çăмăл* (1) «лёгкая».

Шайи пек шăп пул (лар) (7) «будь тихим (сиди тихо), как мышь», *уй шайишĕ* (3) «полевая мышь», *шайи таппине лек* (3) «попасть в мышеловку», *хăвăрт таракан* (2) «быстроубегающая», *кушак тăшманĕ* (2) «враг кошки», *шайи хўри пек çинçе* (2) «тонкий, как мышиный хвост», *мамăк пек çăмăл* (1) «лёгкая, как пух», *йăпăр-япăр Енешпи* (1) «проворная Енешпи», *кирлех мар чĕрчун* (1) «не очень нужное животное», *касман така* (1) «нехолощёный баран», *сыр вăрлат* (1) «ворует сыр», *çынна пăсать* (1) «наносит вред человеку», *улăм купари йĕп* (1) «иголка в стогу соломы», *шайи пек шăлсем* (1) «зубы, как у мыши», *апат вăрри* (1) «вор еды», *çара çерçи* (1) «летучая мышь», *компьютер шайишĕ* (1) «компьютерная мышь».

Тилĕ «лиса».

Вăрман (32) «лес», (*вăрăм*) *хўре* (12) «(длинный) хвост», *юмах* (11) «сказка», *чăх* (9) «курица», *тилĕ тус* (9) «фольк. братец Лис», *вăрă* (8) «вор», *мулкач* (6) «заяц», *кĕрĕк* (5) «шуба», *чеелĕх* (5) «хитрость», *автан* (4) «петух», *кашкăр* (3) «волк», *шăтăк* (3) «нора», *уй* (3) «поле», (*тилĕ*) *сури* (3) «лисёнок», *хăлха* (3) «ухо», *хыт кукар* (1) «жадина», *куç* (1) «глаз», *хур* (1) «гусь», *сăмса* (1) «нос», *ултав* (1) «обман», *юлташ* (1) «друг», *илемлĕх* (1) «красота»,

сёлёк (1) «шапка», суха (1) «воротник», сәтәрсә (1) «вредитель», чөрчун (1) «животное», йытә (1) «собака».

Чее (135) «хитрая», хитре (34) «красивая», хёрлө (19) «рыжая», сарә-хёрлө (9) «жёлто-рыжая», тискер чөрчун (6) «дикий зверь», сарә (6) «жёлтая», әслә (5) «умная», илемлө (5) «красивая», пёчөк (4) «маленькая», вәрттән (3) «скрытная», тискер (3) «дикая», хаяр (2) «злая», хәвәрт (2) «быстрая», усал (2) «плохая», «вредная», чипер (2) «красивая», хёрлемес (2) «рыжая», сәткән (2) «хищная», вәрлакан (1) «ворующая», высә (1) «голодная», хура (1) «чёрная», лайәх (1) «хорошая», чупкән (1) «праздношатающаяся», вәйлә (1) «сильная», пултаруллә (1) «способная», ачаи (1) «ласковая», начар (1) «плохая», ватә (1) «старая», сөмсө (1) «ласковая», сүләм тёслө (1) «цвета огня», хаваслә (1) «весёлая», якәлти (1) «кокетливая», маттур (1) «сильная, здоровая», япиар (1) «ласковая», сап-сарә (1) «ярко-жёлтая», хәмәр (1) «коричневая», пысәк (1) «большая», хайлаллә (1) «хитрая», тәнлә (1) «умная», хура-хёрлө (1) «тёмно-красная, коричневая».

Чәх вәрри (5) «вор куриц», вәрәм хўре (3) «длинный хвост», тилө пек чее (2) «хитрая, как лиса», шйиши пек сивёч (1) «шустрая, как мышь», хаяр чунлә чөрчун (1) «жестокосердное животное», лайәх сунарсә (1) «хорошая охотница», чее хўре (1) «хитрый хвост», вәрман чөрчунө (1) «лесное животное», сүт сәнтәләк илемө (1) «красота природы».

Мулкач «заяц».

Хәлха (18) «ухо», вәрман (17) «лес», кашкәр (9) «волк», куян (8) «заяц», кишёр (6) «морковь», юр (3) «снег», тилө (3) «лиса», кёрөк (2) «шуба», сәм (2) «шерсть», уй (2) «поле», йёр (2) «след», шйиши (1) «мышь», (мулкач) сүри (1) «зайчонок», кролик (1), куç (1) «глаз», парәппан (1) «барабан», хёлле (1) «зима», яшка (1) «суп», мёлке (1) «тень», шәл (1) «зуб», хәрав (1) «страх», сёлөк (1) «шапка», аш-какай (1) «мясо», әс-тән (1) «ум», аш (1) «мясо», тир (1) «шкура», «мех», (мулкач) хўри (1) «(заячий) хвост», курәк (1) «травя», тупәш (1) «прибыль», мухтанчәк (1) «хвостун», ача (1) «ребёнок», русак (1).

Хәравсә (хәракан) (95) «трусливый», «боязливый», шурә (56) «белый», хәвәрт (28) «быстрый», пёчөк(кө) (18) «маленький», сәрә (10) «серый», хитре (10) «красивый», кёске хўреллө (8) «с коротким хвостом», тискер (8) «дикий», вәрәм хәлхаллә (5) «с длинными ушами», чее (5) «хитрый», илемлө (5) «красивый», пёчөк хўреллө (3) «с маленьким хвостом», чаләш (3) «косой», сәмәл (3) «лёгкий», ыра (3) «хороший», «добрый», вәйсәр (2) «слабый», айван (2) «глупый», «слабый», хаваслә (1) «весёлый», кишёр сиекен (1) «поедающий морковь», тилёрен таракан (1) «убегающий от лисы», шупка (1) «светлый», лайәх (1) «хороший», вәрәм ураллә (1) «с длинными ногами», чипер (1) «красивый», шап-шурә (1) «белоснежный»,

правур (1) «проворный», *сивёч* (1) «проворный», *йәрә* (1) «проворный», *сикекен* (1) «прыгающий», *шәлләскер* (1) «с зубами», *әслә* (1) «умный», *шиклә* (1) «трусоватый», *килти* (1) «домашний», *ватә* (1) «старый», *чупакан* (1) «бегающий», *җәмәл* (1) «лёгкий», *кавак* (1) «серый».

Чаләш куҗ (8) «заяц, букв. 'косой глаз'», *вәрәм хәлха* (5) «длинное ухо», *мулкач чәри* (2) «заячье сердце», *тискер чәрчун* (2) «дикий зверь», *йытә нек хәвәрт* (1) «быстрый, как собака», *сайгак евәрлә сикет* (1) «прыгает, как сайгак», *мулкачән хәлхи вәрәм та, хўри кёске* (1) «у зайца уши длинные, да хвост короткий», *мулкач нек сикет* (1) «прыгает, как заяц», *катәк тутә* (1) «губа с изъяном», *тёсне уләштаратә* (1) «меняет окраску», *икё мулкача хәвалатә* (1) «гонится за двумя зайцами», *мулкач йөрә* (1) «заячий след», *җил нек чупса җўрет* (1) «бегаёт (быстро), как ветер», *кишёр вәрлакан* (1) «ворующий морковь», *сёр мулкачә* (1) «земляной заяц».

Арәслан «лев».

Патиша (23) «царь», *җилхе* (20) «грива», *Африка* (8), *зоопарк* (5), *кушак* (4) «кошка», *тигр* (3), *вәй* (3) «сила», *сасә* (2) «голос», *хўре* (2) «хвост», *аш-какай* (2) «мясо», *юмах* (2) «сказка», *(арәслан) ами* (2) «львица», *чәрчун* (2) «животное», *гороскоп* (2), *хуҗа* (2) «хозяин», *хал* (1) «сила», *шәл* (1) «зуб», *пуш уй* (1) «голое поле», *саванна* (1), *мультфильм* (1), *джунгли* (1), *клетка* (1), *ушкән* (1) «группа», *мәкёрў* (1) «рёв», *какай* (1) «мясо», *сёлен* (1) «змея», *тупәш* (1) «прибыль», *чун* (1) «душа», *упа* (1) «медведь», *әмәрт кайәк* (1) «орёл».

Вәйлә (выйлә) (65) «сильный», *пысәк* (47) «большой», *тискер* (21) «дикий», *хаяр* (19) «злой», *усал* (17) «злой», *хитре* (14) «красивый», *мәнаҗлә* (9) «величественный», *хәюллә* (9) «смелый», «храбрый», *хәрушә* (8) «опасный», *паттәр* (6) «храбрый», *аслә* (4) «главный», *хәвәрт* (3) «быстрый», *тёреклә* (3) «могучий», *сирәп* (2) «крепкий», *сарә* (2) «жёлтый», *җәмламас* (2) «мохнатый», *чаплә* (2) «уважаемый», *мәнә* (2) «большой», *хәратакан* (1) «пугающий», *хытә* (1) «жестокий», *әслә* (1) «умный», *хәватлә* (1) «сильный», «могущественный», *сивёч* (1) «резвый», *хастар* (1) «энергичный», *сывракан* (1) «спящий», *выҗа* (1) «голодный», *җәткән* (1) «хищный», *харсәр* (1) «бесстрашный», *хәвәрт чупакан* (1) «быстробегающий», *әратлә* (1) «породистый», *хәмәр* (1) «коричневый», *лапсәркка* (1) «лохматый».

Чәрчунсен патиши (9) «царь зверей», *тискер кайәк (чәрчун)* (7) «дикий зверь», *арәслан нек паттәр* (1) «храбрый, как лев», *кашкәртан вәйләрах* (1) «сильнее волка», *вәйлә чупакан* (1) «быстробегающий», *мәнаҗлә чәрчун* (1) «величественный зверь», *хаяр чәрчун* (1) «злой зверь»,

пысак кушак (1) «большая кошка», *пуринчен те вайларах* (1) «сильнее всех», *ушкӑн пуҫӗ* (1) «глава стаи», *туртса ҫуракан чӗрчун* (1) «растерзывающий зверь».

Тёве «верблюды».

Курпун (*корпун*) (39) «горб», *пушихир* (31) «пустыня», *шыв* (16) «вода», *сурчӑк* (9) «плевок», *Африка* (6), *хайӑр* (3) «песок», *йӗплӗ курӑк* (3) «колючка», *Египет* (2), *зоопарк* (2), (*тёве*) *ҫӑмӗ* (2) «(верблюжья) шерсть», *йытӑ* (1) «собака», *юлташ* (1) «друг», *цирк* (1), *лаша* (1) «лошадь», *шӑрӑх* (1) «жара», *ёҫченлӗх* (1) «трудолюбие», *мӑнаҫлӑх* (1) «гордость», *ачашилӑх* (1) «нежность», *кӗве* (1) «моль».

Пысак(кӑ) (56) «большой», (*икӗ*) *курпунлӑ* (43) «двугорбый», *чӑтӑмлӑ* (13) «терпеливый», *ҫӑллӗ* (10) «высокий», *хитре* (8) «красивый», *суракан* (7) «плюющий», *вайлӑ* (5) «сильный», *ёҫчен* (5) «трудолюбивый», *ӑслӑ* (4) «умный», *хӑмӑр* (3) «коричневый», *ҫирӗп* (3) «крепкий», *вӑрӑм* (2) «длинный», *пысак курпунлӑ* (2) «с большим горбом», *чаплӑ* (1) «важный», *хулен* (1) «медленный», *ҫаврӑнӑҫусӑр* (1) «неповоротливый», *хӑвӑрт мар* (1) «небыстрый», *усӑллӑ* (1) «полезный», *кукӑр* (1) «кривой», *мӑнттай* (1) «неуклюжий», *хӑвӑрт* (1) «быстрый», *мӑнаҫлӑ* (1) «гордый», *утакан* (1) «идущий», *тӑват ураллӑ* (1) «четырёхногий», *мӑнтӑр* (1) «упитанный», *вӑраххӑн* (1) «медленный», *мӑнӑ* (1) «большой», *ӑратлӑ* (1) «породистый», *типӗ* (1) «сухой», *шурӑ* (1) «белый», *кулӑшла* (1) «смешной», *маттур* (1) «сильный», «здоровый», *ухмах* (2) «глупый», *хитре мар* (1) «некрасивый», *тискер* (1) «дикий», *мӑран* (1) «медлительный».

Тёве нек сурасть (11) «плюётся, как верблюд», *курпунлӑ чӗрчун (выльӑх)* (9) «горбатое животное», *шыв ёҫмесӗр нумай пурӑнать* (3) «живёт долго без воды», *тёве нек курпунлӑ* (2) «горбатый, как верблюд», *тёве нек ёҫет* (2) «пьёт, как верблюд», *пысак карап нек* (1) «как большой корабль», *икӗ курпун йӑтать* (1) «носит два горба», *ӑшӑ юратать* (1) «любит тепло», *ҫынсене ярӑнтарать* (1) «катает людей», *тёве пӑрушӗ* (1) «верблюжонок», *йывӑр вӑхӑт* (1) «тяжёлое время», *типӗ ҫӗр* (1) «сухая земля», *пуш-хир карапӗ* (1) «корабль пустыни», *тёве караванӗ* (1) «караван верблюдов», *тёве – хуҫалӑх лаши* (1) «верблюд – лошадь в хозяйстве», *пысак курпун* (1) «большой горб».

Таким образом, в некоторых случаях реакцией на стимулы *кайӑк*, *выльӑх* являлось название конкретного животного. При этом оним *кайӑк* в сознании носителей языка часто воспринимается лишь в качестве названия птицы.

В качестве семантических полей маммалионимов указаны слова, составляющие основные тематические ряды и покрывающие следующие области значений: 1) внешний вид, размер; 2) личная оценка (*кушак – ҫывӑрма юратать*, *йытӑ – тӑнлӑ*); 3) употребляемая пища

(арлан – тырă, пăрса, хёвел саврăнăш, кушак – сёт, упăте – банан, уна – сырла), в том числе и зверьки (кашкăр – мулкач, тилё – мулкач, кушак – шайши); 4) местообитание (упăте – зоопарк, уна – вăрман); 5) смежность понятий (лаша – урапа, тилё – юмах, шайши – хўре, упăте – упăте пыйти, уна – тилё, арăслан – силхе); 6) практическое значение (вăкăр – тутлă аш, ёне – тупăш, ёне – сёт, вăкăр – укса).

Реципиентами в качестве реакций на слова-стимулы также отмечены: 1) названия животных, указывающие на родо-видовые отношения (арлан – шайши, арлан – кайлакан чёрчун, качака – пукет, мулкач – шайши, вăкăр – ёне, упăте – макака, шимпанзе, мартышка); 2) слова, имеющие фонетическое сходство со стимулом (шайши – пайши, тёве – кёве); 3) клишированные выражения (уна – вăрман хуши; качака – пёчек ёне; кашкăр – вăрман санитарё, тукмак; кушак – пёчек тигр; тёве – пуш-хир карапё; уна – пыл хуши, патша; мулкач – чалăш куш; арăслан – патша; кашкăр – кашаман; уна – утаман). В отдельных случаях названы диалектные названия животных (вăкăр – мăкăр, шайши – кушак кайакё), а также стилистически окрашенные (лаша – ут) и стилистически нейтральные синонимы (упăте – упишан). Также приведены клички животных: вăкăр – Мишук, Мошк; кушак – Ванька, Маня, Пушок; йытă – Тузик, Кампур, Ванда, Шарик, Дружок. Реакции – абстрактные существительные обусловлены эмоциональным восприятием животного: упăте – кулăш; уна – вай, хăрушлăх; кушак – туслăх, юрату, йăпану; арлан – юрату, телей; выльăх – туслăх, сывлăх. В редких случаях они ассоциируются с человеком: упăте – хёрача, сын; уна – хёрача; вăкăр – арсын; качака – хёр; кушак – хёр.

В качестве словосочетаний и метафор приведены описания особенностей поведения животных и их отличительных признаков (арăслан – мăнаслă чёрчун, шайши – шайши пек шăп пул, качака – кутăн выльăх) и фразеологизмы (кушакна йытă пек пурăнассё; ёнене Турă тунă, качакана – шуйттан; мулкачăн хăлхи вăрăм та, хўри кёске; качакана кашкăр пёр картишре пурăнаймассё).

При проведении одного из этапов свободного ассоциативного эксперимента респондентам нужно было перечислить все слова русского языка, которые приходят на ум, в связи с названиями зверь, животное.

Зверь. Дикий (88), волк (67), медведь (58), злой (55), лев (48), лиса (40), страшный (37), большой (35), быстрый (35), тигр (34), опасный (29), хитрый (27), сильный (26), хищный (26), животное (19), красивый (19), лес (19), рысь (18), маленький (17), домашний (14), заяц (14), умный (14), хищник (12), живодёр (10), кабан (10), леопард (10), лесной (10), кошка (8), человек (8), беспощадный (7), голодный (7), пантера (7), страх (7), агрессивный (6), верблюд (6), добрый (6), лось (6), олень (6), свирепый (6), собака (6), бешеный (5), дикое животное (5),

жестокий (5), зубастый (5), млекопитающее (5), ужасный (5), гепард (4), гиена (4), дверь (4), джунгли (4), корова (4), ловкий (4), лошадь (4), милый (4), мощный (4), нора (4), опасность (4), берлога (3), дерево (3), дичь (3), ёж(ик) (3), жадный (3), зебра (3), кровожадный (3), лапы (3), ласковый (3), лесные животные (3), мышь (3), одинокий (3), поле (3), шакал (3), барс (2), барсук (2), безжалостный (2), бессердечный (2), бесстрашный (2), бобр (2), быстрая машина (2), вольный (2), глупый (2), грациозный (2), грозный (2), еда (2), жестокость (2), звено (2), звонить (2), злобный (2), злость (2), змея (2), зоопарк (2), когти (2), король (2), костёр (2), кости (2), кровь (2), крокодил (2), машина (2), могучий (2), монстр (2), мудрый (2), мясо (2), осёл (2), охота (2), охотник (2), природа (2), пугливый (2), пума (2), раненый (2), росомаха (2), слон (2), стая (2), хвост (2), четыре ноги (2), шимпанзе (2), ягуар (2), анаконда (1), агрессия (1), баран (1), бегающий (1), белый медведь (1), бежит (1), бездомное (1), бездушный (1), безжалостность (1), безобразный (1), безопасный (1), белка (1), борзый (1), боязнь (1), боязливый (1), быстрота (1), волосатый (1), выживание (1), выносливость (1), выносливый (1), гибкий (1), глаза (1), голод (1), горы (1), группа (1), два уха (1), дебри (1), детёныш (1), дерзкий (1), дикая природа (1), дикость (1), добро (1), добыча (1), дом (1), дорога (1), драка (1), дурак (1), енот (1), ель (1), живёт в лесу (1), живое существо (1), живущий в природе (1), живущий на воле (1), зайчик (1), защищающий всю семью (1), зверский (1), звон (1), звонкий (1), зло (1), злой волк (1), злой человек (1), зубы (1), интересный (1), ищущий пищу (1), казнь (1), капкан (1), клыки (1), коварный волк (1), коварный (1), конь (1), косуля (1), котёнок (1), Красная книга (1), крупный (1), курица (1), куница (1), ловкость (1), логово (1), любопытный (1), медленный (1), миленький (1), могущество (1), мощная машина (1), мохнатый (1), мультфильм (1), некрасивый (1), нелюдимый (1), необузданный (1), необыкновенный (1), неподатливый (1), неугомонный (1), нехороший (1), нехороший человек (1), ногти (1), носорог (1), обиженный (1), огненный (1), одиночество (1), одичал (1), озвереть (1), окружающий мир (1), орёл (1), острые зубы (1), охотится (1), пёс (1), песец (1), верь (1), питомец (1), пища (1), прайд (1), привлекательный (1), приспособляющийся (1), приют для зверей (1), прыгает (1), птица (1), пустыня (1), рана (1), решительный (1), рога (1), рогатый (1), рогатый скот (1), Россия (1), рычит (1), саванна (1), сам по себе (1), свинья (1), свободный (1), серая шерсть (1), сила (1), сказочный (1), скот (1), скрытный (1), слой (1), смелый (1), смертельноопасный (1), смерть (1), смыслённый (1), снег (1), спячка (1), странный (1), страсть (1), суровый (1), съедает (1), толстый (1), трусливый (1), тупой (1), умалишённый (1), умный волк (1), упитанный (1), один хвост (1), хитрость (1), хищное животное (1), хорошо слышит (1), храбрый (1), худой (1), царь (1),

цирк (1), чудовище (1), чуткий (1), шерсть (1), шуба (1), щенок (1), яростный (1), ястреб (1), звери бывают разными, звери очень опасные (1), звери – очень опасные животные (1).

Животное. Корова (65), волк (59), кошка (59), дикое (56), собака (56), медведь (53), домашнее (51), лиса (46), коза (39), свинья (36), бык (34), заяц (30), большое (27), красивое (27), лошадь (24), хомяк (24), тигр (21), овца (20), лес (18), мясо (18), обезьяна (17), хищное (17), баран (15), злое (15), доброе (14), сильное (14), слон (14), умное (14), лев (13), маленькое (13), быстрое (12), жираф (12), опасное (12), курица (11), кролик (10), лось (10), телёнок (10), милое (9), молоко (9), пушистое (9), рысь (9), шерсть (9), еда (8), зверь (8), скот (8), хвост (8), хищник (8), белка (7), лесное (7), мышь (7), олень (7), хитрое (7), ласковое (6), леопард (6), рога (6), упитанное (6), четыре ноги (6), дикость (5), жирное (5), зоопарк (5), кабан (5), лапы (5), петух (5), рогатое (5), травоядное (5), голодное (4), индюк (4), летающее (4), ловкое (4), мягкое (4), охота (4), полезное (4), птицы (4), скотина (4), страшное (4), усы (4), верблюд (3), газель (3), глаза (3), дерево (3), живое (3), жир (3), зебра (3), интересное (3), кости (3), кот (3), Красная книга (3), мышка (3), толстое (3), трава (3), тупое (3), хорошее (3), человек (3), шашлык (3), ягнёнок (3), яйцо (3), барашика (2), бобёр (2), верное (2), вода (2), гепард (2), глупое (2), голод (2), горилла (2), грязное (2), ёжик (2), енот (2), жив (2), живот (2), защита (2), змея (2), зуб (2), козёл (2), козлёнок (2), копытное (2), красота (2), куница (2), лесное животное (2), мех (2), милость (2), млекопитающее (2), мохнатое (2), неаккуратное (2), нежное (2), некультурный человек (2), ногти (2), нужное (2), опасность (2), охотник (2), пантера (2), послушное (2), природа (2), прирученное (2), пушистик (2), пьяный человек (2), редкое (2), резкое (2), сарай (2), стадо (2), суслик (2), утка (2), хвостатое (2), ягуар (2), ухо (2), автобус (1), агрессивное (1), аист (1), аккуратное (1), барс (1), бегемот (1), бездомное (1), безрогое (1), беззаботное (1), беззащитное (1), бесполезное (1), бестолковое (1), бешеное (1), биология (1), биосфера (1), болезненное (1), боль (1), будка (1), буйвол (1), бурундук (1), былины (1), быстrobeгающее (1), быстрота (1), вера (1), верность (1), весёлое (1), вкусное (1), война миров (1), враждебное (1), вредное (1), все животные (1), выдра (1), выживание (1), высокое (1), гавканье (1), гадкое (1), география (1), гиена (1), гиппопотам (1), гладкое (1), гнездо (1), грозное (1), грязь (1), гусь (1), дельфин (1), джунгли (1), дичь (1), доброе существо (1), добыча (1), дом (1), друг (1), дружелюбное (1), дышат (1), едят (1), ест (1), есть животных (1), ехидна (1), жадное (1), жестокое (1), жизнь (1), зайчик (1), заповедное (1), земля (1), земноводное (1), зима (1), зоркое (1), игрушка (1), история (1), кенгуру (1), книга жизни (1), коала (1), кобель (1), когтистое (1), кожа (1), колибри (1), конь (1), копыта (1), корм (1), косуля (1), котёнок (1), крик (1), крокодил (1), крыса (1), куропатка (1), куры (1),

кусающее (1), лёгкое (1), ленивое (1), лесные жители (1), лесные звери (1), любопытное (1), лягушка (1), мёд (1), медленное (1), могучее (1), морж (1), музыка (1), мука (1), мяуканье (1), навоз (1), надёжность (1), наша жизнь (1), не всегда доброе (1), некрасивое (1), неопрятное (1), неосознанные действия (1), неподатливое (1), непослушное (1), неряшливое (1), нечистоплотный человек (1), нора (1), нормальное (1), носорог (1), оберег (1), обжора (1), обитатели (1), овечка (1), одноклассник (1), окружающий мир (1), орангутанг (1), орёл (1), орудие (1), осёл (1), острый глаз (1), павлин (1), пастух (1), пингвин (1), питомец (1), плотоядное (1), плохое поведение (1), побеждает сильнейший (1), поля (1), помощь (1), понимающее (1), попугай (1), поросёнок (1), преданность (1), пресмыкающееся (1), приручение (1), происхождение (1), противное (1), пухлое (1), пятна (1), работающее (1), радость (1), разноцветное (1), разумное (1), растительное (1), ресурсы (1), рыба-кит (1), рыбка (1), рычащее (1), свирепое (1), свобода (1), свободное (1), сено (1), сенокос (1), сердитое (1), сила (1), символ (1), сказки (1), слабое (1), слух (1), смерть (1), сметана (1), смешное (1), снежный барс (1), соболев (1), сова (1), совесть (1), спит (1), спокойное (1), страх (1), сурок (1), сыр (1), творог (1), тонкое (1), тонна (1), тропики (1), тощее (1), трусливое (1), тушканчик (1), улица (1), ум (1), учитель (1), филин (1), характер человека (1), хлев (1), холодильник (1), царапины (1), цель (1), цирк (1), честь (1), чешуя (1), чувствительное (1), шерстистое (1), шинилла (1), школа (1), шкура (1), шум (1), ядовитое (1).

Итак, респондентами отмечены ассоциации по смежности (зверь – лес, зоопарк, опасность, человек, приют для зверей; животное – мясо, шкура, кости, нора, вода), по сходству (зверь – машина, быстрая машина, животное – характер человека, одноклассник). При оценке названий указаны также антонимические пары: зверь: добрый – злой; бесстрашный – пугливый; домашний – дикий; быстрый – медленный; животное: большое – маленькое; домашнее – дикое; спокойное – агрессивное; умное – глупое, бестолковое; толстое, упитанное – тощее.

Наибольшее распространение получили парадигматические ассоциации: слова-стимулы часто в сознании носителей языка связаны с названиями отдельных животных: зверь – волк, медведь, лев, лиса и т.д.; животное – корова, волк, кошка, собака, лиса, коза и т.д.; частотны «характеризующие» прилагательные: зверь – дикий, злой, страшный, большой, быстрый, хищный и т.д.; животное – дикое, домашнее, большое, красивое, жирное, доброе, сильное и т.д. В качестве реакций отмечены также однокоренные слова: животное – живот, жив, живое, выживание, зверь – зверский, озвереть; созвучные слова: зверь – звено, звонить, звон, в том числе и рифмы: зверь – дверь – верь – ель.

При проведении следующего опроса респондентам нужно было указать названия домашних и диких животных, выражающие положительную и отрицательную характеристики человека. Основная цель данного эксперимента – определить аффективную составляющую смысла, другими словами, эмоциональную сторону смысла, связанную в сознании носителей чувашского языка с онимом:

1) «Человек хитрый». *Тилё* (233) «лиса»: *тилё* (23), *чее тилё* (208) «хитрая лиса», *йслă тилё* (2) «умная лиса».

Мулкач (14) «заяц»: *мулкач* (3), *чее мулкач* (9) «хитрый заяц», *хăравçă мулкач* (1) «заяц-трусишка», *суевсё мулкач* (1) «заяц-обманщик».

Шăши (22) «мышь»: *шăши* (*шыши*) (7), *чее шăши* (15) «хитрая мышь».

Кушак (11) «кошка»: *кушак* (1), *чее кушак* (8) «хитрая кошка», *ачаши кушак* (1) «ласковая кошка», *вăрттăн кушак* (1) «скрытная кошка».

Йытă (12) «собака»: *чее йытă* (8) «хитрая собака», *йыт ами* (1) «сука», *йăпăлти йытă* (1) «ласкающаяся собака», *хăюллă йытă* (1) «смелая собака», *хаяр йытă* (1) «злая собака».

Чакак (5) «сорока»: *чее чакак* (5) «хитрая сорока».

Каишкăр (4) «волк»: *каишкăр* (2), *чее каишкăр* (2) «хитрый волк».

Курак (3) «грач, ворона»: *чее курак* (2) «хитрая ворона», *ула курак* (1) «ворона».

Ёне (2) «корова»: *чее ёне* (2) «хитрая корова».

Куккук (2) «кукушка»: *чее куккук* (2) «хитрая кукушка».

Сысна (2) «свинья»: *сысна* (2).

Чёпё (1) «цыплёнок, птенец»: *чее чёпё* (1) «хитрый цыплёнок».

Сўлевёç (1) «рысь»: *чее сўлевёç* (1) «хитрая рысь».

Качака (1) «коза»: *чее качака* (1) «хитрая коза».

Сурăх (1) «овца»: *чее сурăх* (1) «хитрая овца».

Йёке хўре (1) «крыса».

Çёлен (1) «змея».

Юс (1) «ласка».

2) «Человек жадный». *Каишкăр* (46) «волк»: *каишкăр* (18), *çăткăн каишкăр* (10) «жадный волк», *хытă каишкăр* (7) «скупой волк», *хыт кукар каишкăр* (5) «скупой волк», *выçă каишкăр* (4) «голодный волк», *выçкăн каишкăр* (2) «жадный волк».

Кушак (34) «кошка»: *кушак* (12), *хыт кукар кушак* (10) «скупая кошка», *хытй кушак* (9) «скупая кошка», *җәткән кушак* (2) «жадная кошка», *выҗса кайнй кушак* (1) «проголодавшаяся кошка».

Йытй (25) «собака»: *йытй* (йәтй) (8), *хытй йытй* (12) «скупая собака», *хыт кукар йытй* (2) «скупая собака», *улам купи җинчи йытй* (2) «собака на стогу соломы», *выҗй йытй* (1) «голодная собака».

Тилё (16) «лиса»: *тилё* (2), *хыт кукар тилё* (7) «скупая лиса», *җәткән тилё* (4) «жадная лиса», *хытй тилё* (3) «скупая лиса».

Упа (14) «медведь»: *упа* (3), *хыт кукар упа* (5) «скупой медведь», *хытй упа* (4) «скупой медведь», *җәткән упа* (2) «жадный медведь».

Сысна (12) «свинья»: *сысна* (7), *хытй сысна* (2) «скупая свинья», *хыт кукар сысна* (2) «скупая свинья», *усал сысна* (1) «плохая свинья».

Пакиа (8) «белка»: *пакиа* (6), *хыт кукар пакиа* (2) «скупая белка».

Ёне (6) «корова»: *хытй ёне* (3) «скупая корова», *хыт кукар ёне* (2) «скупая корова», *җәткән ёне* (1) «жадная корова».

Арлан (5) «хомяк»: *хытй арлан* (3) «скупой хомяк», *хыт кукар арлан* (2) «скупой хомяк».

Арйслан (4) «лев»: *арйслан* (1), *хыт кукар арйслан* (3) «скупой лев».

Шйши (4) «мышь»: *шйши* (1), *хыт кукар шйши* (3) «скупая мышь».

Автан (3) «петух»: *хыт кукар автан* (2) «скупой петух», *хытй автан* (1) «скупой петух».

Хянтйр (3) «бобёр»: *хянтйр* (1), *җәткән хянтйр* (2) «жадный бобёр».

Мулкач (3) «заяц»: *мулкач* (1), *җәткән мулкач* (1) «жадный заяц», *хыт кукар мулкач* (1) «скупой зверь».

Курак (3) «ворона, грач»: *курак* (1), *хыт курак* (1) «скупая ворона», *хура курак* (1) «грач».

Упйте (3) «обезьяна»: *упйте* (2), *чее упйте* (1) «хитрая обезьяна».

Чакак (3) «сорока»: *чакак* (2), *хыт кукар чакак* (1) «скупая сорока».

Тёве (3) «верблюд».

Каййк (2) «зверь»: *җәткән каййк* (1) «жадный зверь», *хыт кукар каййк* (1) «скупой зверь».

Качака (2) «коза»: *качака* (1), *хытй качака* (1) «скупая коза».

Пурйш (2) «барсук»: *пурйш* (1), *пурйш пек хытй* (1) «скупой, как барсук».

Сурйх (2) «овца»: *хытй сурйх* (2) «скупая овца».

Чӑх (2) «курица»: *хыт кукар чӑх* (2) «скупая курица».

Каюра (1) «крот»: *каюра нек хытӑ* (1) «скупой, как крот».

Шапа (1) «лягушка»: *хытӑ шапа* (1) «скупая лягушка».

Тимӑр шапа (1) «черепашка».

Шӑрчӑк (1) «сверчок».

Йӑке хӑре (1) «крыса».

Гиена (1).

3) «Человек глупый, недалекий». *Сурӑх* (179) «овца»: *сурӑх* (120), *ухмах сурӑх* (35) «глупая овца», *сурӑх путекки* (10) «ягнёнок», *айван сурӑх* (4) «глупая овца», *анра сурӑх* (2) «овца, больная вертячкой», *антра сурӑх* (2) «овца, больная вертячкой», *тӑнсӑр сурӑх* (2) «безумная овца», *сӑрах* (1) «овца», *сорх* (1) «овца», *сорӑх* (1) «овца», *сурӑх нек тунката* (1) «глупый, как овца».

Тӑмана «сова» (79): *тӑмана* (74), *уй тӑмани* (3) «луговая сова», *ухмах тӑмана* (2) «глупая сова».

Чӑх(ӑ) (58) «курица»: *чӑх(ӑ)* (22), *ухмах чӑх(ӑ)* (16) «глупая курица», *чӑх мими* (14) «куриный мозг», *айван чӑх(ӑ)* (5) «глупая курица», *ӑссӑр чӑх* (1) «глупая курица».

Упӑте (36) «обезьяна»: *упӑте* (31), *ухмах упӑте* (5) «глупая обезьяна».

Мулкач (33) «заяц»: *мулкач* (15), *ухмах мулкач* (11) «глупый заяц», *айван мулкач* (6) «глупый заяц», *тӑнсӑр мулкач* (1) «глупый заяц».

Сысна (30) «свинья»: *сысна* (26), *ухмах сысна* (3) «глупая свинья», *кӑнттам сысна* (1) «неуклюжая свинья».

Качака (22) «коза»: *качака* (17), *ухмах качака* (4) «глупая коза», *айван качака* (1) «глупая коза».

Кашкӑр (31) «волк»: *ухмах кашкӑр* (19) «глупый волк», *кашкӑр* (8), *наян кашкӑр* (1) «ленивый волк», *айван кашкӑр* (1) «глупый волк», *ӑсран тайӑлнӑ кашкӑр* (1) «выживший из ума волк», *тӑнлӑ мар кашкӑр* (1) «неумный волк».

Кушак (16) «кошка»: *кушак* (3), *ухмах кушак* (7) «глупая кошка», *айван кушак* (1) «глупая кошка», *кушак ҫури* (1) «котёнок», *айван кушак ҫури* (1) «глупый котёнок», *килти кушак* (1) «домашняя кошка», *ӑссӑр кушак* (1) «безумная кошка», *килте пурӑнакан кушак* (1) «кошка, живущая дома».

Ашак (15) «осёл»: *ашак* (11), *ухмах ашак* (3) «глупый осёл», *ашак нек ан пул* (1) «не будь как осёл».

Упа (12) «медведь»: *упа* (7), *айван упа* (3) «глупый медведь», *ухмах упа* (2) «глупый медведь».

Арлан (10) «хомяк»: *арлан* (8), *ухмах арлан* (2) «глупый хомяк».

Така (9): *така* (7) «баран», *ухмах така* (1) «глупый баран», *тáнсáр така* (1) «безумный баран».

Шáйши (9) «мышь»: *шáйши* (3), *ухмах шáйши* (3) «глупая мышь», *шыши* (1) «мышь», *шáйши пек тáнлá мар* (1) «неумная, как мышь», *айван шáйши* (1) «глупая мышь».

Пáру (8) «телёнок».

Йытá (6): *ухмах йытá* (4) «глупая собака», *йытá сáри* (1) «щенок», *айван йытá* (1) «глупая собака».

Куян (5) «заяц».

Чéпé (3) «цыплёнок», «птенец»: *чéпé* (2), *айван чéпé* (1) «глупый цыплёнок (птенец)».

Вáкáр (3) «бык»: *вáкáр* (1), *мáкáр* (1), *пуссáр вáкáр* (1) «глупый бык».

Тилé (3) «лиса»: *тилé* (2), *ухмах тилé* (1) «глупая лиса».

Ёне (3) «корова»: *ёне* (2), *ухмах ёне* (1) «глупая корова».

Курак (3) «ворона», «грач»: *курак* (1), *кáрак* (2).

Йёке хýре «крыса» (2): *шухáйшáр йёке хýре* (1) «беспечная крыса», *крыс* (1) «крыса».

Тёве (2) «верблюд»: *ухмах тёве* (2) «глупый верблюд».

Путек (1) «ягнёнок», «козлёнок»: *айван путек* (1) «глупый ягнёнок, козлёнок».

Чёрчун (1) «животное»: *ухмах чёрчун* (1) «глупое животное».

Шапа хуранé áсé пек (1) «ум, как у раковины моллюска».

Кайáк (1) «птица»: *кайáк áсéне* (1) «птичьим умом».

Áман (1) «червяк»: *ухмах áман* (1) «глупый червяк».

Шапа (1) «лягушка»: *ухмах шапа* (1) «глупая лягушка».

Вáкáр (1) «бык»: *пуссáр вáкáр* (1) «глупый бык».

Пáйши (1) «лось»: *айван пáйши* (1) «глупый лось».

Кролик (1): *кролик сáри* (1) «крольчонок».

Навус нáрри (1) «навозный жук».

Тыркас (1) «суслик».

Пáлан (1) «олень».

Сёлен (1) «змея».

Улитка (1).

Индюк (1).

4) «Человек опасный, злой». *Каишкър* (115) «волк»: *каишкър* (55), *хаяр каишкър* (19) «злой волк», *усал каишкър* (17) «злой волк», *тискер каишкър* (12) «свирепый волк», *сёмсёр каишкър* (5) «страшный волк», *высă каишкър* (3) «голодный волк», *чее каишкър* (1) «хитрый волк», *урнă каишкър* (1) «бешеный волк», *шиллес каишкър* (1) «злой волк», *хăрушă каишкър* (1) «опасный волк».

Арăслан (43) «лев»: *арăслан* (15), *хаяр арăслан* (14) «злой лев», *тискер арăслан* (8) «свирепый лев», *усал арăслан* (3) «злой лев», *хăрушă арăслан* (1) «опасный лев», *сивё чунлă арăслан* (1) «лев с холодной душой», *вăйлă арăслан* (1) «сильный лев».

Уна (30) «медведь»: *уна* (11), *хаяр уна* (16) «злой медведь», *усал уна* (2) «злой медведь», *чее уна* (1) «хитрый медведь».

Йытă (13) «собака»: *йытă* (3), *тискер йытă* (3) «свирепая собака», *усал йытă* (2) «злая собака», *хăрушă йытă* (1) «опасная собака», *урнă йытă* (1) «бешеная собака», *вăрттăн сыртăкан йытă* (1) «собака, кусающая исподтишка», *хаяр йытă* (1) «злая собака», *йытă хўри кукър* (1) «собачий хвост кривой».

Вăкър (9) «бык»: *вăкър* (1) «бык», *хаяр вăкър* (5) «злой бык», *усал вăкър* (3) «злой бык».

Кушак (8) «кошка»: *хаяр кушак* (3) «злая кошка», *усал кушак* (2) «злая кошка», *чее кушак* (2) «хитрая кошка», *тискер кушак* (1) «дикая кошка».

Тилё (7) «лиса»: *тилё* (2), *шилленчёлкё тилё* (1) «обидчивая лиса», *урнă тилё* (2) «бешеная лиса», *хаяр тилё* (1) «злая лиса», *чунсăр тилё* (1) «бездушная лиса».

Тискер чёрчун (6) «дикое животное».

Сысна (4) «свинья»: *хир сысни* (2) «кабан», *хаяр сысна* (1) «злая свинья», *кайăк сысна* (1) «кабан».

Çёлен (4) «змея».

Вёре çёлен (3) «огнедышащий дракон».

Ёне (2) «корова»: *хаяр ёне* (1) «злая корова», *тискер ёне* (1) «дикая корова».

Кайăк (2) «зверь»: *кайăк* (1), *тискер кайăк* (1) «дикий зверь».

Упăте (2) «обезьяна».

Мулкач (2) «заяц».

Тигр (2).

Качака (1) «коза».

Калта (1) «ящерица».

Çўлевёç (1) «рысь».

Тёве (1) «верблюд».

Чёрёп (1) «ёж»: *йёплё чёрёп* (1) «игольчатый ёж».

Автан (1) «петух».

Анчак (1) «щенок».

5) «Человек сильный». *Упа* (125) «медведь»: *упа* (57), *вайля упа* (68) «сильный медведь».

Арслан (58) «лев»: *арслан* (22), *вайля арслан* (31) «сильный лев», *аслан* (1) «лев», *майнасла арслан* (1) «величественный лев», *арслан вайе* (1) «львиная сила», *патмар арслан* (1) «крепкий лев», *пысак арслан* (1) «большой лев».

Лаша (40) «лошадь»: *лаша* (15), *вайля (валя) лаша* (20) «сильная лошадь», *ёсчен лаша* (5) «трудолюбивая лошадь».

Вакяр (15) «бык»: *вакяр* (10), *вайля вакяр* (3) «сильный бык», *макяр* (1) «бык», *ёсрен пярнман вакяр* (1) «бык, не отлынивающий от работы».

Кашкяр (12) «волк»: *кашкяр* (5), *вайля (валя) кашкяр* (7) «сильный волк».

Йытә (5) «собака»: *вайля йытә* (5) «сильная собака».

Ёне (3) «корова»: *ёне* (2), *вайля ёне* (1) «сильная корова».

Слон (3): *вайля слон* (3) «сильный слон».

Кәткә (2) «муравей»: *кәткә* (1), *вайля кәткә* (1) «сильный муравей».

Автан (2) «петух»: *вайля автан* (2) «сильный петух».

Тигр (2): *тигр* (1), *вайля тигр* (1) «сильный тигр».

Пәлан (2) «олень».

Кушак (1) «кошка»: *вайля кушак* (1) «сильная кошка».

Амәрт кайәк (1) «орёл»: *вайля амәрт кайәк* (1) «сильный орёл».

Сысна (1) «свинья»: *вайля сысна* (1) «сильная свинья».

Така (1) «баран»: *вайля така* (1) «сильный баран».

Чёкеç (1) «ласточка».

Тёве (1) «верблюд».

Пәши (1) «лось».

6) «Человек бессовестный». *Йытә* (34) «собака»: *йытә* (3), *йыт аси* (9) «кобель», *кәрт йытти* (9) «сука», «распутник, распутница», *йытә ничё* (5) «собачья морда», *йыт ами* (3) «сука», *йыт сүри* (2) «щенок», *йытәлан* (2) «наглеть», *кәрт ами* (1) «сука», *намәссәр йыт ами* (1) «бесстыжая сука».

Сысна «свинья» (34): *сысна* (31), *намәссәр сысна* (2) «бесстыжая свинья», *сысна сүри* (1) «поросёнок».

Тилё (22) «лиса»: *тилё* (14), *чее тилё* (8) «хитрая лиса».

Кашкяр (16) «волк»: *кашкяр* (15), *высә кашкяр* (1) «голодный волк».

Упӑте (14) «обезьяна».

Кушак (13) «кошка».

Җӗлен (9) «змея».

Сурӑх (8) «овца»: *сурӑх* (7), *анра сурӑх* (1) «больная вертячкой овца».

Качака (4) «коза»: *качака* (1), *качака пек (кутӑн)* (3) «упрямая, как коза».

Куккук (4) «кукушка».

Калта (4) «ящерица».

Йӗке хӳре (3) «крыса»: *йӗке хӳре* (2), *вӗскӗн йӗке хӳре* (1) «хвастливая крыса».

Шӑши (3) «мышь».

Упа (2) «медведь».

Анчӑк (2) «щенок».

Выльӑх (2) «скот».

Ӗне (2) «корова».

Чӑх (2) «курица».

Ашак (2) «осёл».

Пакиа (1) «белка».

Така (1) «баран».

Мулкач (1) «заяц».

Вӑкӑр (1) «бык».

7) «Человек легкомысленный, несерьёзный». *Упӑте* (52) «обезьяна»: *упӑте* (50), *вӗскӗн упӑте* (1) «хвастливая обезьяна», *упӑсан* (1) «обезьяна».

Тилӗ (24) «лиса»: *тилӗ* (16), *вӗскӗн тилӗ* (2) «хвастливая лиса», *чее тилӗ* (6) «хитрая лиса».

Качака (21) «коза»: *качака* (19), *җӑмӑлттай качака* (2) «легкомысленная коза».

Кушак (14) «кошка»: *кушак* (10), *вӗскӗн кушак* (3) «хвастливая кошка», *кушак ами* (1) «кошка (самка)».

Мулкач (12) «заяц».

Куккук (11) «кукушка».

Йытӑ (9) «собака»: *йытӑ* (4), *вӗскӗн йытӑ* (2) «хвастливая собака», *йыт ами* (1) «сука», *вӗскӗн йыт ами* (1) «хвастливая сука», *йыт аҫи* (1) «кобель».

Сурӑх (8) «овца»: *сурӑх* (7), *сурӑх пек айван* (1) «глупая, как овца».

Чӑх(ӑ) (7) «курица».

Арлан (5) «хомяк».

Лёпёш (4) «бабочка».

Чакак (3) «сорока»: *чее чакак* (3) «хитрая сорока».

Сысна (3) «свинья».

Ѕерґи (3) «воробей»: *ѕерґи нек чёвёлтетет* (3) «щебечет, как воробей».

Тәмана (3) «сова».

Йёке хуре (3) «крыса».

Ашак (2) «осёл».

Кашкәр (2) «волк».

Пәру (2) «телёнок».

Попугай (2).

Курак (1) «грач».

Ёне (1) «корова».

Куян (1) «заяц»: *ҫәмәлттай куян* (1) «легкомысленный заяц».

Тәрна (1) «журавль».

Упа (1) «медведь»: *айван упа* (1) «глупый медведь».

Шәна (1) «муха».

Шәши (1) «мышь».

8) «Человек неаккуратный, неряшливый». *Сысна* (192): *сысна* (163), *сысна ҫури* (10) «поросёнок», *тирпейсёр сысна* (8) «неряшливая свинья», *таса мар сысна* (3) «нечистоплотная свинья», *лапра сысна* (2) «грязная свинья», *сысна нек лапәрчәк (лапәрчәк)* (2) «грязная, как свинья», *сысна лачака тупать* (2) «свинья грязь найдёт», *чушкә* (1) «чушка», *хир сысни* (1) «кабан, дикая свинья».

Упәте (17) «обезьяна»: *упәте* (13), *упәте ҫури* (3) «детёныш обезьяны», *пахчари упәте* (1) «садовая обезьяна».

Упа (10) «медведь».

Ёне (9) «корова»: *ёне* (8), *ёне пичё* (1) «коровья морда».

Кашкәр (6) «волк».

Вәкәр (4) «бык»: *вәкәр* (3), *вәкәр нек усал* (1) «злой, как бык».

Пәру (3) «телёнок».

Арлан (3) «хомяк».

Чәх(ә) (2) «курица».

Йытә (2) «собака».

Качака (2) «коза».

Суккӑр пӑван (1) «слепень».

Выльӑх (1) «скот».

Сурӑх (1) «овца».

Слон (1).

Шапа (1) «лягушка».

10) «Человек красивый, стройный». *Кушак* (70) «кошка, кот»: *кушак* (67), *чее кушак нек хитре* (1) «красивая, как хитрая кошка», *кушак нек илемӗ* (1) «красивая, как кошка», *хитре кушак* (1) «красивая кошка».

Тилӗ (47) «лиса»: *тилӗ* (35), *хитре тилӗ* (12) «красивая лиса».

Лаша (33) «лошадь»: *лаша* (31), *лаша нек йӑрӑс* (2) «стройная, как лошадь».

Акӑш (18) «лебедь»: *акӑш* (16), *акӑш нек хитре* (2) «красивый, как лебедь».

Пӑлан (10) «олень».

Павлин (9): *павлин* (5), *павлин нек хитре* (4) «красивый, как павлин».

Автан (9) «петух».

Кашкӑр (8) «волк».

Кайӑк (4) «птица»: *кайӑк* (1), *хитре кайӑк* (3) «красивая птица».

Ӑмӑрт кайӑк (4) «орёл».

Мулкач (4) «заяц».

Арӑслан (4) «лев».

Арлан (3): *арлан* (1) «хомяк», *хитре арлан* (2) «красивый хомяк».

Упа (3) «медведь»: *упа* (2), *чапрас упа* (1) «косопалый медведь».

Чӗкеç (3) «ласточка», «касатка»: *чӗкеç* (1), *чӗкеç нек хитре* (2) «красивая, как ласточка».

Йытӑ (3) «собака».

Ӗне (3) «корова».

Тигр (3).

Пакша (2) «белка»: *пакша* (1), *пакша нек чипер* (1) «красивая, как белка».

Чӑх(ӑ) (2) «курица».

Пӑши (2) «лось».

Кайӑк-кӗшӗк (1) «пернатые, птицы».

Ту качаки (1) «горный козёл».

Пӑру (1) «телёнок».

Чарлан (1) «цапля», «чайка».

Кӑркка (1) «индюк».

Тәрна (1) «журавль».

Упәте (1) «обезьяна».

Шәнкәрч (1) «скворец».

Шәпчәк (1) «соловей».

Сурәх (1) «овца».

Кәш (1) «соболь».

Вәкәр (1) «бык».

Рыс (1) «рысь».

Антилопа (1).

Попугай (1).

Жираф (1).

Кролик (1).

11) «Человек слабый». *Мулкач* (73) «заяц»: *мулкач* (58), *хәрәвсә мулкач* (12) «трусливый заяц», *мулкач пек шикленнә* (2) «испугался, как заяц», *мулкач хәраххи* (1) «подобный зайцу».

Шәши (55) «мышь»: *шәши* (50), *вәйсәр шәши* (2) «бессильная мышь», *шәши вәйе* (2) «мышинная сила», *пәчәк шәши* (1) «маленькая мышь».

Пәру (38) «телёнок»: *пәру* (21), *сүламан пәру* (7) «неоближенный телёнок; недотёпа», *мемме пәру* (6) «безвольный телёнок; размазня», *чәкәреллә пәру* (1) «страдающий поносом телёнок», *пәчәк пәру* (1) «маленький телёнок», *тин сүралнә пәру* (1) «новорожденный телёнок», *пуру* (1) «телёнок».

Чәх(ә) (24) «курица»: *чәх(ә)* (10), *чәх пек вәйсәр* (6) «бессильный, как курица», *чәх чәппи* (5) «цыплёнок», *чәх чәппи пек ан тәр* (2) «не стой как цыплёнок», *чәх пек саванат* (1) «радуется, как курица».

Арлан (15) «хозяин».

Кролик (9).

Кушак (6) «кошка»: *кушак* (3), *кушак сүри* (2) «котёнок», *мәскән кушак* (1) «жалкая кошка».

Йытә (4): *йыт(ә) сүри* (4) «щенок».

Черепаша (3).

Путек (2) «ягнёнок», «козлёнок».

Тимёр шапа (2) «черепаша».

Шапа (2) «лягушка».

Әне (2) «корова».

Чёрён (2) «ёж».

Лаша (1) «лошадь»: *вилнё лаша* (1) «мёртвая лошадь».

Сысна (1) «свинья»: *сысна сѳури* (1) «поросёнок».

Кушак каййак (1) «мышь».

Серси (1) «воробей».

Тярна (1) «журавль».

Тиха (1) «жеребёнок».

Упӑте (1) «обезьяна».

Вӑрӑм туна (1) «комар».

Упа (1) «медведь».

Автан (1) «петух».

Пакша (1) «белка».

Каййак (1) «птица».

Качака (1) «коза».

Каюра (1) «крот».

Ашак (1) «осёл».

Куян (1) «заяц».

Итак, самые частотные реакции: хитрый человек – *тилё*, жадный человек – *кашкӑр*, глупый, недалёкий человек – *сурӑх*, опасный, злой человек – *кашкӑр*, сильный человек – *упа*, бессовестный человек – *йытӑ*, *сысна*, легкомысленный, несерьёзный человек – *упӑте*, неаккуратный, неряшливый человек – *сысна*, красивый, стройный человек – *кушак*, слабый человек – *мулкач*. В большинстве случаев респондентами указаны реакции – названия млекопитающих, реже встречаются названия других групп животных (птиц, земноводных, пресмыкающихся, насекомых). Среди ответов зафиксированы сочетания с характеризующими прилагательными: *вайӑлӑ*, *тискер*, *хыт кукар*, *хытӑ*, *чее*, *сӑткӑн*, *чунсӑр*, *пуçсӑр*, вероятно, наличие определяющих слов отчасти объясняется условиями эксперимента. Следует также отметить связь эмоций с полом характеризуемого человека. Так, одним респондентом записано, что красивый, стройный человек ассоциируется с онимами: *акӑш* «лебедь» (если связано с девушкой), *кашкӑр* «волк» (если связано с мужчиной).

При проведении следующего этапа ассоциативного эксперимента респондентам нужно было вспомнить чувашские пословицы и поговорки, связанные с названиями отдельных животных.

Ёне «корова»:

- Ёне сёчё чёлхи шинче (вёсёнче) (53)* – молоко коровы на её языке (на кончике языка).
- Ёне хура та, сёчё шуря (17)* – корова чёрная, да молоко белое.
- Ёне силлинче сёт йўсмест (11)* – в коровьем вымени молоко не прокисает.
- Ёне – сур пурнăс тет (11)* – говорят, корова – полжизни.
- Вилнё ёнен сёчё тутля (9)* – молоко у умершей коровы было вкусным.
- Ёне пулсан ёс (пурнăс) пулать (8)* – если будет корова, будет и дело (жизнь).
- Ёне хыраьне арна пăсмасть (7)* – живот коровы мякина не испортит.
- Ёне тăранать, улпут тăранмасть (3)* – корова насыщается, помещик не насыщается.
- Ёне хайён пăруине сёксе вёлернё (3)* – корова своего телёнка забодала.
- Ёне качака пек тутля сёт парать (2)* – корова, как коза, даёт вкусное молоко.
- Ёне пулсан высă юлмастăн (2)* – если будет корова, голодным не останешься.
- Ёнесёр пурнăс сук (2)* – без коровы нет жизни.
- Ёне вилсен юр-вар пётет (2)* – со смертью коровы продукты закончатся.
- Ёне пулсан сёмье тутă (2)* – есть корова – семья сыта.
- Ёнесёр хёраьмăн ёс сук теçсё (2)* – говорят, что без коровы у женщины нет работы.
- Ёне пулни – сёмье тутă пурăнни (2)* – наличие коровы – сытая жизнь семьи.
- Ёне шинче хăмăт килёшмест (2)* – корове хомут не идёт.
- Ёне пулсан сёт пулать, сёт пулсан турăх та пулать (2)* – если будет корова, будет молоко, если будет молоко, будет и кефир.
- Ёне пулсан сёт пулё, сёт пулсан хайма пулё (2)* – если будет корова, будет молоко, если будет молоко, будет сметана.
- Ёне пур – сёт пур (2)* – есть корова – есть молоко.
- Ёне сёчёне, сын вайне (2)* – корова молоком, человек силой.
- Ёне тутля апат анчах сует (1)* – корова ест только вкусную пищу.
- Ёне пур – тус пур (1)* – есть корова – есть друг.
- Сёт ёне чёлхи шинче, сăмах сын чёлхи шинче (1)* – молоко у коровы на языке, слово на языке у человека.
- Усал ёне сёкет, усал сын пуса сует (1)* – злая корова бодается, злой человек погубит.
- Ёnene сытармасан сёт пулмасть (1)* – если корову не кормить, молока не будет.
- Ёне пулсан высă пулмăн (1)* – если будет корова, не будешь голодным.
- Ёне пулсан апат пулать (1)* – будет корова – будет еда.
- Ёне сёмьене тăрантарать (1)* – корова семью кормит.
- Ёнесёр пурнăс – сук пурнăс (1)* – жизнь без коровы – нищая жизнь.

Ёне şeş пёр кунта икё хут сёт парать (1) – только корова за день молоко даёт два раза.
Тутлй сёт ёсме ёне ўстермелле (1) – чтобы пить вкусное молоко, надо вырастить корову.

Ёне пулмасан вилетён! (1) – не будет коровы – умру!

Ёне пулсан пурнйş çамйл (1) – если есть корова, жизнь лёгкая.

Ёнесёр пуян çук (1) – нет богача без коровы.

Ёне пйхан шыв çиет (1) – тот, кто смотрит за коровой, ест воду.

Ёне урине силлесен сивётет (1) – если корова качает ногой, похолодает.

Ёне – хуçалйх пуçё (1) – корова – голова хозяйства.

Ёне пур – ёмёт пур (1) – есть корова – есть мечта.

Ёнене майракинчен кйкараççё (1) – корову за рога привязывают.

Ёне çиллинчен сёт тухса тармасть (1) – из вымени коровы молоко не убегает.

Уру çине ёне пусман (1) – корова на ногу не наступала.

Качака «коза».

Качакан сухалё вйрйм та, йсё кёске (çук) (49) – у козы борода длинная, да ум короткий (отсутствует).

Качакан хыççйн каякан сурйх пуçне çухатнй (12) – тот, кто направился вслед за козой, потерял овечью голову.

Качака – кутйн выльйх (9) – коза – упрямое животное.

Качака – пёчёк ёне (6) – коза – маленькая корова.

Качча кайсан качака йсё кёрет (3) – после замужества приходит ум козы.

Качака йсё çиллинче тет (3) – козлиный ум, говорят, в вымени.

Качакан çймё тесен çймё çук, сёчё тесен сёчё çук (3) – у козы, сказать шерсть – нет шерсти, сказать молоко – нет молока.

Качакана ан кўрентер, атту сексе пйрахать (3) – не обижай козу, иначе забодает.

Каскйн качака ял касать (3) – вороватая коза деревню погубит.

Качакан макйрасси, хёрен куласси (2) – козе лишь бы проблеять, девушке лишь бы похихикать.

Купйстапа качакана хйратрйн (2) – напугал козу капустой.

Качакана кушак тёлёкё курйнмасть (2) – козе кошачьи сны не снятся.

Качака купйста çысан – лаййхха (1) – если коза ест капусту – это к хорошему.

Качакан майраки вйрймрах, тилён пуçё тйнлйрах (1) – у козы рога длиннее, у лисы голова умнее.

Качакана картара ан ёнен, кашкӑра йытӑн ҫуртёнче ан ёнен (1) – не доверяй козе в огороде, не доверяй волку в псарне.

Качакан кутӑнӗ пысӑк (1) – у козы упрямство большое.

Мӑйракаллӑ качака кӗрсе кайӑн вӑрман (1) – рогатая коза забрела в лес.

Качака купӑста касма ӑста, сысна паранкӑ кӑларма ӑста, кушак хуран тасатма ӑста (1) – коза – мастерица есть капусту, свинья – мастерица выкапывать картофель, кошка – мастерица чистить котёл.

Хӑвар качакана купӑста сыхлама (1) – оставь козу сторожить капусту.

Вӑрӑна укҫа сыхлама хушини – качакана пахчана кӗртсе яни некх (1) – велеть вору стеречь деньги – это будто пустить козу в огород.

Качакана сӑрт пултӑр (1) – козе лишь бы была гора.

Качакан йывӑҫ кӑшласси тет (1) – говорят, козе лишь бы обгрызать деревья.

Телей качака мар, мӑйракинен тытма ҫук (1) – счастье не коза, за рога не ухватишь.

Ухмах ҫынпа качака пӗр тӑван (1) – глупый человек и коза – родственники.

Качака шуйттан вьльӑхӗ, ҫынпа вӑрҫӑнмалли вьльӑх (1) – коза – скотина чёрта, из-за неё надо ругаться с людьми.

Качакапа салтакӑн пӗр ҫул (1) – у козы и солдата одна дорога.

Купӑстана вӗренӗ качака мӑйракасӑр тӑрса юлӑ (1) – коза, привыкшая к капусте, осталась без рогов.

Чӑрӑширан вӑрӑм йывӑҫ ҫук, качакаран усал вьльӑх ҫук (1) – нет дерева выше ели, нет скотины злее козы.

Качакан сукмакки пур, ӗҫӗн йӗрки пур (1) – у козы есть тропа, у дела есть порядок.

Качака асатте нек сухалӑ, шуйттан нек мӑйракаллӑ (1) – коза бородата, как дед, рогата, как чёрт.

Качака сухалӑ та, ват ҫын мар, туратлӑ та, йывӑҫ мар, хутаҫлӑ та, ыйткалакан мар (1) – коза бородая, но не старый человек, с ветками, но не дерево, с сумой, но не попрошайка.

Качака шурӑ, качака тёттём, качакаран ни ҫӑм та, ни сёт те (1) – коза белая, коза чёрная, от козы ни шерсти, ни молока.

Качака пулсан сёт пулат (1) – если будет коза, будет молоко.

Качака пулсан ӗҫ пулат (1) – если будет коза, будет работа.

Качака сутӑн чух васкама хушман (1) – когда продаёшь козу, торопиться не велено.

Виҫё качака савакан патне ултӑ ёне савакан кӗвелӗк ыйтма пынӑ (1) – к тому, кто доит трёх коз, доящий шесть коров пришел просить закваску для молока.

Ҫынпа вӑрҫӑнас тесен качака усра (1) – если хочешь ругаться с людьми, держи козу.

Каишкӑр «волк».

Каишкӑра темӗн чухлӗ ҫитерсен те вӑрманалла пӑхатӑ (31) – сколько волка ни корми, всё в лес смотрит.

Каишкӑра ури тӑрантаратӑ (30) – волка ноги кормят.

Каишкӑртан хӑрасан вӑрмана ан кай (21) – если боишься волка, не ходи в лес.

Каишкӑра шӑлӗ тӑрантаратӑ (17) – волка зубы кормят.

Каишкӑрна пурӑнса каишкӑрла ула (14) – с волками жить – по-волчьи выть.

Ёҫ вӑл каишкӑр мар, вӑрмана тармасть (8) – работа не волк, в лес не убежит.

Каишкӑр йӑви шӑмӑсӑр пулмасть (5) – волчье логово без костей не бывает.

Каишкӑр яланах выҫӑ (4) – волк всегда голодный.

Каишкӑр кашаман, уна утаман (4) – волк – кажаман, медведь – атаман.

Вӑрман каишкӑрӗ вӑрманалла пӑхатӑ (4) – лесной волк смотрит в сторону леса.

Вӑре (вӑрме) пӗлмен йытӑ яла каишкӑр кӑнӗ (илсе килет) (4) – собака, не умеющая лаять, зазвала (приводит) в деревню волка.

Каишкӑр картинче качака пурӑнмасть (4) – в волчьем загоне коза не живёт.

Каишкӑр каишкӑра ҫимест (4) – волк волка не ест.

Каишкӑр ашне (какайне) йытӑ ҫимест (4) – волчье мясо собака не ест.

Каишкӑр ҫуринчен каишкӑрах пулатӑ (4) – из детёныша волка будет волк.

Каишкӑртан тарнӑ, уна ҫаварне (патне) лекнӗ (4) – от волка убежал, в медвежью пасть (к медведю) угодил.

Кӗтӳрен юлнӑ сурӑх каишкӑр кулли пулатӑ (4) – овца, отбившаяся от стада, становится посмешищем волка.

Каишкӑр ял енне пӑхатӑ (3) – волк смотрит в сторону деревни.

Каишкӑрна каварла, анчах пӑшална авӑрла (3) – с волком договорись, да ружье заряди.

Каишкӑртан йытӑ (тилӗ) пулас ҫук (3) – волк в собаку (лису) не превратится.

Каишкӑра хырӑм выҫҫи вӑрмантан хуса кӑларатӑ (2) – волка голод из леса выгоняет.

Каишкӑр кӗтӗве пыма вӑренсен инкеке кӗтсе тӑр (2) – если волк научится наведываться в стадо, жди беду.

Каишкӑр каишкӑра катаран куратӑ (2) – волк волка видит издалека.

Каишкӑрне тытман, тирне сутнӑ (2) – волка ещё не поймали, а шкуру уже продали.

Сурăх ылханё кашкăра ситмест (1) – проклятье овцы волка не настигает.

Сурăха кашкăрна пурăнма йывăр (1) – овце тяжело жить с волком.

Кашкăр пулăшан вăрăм туна та лашана ўкерет (1) – если волк поможет, и комар лошадь повалит.

Кашкăр килсен сурăхна ан шыра (1) – придёт волк, не ищи овцу.

Чее мулкач кашкăра сёнтёрнё (1) – хитрый заяц одержал победу над волком.

Кашкăр та сурăхшан куçсуль юхтарнă тет (1) – говорят, и волк из-за овцы слезы лил.

Кашкăрăн хўри – тукмак, шăлё – шак-шак (1) – у волка хвост – тукмак, зубы – шак-шак.

Кашкăр яланах выçă (1) – волк всегда голоден.

Кашкăр кётёвёнке путек-сурăх кураймăн (1) – в волчьей стае ягнят-овец не увидишь.

Кашкăра кашăкпа хăратаймăн (1) – волка ложкой не напугаешь.

Кашкăр чунё сын чунё мар (1) – волчья душа не душа человека.

Кашкăр лашана юташ мар (1) – волк лошади не товарищ.

Кашкăр та аманнă, кашкăр та вилнё (1) – и волк был ранен, и волк погиб.

Кашкăра тилё те суять (1) – волка и лиса обманывает.

Кашкăра вăрман тăрантарать (1) – волка лес кормит.

Кашкăр пек аптратмăш (1) – надоедливый, как волк.

Аманнă кашкăр хытăрах сыртать (1) – раненый волк кусает сильнее.

Сурăх тирне пёркеннё кашкăр (1) – волк в овечьей шкуре.

Кашкăр апачё сукпа сурмалла, тилё апачё супа сурмалла (1) – еда волка наполовину с нуждой, еда лисы наполовину с маслом.

Йытă «собака».

Вёрмен (лăпкă) йытă вăрттăн (хытă) сыртать (25) – нелающая (спокойная) собака тайком (сильно) кусает.

Йытта ури тăрантарать (18) – собаку ноги кормят.

Йытă мăнтăр пулсан хуçине палламасть (курмасть, сыртать) (16) – если собака упитанная, хозяина не узнаёт (не видит, кусает).

Йытă – сыннăн юташё (тусё) (13) – собака – друг человека.

Самър йытă хўрипе вылять (хуçине тапăнать) (9) – упитанная собака играет хвостом (нападает на хозяина).

Ял йытти ял енне пăхать (вёрет) (6) – деревенская собака смотрит (лает) в сторону деревни.

Йытă – кил (пўртён) хуралси (6) – собака – сторож дома.

Йытă ҫын патне хăнăхатъ (ҫыпăҫатъ), кушак – кил патне (5) – собака привыкает (тянется) к человеку, а кошка – к дому.

Йыт нек усал (хаяр) (5) – злой как собака.

Йытă та кил тёлне пёлет (5) – и собака знает, где находится дом.

Усал йытă ураран ҫыртатъ, усал ҫын пуҫа ҫиет (5) – злая собака кусает за ногу, злой человек погубит.

Йытă ҫăварёнчен шăмма илеймён (4) – из собачьей пасти кость не возьмёшь.

Йытăпа кушак нек пурăн (4) – живи как кошка с собакой.

Йытăн хўри кукăр (4) – у собаки хвост кривой.

Йытă чунё ҫын чунё мар (3) – собачья душа не душа человека.

Йытта йытă вилёмё (3) – собаке – собачья смерть.

Икё йытта – пёр пашалу (3) – двум собакам – одна лепёшка.

Йытă варне ҫу пăсмасть (3) – живот собаки масло не испортит.

Йытта тилё тăваймăн (2) – из собаки лису не сделаешь.

Йытă йытта витёр куратъ (2) – собака собаку видит насквозь.

Йытă килти ҫынна вёрмест (2) – собака на домашних не лает.

Йытă – шанчăклă тус (2) – собака – надёжный друг.

Йытă – ҫывăх тус (2) – собака – близкий друг.

Йытăран шанчăклăраххи ҫук (2) – нет надёжнее собаки.

Йытă йытта паллатъ (2) – собака собаку узнаёт.

Йытă хай хўрине вараламасть (таптамасть) (2) – собака свой хвост не пачкает (не топчет).

Йытă та хай урамёнче арыслан (2) – и собака на своей улице – лев.

Урнă йыттăн ури те ҫыртатъ тет (2) – говорят, что у бешеной собаки даже лапа кусается.

Йăпăлти йытта йытă ҫыртмасть (2) – ласковую собаку собака не кусает.

Йытă йытта инҫетрен (аякран) куратъ (2) – собака собаку видит издалека.

Йытăсăр мулках тытаймăн (1) – без собаки зайца не поймаешь.

Вёрентсен йытă та ташиша вёренет (1) – если научить, и собака танец выучит.

Йытă йытта юратмасть (1) – собака собаку не любит.

Йытă йытта юрататъ (1) – собака собаку любит.

Йытă ами хай ачине таҫтан паллатъ (1) – самка собаки своего детёныша узнает издалека.

- Анчак: «Ам!» – тет, хуқи: «Хам!» – тет (1)* – щенок говорит: «Ам!» – хозяин: «Хам!».
- Йытй курсан туя тыт (1)* – бери палку, когда увидишь собаку.
- Сәхә йытта – вёри пашалу (1)* – жадной собаке – горячая лепёшка.
- Йыт хаяр та, ҫынна юратать (1)* – собака хоть и злая, но человека любит.
- Йытй этемён пёрремёи тусё (1)* – собака у человека первый друг.
- Йытй нихәсан та сутмасть (1)* – собака никогда не предаст.
- Йытти ҫын хакне ирттернё тет (1)* – говорят, собака дороже хозяина.
- Йытй пурнәҫё ҫәмәл мар (1)* – собачья жизнь не лёгкая.
- Йытй хәвалакан – ухмах пулакан (1)* – гоняющий собак – дурак.
- Йытй хўрине шухайлать (1)* – собака думает хвостом.
- Вәрттән йытй вайлә ҫыртать (1)* – скрытная собака сильно кусает.
- Улпутән йытти те шайи тытать (1)* – у помещика даже собака мышей ловит.
- Шиклё йытй хыт вёрет (1)* – пугливая собака сильно лает.
- Йытй кушакран хәрамасть (1)* – собака кошку не боится.
- Йытй ҫаварне аш кёрсен каялла тухмасть (1)* – если в собачью пасть мясо попадёт, обратно уже не выйдет.
- Йытй нихәсан та хуҫана ҫыртмасть (1)* – собака никогда хозяина не кусает.
- Ял хушинче йытй выҫй вилмен (1)* – в деревне собака от голода не умерла.
- Кил йытти куян тытас ҫук (1)* – домашняя собака зайца не сможет поймать.
- Килти йытй килех килет (1)* – домашняя собака домой же возвращается.
- Упа «медведь».*
- Упа хәлха ҫине пуснй (15)* – медведь на ухо наступил.
- Упа урине ҫулласах хёл қаҫать (10)* – медведь сосёт лапу, так зимует.
- Упаран хәрасан вәрмана ан ҫўре (ан кай) (9)* – если боишься медведя, в лес не ходи.
- Упа вайлә та, сәнчәрта теҫҫё (9)* – говорят, медведь хоть и сильный, но на цепи.
- Упаран тарнй, кашкәр ҫаварне лекнё (8)* – убежал от медведя, попал в пасть волка.
- Халәх хушинче упа та ташилама вёренет (8)* – среди людей и медведь научится танцевать.
- Упа-утаман (8)* – медведь-атаман.
- Пёр шәтәкра икё упа шәйнәшаймаҫҫё (6)* – в одной яме два медведя не поместятся.
- Аманнй упа усал (5)* – раненый медведь зол.
- Упа – утаман, ик (тәват) урапа утакан (5)* – медведь – утаман (атаман), передвигающийся на двух (четырёх) лапах.

Упаран хӳрасан ҫырла та ҫиейместӳн (4) – если будешь бояться медведя, и ягод не отведаешь.

Упа пылна туслӳ (4) – медведь дружит с мёдом.

Пӳччен пурнӳҫ – упа пурнӳҫӳ (3) – одинокая жизнь – медвежья жизнь.

Упа ӳнене тӳван мар (3) – медведь корове не родственник.

Упа – вӳрман хуҫи (3) – медведь – хозяин леса.

Упана ҫӳнтеркен кашкӳр айне пулнӳ теҫҫӳ (3) – одержавший победу над медведем, говорят, попал в руки волка.

Упа кутне ҫу юраман тенӳ (3) – заднице медведя масло не подходит, говорят.

Упа упа хыҫҫӳн утатӳ (2) – медведь ходит за медведем.

Упа йытта юрайман (2) – медведь собаке не смог угодить.

Ӳҫта упа, унта тирӳ (2) – где медведь, там и шкура.

Упаран хӳтӳлнӳ, кашкӳра ҫулӳхнӳ теҫҫӳ (2) – говорят, спасся от медведя, связался с волком.

Ӳслӳ пулсан упа патне ҫын пымасть (2) – если человек умный, то к медведю не подойдёт.

Упа пыл юрататӳ (2) – медведь любит мёд.

Упа пысӳк та ҫивӳч (1) – медведь большой и шустрый.

Упа мӳкӳрсен вӳрман та чӳтрениӳ (1) – когда рычит медведь, и лес дрожит.

Ҫывӳракан упана ан вӳрат (1) – спящего медведя не буди.

Упа кашкӳртан хӳрамасть (1) – медведь волка не боится.

Упа пек мӳкӳрет (1) – рычит, как медведь.

Упа вӳрманта тирне сутатӳ (1) – медведь в лесу шкуру продаёт.

Упа ташии ташла (1) – танцуй медвежий танец.

Упана вӳлерекен ыр курман (1) – тот, кто убил медведя, счастья не видел.

Ҫурпа упа та тӳратӳ тет (1) – говорят, весной и медведь просыпается.

Патакпа ҫапсан упа та таиӳ вӳренет (1) – если бить палкой, и медведь танцевать научится.

Упа вӳйлӳ та, Ӳслӳ мар (1) – медведь сильный, но неумный.

Упа патӳнче паттӳрланса кӳтарт, упа патне кайиҫчен мар (1) – храбрись рядом с медведем, но не до того, как пойти к нему.

Упа пӳлле ҫуратӳ (1) – медведь разрывает умеючи.

Тытман упан тирне ан су (1) – не сдирай шкуру с непойманного медведя.

Упана велосипедна та ярӑнма вӑрентме пулатъ (1) – медведя можно научить кататься и на велосипеде.

Выҫӑ уна ташламасть (1) – голодный медведь не танцует.

Упана уртарсан туртса ҫуратъ (1) – если медведя привести в бешенство, то он разорвёт.

Кушак «кошка».

Кушака – кула, ӡаӡине – вилӑм (йӑрӑ) (82) – кошке – смех, мышке – смерть (слёзы).

Кушак ҫук ҫӑрте ӡаӡи те патӡа (17) – где нет кошки, и мышь – царица.

Кушак хӡӑн хури ҫине пусмасть (9) – кошка на свой хвост не наступает.

Кушак сӑт тӡӡанасса кӑтет (9) – кошка ждёт, когда прольётся молоко.

Кушака уна тума ҫук (тӡваймӑн) (9) – кошку в медведя не превратишь.

Кушак та ҫемҫерех вырӑн ӡыратъ (юратаъ) (8) – и кошка ищет (любит) место помягче.

Кушак мӑрлататъ, хуҫана юрататъ (6) – кошка мурлычет, хозяина любит.

Кушака ури тӡрантаратъ (5) – кошку ноги кормят.

Кушак хуран тасатма ӡста (4) – кошка – мастерица чистить котёл.

Кушака ӡаӡине хӡратайм(аст)ӑн (4) – кошку мышью не напугаешь.

Кушак сӑт куратъ те, анчах тутти кӑске (3) – кошка и видит молоко, но морда коротка.

Кушак урине кӡвар туртнӑ (3) – кошка выгребла жар лапой.

Кушакна йӡтӡ пек пурӑн (3) – живи как кошка с собакой.

Кушак вилнӑрен ӡаӡи йӑрес ҫук (2) – из-за смерти кошки мышь плакать не станет.

Кушак пурнӑҫӑне пурӑн (2) – живи кошачьей жизнью.

Кушак ӡаӡи юрататъ (2) – кошка любит мышку.

Кушак ҫук ҫӑрте ӡаӡи савӑнатъ (1) – где нет кошки, мышка радуется.

Кушак хӡма юрататъ, ҫын лайххине юрататъ (1) – кошка любит сметану, человек любит хорошее.

Кушак хӡӑн хурина тытаймасть (1) – кошка свой хвост не может поймать.

Кушак ӡаӡине тус мар тет (1) – говорят, что кошка мыши не друг.

Кушак ӡаӡисене тытма ывӑнмасть (1) – кошка мышей ловить не устанет.

Кушак – кӡмака ачи (1) – кошка – дитя печи.

Кушак кӑтес ӡырамасть (1) – кошка угол не ищет.

Кушак сӑт юрататъ, ӑнене сыхлатъ (1) – кошка молоко любит, корову караулит.

Килти кушак мӑрлататма та пӑлет (1) – домашняя кошка и мурлыкать умеет.

Кушак «мър-мър» мърлатать, патаккине търатать (1) – кошка мурлыкает «мур-мур», палку (хвост) поднимает.

Кушак пйшалне търатса сурет (1) – кошка ходит, подняв ружьё (хвост).

Кушак кушака катаран курать (1) – кошка кошку издалека видит.

Кушак йытта курать, хурене хәпартать (1) – кошка видит собаку, поднимает хвост.

Кушак йытәран сәмрәкрах (1) – кошка моложе собаки.

Хура кушак сул кәссан инкек пулатъ (1) – если чёрная кошка перейдёт дорогу, будет несчастье.

Кушак пит сусан хәна килет (1) – если кошка умывается, придёт гость.

Кушак юпа тәрне те хәпартать (1) – кошка залезает и на верх столба.

Кулакана – кушак хури (1) – насмешнику – кошачий хвост.

Шйши «мышь».

Капан айёңче шйши вилмест (21) – мышь под стогом не умирает.

Шйши кәшласа тәва шәтарать (17) – мышь, прогрызая, в горе сделает дыру.

Кушака сәнсе шйши айне пулнә (15) – победив кошку, попала в руки мыши.

Шйши пур апата пәрремәш пуслать (15) – мышь первая любую еду пробует.

Шйшишён кушак та арәслан (15) – для мыши и кошка – лев.

Шйши ылханә кушака ситмест (15) – проклятья мыши кошку не настигают.

Шйши шәкә тинёсе пулш (10) – моча мыши – помощь океану.

Шйши пысак мар та, шәлә вәрәм (9) – хоть мышь и небольшая, но зубы у нее длинные.

Шйши те сән тырә юратать (6) – и мышь новое зерно любит.

Слон шйширен хәранә (6) – слон испугался мыши.

Шйши – хир тайшманә (6) – мышь – враг полей.

Шйши хәйён хуринчен вәрәм (нумай) сиеймест (6) – мышь длинее (больше) своего хвоста не может съесть.

Пурари шйши высә вилмен (5) – мышь в срубе от голода не умерла.

Шйшишён кушакран вйли (вәйләрах чәрчун) сук (5) – для мыши нет (зверя) сильнее кошки.

Шйши курнә кушак патшана пәхәнмасть (4) – кошка, видевшая мышь, царю не подчиняется.

Шйширен слон ан ту (4) – не делай из мыши слона.

Шйши сынна та хәратать (3) – мышь и человека пугает.

Шйши – ампар хуши (3) – мышь – хозяйка амбара.

Шайши пёчэк те, шайлэсем сивёч (шёвёр) (3) – мышь хоть и маленькая, но у неё зубы острые.

Шайши умёнче кушак та куштан (3) – перед мышью и кошка щеголь.

Шайши пек хăравçă (3) – трусливый, как мышь.

Шайши пёчэк те, вайё пур (пысăк) (2) – мышь хоть и маленькая, но сила есть (большая).

Çăкăр пулсан шайшисем те пулаççĕ (2) – если будет хлеб, будут и мыши.

Шывран тухнă шайши пек (2) – как мышь, вышедшая из воды.

Шайшисем килтен пушар пуличчен тухаççĕ (тараççĕ) (2) – мыши из дома уходят (убегают) перед пожаром.

Шайши слонран вайлăрах (2) – мышь сильнее слона.

Шайши кушакран хăрать (2) – мышь боится кошку.

Нухрепре касман така çурĕ (2) – в погребе будет ходить нехолощёный козёл.

Шайши тутă – çанăх йўçĕ (1) – мышь сытая – мука горькая.

Шайши пёчэк те, анчах тырă арманне аркатать (1) – мышь хоть и маленькая, но мельницу разрушает.

Шайши апачĕ кĕлетре (1) – еда мыши в амбаре.

Шайши аçтан та хайĕн апатне шыраса тупĕ – (1) мышь всюду поищет и найдёт свою еду.

Шайши карап çинчен тарсан карап путать (1) – если мыши убегают с корабля, корабль утонет.

Шайши пулсан выçă пулатăр (1) – если будут мыши, будете голодными.

Шайши пысăк мар та, тырă пĕрмаях çиет (1) – мышь хоть и небольшая, но зерно всё время ест.

Шайши пысăк мар та, инкекĕ пысăк (1) – мышь хоть и небольшая, но вред большой.

Шайшин те шайлĕ майкалать (1) – и у мыши зубы становятся тупыми.

Хĕлле шайши нумай – тырă начар пулать (1) – если зимой мышей много – зерно плохо уродится.

Шайшисĕр кĕлет çук (1) – нет амбара без мышей.

Шайши кушакран хăрать (1) – мышь боится кошку.

Мăн çын та шайширен хăрама пултарать (1) – и взрослый человек может испугаться мыши.

Шайширен хăрасан тырă акас та мар (1) – если бояться мышей, то и не надо сеять зерно.

Шайши пёчэк, хай чее (1) – мышь маленькая, но хитрая.

Шайши туяпа сўрет теççё (1) – говорят, что мышь ходит с палкой.

Шайши шайши кушака сёç ырй (1) – запах мыши хорош лишь для кошки.

Шайши пысак мар та, хаварт чупать (1) – мышь хоть и небольшая, но быстро бежит.

Шайши пулсан тырй юлмасть (1) – если будут мыши, зерна не останется.

Шайши пёчёк, анчах арыслана хьаратать (1) – мышь маленькая, но льва пугает.

Шайши шайтэкра хайне пысак курать (1) – мышь в норе видит себя большой.

Шайши шайшине катаран курать (1) – мышь другую мышь видит издалека.

Шайши кушакран чеерех пулать (1) – мышь бывает хитрее кошки.

Кушак йытран хьарать, шайши – кушакран (1) – кошка боится собаку, мышь – кошку.

Шайши пулсан кушак та пулать (1) – если будет мышь, будет и кошка.

Шайши чее те, кушак чеерех (1) – хоть мышь и хитрая, но кошка хитрее.

Таким образом, названиям животных в составе чувашских пословиц и поговорок придаётся особое, смыслообразующее значение. К примеру, волк (*кашкёр*), собака (*йытй*), мышь (*шайши*), медведь (*упа*) в сознании носителей языка ассоциируются с опасностью, страхом. Названия *шайши*, *кушак* связаны с хитростью, *качака* – с глупостью и упрямством. Именования коровы (*ёне*), козы (*качака*), кошки (*кушак*), собаки (*йытй*) символизируют дом и семейное благополучие. Ассоциации, вызываемые названием *йытй*: «верность», «дружба». Онимы *ёне*, *качака* семантически связаны с пользой, выгодой, зависящей от повседневного труда человека, при этом характеристики этих животных близки: *ёне пулсан сёт пулать* – *качака пулсан сёт пулать*.

В следующем задании респондентам нужно было перевести предложения, в которых содержатся названия животных, с чувашского на русский язык и с русского на чувашский язык. Данный эксперимент направлен на то, чтобы выяснить, как функционируют маммалионимы, в том числе малораспространённые и имеющие диалектные варианты, в речи билингвов. Исследование также позволяет определить переносное значение указанных слов.

Анчак! Калта! Вёрентем эп сана!.. (Л. Агаков) – *Щенок! Ящерица! Проучу я тебя.*

Зафиксированы: *анчак* – маленькая, собака, пёс, жулик, хитрый жук, идиот, сука, сволочь, глупышка, многими респондентами оним оставлен без перевода.

Капан айёнчен юс пэхать (Халэх сям.) – *Из-под стога выглядывает ласка.*

Зафиксированы: *юс* – мышь, горноста́й, хорёк, крыса, животное, кто-то, проныра, хитрый человек (хитрый человек действует по-хитрому).

Чёнмен хана курпун теверен те усал тесе ахаль каламан (Г. Краснов). – *Не зря говорят, что незванный гость хуже (злее) горбатого верблюда.*

Нет других вариантов.

Мышь одолевает – перед голодом; мыши из дому выбираются – перед пожаром (В. Даль). – *Шайишем выслăх умён аптăратаççĕ, шайишем пушар умён килтен тараççĕ.*

Зафиксировано: *мышь – кушак кайăк.*

Я вижу сильного коня (С. Городецкий). – *Эпĕ вайлă ута куратăп.*

Зафиксированы: *конь – айăр, лаша, тиха.*

Метод семантического дифференциала. Данная методика, введённая Ч. Осгудом в 1952 году [228], активно используется в психологических, социологических, психосемантических исследованиях. Основная цель этого ассоциативного эксперимента – определить семантические пространства маммалионимов и выявить аффективные компоненты смыслов, вкладываемых в них, раскрыть особенности восприятия названий «близких» (домашних) и «далёких» (диких) животных. Респондентам предлагалось оценить онимы по набору биполярных градуированных шкал (по 7-балльной шкале) по факторам оценки (отношения) (христианское верование – языческое верование, вера – суеверие, удача – нечистая сила, красивый – отталкивающий, добрый – злой, светлый – тёмный, грубый – нежный, величественный – низменный, мужественный – женственный, большой – маленький, весёлый – грустный, чистый – грязный, старый – молодой, противный – приятный), по факторам силы (лёгкий – тяжелый, твёрдый – мягкий), по факторам активности (активный – пассивный, смирный – буйный, быстрый – медленный, горячий – холодный). В таблице приведены усреднённые оценочные данные, на основании которых можно определить коннотативное значение онимов, связанное с субъективными факторами (жизненным опытом, социальными установками и стереотипами и др.), проследить различия и сходства в восприятии онимов.

(Шкала Ч. Осгуда)

Признак/ Оценка	Ėне ко- рова	Пăру телё- нок	Ку- шак ко- шка	Рыç рысь	Уна мед- ведь	Сыс- на сви- нья	Мул- кач заяц	Су- рăх овца	Арă- слан лев	Чĕ- рĕп ёж	Упă- те обе- зьяна	Ашак осёл
Христиан- ское верование – языческое верование	+1,09	+1,3	+0,13	+0,02	+0,32	+0,99	+0,45	+1,05	+0,46	+0,42	–0,48	+0,6
Вера – суеверие	+0,89	+1,03	–0,13	+0,29	+0,43	+0,64	+0,67	+0,9	+0,46	+0,57	+0,14	+0,46
Удача – нечистая сила	+1,29	+1,13	+0,4	+0,35	+0,52	+0,73	+1,06	+0,99	+0,65	+1,04	+0,48	+0,58

Красивый – отталкива- ющий	+1,54	+1,73	+2,3	+1,72	+1,04	–0,36	+1,9	+1,27	+1,79	+1,67	+0,24	+0,57
Добрый – злой	+1,92	+1,85	+1,9	–0,4	–0,59	+0,55	+1,59	+1,16	–0,68	+1,7	+0,34	+1,17
Светлый – тёмный	+1,24	+1,24	+1,27	+0,55	–0,5	+0,63	+1,67	+1,27	+0,54	+0,45	0	+0,99
Грубый – нежный	–0,71	–0,61	–1,64	+0,85	+1,37	+0,15	–1,28	–0,76	+0,95	–0,25	+0,24	+0,34
Величест- венный – низменный	+0,59	+0,39	+1,04	+1,29	+1,84	–0,29	–0,17	+0,15	+2,29	+0,34	–0,19	+0,25
Мужест- венный – женствен- ный	–0,5	+0,51	–0,25	+1,46	+2	–0,02	–0,55	–0,14	+2,32	+0,5	+0,5	+0,47
Большой – маленький	+1,99	+0,1	–1,03	+0,93	+2,34	+1,49	–1,99	+0,07	+2,45	–1,54	–0,67	+0,82
Весёлый – грустный	+0,44	+1,26	+1,53	+0,44	–0,12	+0,95	+0,88	+0,66	+0,06	+0,07	+1,62	+0,38
Лёгкий – тяжёлый	–1,15	–0,22	+1,81	+0,02	–2,01	–1,6	+1,41	+0,06	–1,44	+1,74	+1,06	–0,54
Чистый – грязный	+0,41	+0,89	+1,68	+1,08	+0,12	–1,5	+1,17	+0,77	+0,97	+1,3	+0,56	+0,8
Горячий – холодный	+0,9	+0,62	+0,72	+0,72	+0,58	+0,54	+0,6	+0,54	+1,03	+0,52	+0,5	+0,43
Твёрдый – мягкий	–0,54	–0,13	–1,35	–0,21	–0,27	–0,39	–1,09	–0,72	+0,23	+0,82	–0,63	0
Старый – молодой	+0,01	–1,21	–0,84	–0,42	+0,26	–0,24	–0,76	–0,04	+0,05	–0,06	–0,3	+0,41
Быстрый – медленный	+0,28	+1,64	+2,08	+2,13	+0,08	–0,21	+2,1	+1,02	+2,19	–0,06	+2,06	+0,51
Против- ный – приятный	–0,73	–0,98	–1,73	–0,64	–0,22	+0,93	–1,43	–0,59	–0,64	–1,06	–0,45	–0,37
Активный – пассивный	+0,7	+1,9	+2,03	+1,94	+0,2	+0,04	+2,13	+1,04	+1,88	+0,76	+1,58	+0,57
Смирный – буйный	+0,43	–0,43	–0,02	–0,68	–0,97	–0,4	–0,16	–0,04	–0,98	+0,92	–0,86	+0,65

Выводы по главе 3

Чувашские названия животных образованы от именных, глагольных основ, а также от имитативов, звукоподражаний, междометий и символических звукосочетаний с помощью

словообразовательных аффиксов, которые также несут свои значения и проявляют их в составе онимов. Активно участвуют в современном словопроизводстве аффиксы *-лӑх/-лӗх*, *-мӑш*, *-лан*, *-ан*, *-ӗӗ*, *-ук*, *-мас/-мес*, а также аффиксы субъективной оценки *-шка/-шке*, *-и*, *-ка*, *-ки*, *-ха*, *-хи*. При этом аффиксация не является продуктивным способом образования маммалионимов, так как большинство названий относится к древнему пласту лексики.

Основная часть названий животных в форме парных слов образована на основе ассоциативных корреляций. Также встречаются конструкции, связанные синонимическими отношениями. В языке парные слова приобретают собирательное значение и называют животных определенного класса или вида в целом.

Видовые названия животных представлены именными определительными сочетаниями, в том числе конструкциями изафета I, II и IV типа, распространены образования с компонентами *вӑрман*, *хир*, *ӗӗр*. Именования по полу и возрасту «полезных» домашних животных, как и в остальных тюркских языках, образованы супплетивацией. Половозрастные названия животных «второго ранга» образованы аналитически с помощью слов-детерминантов *ама*, *аӗа*, *ӗӗӗ*, *ӗӗӗр* (*ӗӗра*). Отдельные чувашские маммалионимы представлены сложными и редупликативными словами, кальками.

Субъективные семантические поля названий животных определены с помощью ассоциативного эксперимента. Самые частотные реакции: хитрый человек – *тиӗ*, жадный человек – *кашкӑр*, глупый, недалёкий человек – *сурӑх*, опасный, злой человек – *кашкӑр*, сильный человек – *упа*, бессовестный человек – *йытӑ*, *сысна*, легкомысленный, несерьёзный человек – *упӑте*, неаккуратный, неряшливый человек – *сысна*, красивый, стройный человек – *кушак*, слабый человек – *мулкач*. При этом в составе пословиц и поговорок маммалионимы приобретают дополнительные оттенки значений: *кашкӑр* «волк», *йытӑ* «собака», *шӑши* «мышь», *упа* «медведь» ассоциируются с опасностью, страхом, *шӑши* «мышь», *кушак* «кошка» – с хитростью, *качака* «коза» – с глупостью и упрямством, *йытӑ* «собака» – с верностью, дружбой. Восприятие животных носителями языка связано с личным жизненным опытом, социальными установками и стереотипами. При этом отдельные понятия могут быть наиболее близки к определённым факторам. Так, наиболее соответствующими понятию «христианское верование» являются названия *ӗне*, *пӑру*, *сурӑх*, *сысна* (самое близкое название – *ӗне*), а понятию «языческое верование» – *упӑте*. В сознании носителей языка ни один маммалионим не вызывает абсолютную ассоциацию ни с факторами оценки (отношения), ни с факторами силы, ни с факторами активности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Большинство названий животных имеет общетюркский характер и отражает историю развития чувашского языка – языка тюркской группы. Также наличествуют маммалионимы, заимствованные из русского, татарского, марийского, персидского и других языков. В процессе функционирования отдельные названия (общетюркские и заимствованные) подверглись изменениям на фонетическом, семантическом и структурном уровнях.

Большинство чувашских названий животных чувашского языка имеет параллели в тюркских языках: *кашкӑр* «волк», *акар йытти* «борзая собака», *юс* «горностай», «ласка», *сысна* «свинья», *пушмак* «двухгодовалая телка», «двухгодовалый теленок», *сурӑх* «овца», *путек* «ягненок, козленок», *куян* «заяц», *арлан* «хомяк», *шу шӑши* «водяная мышь», *пӗл* «слон». При этом значительная часть названий, носящих общетюркский характер, имеет параллели в алтайских языках, причем близость форм объясняется не только существованием единой праалтайской формы, но и проникновением онима из отдельной группы алтайских языков: *кайӑк* «дикое животное, дикая птица, зверь вообще, заяц, мышь», *йӑпар* «выхухоль», *чӗрӗп* «ёж», *йытӑ* «собака», *тилӗ* «лисица, лиса», *упа* «медведь», *сӑсар* «куница», *кӑш* «соболь», *пӑсара* «хорь; хорёк (зверёк)», *пурӑш* «барсук», *ӑтӑр* «выдра», *сӗлевӗс* «рысь», *арӑслан* «лев», *лаша* «лошадь», *ут* «лошадь», «конь», *урхамах* «аргамак, дикая, неприрученная лошадь», *ӑйӑр* «жеребец», *кӗсре* «кобыла, кобылица, конематка», *тиха* «жеребенок», *хӑм* «жеребенок», *капан* «кабан», *пӑши* «лось», *теки (тики)* «лось», *пӑлан* «олень», *ёне* «корова», *вӑкӑр* «бык, вол», *тына* «телка», *пӑру* «теленка», *качака* «коза», *така* «баран, самец», *тӗве* «верблюд», *куян* «заяц», *сӑвӑр* «сурок», *йӑмран* «суслик», *хӑма* «бобр, соболь, выдра», *йалма(н)* «тушканчик», *ашак* «осёл», *хӑнтӑр* «бобёр», *шӑши* «мышь».

Среди названий млекопитающих обнаруживаются иноязычные элементы. Так, маммалионимы *янавар* «животное» (перс. جالور (*джанвӑр*) «животное», «зверь»; جان «душа», وأر «обладающий», «имеющий», «одаренный»), *чӗрӗп* «ёж» (перс. کربو (*керпу*) «ёж»), *маймӑл* «обезьяна, мартышка» (перс. نومى (*мӗимун*) «обезьяна») – персидского происхождения. Название *мулкач* «заяц» (удм. *мулдукеч; удм. му «земля», удм. луд «поле», удм. кеч «коза», «козочка») заимствовано из удмуртского языка, оним *морен* «заяц-русак» проник из марийского языка. У названий *юс* «горностай» (перс. اس), *сӑсар* «куница» (перс. *susmar*) соответствующие параллели выявлены в персидском языке, у онима *хӑнтӑр* «бобёр» – в финно-угорских, арабском, персидском языках, у маммалионимов *упӑте* «обезьяна», *пӗл* (*пил*) «слон» – в арабском и персидском языках, у слов *шашкӑ* «норка», *кӑш* «соболь» – в

самодийских языках уральской языковой семьи, у названия *тына* «телка» – в древнеиндоиранском языке, у маммалионима *пушмак* «двухгодовалая телка, двухгодовалый теленок» – в корейском языке, у чув. *лаша* «лошадь» (тюрк. *аласа*), у чув. *пӑлан* «олень» (тюрк. *булан*) – в китайском языке, у слов *анчӑк* «щенок; собака, пёс», *ӑтӑр* «выдра», *сысна* «свинья» – в индоевропейских языках. Через татарский язык заимствованы: *кашкӑр* «волк», *сӑсар* «жуница», *йечче*, *йечче йус* «ласка», *арӑслан* «лев», *лаша* «лошадь», *куян* «заяц». Из славянских языков и непосредственно из русского языка в чувашский язык проникли названия: *вӗшле йытӑ*, *пурсуй* «борзая собака», *шавк(к)а* «маленькая собачка, шавка», *йечче*, *йечче йус* «ласка (зверек)», *кушак* «кошка», *рыс* «рысь», *кенешке*, *кенӑшкӑ* «жеребёнок», *пӑши* «лось», *упӑте* «обезьяна», *пӑран* «ягнёнок», *пурам*, *пуран* «выкидыш», *пакша (вакша)* «белка», *упишан* «обезьяна». Чув. *арлан* проникло в марийский, удмуртский языки из чувашского. Название *няхха* (нях-нях, *нӑухха*) заимствовано из монгольского языка.

На почве чувашского языка образованы маммалионимы *выльӑх* «скот, скотина», *сара* *сӗрси* «летучая мышь», *каюра* «крот», *сукӑр шӑши* «крот», *сӗр-сӑран* «крот», а также табуистические названия хищников *тукмак* «волк», *шӑнӑр хӗре* «волк», *сӗс-хӗре* «волк», *вӑрман кушакӑ*, *хир кушакӑ* «рысь», *уй сысни*, *хир сысни*, *кайӑк сысна* «кабан, дикая свинья», *хир ёни* «лось», *корпунӑ* *выльӑх* «верблюд», *пӗр курпунӑ* *тӗве* «одногогорбый верблюд», *икӗ курпунӑ* *тӗве* «двугорбый верблюд», *катӑк тота* «заяц (косой)», *чалӑш коҫ* «заяц (косой)», *килти куйан* «кролик», *Сибирти пакша (вакша)* «бурундук», *тыркас*, *пичук*, *сӗр мӑлкаҫӑ* «суслик», *сӗр кайӑкӑ* «тушканчик», *сӗр мулкачи*, *хир мулкачи* «тушканчик», *кушак кайӑкӑ* «мышь», *вӑрман йытти* «название какого-то живого существа», *авӑн шӑши*, *сӗмел кайӑк(ё)* «полевая мышь, полёвка», *йӗке хӗре*, *пысӑк шӑри*, *мӑнӑ шӑши* «крыса», *хир куйанӑ* «заяц (степняк)», *хир качаки* «косуля», *хирти кайӑк* «зверь», *сын сийен* «медведь», *кӑткӑ упи* «медведь-муравьятник», *кайӑк хуҫа (хоҫа)* «хищные звери», *куӑр хӗре* «волк или собака», а также названия животных, используемых в специальных (ритуальных, обрядовых и т.п.) целях: *карта тӗс* «домашнее животное, приносимое в жертву», *парне выльӑхӑ* «жертвенные животные», *супинкке* «свое, особое имущество, собина (русс.), в чувашской семье недавнего прошлого этим именем обычно называли проданную скотину снохи: лошадь, корову, овец или скотину женатого сына, приобретенную им на собственные средства», *тайан* «скотина, которую получает в подарок молодая по прибытии в дом свекра: лошадь, корова, пара овец», *турӑ тахи* «ягненок, приносимый в жертву», *турӑ пӑруш* «теленка, посвященный божеству в жертву», *чалпаш* «овца, которую получает молодая жена в подарок от свекра при приезде в новый дом»; *чӑк* «жертвенные животные», *шӗлтӗр* «назв. скота, привезенного в качестве

приданого», *хёр лаши* «лошадь, которая возит на свадьбе невесту», *токмаклăх* «обреченный на съедение волков», *мăн выльăх* «крупное домашнее животное», *шыв сысни* «морская свинья (дельфин)», *тискер кайăк* «зверь», *çвер-тискер* «хищный зверь», *çул кайăк* «название животного», *шурă кайăк* «заяц».

Собственно чувашский характер носят подражательные названия животных в детской лексике: *момма, моммо, момом, момо, омми* «волк», *амми, махха, маххи, моххи, моммо, амамми, мукка, мокка, моххо, умум, хамхам* «собака», *меми* «детское название собаки, овцы, коровы», *пиçса* «щенок», *пиçункка, пăси, пăçăкка, пёсик, пçакка, пçик, пçукка, пăрăç, кăтьăка, кăтьăки, кăтьăкки, кăсăкки, кёсёкки, мийук, мяук* «киска, кошка», *пах, пахха, паххи* «лошадь», *мушкар, мук-мук, мукка, мукки, тпрукка, тпруçси, панёски* «корова».

На почве чувашского языка образованы также видовые названия животных по возрасту: *амăш-ай, амăш-айёнчи* «сосун (о жеребятках и телятах)», *амăш-ай тиха, амиай тиха, амиай тьыха, амăш айёнчи тьыха, ёмекен тиха, чёчё тьыхи, çумен тьыха* «жеребенок-сосун», «жеребенок до первой осени», *амăш-ай пăру, амиай пăру, амăш айёнчи пăру* «теленка-сосун», «теленка по первому году», *амăш айёнчи путек* «ягненок по первому году», *чёчё пăрăвё, сёт пăрушё* «теленка-сосун, теленок по первому году», *чупмалли пăру, чопас тына, кусмалли пăру, йертмелли пăру* «телка, готовая к огулу», *картлук, картлă хўре, картнă хўре, хўре картнă тьыха, хўре каснă тьыха* «жеребёнок-стригун».

Маммалионимы *вăкăр (мăкăр)* «бык, вол», *качака* «коза», *куян* «заяц», *пакиа (вакиа)* «белка» можно рассматривать как отымитативные в чувашском языке.

Чувашские и общетюркские онимы образованы по единым словообразовательным моделям. В частности, зафиксированы чувашские названия животных: образованные на основе лексико-семантического способа словообразования, морфологически нечленимые образования, аффиксально производные названия, парные слова, именные определительные сочетания, сложные и редупликативные слова, кальки.

Отдельные зоонимы носят собственно чувашский характер. Народная этимология прослеживается, прежде всего, в большинстве детских слов, носящих подражательный характер, в табуистических именовании, а также в отдельных онимах, образованных на основе метафорического и метонимического переносов. Большинство видовых двухкомпонентных названий указывает или на место обитания животного, или на его предназначение, или на практическое применение, или представляет собой результат ассоциативной связи с наименованием другого животного.

Изучение маммалионимов позволяет проследить некоторые тенденции развития чувашского языка на современном этапе. В частности, в данный пласт лексики продолжает проникать значительное число русских онимов, в том числе в виде калек.

В чувашских названиях животных отражается отношение носителей языка к жизни, религии и миру в целом. Этнолингвистическое и лингвокультурологическое значение онимов прослеживается главным образом в тексте: в произведениях художественной литературы и устного народного творчества. В сознании представителя языковой общности именованья подвергаются переосмыслению, приобретают национально-культурную коннотацию, в отдельных случаях наблюдается перенос свойств и характеристик животного на человека. В названиях животных индивидуальное сознание носителя языка раскрывается через ассоциации, связанные с личной оценкой животного, его внешним видом, размером, местообитанием, практическим значением, употребляемой пищей.

Маммалионимы помогают до некоторой степени раскрыть события многовековой истории, особенности быта и психологии народа, уникальность и красоту чувашского языка.

Список сокращений и условных обозначений

ЭСТЯ – Этимологический словарь тюркских языков

ЭСАЯ – Этимологический словарь алтайских языков

СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков

КЧРС – Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен

ДТС – Древнетюркский словарь

авест. – авестийский

адерб. – азербиджанское (слово взято из «Корневого чувашско-русского словаря»

Н. И. Золотницкого)

аз. диал. – диалект азербайджанского языка

аз., азер., азерб. – азербайджанский

аксуйск. – аксуйский (говор уйгурского языка)

алб., албан. – албанский

алт. – алтайский

алт. В. – алтайский (слово взято из «Словаря алтайского и аладагского наречий»

В. Вербицкого. Казань, 1884)

алт. диал. – диалект алтайского языка

алт. И – алтайский (слово взято из словаря при «Грамматике алтайского языка, составленной членами Алтайской миссии» под редакцией Н. И. Ильминского. Казань, 1869)

англ. – английский

араб. – арабский

арг. – аргаяшский говор башкирского языка

арм. – армянский

арм.-кум. – армяно-куманский

ассир. – ассирийский

бал. диал. – диалект балкарского языка

бал., балк., балкар. – балкарский

баш. диал., башк. диал. – диалект башкирского языка

баш., башк. – башкирский

белудж. – белуджский

бирск. – бирский говор татарского языка

блк. – балкарский

блр. – белорусский

болг. диал. – диалект болгарского языка

болг., болгар. – болгарский

булг., булгар. – болгарский

бур., бурят. – бурятский

бур.-монг. – бурят-монгольский

в.-луж. – верхнелужицкий

вахан. – ваханский

венг. – венгерский

вепс. – вепский

вост.-иран. – восточно-иранский

вот. – вотякский (удмуртский)

вт., вост.-тюрк. – восточнотюркский, восточнотюркские

вятск. – русское областное вятское

г. чер., черемис. (г.) – горное наречие черемисского языка

гаг., гагауз. – гагаузский

греч. – греческий

груз. – грузинский

даг. – дагурский

джаг. – джагатайское (слово взято из «Корневого чувашско-русского словаря»

Н. И. Золотницкого)

др.-булг. – древнебулгарский

др.-в.-нем. – древневерхненемецкий

др.-инд. – древнеиндийский

др.-иран. – древнеиранский

др.-кит. – древнекитайский

др.-кыпч. – древнекыпчакский

др.-монг. – древнемонгольский

др.-польск. – древнепольский

др.-прусс. – древнепруссский

др.-рус., др.-русс., др. русск. — древнерусский

др.-слав., др. слав. — древнеславянский

др.-тат. — древнетатарский

др.-тюрк., др. тюрк. — древнетюркский

др.-уйг. — древнеуйгурский

др.-чув., древнечув. — древнечувашский

древнеобщетюрк. — древнеобщетюркский

древнеяпон. — древнеяпонский

дунс. — дунсянский язык

ен. — язык енисейских рунических памятников

желт. уйг., желтоуйг. — язык жёлтых уйгур

забол. — заболотный говор татарского языка

Замашх. — Замахшари. Монгольский словарь «Мукаддимат ал-адаб», I–II. М.–Л., 1938–1939 (слово взято из «Этимологического словаря чувашского языка» В. Г. Егорова)

и.-е. — индоевропейский

инд. — индийский

иран. — иранский

иргиз. — иргизский говор башкирского языка

итал. — итальянский

ичк. — ичкинский говор татарского языка

к.-калп., каракалп., ккал., ккалп., к. калп., кар. к. — каракалпакский

к.-кирг. — каракиргизский (киргизский)

каб. — кабардинский

каз. диал. — диалект казахского языка

каз., казах. — казахский

каз.-тат., казан., казанско-тат. — казанско-татарский

казан. обл. — русское казанское областное

калм. — калмыцкий

камас. — камасинский

кар. — караимский

кар. г., кар. Г. — галицкий диалект западно-караимского языка

кар. к. — крымский диалект караимского языка

кар. т., карТ. — тракайский диалект западнокараимского языка

- караг., карагасск. – карагасский
 карах. – караханидский
 карач. – карачаевский
 карЛ. – луцкий говор караимского языка
 карс. – карсунский говор татарского языка
 кач. – качинский диалект хакасского языка
 кбал.; кбалк. – карачаево-балкарский
 кир. диал. – диалект киргизского языка
 кир., кирг. – киргизский
 кит. – китайский
 ккир. – каракиргизский
 ккум. – Кодекс Куманикус (слово взято из «Лексики тюркских языков в сравнительном освещении» К. М. Мусаева)
 койб. – койбальский диалект хакасского языка
 койб.-сам. – койбальский-самоедский (по определению Г. Дёрфера), койбальский язык южной группы самодийских языков
 ком., коман. – команский
 коми – коми
 коми ижем. – ижемский диалект языка коми
 конд. – кондаковский говор
 кор. – корейский
 кр.-тат. – крещено-татарский (говоры татар-кряшен)
 крх.-уйг. – караханидско-уйгурский
 крч. – карачаевский
 крым., крым-тат., ктат. – крымско-татарский
 кстр. – русское областное костромское
 кузн. – кузнецкий говор татарского языка
 кум. диал. – диалект кумыкского языка
 кум., кумык. – кумыкский
 курш. – куршинский говор татарского языка
 кыз. – кызыльский диалект хакасского языка
 кыпч. – кыпчакский
 кюэр., кюэрик. – кюэрикский диалект языка чулымских татар

- л. чер., луг. чер., черемис. (л.) – луговое наречие черемисского языка
- лат. – латинский
- латыш., лтш. – латышский
- леб. – лебединский диалект алтайского языка
- лит. – литовский
- лмб. – лямбирский говор татарского языка
- лоб. – лобнорский
- людик. – людиковский
- ма., маньч., маньчж. – маньчжурский
- манс., манси – мансийский (вогульский)
- маньч. сиб. – сибирская группа маньчжурских языков
- мар. – марийский
- мар. волж. – волжский говор лугового наречия марийского языка
- мар. гор., мар. горн., марГ. – горное наречие марийского языка
- мар. кильмез. – кильмезский говор восточного наречия марийского языка
- мар. кукм. – кукморский говор восточного наречия марийского языка
- мар. лесн. – лесной говор горного наречия марийского языка
- мар. липш. – липшинский диалект марийского языка
- мар. малм. – малмыжский говор восточного наречия марийского языка
- мар. менз. – мензелинский говор восточного наречия марийского языка
- мар. яран. – яранский говор марийского языка
- марВ. – восточное наречие марийского языка
- марЛ. – луговое наречие марийского языка
- марСЗ. – северо-западный говор марийского языка
- МК – Махмуд Кашгарский. Диван люгат ат-тюрк (изд. на араб. и тур. языках) (слово взято из «Этимологического словаря чувашского языка» В. Г. Егорова)
- мо., мон., монг. – монгольский, монгольские
- монг. письм., монг.-письм. – монгольский письменный
- монг. халха – халхаский диалект монгольского языка
- монгор. – монгорский
- морд. – мордовский
- мордЭ. – эрзя-мордовский
- н. уд. – нижнеудинский диалект бурят-монгольского языка

- н.-кам.-крш. – нижекамско-кряшенский говор татарского языка
 н.-луж. – нижнелужицкий
 н.-перс. – новоперсидский
 нан. – нанайский
 нан. (Бк) – бикинский говор нанайского языка
 нан. (К-У) – кур-урмийский говор нанайского языка
 нан. (Нх) – найхинский говор нанайского языка
 народнолат. – народно-латинский
 нег. – негидальский
 нем. – немецкий
 ниж. – русское областное нижегородское
 ног. – ногайский
 ног. разг. – ногайский разговорный
 общекыпч. – общекыпчакский
 общетюрк., общетюркск. – общетюркский
 огур. – огурский
 ойр. – ойратский
 олон. – олонецкий
 олч. – олча-тунгусский
 орд. – ордосский
 орок. – орокский
 ороч. – орочский
 орх. – язык орхонских (монгольских, в географическом смысле) рунических памятников древнетюркского каганата
 осет., осетин. – осетинский
 осм., османск. – османский
 остяк.-сам. – остякско-самодийский
 п.-мо., п.-монг. – прамонгольский
 пам. ишк. – ишкашимский памирский
 пам. сгл. – сангличский памирский
 пар. – параньгинский говор татарского языка
 перс. – персидский
 пехл. – пехлевийский

польск. – польский

праалт., ПА – праалтайский

прабулг. – прабулгарский

пракор. – пракорейский

прамонг. – прамонгольский

пратунг. – пратунгусский

пратунг.-маньч. – пратунгусо-маньчжурский

пратюрк. – пратюркский

пряп., пряпон. – пряпонский

протобулг. – протобулгарский

рус. – русский

рус. диал., русск. диал. – диалект русского языка

рус. донск. – русское областное донское

рус. обл. (новорос.) – русское областное новороссийское

рус. обл. (оренб.), рус. оренб., оренб. – русское областное оренбургское

рус. обл. (сиб.), рус. (сиб.) – русское областное сибирское

рус. пск., пск. – русское областное псковское

рус. ряз.; ряз. – русское областное рязанское

рус. томск. – русское областное томское

рус. холмогорск. – холмогорский диалект русского языка

рус., русск. – русский

русс.-цслав. – язык церковнославянских памятников русского извода

С.-В. – северо-восточная группа тюркских языков

С.-З. – северо-западная группа тюркских языков

с.-хорв., сербохорв. – сербохорватский

саам. – саамский

саг. – сагайский диалект хакасского языка

сакмар. – сакмарский говор башкирского языка

сал. – саларский

сальбин. гов. – сальбинский говор

сам., самод. – самодийский

санскр., скр. – санскрит

сарт. – сартский (узбекский)

сван. — сванский
 сев.-тюрк. — северно-тюркский
 серб. — сербский
 серб.-црк.-слав. — язык церковнославянских памятников сербского извода
 слав. — славянские
 слвц. — словацкий
 словен. — словенский
 словин. — словинско-кашубский
 собств. чув. — собственно чувашское
 совр. чув., современ. чуваш. — современный чувашский
 согд. — согдийский
 сой., сойот. — сойотский
 сол. — солонский
 ср.-кыпч. — среднекыпчакский
 ср.-монг., среднемонг. — среднемонгольский
 ср.-огуз. — среднеогузский
 ср.-тюрк. — среднетюркский
 ср.-уйг. — среднеуйгурский
 срг. — сергачевский говор татарского языка
 средневек.-тюрк. — средневековой тюркский
 ст.-осм. — староосманский
 ст.-слав. — старославянский
 ст.-узб. — староузбекский
 ст.-чув. — старочувашский
 сунд. — сундырский говор чувашского языка
 сюг. — сарыг-югурский
 т.-ма., тунг.-маньч., тунг.-маньчж., ТМ — тунгусо-маньчжурские
 тадж. — таджикский
 тайг. — тайгийский
 тар., тара. — таранчинский говор уйгурского языка
 тат. абд.; абдл.; абдулин. — абдулинский говор татарского языка
 тат. брб. д.; брб. д., бар. — барабинский диалект татарского языка
 тат. глз.; глз. — глазовский подговор нукратовского говора татарского языка

тат. диал. — диалект татарского языка
 тат. дрож.; дрож. — дрожжановский говор татарского языка
 тат. дуб. — дубязский говор татарского языка
 тат. заказ. — заказанская группа говоров татарского языка
 тат. злт.; злт. — златоустовский говор татарского языка
 тат. каз. ар.; каз. ар. — группа татарских говоров Заказанья
 тат. каз. ар.-крш. — говор крещенных татар Заказанья
 тат. карг.; каргалин. — каргалинский говор татарского языка
 тат. кас.; кас. — касимовский говор татарского языка
 тат. кмшл.; кмшл., камышлин. — камышлинский говор татарского языка
 тат. кргл.; кргл. — каргалинский говор татарского языка
 тат. м.-кар. — говор мордвы-каратаев
 тат. мам.; мам. — мамадышский говор татарского языка
 тат. мел.; мел. — мелекесский говор татарского языка
 тат. менз.; менз. — мензелинский говор татарского языка
 тат. миш.; миш. д., миш. — мишарский диалект татарского языка
 тат. нрл. — нурлатский говор татарского языка
 тат. нукр.; нукр. — нукратовский говор татарского языка
 тат. перм.; перм. — пермский говор татарского языка
 тат. сиб. — сибирские диалекты татарского языка
 тат. сред. д.; сред. д. — средний диалект татарского языка
 тат. стрл.; стрл. — стерлитамакский говор татарского языка
 тат. т. кам.-крш. — говор крещенных татар Нижнего Прикамья
 тат. тоб., тат. тбл.; тоб, тбл. — тобольский говор (диалект) татарского языка
 тат. тюм.; тюм. — тюменский говор татарского языка
 тат. хвл.; хвл. — хвалынский говор татарского языка
 тат. чст.; чст. — чистопольский говор татарского языка
 тат., татар., татарск. — татарский
 тел., телеут. — телеутский диалект горноалтайского языка
 тмн. — темниковский говор татарского языка
 ток.-сор. — ток-соранский говор башкирского языка
 том. — томский диалект татарского языка
 тоф. — тофаларский

тохар. В – восточно-тохарский
 трх. – тарханский говор татарского языка
 туб.-ирт.д. – тоболо-иртышский диалект татарского языка
 туба-тюрк. – туба-тюркский
 тув. – тувинский
 тув. тодж. – тоджинский диалект тувинского языка
 тул. – тульский говор русского языка
 тунг., тунгус. – тунгусский
 тур. диал. – диалект турецкого языка
 тур. разг. – турецкое разговорное
 тур., турец. – турецкий
 турец. диалектн. – турецкое диалектное
 турк. диал. – диалект туркменского языка
 турк. разг. – туркменское разговорное
 турк., туркм. – туркменский
 тюрк. – тюркские
 тюрко-тат. – тюрко-татарские
 уд. – удэ́йский
 удм., удмурт. – удмуртский
 уз. диал., узб. диал. – диалект узбекского языка
 уз. ист. – узбекский исторический, относящийся к устаревшим формам языка
 уз., узб., узбек. – узбекский
 уйг. диал. – диалект уйгурского языка
 уйг. Син. – язык уйгуров Синьцзяна
 уйг., уйгур. – уйгурский
 укр. – украинский
 ульч. – ульчский
 ур. – уральский праязык
 ф.-у. – финно-угорские
 фин. – финский
 фин. диал. – диалект финского языка
 х. – халха-монгольский (по определению М. Рясенена)
 хак. – хакасский

хак. диал. — диалект хакасского языка
 халадж. — халаджские говоры
 халх. — халхаский
 хант. — хантыйский
 хинди — хинди
 хорас. — хорасанско-тюркский
 хорв. — хорватский
 хот.-сак. — хотаносакский
 Ц.-В. — центрально-восточная группа тюркских языков
 чаг., чагат. — чагатайский
 чер., черемис. — черемисский (марийский)
 черк. — черкесский
 черн. тат. — черные татары (по определению Н. И. Золотницкого)
 чеш. — чешский
 чеш. диал. — диалект чешского языка
 чув. диал. — диалект чувашского языка
 чув. лит. — чувашское литературное
 чув., чуваш. — чувашский
 шор., шр. — шорский
 шрл. — шарлыкский говор татарского языка
 шум., шумер. — шумерский
 эвен. — эвенский
 эвенк. диал. — диалект эвенкского (эвенкийского) языка
 эвк., эвенк. — эвенкский, эвенкийский
 Ю.-В. — юго-восточная группа тюркских языков
 Ю.-З. — юго-западная группа тюркских языков
 як. диал. — диалект якутского языка
 як., якут. — якутский
 яп., япон. — японский

ЛИТЕРАТУРА

Научные издания

1. Абакумова, О. Б. Семантика отыменного глагола: на материале глаголов, произведенных от названий животных в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01; 10.02.19 / Абакумова Ольга Борисовна. – М., 1994. – 236 с.
2. Анисимов, Р. Н. Названия «диких животных» в составе фразеологизмов якутского языка, характеризующих человека / Р. Н. Анисимов // Северо-восточный гуманитарный вестник. – 2016. – С. 82–88.
3. Ахметьянов, Р. Г. Об *i*- и *ä*-языках древнего Среднего Поволжья / Р. Г. Ахметьянов // *Studia Uralo-Altaica* 30. *Tatarische etymologische Studien* II. – Szeged, 1988. – С. 209–229.
4. Ахметьянов, Р. Г. Краткий историко-этимологический словарь татарского языка / Р. Г. Ахметьянов. – Казань: Татарстан китап нәшрияты, 2001. – 272 с. – На татар. яз.
5. Ахметьянов, Р. Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья / Р. Г. Ахметьянов; отв. ред. Г. Ф. Саттаров. – М.: Наука, 1981. – 144 с.
6. Ахметьянов, Р. Г. Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья / Р. Г. Ахметьянов; отв. ред. М. З. Закиев. – М.: Наука, 1989. – 200 с.
7. Ашмарин, Н. И. Материалы для исследования чувашского языка: в 2 ч. Ч. 1–2 / Н. И. Ашмарин. – Казань, 1898.
8. Ашмарин, Н. И. Словарь чувашского языка = Чăваш сăмахĕсен кĕнеки. Вып. 1–17 / Н. И. Ашмарин. – Казань; Чебоксары: Чувашгосиздат, 1928–1950.
9. Баскаков, Н. А. Каракалпакский язык. В 2 т. Т. I. Материалы по диалектологии / Н. А. Баскаков. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 410 с.
10. Баскаков, Н. А. О тюркских лексических заимствованиях в русском языке / Н. А. Баскаков // Советская тюркология. – 1983. – № 4. – С. 13–20.
11. Баскаков, Н. А. Природа притяжательных определительных словосочетаний и их роль в эволюции сложных синтаксических конструкций в тюркских языках / Н. А. Баскаков // Советская тюркология. – 1971. – № 4 – С. 15–23.
12. Баярсайхан, Б. Лексика животноводства в цэнгэльском диалекте тувинского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Баярсайхан Бадарч. – Новосибирск, 2009. – 190 с.

13. Белова, О. В. Названия и символика животных в памятниках восточно- и южнославянской книжности XII-XVII вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.03 / Белова Ольга Владиславовна. – М., 1996. – 25 с.
14. Бобунова, М. А. Наименования животных в необрядовых лирических песнях Курской губернии / М. А. Бобунова // Курское слово. – 2007. – № 4. – С. 86–93.
15. Боргояков, В. А. Лексика охоты и рыболовства в диалектах хакасского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Боргояков Владислав Александрович. – М., 2001. – 251 с.
16. Борисова, Л. В. Стереотипы традиционного народного сознания и этнокультурные архетипические представления в языковой репрезентации (на материале русского и чувашского языков): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Борисова Людмила Валентиновна. – Казань, 2015. – 467 с.
17. Будагов, Л. З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий со включением употребительнейших слов арабских и персидских и с переводом на русский язык: в 2-х т. / Л. З. Будагов. – Санкт-Петербург: Тип. императ. Акад. наук, 1869–1871.
18. Бурнашева, С. А. Некоторые вопросы лексики татарского языка / С. А. Бурнашева // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Часть четвертая. Лексика / под общ. ред. Н. К. Дмитриева, Н. А. Баскакова. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 115–128.
19. Бурыкин, А. А. О некоторых названиях диких животных в тюркских языках (к этимологии изолированной лексики и оценке характера эволюции тюркских языков в контексте алтайской теории) / А. А. Бурыкин // Российская тюркология. – 2013. – № 1 (8). – С. 31–36.
20. Бухтий, Н. В. Овцеводческая лексика говоров Херсоишины: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Бухтий Николай Владимирович. – Днепропетровск, 1991. – 276 с.
21. Бятикова, О. Н. Лексика рыболовства в татарском литературном языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Бятикова Ольга Николаевна. – Казань, 2003. – 214 с.
22. Васильев, В. М. (Ўпымарий). Марий мутер. Тўрлө верк илыше марийын мутшым танастарен нергелыме книга / В. М. Васильев (Ўпымарий). – Моско: СССР калык-влак рўдō савыктыш, 1926. – 348 с.
23. Вершинин, В. И. Словарь марийских говоров Татарстана и Удмуртии / В. И. Вершинин. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2011. – 794 с.
24. Владимирцов, Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика / Б. Я. Владимирцов. – Л.: Изд. Ленингр. Восточ. ин-та им. А.С. Енукидзе, 1929. – 438 с.

25. Войтик, Л. С. К вопросу о смысловой структуре слова (на материале лексико-семантической группы наименований животных): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Войтик Любовь Семеновна. – Алма-Ата, 1975. – 39 с.
26. Галимова, О. Н. Зоонимы с половой характеристикой как единицы терминосистемы (на материале татарского языка) / О. Н. Галимова // Филол. науки. Вопросы теории и практики. – № 5 (23). – Ч. II. – С. 43–46.
27. Геращенко, А. М. Семантическая структура составных названий млекопитающих в русском, немецком, английском и китайском языках / А. М. Геращенко // Актуальные проблемы современного словообразования. – Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 2009. – С. 74–79.
28. Гордеев, Ф. И. Происхождение марийского народа / Ф. И. Гордеев. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1967. – 306 с.
29. Гордеев, Ф. И. Этимологический словарь марийского языка. Т. 1. А–Б / Ф. И. Гордеев, под ред. И. С. Галкина. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1979. – 256 с.
30. Гукетлова, Ф. Н. Зооморфный код культуры в языковой картине мира: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.02, 10.02.20 / Гукетлова Фатимат Нашировна. – Нальчик, 2009. – 431 с.
31. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. – М.: Рус. яз., 1989–1991.
32. Дегтярев, Г. А. Неологический словарь чувашского языка. Т. 1. А–П / Г. А. Дегтярев. – Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 2003. – 228 с. – На чуваш. яз.
33. Джабарова, К. И. Лингвоспецифические характеристики зоонимов таджикского и узбекского языков и логико-реляционные основы классификации их гетерогенных систем: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Джабарова Курвон Ибрагимовна. – Худжанд, 2013. – 159 с.
34. Дзенискевич, Г. И. К вопросу о культе йереха у чувашей / Г. И. Дзенискевич // Сборник МАЭ. Т. XXVIII. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1972. – С. 221–236.
35. Диалектологический словарь / сост. Н. Б. Бурганова, Г. К. Якупова. – Казань: Татгосиздат, 1953. — 264 с. – На татар. яз.
36. Диалектологический словарь башкирского языка. — Уфа: Китап, 2002. – 432 с. – На башк. яз.
37. Димитриев, А. Д. Русско-чувашский словарь терминов биологии, географии и химии / А. Д. Димитриев. – Чебоксары, 1996. – 160 с.
38. Дмитриев, Н. К. Грамматика башкирского языка / Н. К. Дмитриев. – М.; Л.: АН СССР, 1948. – 276 с.

39. Дмитриев, Н. К. Грамматика кумыкского языка / Н. К. Дмитриев. – М.; Л.: АН СССР, 1940. – 206 с.
40. Дмитриев, Н. К. Строй тюркских языков / Н. К. Дмитриев. – М.: Изд-во вост. лит., 1962. – 608 с.
41. Добродомов, И. Г. Буртасский язык – исчезнувший аланский диалект в Среднем Поволжье / И. Г. Добродомов // *Uralo-Indogermanica: Балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей*. Ч. 2. – М.: Ин-т славяноведения и балканистики, 1990. – С. 64–70.
42. Добродомов, И. Г. Некоторые вопросы изучения тюркизмов в русском языке / И. Г. Добродомов // *Вопросы лексики и грамматики русского языка*. – М., 1967. – С. 364–374. – Режим доступа: <http://philology.ru/linguistics2/dobrodomov-67.htm>
43. Древнетюркский словарь / ред.: В.М. Наделяев [и др.]. – Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1969. – 676 с.
44. Дуйшеналиева, Т. Киргизские народные термины животноводства: дис. ... канд. филол. наук / Дуйшеналиева Т. – Фрунзе, 1969. – 256 с.
45. Дыбо, А. В. Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд. Пратюркский период / А. В. Дыбо. – М.: Вост. лит., 2007. – 222 с.
46. Егоров, В. Г. Русско-чувашский словарь / В. Г. Егоров, под ред. И. А. Андреева. – Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1960. – 498 с.
47. Егоров, В. Г. Чăвашла-вырăсла словарь / В.Г. Егоров пухса хат. – Шупашкар: Чăваш АССР гос-во изд-ви, 1954. – 320 с.
48. Егоров, В. Г. Чувашско-русский словарь = Чăвашла-вырăсла словарь: ок. 25 000 слов / В. Г. Егоров. – Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1935. – 734 с.
49. Егоров, В. Г. Этимологический словарь чувашского языка / В. Г. Егоров. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. – 356 с.
50. Егоров, В. Г. Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении / В. Г. Егоров. – 2-е изд., испр. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1971. – 204 с.
51. Егоров, Н. И. Избранные труды. Этимология. Этноглоттогенез. Этнолингвокультурология: в 2 т. Т. I / Н. И. Егоров. – Чебоксары: Новое время, 2009. – 854 с.
52. Елова, Р. С. Названия домашних животных в чувашском языке / Р. С. Елова // *Ономастика и языки Урало-Поволжья*. – Чебоксары, 2002. – С. 169–177.
53. Жанабилов, Ш. Казахские названия животных / Ш. Жанабилов; под общ. ред. А. Абдрахманова. – Алма-Ата: Кайнар, 1982. – 151 с.

54. Журавский, А. И. Лексика тюркского происхождения в старобелорусском языке / А. И. Журавский // Тюркизмы в восточнославянских языках // АН СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1974. – С. 79–97.
55. Зайончковский, А. А. К вопросу о структуре корня в тюркских языках / А. А. Зайончковский // Вопросы языкознания. – 1961. – №2. – С. 28–35.
56. Золотницкий, Н. И. Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен / Н. И. Золотницкий. – Казань: Тип. Император. ун-та, 1875. – 279 с.
57. Ибрагимов, К. Древнетюркские названия животных в лексике современных тюркских языков: дис. ... канд. филол. наук / К. Ибрагимов. – М., 1975. – 153 с.
58. Иванова, А. М. Словообразование в чувашском языке – I / А. М. Иванова, Г. Н. Семенова // Вестник Чувашского университета. – 2012. – № 4. – С. 237–242.
59. Иванова, А. М. Словообразование в чувашском языке – III / А. М. Иванова, Г. Н. Семенова // Вестник Чувашского университета. – 2014. – № 3. – С. 80–84.
60. Иванова, А. М. Сравнительно-сопоставительное исследование проблем морфосинтаксиса в чувашском языкознании: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Иванова Алёна Михайловна. – Чебоксары, 2011. – 384 с.
61. Игнатьев, Н. Г. Чăваш ен чĕр чунĕсем: Çавра çăварлисем. Пулăсем. Çĕртишыврисем. Шуса çўрекенсем / Н. Г. Игнатьев, В. М. Шабалкин. – Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2001. – 222 с.
62. Игнатьев, Н. Г. Чăваш ен чĕрчунĕсем. Вĕсен кайăксем / Н. Г. Игнатьев, В. А. Яковлев. – Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1997. – 374 с.
63. Игнатьев, Н. Г. Чăваш ен чĕрчунĕсем. Сĕтпе ўстерекенсем / Н. Г. Игнатьев; ред. Н. К. Кириллов. – Хушса анлăлатнă 2-мĕш кăларăм. – Шупашкар: ИПК «Чуашия», 2016. – 191 с.
64. Игнатьев, Н. Г. Чĕрчун ячĕсен чăваш-вырăс-латин словарь / Н. Г. Игнатьев, И. П. Павлов. – Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1993. – 64 с.
65. Инчина, Ю. А. Национально-культурная специфика фразеологизмов с зоонимным компонентом в триязычной ситуации: на материале русского, английского и немецкого языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Инчина Юлия Анатольевна. – М., 2002. – 210 с.
66. Исаев, Ю. Н. Анималистическая когнция. Метафора и сравнение / Ю. Н. Исаев, В. И. Сергеев, Н. В. Николаева. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2016. – 260 с.

67. Исаев, Ю. Н. Фитонимическая картина мира в разноструктурных языках: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Исаев Юрий Николаевич. – Чебоксары, 2016. – 413 с.
68. Исанбаев, Н. И. Марийско-тюркские языковые контакты. Ч. 1. Татарские и башкирские заимствования / Н. И. Исанбаев. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1989. – 176 с.
69. Ишбердин, Э. Ф. Названия животных и птиц в башкирских говорах: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ишбердин Эрнест Файзрахманович. – Уфа, 1970. – 24 с.
70. Ишбердин, Э. Ф. Принципы номинации и этимологизации слов, относящихся к флоре и фауне / Э. Ф. Ишбердин // Проблемы этимологии тюркских языков / АН СССР; Ин-т языкознания. – Алма-Ата: Гылым, 1990. – С. 337–342.
71. Каййак ячёсен чăвашла-вырăсла, вырăсла-чăвашла вĕрентӳ словарĕ = Словарь чувашских орнитонимов / Л. П. Петровпа Е. Л. Петрова пухса хат. – Шупашкар, 2001. – 27 с.
72. Козлова, Т. В. Семантика фразеологизмов с названиями животных в современном русском языке / Т. В. Козлова. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – 179 с.
73. Копыленко, М. М. О мотивации наименований животных в тюркских языках / М. М. Копыленко // Проблемы этимологии тюркских языков. – Алма-Ата: Гылым, 1990. – С. 102–108.
74. Коркмазова, Л. М. Освоение в русском языке тюркизмов с неясными основами: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Коркмазова Ляля Манафовна. – Махачкала, 2004. – 162 с.
75. Корнилов, Г. Е. Алтайские параллели к чувашским названиям оленя, верблюда и слона / Г. Е. Корнилов // Проблема общности алтайских языков. – Л.: Наука, 1971. – С. 208–213.
76. Корнилов, Г. Е. Евразийские лексические параллели. К уточнению объема и характера болгаро-чувашско-венгерских лексических параллелей: в 2 ч. Ч. I / Г. Е. Корнилов. – Чебоксары, 1973. – 298 с.
77. Корнилов, Г. Е. Имитативы в чувашском языке / Г. Е. Корнилов, под ред. Н. А. Баскакова. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1984. – 184 с.
78. Корнилов, Г. Е. К этимологии некоторых чувашских зоонимов / Г. Е. Корнилов // Филология. – Чебоксары, 1970. – С. 220–227. – (Ученые записки / НИИ при Совете Министров Чуваш. АССР; вып. 46).
79. Корнилов, Г. Е. К этимологии чуваш. *мулкач* / *молкач* ‘заяц’ и рус. *-мол-: ко-мол-ый* // Двужычие и контрастивная грамматика. – Чебоксары, 1987. – С. 115–120.

80. Корнилов, Г. Е. О некоторых названиях для лисы / Г. Е. Корнилов // Межъязыковое взаимодействие в Волго-Камье: межвузов. сб. науч. трудов. – Чебоксары: Чуваш. гос. ун-т, 1988. – С. 84–89.
81. Корнилов, Г. Е. Чувашское диалектное название для зайца и проблема русско-чувашских сатэм-кентумных параллелей / Г. Е. Корнилов // Материалы по чувашской диалектологии. – Чебоксары, 1971. – Вып. 4. – С. 29–36.
82. Корш, Ф. Е. О некоторых бытовых словах, заимствованных Древними Славянами из так называемых урало-алтайских языков / Ф. Е. Корш // Записки Императорского Русского Географического Общества по отделению Этнографіи (Сборника въ честь семидесятилѣтія Гр. Н. Потанина). – СПб.: типогр. В. Ф. Киршбаума (отд-ние), 1909. – С. 537–546.
83. Костин, М. К. Русско-чувашский словарь сельскохозяйственных терминов / М. К. Костин. – Чебоксары: Чувашгосиздат, 1959. – 92 с.
84. Косых, Е. А. Название мастей животных в русском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Косых Елена Анатольевна. – М., 1994. – 236 с.
85. Котвич, В. Л. Исследование по алтайским языкам / В. Л. Котвич. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1962. – 372 с.
86. Красильщик, Е. А. Названия домашних животных с точки зрения их физического и физиологического состояния: на материале говоров Костромской и Ярославской областей: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Красильщик Елена Александровна. – Орёл, 2000. – 20 с.
87. Красная книга Чувашской Республики. Т. 1. Ч. 2. Редкие и исчезающие виды животных / И. В. Исаев, А. В. Дмитриев. – Чебоксары: ГУП «ИПК «Чувашия»», 2010. – 428 с.
88. Кривошапова, Ю. А. Русская энтомологическая лексика в этнолингвистическом освещении: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Кривошапова Юлия Александровна. – Екатеринбург, 2007. – 252 с.
89. Кузнецов, А. В. Чуваши в современном мире: языковой портрет билингва / А. В. Кузнецов // Тюркские языки в евразийском пространстве: современное состояние, тенденции и перспективы. – Астана: Изд-во Тюрк. акад., 2012. – С. 283–329.
90. Кузнецова, М. Н. Названия диких и домашних животных в марийском языке / М. Н. Кузнецова. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2010. – 316 с.
91. Лебедева, Е. А. Некоторые названия животных в этнолингвистическом аспекте / Е. А. Лебедева // Ашмаринские чтения: материалы межрегион. науч. конф., Чебоксары, 21–22 окт. 2004 г. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. – С. 126–142.

92. Лебедева, Е. А. Чувашские названия рыб (опыт сравнительно-исторического анализа): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Лебедева Елена Алексеевна. – М., 1982. – 176 с.
93. Левитская, Л. С. Историческая морфология чувашского языка / Л. С. Левитская. – М.: Наука, 1976. – 207 с.
94. Левитская, Л. С. Историческая фонетика чувашского языка: моногр. / Л. С. Левитская; науч. ред. П. Я. Яковлев. – Чебоксары: ЧГИГН, 2014. – 320 с.
95. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
96. Линко, Т. В. Зоонимы в казахском и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Линко Татьяна Вениаминовна. – Алма-Ата, 1989. – 28 с.
97. Лукоянов, Г. В. Марийские заимствования в чувашском языке / Г. В. Лукоянов. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1974. – 119 с.
98. Малафеева, Е. Р. Семантическая структура фразеологизмов с компонентом-зоонимом в современном русском литературном языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Малафеева Екатерина Радиогеловна. – Челябинск, 1989. – 231 с.
99. Марийско-русский словарь / сост. А. А. Асылбаев, В. М. Васильев, П. Г. Рыбакова и др.; Мар. науч.-исслед. ин-т яз., лит. и истории. – М.: ГИС, 1956. – 863 с.
100. Марудова, А. С. Неофициальная номинация домашних животных белорусского поозерья: эмоциональный аспект / А. С. Марудова // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования. – Витебск: Витеб. гос. ун-т, 2016. – С. 314–317.
101. Материалы по чувашской диалектологии. – Чебоксары: Научно-исслед. ин-т при Совете Министров ЧР, 1971. – 168 с.
102. Махмутова, Л. Т. Татарский язык в его отношении к древне-письменному памятнику Codex Cumanicus по данным лексики (Краткий анализ и приложения) / Л. Т. Махмутова // Исследования по исторической диалектологии татарского языка. Вып. 2. – Казань, 1982. – С. 68–135.
103. Миргалимова, З. Ф. Названия млекопитающих в татарском литературном языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Миргалимова Зия Фаниловна. – Казань, 2007. – 241 с.
104. Мифология чувашей: истоки, эволюция и культурные взаимосвязи: материалы межрегион. науч.-практ. конф., Чебоксары, 8 окт. 2015 г. / сост. и отв. ред. А. П. Леонтьев; ЧГИГН. – Чебоксары, 2016. – 286 с.

105. Моисеева, Е. Ю. Отражение народных представлений о животном мире в наименованиях ягод (на материале русского и немецкого языков) / Е. Ю. Моисеева // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2015. – № 10. – С. 62–68.
106. Муратов, С. Н. Устойчивые словосочетания в тюркских языках / С. Н. Муратов. – М.: Изд-во вост. лит., 1961. – 132 с.
107. Мусаев, К. М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении (западно-кыпчакская группа) / К. М. Мусаев. – М.: Наука, 1975. – 360 с.
108. Мухтарова, Г. М. Энтомологическая лексика в татарском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Мухтарова Гульназ Миргаязовна. – Казань, 2009. – 277 с.
109. Надергулов, У. Ф. Животноводческая лексика башкир / У. Ф. Надергулов. – Уфа: Гилем, 2000. – 186 с.
110. Неронова, Н. Б. Наименования птиц в русском языке: семантико-грамматический аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Неронова Наталья Борисовна. – М., 2000. – 255 с.
111. Никольский, Н. В. Краткий чувашско-русский словарь. – Казань: Типо-литография Ун-та, 1919. – 338 с.
112. Никольский, Н. В. Русско-чувашский словарь / Н. В. Никольский. – Казань: Центр. тип., 1909. – 640 с.
113. Новикова, К. А. Иноязычные элементы в тунгусо-маньчжурской лексике, относящейся к животному миру / К. А. Новикова // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков / отв. ред. В. И. Цинциус; АН СССР, Ин-т языкознания. – Л.: Наука, 1972. – С. 104–150.
114. Новикова, К. А. К этимологии названия собаки в тунгусо-маньчжурских языках / К. А. Новикова // Проблема общности алтайских языков. – Л.: Наука, 1971. – С. 178–184.
115. Огдонова, Ц. Ц. Зооморфная лексика как фрагмент русской языковой картины мира: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Огдонова Цырена Цыщыковна. – Иркутск, 2000. – 162 с.
116. Огиенко, И. И. Иноземные элементы в русском языке: История проникновения заимствованных слов в русский язык / И. И. Огиенко. – Киев: Тип. В. П. Бондаренко и П. Ф. Гнездовского, 1915. – 136 с.
117. Одинцов, Г. Ф. Еще раз к этимологии слова лошадь / Г. Ф. Одинцов // Этимология. 1972. – М.: Наука, 1974. – С. 114–128.

118. Одинцов, Г. Ф. История русских названий лошадей (на материале памятников XII–XVII в.): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Одинцов Геннадий Филиппович. – М., 1970. – 353 с.
119. Ольмесов, Р. Н. Сравнительный анализ хозяйственной лексики диалектов кумыкского языка: названия домашних животных и птиц: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Ольмесов Расул Нураматович. – Махачкала, 2003. – 242 с.
120. Петров, Л. П. Чувашская орнитонимия и история ее формирования: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.06 / Петров Леонид Порфирьевич. – Чебоксары, 1995. – 147 с.
121. Петров, Н. П. Чувашская терминология: учеб. пособие / Н. П. Петров. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1979. – 89 с.
122. Поппе, Н. Н. О родственных отношениях чувашского и тюрко-татарских языков / Н. Н. Поппе. – Чебоксары: Чуваш. обл. изд-во, 1925. – 34 с.
123. Пуйо, И. Ю. Скотоводческая лексика украинских говоров района Карпат: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Пуйо Иосиф Юрьевич. – Одесса, 1980. – 186 с.
124. Радлов, В. В. Опыт словаря тюркских наречий: в 4 т. / В. В. Радлов. – Спб.: Тип. Император. Акад. Наук, 1893–1911.
125. Рамазанов, К. Т. Парные слова в тюркских языках юго-западной группы (названия животных, птиц, насекомых) // Советская тюркология. – 1971. – № 6. – С. 101–112.
126. Рамstedт, Г. И. Введение в алтайское языкознание. Морфология: пер. с нем. / Г. И. Рамstedт. – М.: Изд-во иностр. лит., 1957. – 254 с.
127. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителя / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Просвещение, 1985. – 399 с.
128. Русско-чувашский словарь / под ред. И. А. Андреева, Н. П. Петрова. – М.: Сов. энцикл., 1971. – 893 с.
129. Русско-чувашский словарь = Вырăсла-чăвашла сăмах кĕнеки / Т. М. Матвеев. – Шупашкар: Чăваш кĕнеке уйрăмĕ, 1931. – 360 с.
130. Рясенен, М. Об урало-алтайском языковом родстве / М. Рясенен, пер. А. А. Щербакова // Вопросы языкознания. – 1968. – № 1. – С. 43–49.
131. Садыкова, З. Р. Зоонимическая лексика татарского языка / З. Р. Садыкова. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1994. – 129 с.
132. Салмин, А. К. Собака в традиционных представлениях чувашей / А. К. Салмин // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2011. – № 1 (45). – С. 124–128.

133. Салмин, А. К. Традиционные обряды и верования чувашей / А. К. Салмин. – СПб.: Наука, 2010. – 240 с.
134. Салмин, А. К. Чувашский язык в тюрко-монгольском мире / А. К. Салмин // Вестник Чувашского университета. – 2015. – № 2. – С. 217–226.
135. Салмин, А. К. Чувашско-осетинские параллели / А. К. Салмин // Известия СОИГСИ. – 2011. – № 5 (44). – С. 19–25.
136. Санжеев, Г. Д. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. Т. 1 / Г. Д. Санжеев, М. Н. Орловская, З. В. Шевернина; Ин-т востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2015. – 224 с.
137. Сафаров, П. Формирование зоонимической лексики современного узбекского языка по данным исторической грамматики: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.06 / Сафаров Пирназар. – М., 1992. – 19 с.
138. Сафина, Э. И. Названия птиц в татарском языке и их лексикографирование: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Сафина Эльвира Ирфатовна. – Казань, 2005. – 279 с.
139. Севортян, Э. В. Пробные статьи к «этимологическому словарю тюркских языков» (обще- и межтюркские основы) / Э. В. Севортян. – М.: АН СССР, 1966. – 106 с.
140. Севортян, Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на гласные / Э. В. Севортян; АН СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1974. – 768 с.
141. Севортян, Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на букву «Б» / Э. В. Севортян; АН СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1978. – 349 с.
142. Севортян, Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на букву «В», «Г» и «Д» / Э. В. Севортян; АН СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1980. – 395 с.
143. Севортян, Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на букву «Ж», «Ж», «Й» / [Э. В. Севортян, Л.С. Левитская]; АН СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1989. – 291 с.
144. Семенова, Г. Н. Словообразование в чувашском языке – II / Г. Н. Семенова, А. М. Иванова // Вестник Чувашского университета. – 2013. – № 1. – С. 167–170.
145. Семенова, Г. Н. Структурно-семантические типы парных слов в чувашском языке / Г. Н. Семенова // Ашмаринские чтения: материалы межрегион. науч. конф., Чебоксары, 21–22 окт. 2004 г. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. – С. 379–388.

146. Семенова, Г. Н. Структурно-словообразовательная характеристика детерминативных именных композитов в чувашском языке / Г. Н. Семенова // Вестник Чувашского университета. – 2012. – № 1. – С. 250–257.
147. Сергеев, В. И. Морфологические категориальные и некатегориальные формы в современном чувашском языке / В. И. Сергеев. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2002. – 299 с.
148. Сергеев, В. И. Развитие лексической семантики чувашского языка: (Основные тенденции) / В. И. Сергеев. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1991. – 172 с.
149. Сергеев, Л. П. Детская лексика = Ача-пӑча пуплевӗн сӑмахӗсем: учеб. пособие / Л. П. Сергеев, И. Г. Яковлева. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2010. – 70 с.
150. Сергеев, Л. П. Диалектологический словарь чувашского языка / Л. П. Сергеев, В. В. Павлов, А. Д. Ахвандерова. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2006. – 160 с.
151. Сергеев, Л. П. Диалектологический словарь чувашского языка / Л. П. Сергеев. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1968. – 104 с.
152. Сергеев, Л. П. Основные особенности моргаушского говора (в чувашском языке) / Л. П. Сергеев // Материалы по чувашской диалектологии: сб. ст. Вып. 1 / Науч.-исслед. ин-т яз., лит., истории и экономики. – Чебоксары: Чувашгосиздат, 1960. – С. 145–174.
153. Сергеев, Л. П. Старочувашская письменность = Кивӗ чӑваш ӑрулӑхӗ: учеб. пособие / Л. П. Сергеев. – Чебоксары: Чуваш. ун-т, 1988. – 84 с.
154. Сергеев, Л. П. Чувашская диалектология = Чӑваш диалектологийӗ / Л. П. Сергеев. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2009. – 392 с.
155. Сетаров, Д. С. Именование животных: принципы и типы мотивации в славянских и тюркских языках: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Сетаров Джеват Садыкович. – М., 1992. – 46 с.
156. Сетаров, Д. С. Тюркизмы в русских названиях домашних животных / Д. С. Сетаров // Советская тюркология. – 1978. – № 1. – С. 38–54.
157. Сетаров, Д. С. Тюркизмы в русских названиях животного мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Сетаров Джеват Садыкович. – Алма-Ата, 1971. – 27 с.
158. Сидорова, Ю. Е. Textoобразующий потенциал зоонимов: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Сидорова Юлия Евгеньевна. – Ростов н/Д, 2011. – 192 с.
159. Скворцов, М. И. Русско-чувашский словарь: в 2 т. Ок. 32 500 слов / М. И. Скворцов. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2012.

160. Скикевич, Т. И. Формирование лексической группы наименований диких животных в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Скикевич Татьяна Ивановна. – Минск, 1988. – 15 с.
161. Словарь башкирских говоров: в 2 т. Т. 1. Восточный диалект / Н. Х. Максютлова, Н. Х. Ишбулатов; АН СССР, Уфим. ин-т истории, яз. и лит. – Уфа, 1967. – 300 с.
162. Словарь русских народных говоров. Вып. 1–43. – М.; Л.: Наука, СПб.: Наука, 1965–2010.
163. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 2 (В – Волога) / АН СССР, Ин-т рус. яз.; сост. Г. А. Богатова, Г. Я. Романова. – М.: Наука, 1975. – 320 с.
164. Солнцева, Н. В. Сопоставительный анализ зоонимов русского, французского и немецкого языков в этносемантическом аспекте: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Солнцева Наталья Владимировна. – Омск, 2004. – 220 с.
165. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / отв. ред. Э. Р. Тенишев. – М.: Наука, 1997. – 800 с.
166. Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы. Отделение первое, содержащее в себя европейские и азиатские языки. Часть вторая / П. С. Паллас. – СПб., 1789. – 496 с.
167. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: материалы к этимологическому словарю: в 2 т. / отв. ред. В. И. Цинциус. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1975–1977.
168. Старостенко, Н. А. Славянские народные термины, соотносимые с названиями животных: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.03 / Старостенко Надежда Александровна. – Минск, 1984. – 245 с.
169. Сыдыков, С. Монгольско-тюркские языковые параллели / С. Сыдыков. – Фрунзе: Илим, 1983. – 164 с.
170. Татар теленең зур диалектологик сүзлеге / Ф. С. Баязитова, Д. Б. Рамазанова, З. Р. Садыкова, Т. Х. Хайрутдинова. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2009. – 839 с.
171. Татарско-русский словарь: ок. 38 000 слов / Казан. ин-т яз., лит. и истории АН СССР. – М.: Сов. энциклопедия, 1966. – 864 с.
172. Тлехатук, С. Р. Зоонимы в русском и адыгейском языках: семантико-словообразовательный и лингвокультурологический аспекты: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01, 10.02.02 / Тлехатук Сусанна Руслановна. – Майкоп, 2001. – 169 с.

173. Токхожаева, О. Лексика фауны в казахском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.06 / Токхожаева Орынбике. – Алма-Ата, 1991. – 20 с.
174. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 2008. – 1175 с.
175. Томова, У. А. Наименование домашних животных и птиц в сказках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Томова Ульяна Александровна. – М., 2010. – 224 с.
176. Трубачев, О. Н. Происхождение названий домашних животных в славянских языках: (Этимол. исслед.) / О. Н. Трубачев. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 115 с.
177. Трубачев, О. Н. Происхождение названий домашних животных в славянских языках / О. Н. Трубачев // Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т. 3. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. – С. 291–387.
178. Устуньер, И. Зооморфная метафора, характеризующая человека, в русском и турецком языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Устуньер Ильяс. – Екатеринбург, 2004. – 172 с.
179. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер. – М.: Прогресс, 1964–1973.
180. Федотов, М. Р. Об арабских и персидских заимствованиях в чувашском языке (Лексико-семантический обзор и словарь) / М. Р. Федотов // Вопросы чувашского языкознания и литературоведения. – Чебоксары: НИИ яз., лит., истории и экономики, 1963. – С. 89–124.
181. Федотов, М. Р. Сравнительная грамматика тюркских языков: учеб. пособие / М. Р. Федотов. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1975. – 220 с.
182. Федотов, М. Р. Чувашский язык в семье алтайских языков. Ч. III / М. Р. Федотов. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1986. – 128 с.
183. Федотов, М. Р. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи / М. Р. Федотов; под ред. И. С. Галкина. – Саранск: Изд-во Сарат. ун-та. Саран. фил., 1990. – 336 с.
184. Федотов, М. Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. / М. Р. Федотов. – Чебоксары: ЧГИГН, 1996.
185. Фомин, Э. В. Ретроспективный толковый словарь чувашского языка / Э. В. Фомин, А. М. Иванова. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2009. – 146 с.
186. Хабибуллина, З. А. Древнетюркские названия животного мира в современном башкирском языке: моногр. / З. А. Хабибуллина. – Уфа: Изд-во Башк. гос. пед. ун-та, 2008. – 152 с.

187. Ходова, К. И. Языковое родство славянских народов (на материале словаря) / К. И. Ходова. – М.: Учпедгиз, 1960. – 68 с.
188. Цельникер, С. С. Некоторые дополнения к этимологии русск. барсук / С. С. Цельникер // Этимология. Исследования по русскому языку и другим языкам. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 120–123.
189. Цинциус, В. И. Проблемы сравнительно-исторического изучения лексики алтайских языков / В. И. Цинциус // Исследования в области этимологии алтайских языков / АН СССР, Ин-т языкознания. – Л.: Наука, 1979. – С. 3–17.
190. Чуваши: история и культура: в 2 т. / отв. ред. В. П. Иванов. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009.
191. Чувашская энциклопедия [Электронный ресурс] / ЧГИГН; Чуваш. кн. изд-во. – Электрон. энциклопедия. – Чебоксары: ЧГИГН, Чуваш. кн. изд-во, 2009. – Режим доступа: <http://enc.cap.ru>.
192. Чувашско-русский словарь: ок. 25 000 слов / сост. И. А. Андреев [и др.]; под ред. М. Я. Сироткина. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1961. – 630 с.
193. Чувашско-русский словарь: ок. 40 000 слов / сост. И. А. Андреев [и др.]; под ред. М. И. Скворцова. – М.: Рус. яз., 1982. – 712 с.
194. Шаваева, Ш. А. Зоонимическая лексика карачаево-балкарского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Шаваева Шура Алиевна. – Нальчик, 2009. – 180 с.
195. Шанский, Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. – М.: Просвещение, 1971. – 541 с.
196. Шанский, Н. М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. Вып. 3. «В» / Н. М. Шанский, В. В. Виноградов, О. С. Ахманова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968. – 284 с.
197. Шведчикова, Т. В. Способы выражения пола в наименованиях животных в русском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Шведчикова Тамара Витальевна. – М., 1998. – 176 с.
198. Шипова, Е. Н. Словарь тюркизмов в русском языке / Е. Н. Шипова. – Алма-Ата: Наука, 1976. – 444 с.
199. Широглазова, Н. С. Особенности зоонимной лексики в удмуртском языке / Н. С. Широглазова // Современные вопросы языкознания и переводоведения. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2014. – С. 44–48.

200. Щербак, А. М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках / А. М. Щербак // Историческое развитие лексики тюркских языков / Ин-т языкознания АН СССР. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 82–172.
201. Щербак, А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков / А. М. Щербак; отв. ред. А. Н. Кононов; Ин-т языкознания АН СССР. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1970. – 204 с.
202. Эбзеева, Ф. П. Карачаево-балкарская зоонимия: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.02 / Эбзеева Фатимат Пахаратовна. – Махачкала, 2013. – 319 с.
203. Энтип (Антипов В. И.) Лесной словарь = Върман словарь: Русско-чувацкий словарь слов и терминов, связанных с лесом и лесным хозяйством / Энтип (В. И. Антипов); Гос. ком. Чуваш. Респ. по лесному хоз-ву, Акад. чуваш. духовности. – Чебоксары: Чувашия, 1998. – 209 с.
204. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. I–XXXVII / под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева. – М.: Наука, 1974–2011.
205. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С». – М.: Восточная литература РАН, 2003. – 446 с.
206. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы "К", "Қ" / Л. С. Левитская, А. В. Дыбо, В. И. Рассадин; РАН, Ин-т языкознания. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 368 с.
207. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву "Қ" / Л. С. Левитская, А. В. Дыбо, В. И. Рассадин. – М.: Индрик, 2000. – 265 с.
208. Юналеева, Р. А. Тюркизмы русского языка (проблемы полиаспектного исследования) / Р. А. Юналеева. – Казань: Таглитат, 2000. – 135 с.
209. Baitschura, U. Рец. на кн.: Gordeev F.I. Etymologičeskij slovař marijskogo jazyka. Jořkar-Ola, 1979 / U. Baitschura // FUM. – 1985. – Bd. 9. – S. 173–186.
210. Bang, W. Über die türkischen Namen einiger Grosskatzen / W. Bang. – KSz, 1917. – Vol. 17. – S. 112–146.
211. Bang, W. Aus dem Leben der Türksprachen. Zum Namen des Fuchses / W. Bang // Festschrift F. Hirth. – Berlin, 1920. – S. 30–31.
212. Bang, W. Turkologische Briefe aus dem Berliner Ungarischen Institut / W. Bang // Ungarische Jahrbücher. – 1926. – Band 6. – S. 109.
213. Bang, W. Vom Köktürkischen zum Osmanischen. 2 / W. Bang // APAW. – 1919. – № 5. – S. 42.

214. Clauson, G. *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish*. – Oxford: Clarendon Press, 1972. – 988 p.
215. Doerfer, G. *Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen. Band I–IV* / G. Doerfer. – Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GmbH, 1963–1975.
216. Eren, H. Remarks on V.G. Egorov's etymological dictionary of Chuvash language / H. Eren, A. Róna-Tas // *Studies of Chuvash etymology I*. – Szeged, 1982. – P. 20–65.
217. Gabain, A. *Alttürkische Grammatik* / A. Gabain. – Leipzig, 1950. – 372 s.
218. Gombocz, Z. *Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache* / Z. Gombocz. – Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1912. – 252 s.
219. Harva, U. *Die religiösen Vorstellungen der altaischen Völker* / U. Harva. – Helsinki, 1938. – S. 5–634.
220. Joki, A. J. *Die Lehnwörter des Sajan-Samojedischen* / A. J. Joki // *MSFOu*. 103. – Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 1952. – S. 108–109, 290–291.
221. Joki, A. J. *Indochinesische Lehnwörter im Samojedischen* / A. J. Joki // *FUF*. 29. – 1946. – S. 202–221.
222. Kononov, A. N. *Isimlerin ve sıfatların köçültme şekilleri ve söz yapımı* / A. N. Kononov // *TDAY Belleten*. 1968. – Ankara, 1969. – S. 81–88.
223. Ligeti, L. *A propos des éléments «altaïques» de la langue hongroise* / L. Ligeti // *Acta linguistica Hung.* 11. – Budapest, 1961. – S. 35–37.
224. Móór, E. *Egy IX–X századi magyar hangváltozás* / E. Móór // *MNy*. – 1951. – № 47. – S. 268–270.
225. Munkácsi, B. *Árja és kaukázusi elemek a finn-magyar nyelvekben. Köt. I. Magyar szójegyzék* / B. Munkácsi. – Budapest, 1901. – O. 597.
226. Munkácsi, B. *Magyar műveltségi szók kaukázusi nyelvekben* // *NyK*. – 1893. – № 23. – O. 119–120.
227. Németh, J. *Probleme der türkischer Urzeit: Bibliotheca Orientalis Hungarica. V* / J. Németh. – Budapestini, 1924. – S. 57–102.
228. Osgood, C. E. *The nature and measurement of meaning* / C. E. Osgood // *Psychological Bulletin*. – 1952. – Vol 49. – № 3 – P. 197–237.
229. Palló, M. K. *Die Vertretung ung. sz- (s) < türk. j- in den alten türkischen Lehnwörtern der ungarischen Sprache* / M. K. Palló // *UJb*. – 1961. – T. 33. – № 1–2. – S. 131–132.

230. Pedersen, H. Armenisch und die Nachbarsprachen. Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen. B. XXXIX / H. Pedersen // Neue Folge. B. XIX. – Gütersloh, 1906. – 455 s.
231. Poppe, N. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen. Teil 1: Vergleichende Lautlehre / N. Poppe. – Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1960. – S. 4–5, 47, 80.
232. Pritsak, O. Die bulgarische Fürstenliste und die Sprache der Protobulgaren / O. Pritsak. – Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1955. – 104 s.
233. Ramstedt, G. J. Kalmückisches Wörterbuch / G. J. Ramstedt. – Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1976. – 560 s.
234. Ramstedt, G. J. Studies in Korean etymology / G. J. Ramstedt // MSFOu. 95. – Helsinki, 1949. – 292 s.
235. Räsänen, M. Die Tatarischen Lehnwörter im Tscheremissischen / M. Räsänen. – Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 1923. – 97 s.
236. Räsänen, M. Die Tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen / M. Räsänen. – Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 1920. – 274 s.
237. Räsänen, M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen / M. Räsänen. – Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1969. – 533 s.
238. Róna-Tas, A. Epigraphica Bulgarica: A Volgai Bolgar – török feliratok / A. Róna-Tas, S. Fodor. – Szeged: Universitas Szegediensis de Attila József nominata, 1973. – 192 s.
239. Róna-Tas, A. Tocharische Elemente in den altaische Sprachen? / A. Róna-Tas // Sprache, Geschichte und Kultur der altaischen Völker. – Berlin, 1974. – S. 499–504.
240. Starostin, S. A. Etymological Dictionary of the Altaic Languages. 3 Vol. / S. A. Starostin, A. V. Dybo, O. A. Mudrak. – Leiden; Boston: Brill Academic Pub., 2003. – 2106 p.
241. Vámbéry, H. Die primitive Culture des turkotatarischen Volkes auf Grund sprachlicher Forschungen / H. Vámbéry. – Leipzig: Druck von F.A. Brockhaus, 1879. – 276 s.
242. Vámbéry, H. Etymologisches Wörterbuch der turko-tatarischen Sprachen / H. Vámbéry. – Leipzig: Druck von F.A. Brockhaus, 1878. – 228 s.
243. Wichmann, Y. Die Tschuwassischen Lehnwörter in den permischen sprachen / Y. Wichmann. – Helsingfors: Druckerei der finnischen litteraturgesellschaft, 1903. – 172 s.

Художественная литература и источники

244. Агаков, Л. Я. Салтаксем / Л. Я. Агаков. – Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1975. – 384 с.
245. Агивер, Х. Икĕ аркăллă кĕпе / Х. Агивер. – Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1984. – 192 с.
246. Алентей, В. С. Виçĕ ывăлпа виçĕ хĕр / В. С. Алентей. – Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1988. – 384 с.
247. Алентей, В. С. Йăмрасем çаплах кашлаççĕ / В. С. Алентей. – Шупашкар: Чăвашиздат, 1965. – 212 с.
248. Алентей, В. С. Салтак çулĕ / В. С. Алентей. – Шупашкар: Чăваш АССР кĕнеке изд-ви, 1969. – 33 с.
249. Алка, А. Е. Ытарайми тăван тавралăх / А. Е. Алка. – Шупашкар: Чăваш АССР кĕнеке изд-ви, 1971. – 128 с.
250. Андреев, Ф. А. Чĕмпĕр çути / Ф. А. Андреев. – Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1980. – 200 с.
251. Артемьев, А. С. Çунатлă суралнисем / А. С. Артемьев. – Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1965. – 268 с.
252. Артемьев, А. С. Тăвăл умĕн / А. С. Артемьев. – Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1975. – 272 с.
253. Ахун, В. Сăваплă туртăм / В. Ахун. – Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1990. – 239 с.
254. Белов, М. Аксусем / М. Белов. – Шупашкар: Чăваш АССР кĕнеке изд-ви, 1965. – 116 с.
255. Волошина, Э. М. Çамрăксен пурнăç саккунĕ / Э. М. Волошина. – Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1964. – 60 с.
256. Воробьев, А. А. Çунатлă туйăм / А. А. Воробьев. – Шупашкар: Чăваш АССР кĕнеке изд-ви, 1963. – 80 с.
257. Вутлан, И. Д. Асамат кĕперĕ / И. Д. Вутлан. – Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1982. – 192 с.
258. Гордеев, Д. В. Тĕрленĕ кĕпе / Д. В. Гордеев. – Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1983. – 200 с.

259. Гордеев, Д. В. Куккуклă сехет / Д. В. Гордеев. – Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1988. – 352 с.
260. Емельянов, А. В. Çавал сарăлсан / А. В. Емельянов. – Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1966. – 296 с.
261. Емельянов, А. В. Кĕмĕл çил / А. В. Емельянов. – Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1985. – 464 с.
262. Емельянов, А. В. Хура кăрăç / А. В. Емельянов. – Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1981. – 424 с.
263. Емельянов, А. В. Чапшăн пурăнмастпăр / А. В. Емельянов. – Шупашкар: Чăваш АССР кĕнеке изд-ви, 1971. – 206 с.
264. Енĕш, В. Çулçă айĕнчи сырла / В. Енĕш. – Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1986. – 256 с.
265. Ефимов, Г. А. Юрлакан хунавсем / Г. А. Ефимов. – Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1981. – 148 с.
266. Железкова, А. С. Шуршăл ачи / А. С. Железкова, К. И. Семенова. – Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1964. – 284 с.
267. Иванов-Паймен, В. З. Аттесен палăкĕ / В. З. Иванов-Паймен. – Шупашкар: Чăваш АССР кĕнеке изд-ви, 1968. – 296 с.
268. Игнатъев, А. В. Пурнăçланă ĕмĕт / А. В. Игнатъев. – Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1978. – 80 с.
269. Игнатъев, В. Г. Маттур иккен ман аппа / В. Г. Игнатъев. – Шупашкар: Чăвашиздат, 1966. – 184 с.
270. Канюков, В. Я. Ача-пăча сăмахлăхĕ / В. Я. Канюков. – Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1964. – 236 с.
271. Каховский, В. Ф. Чăвашсем: историллĕ-этнографиллĕ очерксем / В. Ф. Каховский. – Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1984. – 192 с.
272. Кипек, М. Кайăк тусĕ / М. Кипек. – Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1962. – 344 с.
273. Краснов, Г. В. Çитетпĕр хĕрĕхе – иртетпĕр хĕрĕхрен / Г. В. Краснов. – Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1985. – 334 с.
274. Краснов, Г. В. Ёмĕр тикĕс килмест / Г. В. Краснов. – Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1979. – 445 с.

275. Краснов, Г. И. Асамат ҫинчен хунă юрă / Г. И. Краснов. – Шупашкар: Чăваш АССР гос-во изд-ви, 1956. – 59 с.
276. Луч, Г. В. Авăнмасăр, вай хумасăр / Г. В. Луч. – Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1986. – 94 с.
277. Мартынов, Н. Миҫе арăм-ши Иван Иванчăн? / Н. Мартынов // Капкăн. – 1972. – № 17. – С. 10.
278. Мранькка, Н. Ф. Ёмёр сакки сарлака. 1-мĕш кĕнеке / Н. Ф. Мранькка. – Шупашкар: Чăваш АССР гос-во изд-ви, 1959. – 412 с.
279. НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н. В. Никольского. Ед. хр. 184. Инв. № 5207–5224.
280. НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н. В. Никольского. Ед. хр. 252. Инв. № 5921–5925.
281. НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н. В. Никольского. Ед. хр. 269. Инв. № 5984.
282. НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н. В. Никольского. Ед. хр. 274. Инв. № 6000–6003.
283. НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н. В. Никольского. Ед. хр. 326. Инв. № 6258–6263.
284. НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н. В. Никольского. Ед. хр. 327. Инв. № 6264–6273.
285. НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н. И. Ашмарина. Ед. хр. 24. Инв. № 2033–2247. Л. 581–582.
286. НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н. В. Никольского. Ед. хр. 179. Инв. № 5131–5153.
287. НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н. В. Никольского. Ед. хр. 247. Инв. № 5890–5897.
288. НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н. В. Никольского. Ед. хр. 174. Инв. № 4996–5031.
289. НА ЧГИГН. Отд. III. Фонд Н. В. Ытара (Васильева). Ед. хр. 311. Т. 1–6.
290. НА ЧГИГН. Отд. IV. Ед. хр. 421 (985). Инв. № 4329. Л. П. Сергеев. Лингвистический атлас Европы. Чувашский язык. Т. I. Чебоксары, 1979.
291. НА ЧГИГН. Отд. IV. Ед. хр. 556. Инв. № 4518. 95 л. Н. А. Андреев. Словарь по животноводству.
292. Осипова, Е. Б. Ăшă ҫумăр / Е. Б. Осипова. – Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1986. – 128 с.
293. Петёркки, Т. Кушкă ачи / Т. Петёркки. – Шупашкар: Чăваш АССР кĕнеке изд-ви, 1971. – 168 с.
294. Петров, В. П. Инкеклĕ сунар / В. П. Петров. – Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1987. – 176 с.
295. Петров, В. П. Кĕрхи тăман / В. П. Петров. – Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1982. – 176 с.

296. Рогожин, В. Комбината кискретеке майра / В. Рогожин // Капкан. – 1963. – № 14. – С. 4.
297. Сатай, В. Л. Җалтәрсем тапәра анаҗҗә / В. Л. Сатай. – Шупашкар: Чăваш АССР кёнеке изд-ви, 1968. – 228 с.
298. Сатай, В. Л. Туссем каллех пёрле / В. Л. Сатай. – Шупашкар: Чăваш АССР гос-во изд-ви, 1962. – 200 с.
299. Силэм, Ю. А. Пылпа җакәр / Ю. А. Силэм. – Шупашкар: Чăваш кёнеке изд-ви, 1989. – 160 с.
300. Скворцов, Ю. И. Сăваплă вут / Ю. И. Скворцов. – Шупашкар: Чăваш кёнеке изд-ви, 1982. – 271 с.
301. Тимаков, В. Кётнә кылканә / В. Тимаков. – Шупашкар: Чăваш кёнеке изд-ви, 1984. – 64 с.
302. Турхан, К. С. Сёве Атала юкса кёрет. 3-мёш кёнеке / К. С. Турхан. – Шупашкар: Чăваш кёнеке изд-ви, 1976. – 384 с.
303. Ухли, В. В. Шуркелсем / В. В. Ухли. – Шупашкар: Чăваш кёнеке изд-ви, 1984. – 384 с.
304. Ухсай, М. Д. Комедисем / М. Д. Ухсай. – Шупашкар: Чăваш АССР кёнеке изд-ви, 1963. – 184 с.
305. Ухсай, Я. Г. Акăшкўл / Я. Г. Ухсай. – Шупашкар: Чăвашгосиздат, 1955. – 236 с.
306. Ухсай, Я. Г. Вут чёлхе / Я. Г. Ухсай. – Шупашкар: Чăвашгосиздат, 1940. – 231 с.
307. Уяр, Хв. Җул кёнеки / Хв. Уяр. – Шупашкар: Чăваш кёнеке изд-ви, 1978. – 270 с.
308. Уяр, Хв. Кёрхи җумәр / Хв. Уяр. – Чебоксары: Чăваш кёнеке изд-ви, 1984. – 256 с.
309. Уяр, Хв. Пёр сăмах / Хв. Уяр. – Шупашкар: Чăваш АССР кёнеке изд-ви, 1968. – 148 с.
310. Уяр, Хв. Таната / Хв. Уяр. – Шупашкар: Чăваш АССР кёнеке изд-ви, 1964. – 372 с.
311. Хусанкай, П. Аптраман тавраш / П. Хусанкай. – Шупашкар: Чăваш АССР гос-во изд-ви, 1957. – 312 с.
312. Хусанкай, П. Савни / П. Хусанкай. – Шупашкар: Чăваш кёнеке изд-ви, 1963. – 279 с.
313. Хусанкай, П. Суйласа илнисем. 2 том. Поэмăсем / П. Хусанкай. – Шупашкар: Чăваш АССР кёнеке изд-ви, 1970. – 408 с.

314. Чăваш халăх пултарулăхĕ. Ваттисен сăмахĕсем / О. Н. Терентьева пухса хат. – Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2007. – 493 с.
315. Чăваш халăх пултарулăхĕ. Истори халапĕсем / О. Н. Терентьева, О. Н. Ефимова, Т. И. Семенова пухса хат. – Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2007. – 462 с.
316. Чăваш халăх пултарулăхĕ. Мифсем, легендăсем, халапсем / О. Н. Терентьева пухса хат. – Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2004. – 567 с.
317. Чăваш халăх пултарулăхĕ. Нараста юмахĕсем / Н. Г. Ильина пухса хат. – Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2012. – 400 с.
318. Чăваш халăх пултарулăхĕ. Янавар юмахĕсем / Н. Г. Ильина пухса хат. – Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2011. – 349 с.
319. Чăваш халах сăмахлахĕ: 6 т. / отв. ред. Г. Ф. Юмарт. – Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1975–1985. – 4 том. Юрăсем. 480 с.; 5 том. Вак жанрсем. 352 с.; 6 том. I пайĕ. Ача-пăча сăмахлахĕ. 304 с.
320. Чебоксаров, В. И. Пилĕк минут / В. И. Чебоксаров; ред. В. О. Максимов. – Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1987. – 174 с.
321. Чебоксаров, В. И. Утăм хыççан утăм / В. И. Чебоксаров. – Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1979. – 288 с.
322. Шавлы, С. Поэт сасси / С. Шавлы. – Шупашкар: ЧАССР гос-во изд-ви, 1943. – 56 с.
323. Шавлы, С. Пурнăç каçалăкĕ / С. Шавлы. – Шупашкар: Чăваш АССР кĕнеке изд-ви, 1969. – 95 с.
324. Шавлы, С. Хăват / С. Шавлы. – Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1974. – 94 с.
325. Шалаев, В. Ф. Зоологи: 7-мĕш класс валли / В. Ф. Шалаев, Н. А. Рыков; Н. А. Андреев куçарнă. – 3-мĕш изд. – Шупашкар, 1959. – С. 161.
326. Эсхель, А. Çĕнĕ çулхи çăраçси / А. Эсхель // Капкăн. – 1974. – № 24. – С. 5.
327. Юхма, М. Кăвак çĕмрен / М. Юхма. – Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1971. – 208 с.
328. Юхма, М. Оксана / М. Юхма. – Шупашкар: Чăваш АССР гос-во изд-ви, 1962. – 33 с.

Анкета для проведения ассоциативного эксперимента

ОПРЕДЕЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО КОМПОНЕНТА СЕМАНТИКИ
НАЗВАНИЙ ЖИВОТНЫХ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

Ф.И.О. респондента _____

проживающего по адресу: _____

Задание 1. 1) Напишите первое слово (на русском языке), которое приходит на ум, когда Вы слышите русское *лиса* _____

2) Чăваш чĕлхинчи *тилĕ* сăмаха илтсен, Эсир мĕнле сăмаха (чăваш чĕлхинчен) аса илеттĕр, çавна сьрса кăтартăр _____

3) Напишите первое имя прилагательное, которое приходит на ум, когда Вы слышите русское слово *лиса* _____

4) Чăваш чĕлхинчи *тилĕ* сăмаха илтсен, Эсир малтан мĕнле паллă ятне (первое имя прилагательное) аса илеттĕр, çавна сьрса кăтартăр _____

Задание 2. Аялта сьрнă сăмахсене вуласан сирĕн мĕнле ассоциации суралать, çавна ытти сăмахсемпе тата сăмах майлашĕвĕсемпе палăртса сьрмалла. Ёсĕ питĕ хăвăрт тумалла. Сирĕн ёсĕ никам та хак памасть, анчах сирĕн ёс чĕлхеçĕсене тĕрлĕ сĕртре (Интернет, реклама, словарь асталанă ёс) усă курма май парать. Кунта эсир тĕрлĕ вариантсем, литература тĕслĕхĕсемпе пĕрлех выранти калаçура (диалект) усă куракан вариантсем пулсан сирĕн хурав тата та вайлăрах пулат.

Назовите ассоциации на чувашском языке, которые у Вас возникают в связи с приведёнными ниже названиями животных. Опишите эти ассоциации (другими словами или словосочетаниями). Работу надо выполнить очень быстро. Ваша работа не оценивается, однако она дает возможность языковедам использовать ее в различных сферах (интернет, реклама, словари). Нам важно узнать Ваши ассоциации.

Список слов-стимулов

● выльăх (скот, скотина)
<i>Япала ячĕ</i> (имя существительное)
<i>Паллă ячĕ</i> (имя прилагательное)
<i>Сăмах майлашĕвĕсемпе метафорăсем</i> (словосочетания и метафоры)
● вăкăр (бык)
● качака (коза)
● кушак (кошка)
● упа (медведь)
● кашкăр (волк)
● арлан (хомяк)

• упӑте (обезьяна)

Задание 3. Перечислите, пожалуйста, все слова русского языка, которые Вам приходят на ум, когда Вы слышите слово «животное» _____

Задание 4. Пополните синонимический ряд, дополнив названиями домашних и диких животных на чувашском языке, выражающих положительные и отрицательные эмоции человека (названия могут повторяться):

- 1) «человек бессовестный»: йыт ами, _____
- 2) «человек легкомысленный, несерьезный»: _____
- 3) «человек неаккуратный, неряшливый»: _____
- 4) «человек красивый, стройный»: _____
- 5) «человек слабый»: _____

Задание 5. Чӑрчунпа ҫыхӑнӑ чӑвашла ваттисен сӑмахӑ е каларӑш тупса ҫырма тӑрӑшӑр. Постарайтесь дописать пословицы или поговорки на чувашском языке, связанные с названием животного.

Йытӑ (собака)

Йытӑ мӑнтӑр та, ҫиме юрамасть. Йытӑ йытта паллат.

Упа (медведь)

Упа ватнӑ ҫын купаран та хӑранӑ. Вӑрентсен упа та таиш вӑренет.

Кушак (кот, кошка)

Кушак сӗт курать те, тутти вӑрӑм мар. Чее кушак кайӑка та лектерет.

Шӑши (мышь)

Шӑши пысӑк мар та, шӑлӑ вӑрӑм. Шӑширен хӑрасан тырӑ акса тӑвас мар.

Задание 6. Переведите, пожалуйста, предложения, выделенные курсивом, с чувашского на русский язык:

Анчӑк! Калта! Вӑрентем эп сана!.. (Л. Агаков)

Чӑнмен хӑна курпун тӑверен те усал тесе ахаль каламан (Г. Краснов).

Переведите, пожалуйста, предложение, выделенное курсивом, с русского на чувашский язык:

Я вижу сильного коня (С. Городецкий). _____

Задание 7. Небольшая инструкция. На основе Вашего мироощущения нужно оценить, какое место в данной таблице занимает название животного. Название *пӑру* «теленка». Первый признак, указанный в таблице, «христианское верование – языческое верование». По моим личным ассоциациям (ощущениям), название *пӑру* «теленка» связано с христианским верованием. И я в левой части таблицы (колонки 3, 2, 1) должна выбрать цифру, характеризующую проявление признака христианское верование у названия *пӑру*. В моем сознании закрепилось название этого животного как абсолютно соответствующее христианскому верованию. И я в левой части таблицы отмечаю клетку с цифрой 3, самую близкую к понятию христианское верование.

	3	2	1	0	-1	-2	-3	
Христианское верование	x							Языческое верование

В вашем восприятии может быть совсем по-другому. К примеру, название *пӑру* у Вас больше воспринимается как отражение языческого верования, тогда Вам следует работать с правой частью таблицы: отметить клетку с цифрой -3 (если признак языческое верование в вашем сознании с названием *пӑру* полностью ассоциируется, тесно связывается), -2 (если признак языческое верование у названия *пӑру* проявляется сильно, но при этом нет абсолютной ассоциации), -1 (если признак языческое верование в вашем сознании с названием *пӑру* связывается слабо). Если же название *пӑру*, на Ваш взгляд, вообще не вызывает эмоций, связанных ни с христианским, ни с языческим верованием, тогда следует отметить цифру 0.

Следующий признак, следующая строка. Нужно определить, как соотносится название *пӑру* «теленка» с признаком «вера-суеверие». На мой взгляд, название *пӑру* ассоциируется с верой, но этот признак в моем сознании проявляется слабо, поэтому я отмечаю клеточку с цифрой 1.

	3	2	1	0	-1	-2	-3	
Вера			x					Суеверие

Далее перехожу на следующую строку, оцениваю эмоции, связанные с признаком удача – нечистая сила. И так далее.

(Шкала Ч. Осгуда)

Пӑру «теленка», **Рыс** «рысь», **Сысна** «свинья», **Сурӑх** «овца», **Чӑрӑп** «ёж», **Ашак** «осёл»

Признак /Оценка	3	2	1	0	-1	-2	-3	
Христианское верование								Языческое верование
Вера								Суеверие
Удача								Нечистая сила
Красивый								Отталкивающий
Добрый								Злой
Светлый								Тёмный
Грубый								Нежный
Величественный								Низменный
Мужественный								Женственный
Большой								Маленький
Весёлый								Грустный
Лёгкий								Тяжёлый
Чистый								Грязный
Горячий								Холодный
Твёрдый								Мягкий
Старый								Молодой
Быстрый								Медленный
Противный								Приятный
Активный								Пассивный
Смирный								Буйный

Сак ёҫе хутиҫӳннӳшӳн пысӳк тав! Спасибо огромное за участие!

ОПРЕДЕЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО КОМПОНЕНТА СЕМАНТИКИ НАЗВАНИЙ ЖИВОТНЫХ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

Ф.И.О. респондента _____
проживающего по адресу: _____

Задание 1. 1) Напишите первое слово (на русском языке), которое приходит на ум, когда Вы слышите русское *кошка* _____

2) Чăваш чĕлхинчи *кушак* сăмаха илтсен, Эсир мĕнле сăмаха (чăваш чĕлхинчен) аса илеттĕр, çавна сырсă кăтартăр _____

3) Напишите первое имя прилагательное, которое приходит на ум, когда Вы слышите русское слово *кошка* _____

4) Чăваш чĕлхинчи *кушак* сăмаха илтсен, Эсир малтан мĕнле паллă ятне (первое имя прилагательное) аса илеттĕр, çавна сырсă кăтартăр _____

Задание 2. Аялта сырнă сăмахсене вуласан сирĕн мĕнле ассоциаци суралать, çавна ытти сăмахсемпе тата сăмах майлашĕвĕсемпе палăртса сырмалла. Ёҫе питĕ хăвăрт тумалла. Сирĕн ёҫе никам та хак памасть, анчах сирĕн ёҫ чĕлхеҫĕсене тĕрлĕ ҫĕртре (Интернет, реклама, словарь аҫаланă ёҫ) уҫă курма май парать. Кунта эсир тĕрлĕ вариантсем, литература тĕслĕхĕсемпе пĕрлех выранти калаҫура (диалект) уҫă куракан вариантсем пулсан сирĕн хурав тата та вайлăрах пулать.

Назовите ассоциации на чувашском языке, которые у Вас возникают в связи с приведёнными ниже названиями животных. Опишите эти ассоциации (другими словами или словосочетаниями). Работу надо выполнить очень быстро. Ваша работа не оценивается, однако она дает возможность лингвистам использовать ее в различных сферах (интернет, реклама, словари). Нам важно узнать Ваши ассоциации.

Список слов-стимулов

● кайăк (дикое животное; зверь вообще).
<i>Япала ячĕ</i> (имя существительное)
<i>Паллă ячĕ</i> (имя прилагательное)
<i>Сăмах майлашĕвĕсемпе метафорăсем</i> (словосочетания и метафоры)
● ёне (корова)
● лаша (лошадь)
● йытă (собака)
● шăши (мышь)
● тилĕ (лиса)
● мулкач (заяц)
● арăслан (лев)

• тёве (верблюд)

Задание 3. Перечислите, пожалуйста, все слова русского языка, которые Вам приходят на ум, когда Вы слышите слово «зверь» _____

Задание 4. Пополните синонимический ряд, дополнив названиями домашних и диких животных на чувашском языке, выражающих положительные и отрицательные эмоции человека (названия могут повторяться):

- 1) «человек хитрый»: чее кушак, _____
- 2) «человек жадный»: _____
- 3) «человек глупый, недалекий»: _____
- 4) «человек опасный, злой»: тискер кайăк, хаяр йытă, _____
- 5) «человек сильный»: вăкăр вайлă çын, _____

Задание 5. Чёрчунпа ҫыхăннă чăвашла ваттисен сăмахĕ е каларăш тупса ҫырма тăрăшăр. Постарайтесь дописать пословицы или поговорки на чувашском языке, связанные с названием животного.

Ёне (корова)

Ёне анчах пĕр апата икĕ хут кавлет. Ёне пулсан сĕт пулĕ, сĕт пулсан ҫу та пулĕ.

Какака (коза)

Какакана купăста ҫитмен, пуна прихут ҫитмен. Какака сутнă чух васкама хушман.

Каиккăр (волк)

Аманнă каиккăр хытăрах ҫыртать. Каиккăр та сурăхшын куҫсۇль юхтарнă тет.

Шăши (мышь)

Шăши пысăк мар та, шăлĕ вăрăм. Шăширен хăрасан тырă акса тăвас мар.

Задание 6. Переведите, пожалуйста, предложения, выделенные курсивом, с чувашского на русский язык:

Капан айĕнчен юс пăхать (Халăх сăм.). _____

Чĕнмен хăна курпун тĕверен те усал тесе ахаль каламан (Г. Краснов). _____

Переведите, пожалуйста, предложения, выделенные курсивом, с русского на чувашский язык:

Мышь одолевает – перед голодом; мыши из дому выбираются – перед пожаром (В. Даль). _____

Задание 7. Небольшая инструкция. На основе Вашего мироощущения нужно оценить, какое место в данной таблице занимает название животного. Название *ёне* «корова». Первый признак, указанный в таблице, «христианское верование – языческое верование». По моим личным ассоциациям (ощущениям), название *ёне* «корова» связано с христианским верованием. И я в левой части таблицы (колонки 3, 2, 1) должна выбрать цифру, характеризующую проявление признака христианское верование у названия *ёне*. В моем сознании закрепилось название этого животного как абсолютно соответствующее христианскому верованию. И я в левой части таблицы отмечаю клетку с цифрой 3, самую близкую к понятию христианское верование.

	3	2	1	0	-1	-2	-3	
Христианское верование	x							Языческое верование

В вашем восприятии может быть совсем по-другому. К примеру, название *ёне* у Вас больше воспринимается как отражение языческого верования, тогда Вам следует работать с правой частью таблицы: отметить клетку с цифрой -3 (если признак языческое верование в вашем сознании с названием *ёне* полностью ассоциируется, тесно связывается), -2 (если признак языческое верование у названия *ёне* проявляется сильно, но при этом нет абсолютной ассоциации), -1 (если признак языческое верование в вашем сознании с названием *ёне* связывается слабо). Если же название *ёне*, на Ваш взгляд, вообще не вызывает эмоций, связанных ни с христианским, ни с языческим верованием, тогда следует отметить цифру 0.

Следующий признак, следующая строка. Нужно определить, как соотносится название *ёне* «корова» с признаком «вера-суеверие». На мой взгляд, название *ёне* ассоциируется с верой, но этот признак в моем сознании проявляется слабо, поэтому я отмечаю клеточку с цифрой 1.

	3	2	1	0	-1	-2	-3	
Вера			x					Суеверие

Далее перехожу на следующую строку, оцениваю эмоции, связанные с признаком удача – нечистая сила. И так далее.

(Шкала Ч. Осгуда)

Ёне «корова», **кушак** «кошка», **упа** «медведь», **мулкач** «заяц», **арёслан** «лев», **упате** «обезьяна»

Признак /Оценка	3	2	1	0	-1	-2	-3	
Христианское верование								Языческое верование
Вера								Суеверие
Удача								Нечистая сила
Красивый								Отталкивающий
Добрый								Злой
Светлый								Тёмный
Грубый								Нежный
Величественный								Низменный
Мужественный								Женственный
Большой								Маленький
Весёлый								Грустный
Лёгкий								Тяжёлый
Чистый								Грязный
Горячий								Холодный
Твёрдый								Мягкий
Старый								Молодой
Быстрый								Медленный
Противный								Приятный
Активный								Пассивный
Смирный								Буйный

Çак ёҫе хутиһанһайһан пыҫак тав! Спасибо огромное за участие!